

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (11)

2015

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:

Р.С. Хакимов — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)

Х.А. Амирханов — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)

И. Бальдауф — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)

П. Георгиев — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)

Е.П. Казаков — доктор исторических наук (Казань, Россия)

Н.Н. Крадин — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)

А. Тюрк — PhD (Будапешт, Венгрия)

И. Фодор — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)

В.Л. Янин — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых — кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев — доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

Б.Л. Хамидуллин — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2015

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2015

© Журнал «Поволжская археология», 2015

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2015

© Mari State University, 2015

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Флёров В.С.</i> Цимлянский комплекс хазарского времени на Нижнем Дону.....	4
<i>Токаренко С.Ф., Ребров А.Ю.</i> Технология изготовления строительной керамики в Хазарском каганате.....	40
<i>Расторопов А.В.</i> Вопросы ранней этнической истории венгров-мадьяр.....	70
<i>Христова М.</i> Керамика из биритуальных могильников Нижнего Дуная и вопросы ее хронологии.....	91
<i>Пономаренко Е.В., Пономаренко Д.С., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф.</i> Подходы к реконструкции динамики заселения территории по почвенным признакам.....	126
<i>Семькин Ю.А.</i> Сырьевые источники металлургии железа древности и средневековья в Волго-Свияжском междуречье.....	161
<i>Винничек В.А., Киреева К.М.</i> Итоги археологических исследований Зареченского 1 селища в 2013 – 2014 гг.....	179
<i>Массалитина Г.А., Болдин И.В.</i> Летописный Козельск. Проблемы и этапы археологического исследования.....	198
<i>Кузьминых С.В., Смирнов А.С.</i> Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте.....	214

Хроника

<i>Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г., Каримов И.Р.</i> Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2014 году.....	241
<i>Соловьев Б.С.</i> Валерию Валентиновичу Никитину – 75 лет.....	260
<i>Каримов И.Р.</i> К юбилею А.М. Губайдуллина.....	265
<i>Измайлов И.Л.</i> Памяти Михаила Викторовича Горелика (1946–2015).....	271
Список сокращений.....	281
Правила для авторов.....	284

CONTENTS

ARTICLES

<i>Flyorov V. S.</i> The Tsymlyansk complex of Khazar time on the Lower Don	4
<i>Tokarenko S.F., Rebrov A. Yu.</i> Manufacturing technology of building ceramics in Khazar khaganate. Reconstruction experience	40
<i>Rastoropov A.V.</i> Issues of early ethnic history of the Hungarians-Magyars	70
<i>Khristova M.</i> Ceramics from bi-ritual burials grounds on the Lower Danube and issues of its chronology	91
<i>Ponomarenko E.V., Ponomarenko D.S. Stashenkov D.A., Kochkina A.F.</i> Approaches to the reconstruction of dynamic of the territory occupation according to the soil signs	126
<i>Semykin Yu.A.</i> Raw material sources for iron metallurgy in Prehistory and Middle Ages in the Volga-Sviyaga interfluve area	161
<i>Vinnichuk V.A., Kireeva K.M.</i> Results of the archeological investigations of settlement Zarechenskoe 1 in 2013–2014	179
<i>Massalitina G.A., Boldin I.V.</i> Chronicle Kozelsk. Issues and stages of archaeological investigation	198
<i>Kuz'minykh S.V., [Smirnov A.S.]</i> Archaeology in the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute	214

CRONICLE

<i>Sitdikov A.G., Shakirov Z.G., Karimov I.R.</i> On the main results of scientific activities in 2014 by the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences.	241
<i>Soloviev B.S.</i> To Valery Valentinovich Nikitin's 75th anniversary	260
<i>Karimov I.R.</i> To A.M. Gubaydullin's jubilee	265
<i>Izmailov I.L.</i> To the memory of Mikhail Viktorovich Gorelik (1946-2015)	271
List of abbreviations	281
Submissions	284

Статьи

УДК 930. 2

ЦИМЛЯНСКИЙ КОМПЛЕКС ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ НА НИЖНЕМ ДОНУ¹

© 2015 г. В.С.Флёров

Публикуются две серии предметов, поступивших в 2013 г. в музей г. Цимлянска (Ростовская обл.). Первая группа происходит из едва заметного на поверхности объекта подквадратной формы, площадью примерно 130×130 м, назначение которого пока неясно (условно назван «Цимлянский квадрат»). В ней около 170 вещей, в т.ч. 60–70 удил (включая фрагменты). Рядом находится известный курган-пирамида «Синий» площадью 95×100 м и высотой более 10 м, основание которого опоясано квадратным в плане рвом. Курган не раскапывался, его дата не определена. Связь между Синим курганом и публикуемым комплексом предположительна. Вещи из Цимлянского квадрата находят аналогии в материалах кургана салтово-маяцкой культуры Большая Орловка начала VIII в.

Вторая группа вещей – трехлопастные наконечники стрел – происходит из остатков распаханного кургана со следами каменной конструкции. Они также относятся к салтово-маяцкой культуре и датируются предположительно концом VIII – началом IX вв.

Ключевые слова: археология, Нижний Дон, Хазарский каганат, VIII в., салтово-маяцкая культура, «Цимлянский квадрат», курган-пирамида, курган с каменной конструкцией, удила, наконечники стрел.

Публикуемые материалы происходят из Цимлянского р-на Ростовской обл. (нижнее течение р. Дон), представленного в хазароведении Левобережным (Саркел) и Правобережным Цимлянскими городищами.

Происхождение описываемых ниже находок следующее. Весной 2013 г. предприниматель из г. Волгодонска Ростовской обл. П. Гордеев сообщил мне письмом о том, что располагает вещами, выкупленными им у мародеров, и готов предоставить их мне для изучения. В августе я встретился с П. Гордеевым и действительно получил от него без всяких условий с его стороны и, разумеется, безвозмездно², два набора предметов. В первом – преимущественно удила,

¹ Выполнено по Проекту «Хазарский каганат: взаимодействие с Византией, Востоком и Русью по археологическим и письменным источникам» Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории». В подготовке публикации участвовали В.Е. Флёрова (Москва), А.П. Гуменюк (Волгодонск).

² Я был и остаюсь противником покупки у мародеров или принятия музеями любых предметов сомнительного происхождения. Судя по публикациям, в которых не указано происхождение коллекций, музеи принимают или закупают их. Примеры таких

во втором – наконечники стрел. По рассказу Гордеева, все обнаружено группой лиц с использованием металлоискателей примерно в 27 км к западу от г. Цимлянска рядом с Синим курганом, о котором ниже (рис. 1 А).

Требовалось определить дальнейшую судьбу находок. Итогом стала незамедлительная передача их по территориальной принадлежности в музей г. Цимлянска (Акты приема № 3 и № 4 от 04 сентября 2013 г.).

Состав первой коллекции. Прежде чем описывать место ее обнаружения, получившее название «Цимлянский квадрат», кратко о входивших в нее предметах. Большинство вещей, кроме одного набора железных заклепок, а также мелких с золочением предме-

---

приобретений без описания происхождения коллекций дают издания Зимовниковского музея (Историко-археологические, 2010; 2012). В них опубликованы работы И.Н. Парусимова: 1) «Новые поступления русских монет XVI–XVIII вв.». Речь идет о поступлениях неуказанного происхождения в музей п. Зимовники Ростовской обл.; 2) «Свинцовые пломбы XIX–XX вв. из коллекции Зимовниковского краеведческого музея». Происхождение этой коллекции не указано. Каким образом пломбы, помеченные разными северными и западными городами России, в т.ч. Ригой, оказались в степном донском музее? 3) «Новые находки пломб дрогичинского типа» – не указаны место хранения и происхождение пломб, кроме как «случайные находки в нескольких регионах России»; 4) «Печать Евстафия – Завида». В связи с этой вещью возникает вопрос: каким образом и на каких условиях, будучи найденной «случайно» в Московской области, она оказалась в фондах Волгодонского музея Ростовской области?

тов, поступили в перемешанном виде (рис. 1 Б).

УДИЛА – самая многочисленная группа предметов, определяющая облик комплекса. Если суммировать целые и почти целые экземпляры, а также сохранившиеся наполовину отдельные псалии, грызла, боковые кольца, то определим примерное количество удил вне зависимости от видов – от 60 до 70.

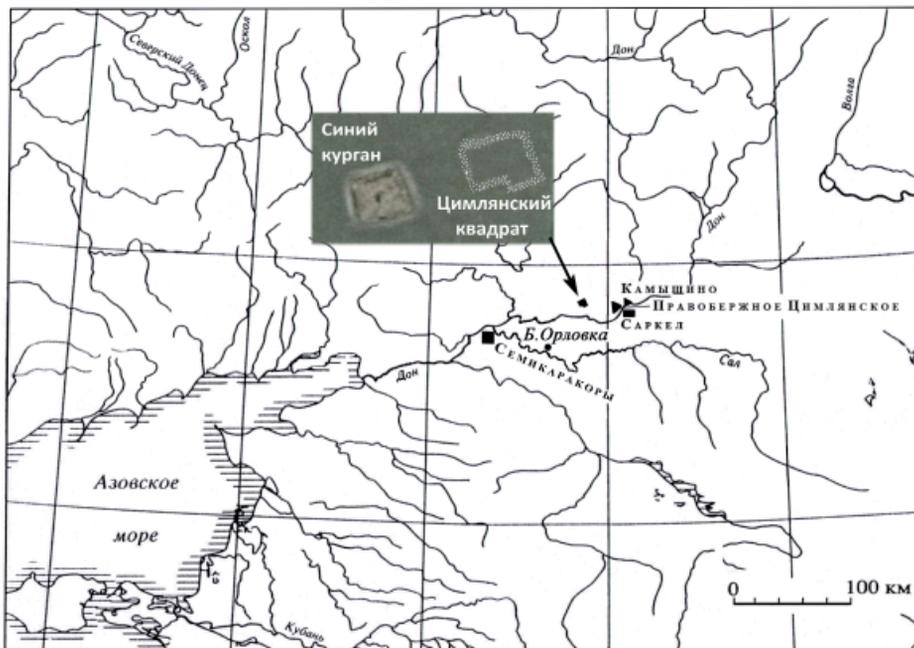
По конструкции удила делятся на две неравные по количеству экземпляров группы.

Первая группа – 6 целых экземпляров и несколько фрагментированных – двусоставные удила без псалиев; на концах каждого грызла неподвижное кольцо, в которое вставлялось подвижное кольцо для крепления ремня (рис. 2).

Вторая группа, численно преобладающая, включает удила иной конструкции. Все они имеют грызла с двумя неподвижными кольцами на внешних концах (рис. 7: 1 В). Во внутреннее кольцо, большего диаметра, вставлялся псалий, во внешнее, меньшее – подвижное кольцо, к которому крепился ремень повода. Сам псалий крепился на грызле подвижно с помощью пластины с прорезью для нащечного ремня (рис. 3: 1; 7: 1 Б). В редких случаях пластину заменяла подквадратная петля (рис. 3: 2). И пластина, и петля «ножками» вставлялись в два отверстия в псалии и намертво приковывались.

Далее деление удил второй группы идет по форме псалиев.

– Удила с прямыми псалиями – 5 целых и несколько фрагментов (рис. 3: 1, 2; 4). Псалии имеют заметные утолщения на концах. Иногда

А

Б

Рис. 1. А – Местонахождения Нижнего Дона: городища, Цимлянский квадрат, Синий курган, курган Большая Орловка.

Б – вещи из Цимлянского квадрата в момент поступления в музей г. Цимлянска.

Fig. 1. А – the Lower Don sites: settlements, Tsimlyansky square, the Blue Mound, Bolshaya Orlovka tumulus.

В – the finds from the Tsimlyansky square at the time of their arrival at the Tsimlyansk city Museum.

Рис. 2. Цимлянский квадрат. Удила двусоставные, без псалиев в момент поступления в музей г. Цимлянска.
Fig. 2. Tsimlyansky square. Double cheek-bit, without psalia.

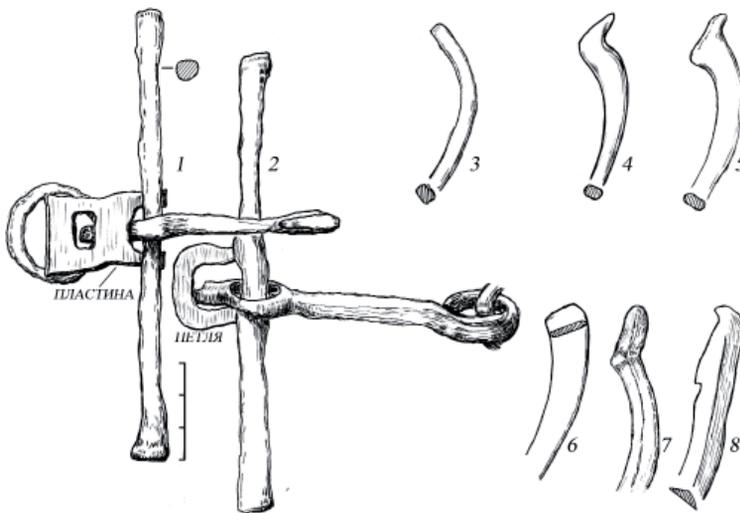

Рис. 3. Цимлянский квадрат. Устройство удил и виды оформления псалиев (см. илл. 7: 1).

Fig. 3. Tsimlyansky square. Psalia structure and design varieties.

Рис. 4. Цимлянский квадрат. Удила с прямыми псалями.
 Fig. 4. Tsimlyansky square. The bit with straight psalia.

этот вид псалий не очень удачно называли «гвоздевидными».

Все последующие удила описанной конструкции снабжены S-видными псалями. Дальнейшая их классификация идет по особенностям оформления концов псаля. Различия эти очень заметны. Проблема заключается лишь в том, что концы многих псалиев сохранились плохо и невозможно определить их форму. У некоторых концы вообще не сохранились. Таким образом, точно указать количество псалиев с тем или иным оформлением невозможно. Подсчеты приблизительны и будут уточняться в дальнейшем.

Основные типы оформления удил с S-видными псалями см. на рис. 3: 3–8.

– Псалии с простейшим загибом концов. Никакого дополнительного оформления концы не имеют (рис. 3: 3; 5). Удил с такими псалями лишь несколько.

– Верхний конец псаля завершается «клювообразным» острым выступом (рис. 3: 4; 6: 1–5). Представлены несколькими экземплярами.

– Верхний конец псаля расширяется (в отличие от предыдущего вида), но также имеет острый выступ (рис. 3: 5; 6: 6, 7). Их несколько экземпляров. Мы не знаем, что пытались изобразить сами кузнецы, выковывая то просто острый выступ, то расширение с тем же выступом – проблема типологии.

У следующих псалиев, в отличие от перечисленных, концы плоские и оформлены по-разному:

– Оформление в виде плоских лопастей, иногда более широкой верхней и поуже – нижней (рис. 3: 6; 7–9). Только целых или почти целых удил с

псалями-лопастями около 40 экземпляров. Это самый многочисленный вид псалиев в рассматриваемом наборе. Он известен в Восточной Европе вплоть до Нижнего Дуная (некрополь Кюлевча, погребение с конем; см.: Българите, 2004, с. 49; Въжарова, 1976, с. 118, обр. 70: 3). На Нижнем Дону такие удила представлены в Большой Орловке (Ильюков, Косяненко, 2007, с. 92, 93, рис. 2, 3). К этому памятнику вернемся ниже.

– Верхний конец псаля отдаленно напоминает головку животного с длинной мордой (рис. 3: 7; 6: 8–9, возможно, и 10). Такие псалии единичны.

– Верхний плоский конец псаля с плоским треугольным сечением имеет очертание головы животного. Вид его определить затруднительно, но заметны уши и приподнятый нос. Достоверно выделены только одни удила с такими псалями (рис. 3: 8). Территориально ближайшая аналогия в Большой Орловке, но головка большеорловского псаля проработана детальнее (Ильюков, Косяненко, 2007, с. 91, рис. 1: 1).

Важно иметь в виду, что кузнецы, изготовители удил, не всегда строго и умело придерживались известных им прототипов псалиев. Появлялись псалии с нечетко выполненными контурами, плохо проработанными. Форма псалиев могла отличаться и у одних удил. Таким образом, застывшая, формальная классификация окончаний псалиев нецелесообразна в принципе. Каждый вид (тип) будет иметь неопределенное число вариантов.

Помимо целых и относительно целых удил представлены их фрагменты, тип которых не всегда определим:

– фрагменты удил: отдельные грызла, псалии разной сохранности,

соединенные фрагменты обломки грызл и псалиев. В совокупности они могли принадлежать 30–40 удилам. В большинстве – с псалиями, завершающимися простыми лопастями.

– кольца от удил, 25 экз., принадлежали не менее чем 13 удилам.

Что в первую очередь обращает внимание в описанном наборе, так это разнообразие форм псалиев при общей конструкции удил: прямые и минимум шесть видов S-видных. Как исключение, несколько простых двусоставных.

В количественном отношении цимлянский комплект удил, насколько я могу судить, является самым большим из найденных на Нижнем Дону в памятниках салтово-маяцкой культуры, если не самым большим в культуре в целом. Обращу внимание и на качественную характеристику. *Все удила весьма простой выделки, иногда довольно грубой, предназначены для повседневного пользования. Среди них нет ни одного с элементами декорирования, которые можно было бы назвать престижными.*

СТЕРЖЕНЬ с КОЛЬЦОМ (рис. 10: 1, 1 А), железный, длина 25,3 см. Навершие художественно оформленное. Ближайшие аналогии в Большой Орловке (Ильюков, Косяненко, 2007, с. 99, рис. 9: 3–5).

ЦЕПОЧКИ железные, фрагменты. S-видные звенья цепочек двух типов: с колечками в одной плоскости (рис. 10: 5) и колечками, развернутыми под прямым углом (рис. 10: 6, 7). Такие же цепочки крепились к кольцам упомянутых больше-орловских стержней. На Нижнем Дону s-видные звенья найдены в Саловском могильнике, кург. 1 (Копылов, Иванов, 2007, с. 145, рис. 10: 3) и в Саловском IV,

кург. 2, погр. 2 (Труды Новочеркасской, 1998, рис. 22: 7). Но отдельно взятые, они не могут являться хронологическим показателем, т.к. известны на более поздних памятниках, например, в Верхне-Салтовском могильнике (Артамонов, 1962, с. 291). С другой стороны, s-видная форма звена известна в сарматское время (например: Каминская и др., 1985, с. 232, рис. 4: 4). Тем не менее, при сравнении памятников узкого хронологического среза цепочки с s-видными звеньями могут быть использованы с учетом особенностей изгибов.

ПЛАСТИНКИ с ПРОРЕЗЬЮ (рис. 10: 2, 3), две железные. Длина 11,0 и 10,7 см. Сечение одной – прямоугольное, второй – со скосом на одной стороне. На расширенных концах – узкая прорезь, на противоположных – отверстия диаметром 4–5 мм. Обе пластины были деталями какой-то конструкции.

ИНСТРУМЕНТ с РЕЗЦОМ (рис. 10: 4). Железный стержень с загнутой петлей - рукоятью. Длина – более 11 см. Противоположный конец (обломан) желобчатый; одна его сторона заточена, что характерно для деревообрабатывающих инструментов. Среди цимлянских находок он единственный, который можно отнести к орудиям труда.

ПРЯЖКИ железные, 5 экз.; лишь на двух сохранились прямые язычки (рис. 11: 1–5). Одна, самая крупная – прямоугольная с выгнутой передней стороной, высотой 4,5 см и шириной 3 см. Четыре трапециевидные: высота передней стороны 2,5, ширина 3,9 см и соответственно 2,4×2,9 см; 2,2×2,4 см, 2,2×2,2 см. Последняя находилась с первым комплектом за-

клепок (см. ниже). Аналогия (в качестве примера) из могильника Сухая Гомольша (Аксенов, Михеев, 2006, с. 280, рис. 78: 8, с. 289, рис. 87: 6 и др.); географически и хронологически распространены широко.

ЗАКЛЕПКИ железные, типологически однообразные, но различных высот и диаметров круглых «шляпок». Поступило два набора, явно залежавших в разных местах (разный цвет окислов) и соответственно примененных в двух конструкциях. В первый комплект входило 28 экз. (рис. 11: 7–9), во второй – 47 экз. (рис. 11: 10–12).

Вариация высоты от 2 до 4 см означает, что они крепили доски (?) разной толщины. Само крепление производилось путем подложки с внутренней стороны доски обрезков железной ленты. В отдельных случаях один обрезок удерживал две заклепки (рис. 11: 12). На заклепки стоит обратить внимание, т.к. они скрепляли весьма большую, массивную конструкцию.

ГВОЗДЬ железный, длина 7 см, с округлой шляпкой (рис. 11: 6).

ПРЯЖКА МИНИАТЮРНАЯ, цельнолитая, медная, покрыта золотой фольгой; язычок подвижный (рис. 12: 20). Длина 15,4 мм, сохранность хорошая. Особенности пряжки: короткий щиток и общая миниатюрность (сопоставима с современной монетой «1 копейка»). Ее рамка напоминает рамку пряжки из кургана 1 могильника Брусяны III (Багаутдинов и др., 1998, с. 86, 229, табл. XVII, 4), но у последней иной щиток, удлиненный.

Следующие предметы составляют группу престижных, но также не свидетельствующих о сколько-нибудь

значительном богатстве их прежних владельцев.

БЛЯШКИ ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ в виде усеченной пирамиды; медные с позолотой – 8 экз. (рис. 12: 1–10; прорисовка: 9, 10). Размеры колеблются от 24×18 до 19×16 мм; высота 3,5 мм. Бляшки хрупкие, но не имеют (не сохранилась?) основы-наполнителя.

БЛЯШКИ КРУГЛЫЕ серебряные, выпуклые, с плоской вершиной – 8 экз. Также хрупкие; наверняка их было больше. Все одинаковые: диаметр 14 мм, высота 3,5 мм (рис. 12: 11–19).

БЛЯШКА штампованная медная, обломана (рис. 12: 21). К ее дате вернемся ниже.

ПОДВЕСКА, медь (бронза) с позолотой, обломана сверху (рис. 12: 22). Точному датированию она не поддается. Вызывает недоумение, что близкая по форме подвеска, названная «лировидной», использована А.В. Комаром как «наиболее четко определяющая» дату погребения из кургана 4 могильника Астахово I (Комар, 2009, с. 300, рис. 2: 5; с. 305). Такие подвески с вариациями размеров и деталей бытуют минимум до IX в. Находки их исчисляются уже десятками, но при этом еще не создан ни их свод, ни типология, ни относительная хронология. Что не менее важно, нет корреляции встречаемости в отдельных могильниках и погребениях. Для примера укажу, что в погребении 2 кургана 1 Саловского могильника I, представлены два различных типа данных подвесок, названных «блок чумбура» (Копылов, Иванов, 2007, с. 142, рис. 7: 1–5). Ссылки А.В. Комара на «близкие» подвески из саловского погребения и ряда других – не более чем «информационный шум», а разверну-

Рис. 5. Цимлянский квадрат. Удила с s-видными псалиями без дополнительного оформления концов.

Fig. 5. Tsimlyansky square. The bit with s-shaped psalia, with no additional tip finishing.

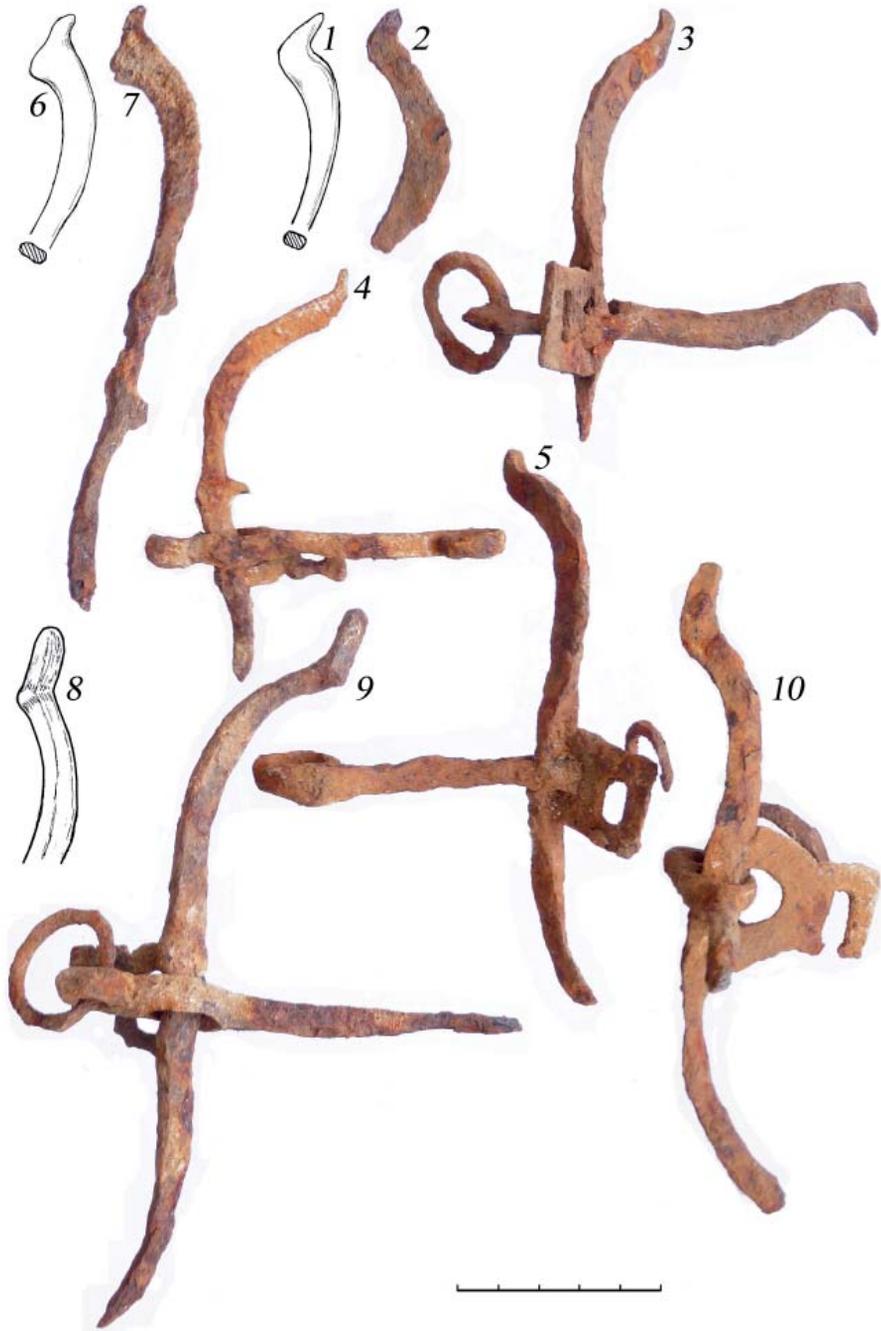

Рис. 6. Цимлянский квадрат. Удила с s-видными псалиями: 1-5 – псалии с «клювовидным» выступом на конце; 6-7 – псалии с расширением и острым выступом на конце; 8, 9 и возможно 10 – конец псалия в виде головки животного с длинной мордой. Нижние концы псалиев раскованы, «лопасти».

Fig. 6. Tsimlyansky square. The bit with the s-shaped psalia: 1-5 – psalia ending with the “hooked” protrusion; 6-7 – psalia ending with extensions and sharp projections; 8, 9 and possibly 10 – psalium end in the form of an animal head with a long snout; the lower ends of the psalia shaped as blades.

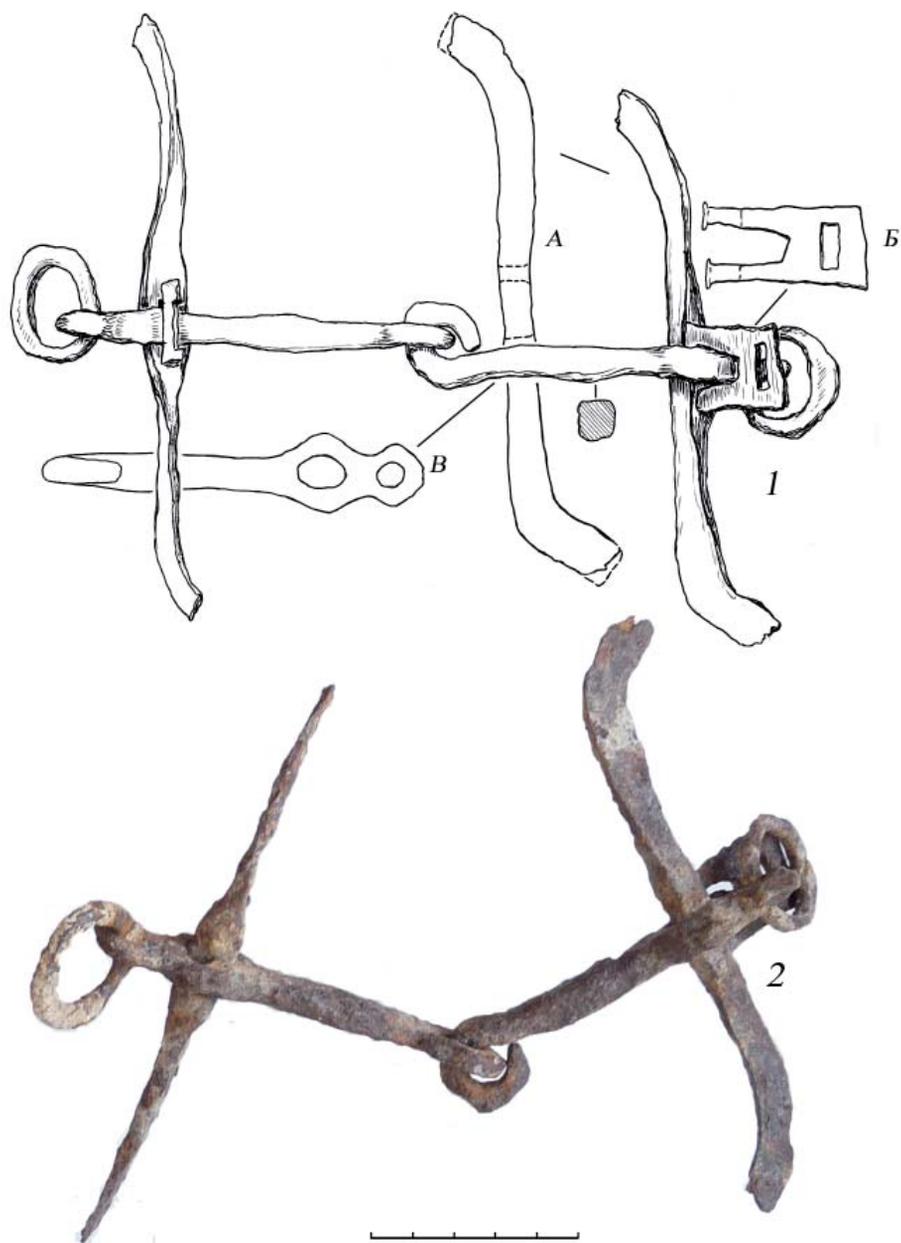

Рис. 7. Цимлянский квадрат. Удила с s-видными псалями.
Концы псалий в форме лопастей.

Fig. 7. Tsimlyansky square. The bit with the s-shaped psalia.
The ends of the psalia shaped as blades.

Рис. 8. Цимлянский квадрат. Удила с s-видными псалиями.
Концы псалиев в форме лопастей.
Fig. 8. Tsimlyansky square. The bit with the s-shaped psalia.
The ends of the psalia shaped as blades.

тая тут же дискуссия с И.О. Гавритухиным о раннесалтовской хронологии не может заменить столь необходимой рутинной работы по сбору всех найденных на сегодня подвесок в единый свод. Вынужден отказаться от астаховской подвески как аналогии для цимлянкой даже при том, что узкая дата погребения из кургана 4 Астахово I (737–750 гг.), предложенная А.В. Комаром (2009, с. 307) входит в более широкий хронологический диапазон, предварительно предлагаемый мною для цимлянских находок³ (см. ниже о кургане 4 из Астахово I).

³ Пользуясь случаем, добавлю к моим сомнениям в методах датирования А.В. Комаром погребения из кургана 4 Астахово I следующее. Вероятно, понимая ненадежность «лировидной» подвески как датирующей, автор привлекает в качестве «косвенного факта (!!! – В.Ф.) в пользу относительно ранней даты астаховского погребения... лепной сосуд...» (Комар, 2009, с. 306). Вот описание этого сосуда: «Фрагмент доньшка лепного сосуда (рис. 3, 12). Тесто рыхлое, на сломе серого цвета; обжиг неравномерный: снаружи темно-серый, внутри – оранжевый. На внешней стороне стенки у доньшка заметны два утолщения. Форма и размеры сосуда не восстанавливаются» (там же, с. 304). Датировать этот сосуд, точнее, небольшой обломок, противопоставляя его «классическим» более поздним сосудам из Бобриково, просто недопустимо. Я имел возможность отметить, что лепная керамика при всей важности этого источника совершенно не изучена и не датирована. Кроме того, она сосуществует с классической салтово-маяцкой посудой (Флёрв, 2009, с. 476–484). Что касается описанных признаков глины и обжига, то они применимы к самым разным формам сосудов, но форма-то астаховского сосуда неизвестна.

И еще: «Наконец, возможное наличие в погребении из Астахово панцирных пластин служит таким же косвенным,

СОСУДИК серебряный, фрагменты (рис. 12: 23). Форма реконструируется приблизительно как опрокинутая конусовидная с диаметром дна примерно 3–4 см. Изготовлена из очень тонко прокованного листа серебра.

ОКОВКА ДЕКОРАТИВНАЯ. Кольцо (сохранилась половина) из полоски меди с продольным желобком; ширина 5 мм, диаметр 5–6 см. Крепилась к охватываемому ею предмету, вероятно, деревянному, двумя диаметрально расположенными миниатюрными гвоздиками (рис. 12: 24).

ОБРЕЗОК медной ленты с отпечатком шляпки маленького гвоздика; позолочен, 15×15 мм (рис. 12: 25).

Итак, в наборе представлены:

- удила, железо – 60–70 экз. (включая обломки).
- стержень с кольцом, железо – 1 экз.
- цепочка, железо – 1 экз.
- пластинки с прорезью, железо – 2 экз.
- инструмент, железо – 1 экз.
- пряжки, железо – 5 экз.
- заклепки, железо – 75 экз.
- гвоздь, железо – 1 экз.
- пряжка миниатюрная, бронза, позолота – 1 экз.
- бляшки прямоугольные, медь, позолота – 8 экз.

но все-таки «архаичным» признаком...» (там же, с. 306). «Возможное наличие» не может служить ни косвенным, ни каким-либо признаком вообще.

При такой методике датирования, как во многих подобных случаях, А.В. Комар не остановился перед соблазном дать точную, в данном случае в диапазоне 14(!) лет, дату погребения из кургана 4 у с. Астахово, более чем перенасыщая публикацию многочисленными ссылками, которые читателю надо проверять самому.

- бляшки круглые, серебро – 8 экз.
  - подвеска, бронза, позолота – 1 экз.
  - сосудик, серебро – 1 экз.
  - оковка декоративная, медь – 1 экз.
  - обрезок меди, позолота – 1 экз.
- Всего 166–176 предметов.

Учтем также вероятность того, что какие-то находки сокрыты мародерами или не обнаружены. В любом случае набор весьма значителен, но даже при этом он не вызвал бы особого внимания, если бы не объект, из которого он происходит, и его окружение.

Цимлянский квадрат. По сведениям находчиков в пересказе П. Гордеева, вещи найдены внутри объекта, который условно назову «квадратом» (рис. 13), хотя его очертания и образуют не совсем правильный четырехугольник примерно 130×130 м. На южном углу он имеет уступ-врезку. Сложно однозначно определить ориентацию квадрата. Ни углами, ни сторонами он не тяготеет к определенному направлению – СЮ или ЗВ. Отклонение от этих осей составляет примерно 25°.

Проблема описания данного объекта заключается в том, что он совершенно не заметен при пешем обходе. Я посещал его дважды. Первый раз, казалось бы, в самое удачное время: когда поле, на котором он расположен, было распахано, а частично и разбороновано, но квадрат ничем себя не обнаруживал – ни рельефом, ни цветом. Второй раз сразу после глубокой вспашки и также безрезультатно. Однако он прекрасно вырисовывается весной и ранним летом по цвету растительности на его контурах. Это стало известно от жителя г. Волгодонска

Г.А. Сорокина⁴, который ознакомил меня с видеосъемкой, произведенной с вершины соседнего кургана (Синий курган; см. ниже). На ней квадрат отчетливо виден на фоне массива зеленеющей кукурузы. Это вселяет надежду на точное определение его границ по цвету. Отчетливо светлые контуры объекта просматриваются на аэроснимках. Укажу на важное обстоятельство: Цимлянский квадрат полностью свободен от камней.

Дать определенное толкование Цимлянскому квадрату сегодня трудно. Во всяком случае, это не городище. Этому противоречит его расположение на совершенно открытой ровной местности, в то время как при сооружении известных салтово-маяцких крепостей Нижнего Дона (как и других регионов) так или иначе использовались естественные преграды на подступах к ним (овраги, балки, обрывистые берега рек, старые протоки). На территории квадрата я не заметил ни фрагментов керамики, ни костей, ни чего-либо иного (зольных пятен, скоплений глины и т.п.).

Точное местонахождение описанных вещей на территории квадрата площадью около 1,7 га (включая врезку) остается неизвестным. П. Гордеев смог сообщить лишь следующее: удила, бляшки позолоченные прямоугольные и круглые серебряные залежали ближе к южному углу; заклепки, позолоченная пряжка и серебряный сосудик где-то в центре с некоторым смещением к северу. Глубина зале-

⁴ Глубокая признательность Георгию Анатольевичу Сорокину (г. Волгодонск) за предоставленные материалы и дополнительную информацию о памятнике.

Рис. 9. Цимлянский квадрат. Удила с s-видными псалиями. Концы псалиев в форме лопастей.
Fig. 9. Tsimlyansky square. The bit with the s-shaped psalia. The ends of the psalia shaped as blades.

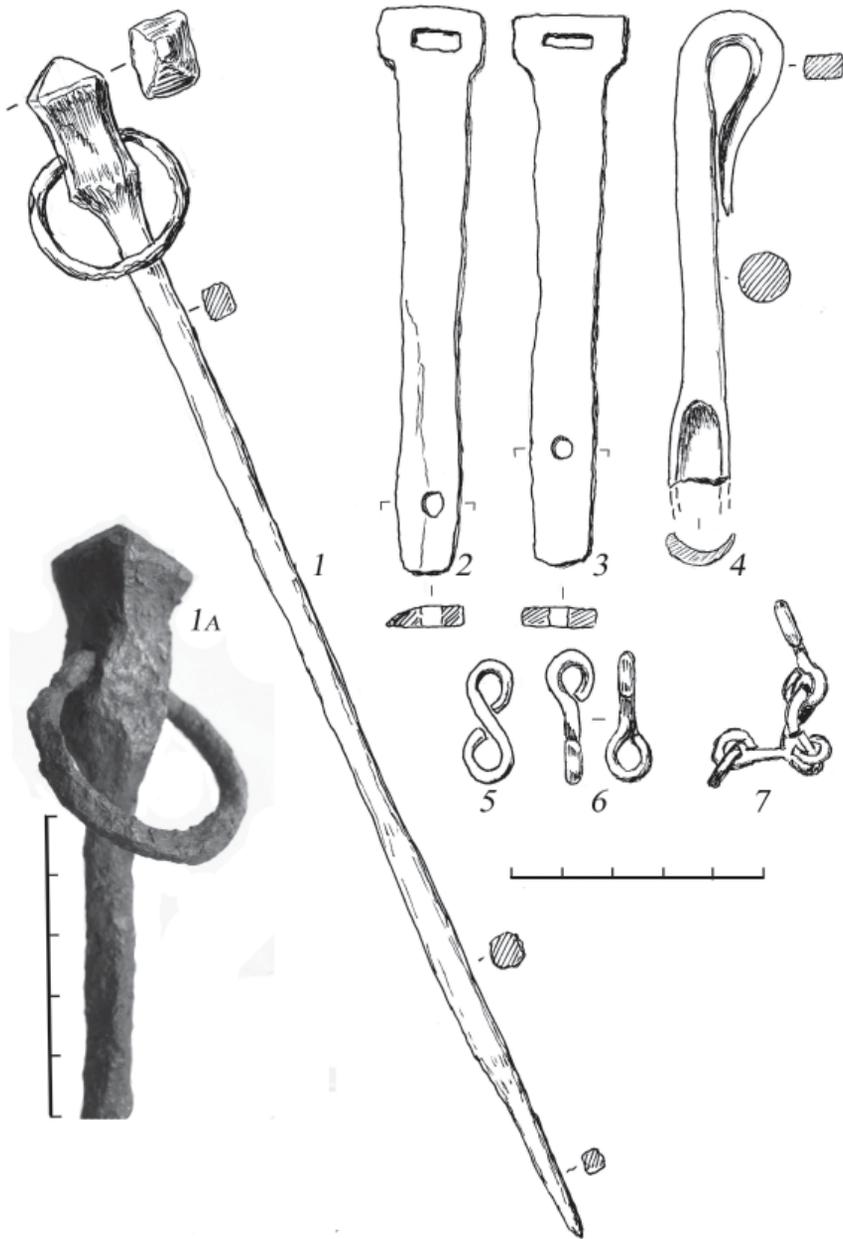

Рис. 10. Цимлянский квадрат. Предметы из железа: 1, 1а – стержень больше-орловско-го типа; 2–3 – пластинки с прорезями и отверстиями; 4 – инструмент; 5–7 – обрывки цепочек.

Fig. 10. Tsimlyansky square. Items made of iron: 1, 1A – Bolshaya Orlovka type rod; 2–3 – plates with slots and holes; 4 – instrument; 5–7 – fragments of chains.

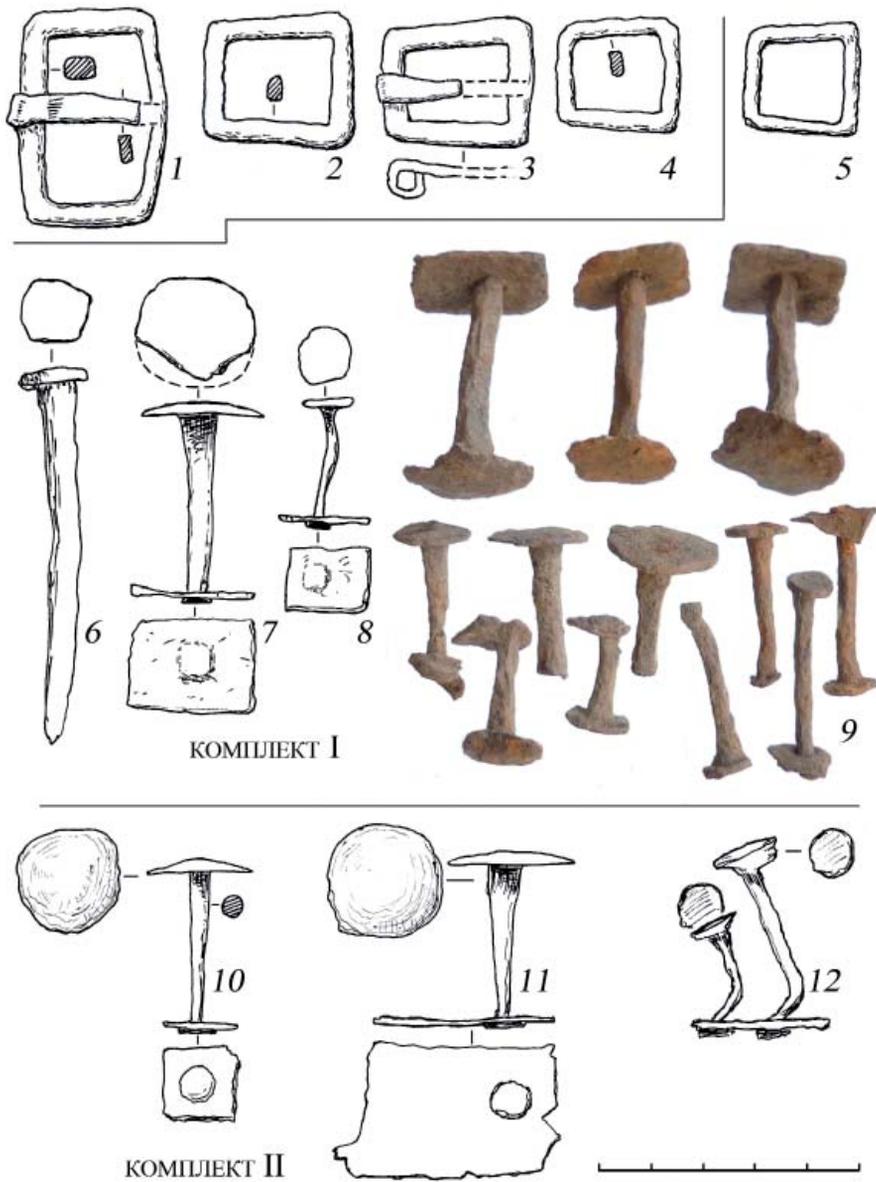

Рис. 11. Цимлянский квадрат.

Предметы из железа: 1–5 – пряжки; 6 – гвоздь; 7–12 – заклёпки.

Fig. 11. Tsimlyansky square. Items made of iron: 1–5 – buckles; 6 – a nail; 7–12 – rivets.

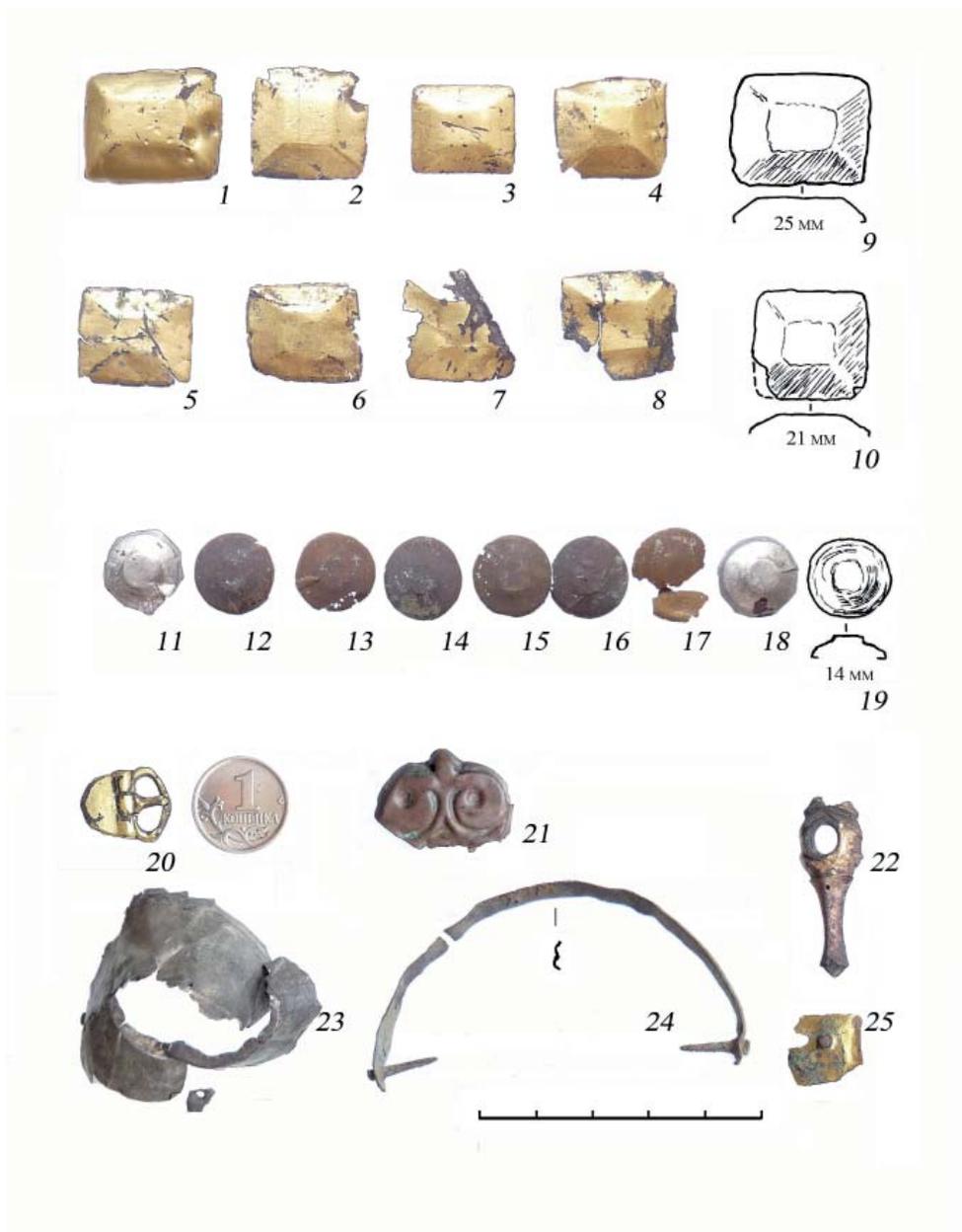

Рис. 12. Цимлянский квадрат. 1–10 – бляшки, медь, позолота; 11–19 – бляшки, серебро; 20 – пряжка миниатюрная, бронза, позолота (рядом монета «1 копейка»); 21 – бляшка, медь; 22 – подвеска, бронза, позолота; 23 – сосудик, деформирован, серебро; 24 – оковка с гвоздиками, медь; 25 – обрезок, медь, позолота.

Fig. 12. Tsimlyansky square. 1–10 – plaques: copper, gold; 11–19 – plaques: silver; 20 – a small buckle: bronze, gold (next to 1-kopeck coin); 21 – plaque: copper; 22 – pendant: gold-plated bronze; 23 – a small flask: silver (deformed); 24 – binding with nails: copper; 25 – scrap: copper, gilding.

гания вещей составляла примерно 60 см. Не удалось ничего узнать о контурах и размерах углублений, в которых лежали вещи. Мародеры, по той же информации, достигли уровня суглинка.

О том, в каком положении (грудой, россыпью) и как по отношению друг к другу лежали вещи, информации нет. Путем наводящих вопросов мне удалось выяснить, что при вещах не было погребений или отдельных костей как человека, так и животных. Не было следов горения или отдельных углей, да и сами вещи не несут ни малейших следов пребывания в огне. Весьма важно было бы установить, поломались ли многие удила в процессе извлечения из земли или же обломки изначально были помещены в углубления вместе с целыми удилами. Возможно, это проявится после реставрации.

По имеющимся скудным данным интерпретировать назначение Цимлянского квадрата трудно. Любое предположение будет уязвимым. В частности, я отклоняю возможное обращение к памятнику у с. Вознесенка (Грінченко, 1950). Разительны отличия Вознесенского сооружения в конструкции с применением камня, в типах вещей, использовании огня, присутствии костей животных и т.д. Сравнивать можно разве что значительные размеры обоих памятников, до некоторой степени планы, и такой распространенный признак, как присутствие в обоих комплексах предметов упряжи. Еще более неосторожными были бы сравнения с памятниками иных территорий и культур, т.е. движение по пути, по которому шел А.К. Амброз в интерпретации Возне-

сенки (Амброз, 1982), а теперь его последователи.

Более надежно сравнение с составом вещей в ближайших памятниках. В этом плане особое внимание обращаю на находки из упоминавшегося выше разрушенного кургана у слободы Большая Орловка на р. Сал, левом притоке Нижнего Дона (Мартыновский р-н Ростовской обл.). Памятник расположен в относительной близости к Цимлянскому квадрату – 55 км, т.е. в одном культурно-географическом микрорегионе. Вещи из Большой Орловки (БО) опубликованы (Косяненко, 1983; Равич, Флёров, 2000; Ильюков, Косяненко, 2007). Не останавливаясь на их перечислении, отмечу, что они стали известны так же, как и цимлянские, не в результате научных раскопок. Отсюда не ясно, происходят ли они из погребения или тризны.

При разнообразии большеорловского комплекса и отличиях его от цимлянского, обратим внимание на то существенно общее, что есть между ними.

– Особо значимо присутствие среди цимлянских и большеорловских находок таких уникальных предметов, как *большие стержни с одинаково оформленными головками и продетыми в них кольцами* (рис. 10: 1, 1 а; 14: 1). Именно они являются знаковыми для обоих комплексов вещей. В иных ниже-донских памятниках такие не известны. Благодаря найденным в БО двум комплектам пластин стало понятным и назначение орловских стержней, а теперь и цимлянского (Ильюков, Косяненко, 2007, с. 96, рис. 6: 5). Символизировал ли цимлянский стерж-

жень полную конструкцию из пластин, ответить невозможно, но такую вероятность надо иметь в виду.

– Со стержнями в БО неразрывно и в прямом значении слова связаны *цепочки с s-видными звеньями*, которыми стержни крепились к пластинам (рис. 14: 1 а). Обрывки совершенно аналогичных цепочек представлены и в Цимлянском квадрате (рис. 10: 5–7). Даже этих линий связей, стержни и цепочки с s-видными звеньями, было бы достаточно для постановки вопроса об отнесении двух памятников к одной традиции и синхронизации их. Но есть и другие.

– Удила с s-видными псалиями. Псалии одного вида, с головками животного, почти идентичны, хотя среди цимлянских они в единственном числе (рис. 3: 7 и 14: 2). На больше-орловских псалиях есть иного вида головки животных, а среди многих находок удил с s-видными псалии в Восточной Европе типы головок животных бесконечно вариabельны. Это убеждает в том, что такое разнообразие не является типологическим, а лишь свидетельствует о воспроизведении одного или нескольких прототипов десятками мастерских во множестве регионов. Как и головки животных, очень разнообразны очертания щитков, к которым крепятся грызла и поводья (тема s-видных псалиев требует отдельного рассмотрения; здесь лишь укажу, что Свод раннесредневековых удил пока не создан, но необходим).

– Представленный в Цимлянском квадрате уже десятками экземпляров другой вид s-видных псалиев, с концами-лопастями (рис. 7, 8), также имеет полные аналогии в БО (рис. 14: 3, 4).

Здесь уместно отметить, что предметы конской упряжи численно преобладают и в Цимлянском квадрате, и в БО. Но есть различие в их составе: если в первом только удила, то в БО помимо удил есть стремяна (в Цимлянском квадрате не обнаружены, но постоянно надо помнить, что его раскопки не производились).

– Бляшки в форме усеченной пирамиды из тонкого медного листа с последующей позолотой; цимлянских – восемь прямоугольных, в БО одна квадратная из золотой фольги (рис. 12: 1–8; 14: 6). Назначение их непонятно. Отверстий для гвоздиков в них нет. Остается предполагать, что на предмет-основу они наклеивались.

Хронологическим индикатором в цимлянской коллекции могла бы служить миниатюрная пряжка (рис. 12: 20), но ее атрибуция пока проблематична⁵. Для надежного датирования Цимлянского комплекса все равно одного предмета недостаточно, как бы ни был он выразителен. Вновь целесообразно обратиться к Большой Орловке с солидом Тиберия III Апсимара. Ростовский археолог и нумизмат С.И. Безуглов, сочетая исторические сведения и картографию местонахождений погребений с монетами Леонтия II и Тиберия III, пришел к выводу об очень коротком отрезке времени их хождения, в пределах 705–725 гг. (Безуглов, 2007, с. 117)⁶. Попутно за-

⁵ И.О. Гавритухин, А.В. Комар и другие археологи, к которым я обращался за консультациями, затруднились датировать этот предмет или подобрать ему аналогии.

⁶ Отстаивая предложенные даты, С.И. Безуглов отмечает: «Историко-нумизматического своеобразия этой групп-

мечу, что прямоугольная пряжка из Брусяны III, погребение 1 кургана 1 (Багаутдинов и др., 1998, с. 231, табл. XIX, 10) однотипна с такими же из Большой Орловки (рис. 14: 5).

Разумеется, механически переносить дату Большой Орловки, установленную С.И. Безугловым, на цимлянский комплекс вещей нельзя, но ее можно рассматривать как отправную точку для разработки его собственной хронологии. Стоит также обратить внимание на абсолютную аналогию цимлянским удилам с псалиями в форме прямого стержня с утолщением к концам (рис. 4) с удилами из могилы 4 Кабиюка (Рашев и др., 2014, с. 91, обр. 29: 1; комплекс известен и по другому изданию: Тотев, Пелевина, 2012, с. 351, рис. 8: 1). Вещи, сопровождающие кабиюкские удила, датируются в основном концом VII – серединой VIII в. (Рашев и др., 2014, с. 116, обр. 42). Само погребение относится к группе «Врап-Велино». В типологическом отношении утолщающиеся стержни цимлянских удил следует отличать от более толстых стержней с равномерной толщиной по всей длине, например, из Брусяново II (Багаутдинов и др., 1998, с. 126, рис. 30: 1).

пы (погребений. – В.Ф.) не понял А. Комар, который предложил считать монету Тиберия III из Большой Орловки датирующей для сконструированного им «переходного» горизонта Галиат-Геленовка (??? – С. Б.) с абсолютной датой 725–740 гг. Считаю тезис о таком запаздывании именно этих монет в конкретной группе комплексов совершенно неприемлемым». В примечании С.И. Безуглов добавляет: «– переходного куда? – где находится Галиат? – что такое Геленовка? – причем здесь Большая Орловка?» (Безуглов, 2007, с. 117).

Датирующее значение может иметь штампованная медная бляшка (рис. 12: 21). По определению И.О. Гавритухина, данный вид бляшек (т.н. до-лотосный) датируется не позднее последней четверти VIII в. (глубокая признательность Игорю Олеговичу за консультации). Не исключено, что бляшка маркирует верхнюю дату всего цимлянского комплекса.

Не вижу для себя необходимости срочно уточнять хронологию вещей из Цимлянского квадрата, сжимая ее до двух-трех десятилетий. Я указал лишь на самые очевидные аналогии, из которых на первом месте Большая Орловка. Публикуя цимлянский комплекс, я предоставляю возможность всем заинтересованным археологам включиться в эту работу⁷.

С.И. Безуглов относит погребенного в Больше-Орловском кургане к социальной верхушке Хазарского каганата. Погребенный, судя по сопровождавшим его вещам, чем-то выделялся среди соплеменников. Говорить же о его социальном статусе сложно (в реконструкциях социальной стратификации в каганате и ее маркировке много надуманного). Во всяком случае, судя по небольшой общей массе золота в больше-орловском кургане, его нельзя назвать особо богатым, как и владельца (владельцев?) цимлянских вещей. Что касается определения статуса (социального или иного), то поневоле приходится на всякий случай учитывать расположенный рядом с Цимлянским квадратом еще

---

⁷ Я с удовольствием рассмотрю предложения о совместной работе по полной публикации всей коллекции вещей из Цимлянского квадрата.

один археологический объект, к описанию которого переходжу.

* * *

Ситуация с находками из Цимлянского квадрата дополняется, но и чрезвычайно усложняется следующим обстоятельством. В 120 м к западу от него высится достаточно известный **Синий курган** – грандиозная земляная усеченная пирамида, почти квадратная в плане⁸. Ее основание примерно 95×100 м, высота к настоящему времени 10–11 м (рис. 13, 15). Достаточно хорошо зная курганы Нижнего Дона, не могу указать на подобные громадные раннесредневековые сооружения.

Поверхность кургана плотно задернована. На юго-восточном склоне глубокая впадина от вершины кургана до основания (возможно, следы раскопок XIX в.; необходим поиск сведений о них в местной периодике и архивах). На других склонах незначительные повреждения.

С северо-запада и юго-запада к основанию насыпи примыкает *ров*. Особенно хорошо ров сохранился с северо-запада, где его ширина достигает более 10 м, а глубина до 1 м. В древности эти цифры были больше. Вся территория вокруг кургана подвергается многолетней распашке. Она проходит вплотную ко рву, а с северо-востока и юго-востока – к основанию насыпи. Создается впечатление, что ранее ров охватывал курган со всех сторон.

Ежегодная распашка под самое основание кургана выявила чрезвычайно ценную информацию: я не увидел здесь ни одного камня! Это дает почти полную уверенность в том, что

⁸ Известен и под названиями Бекрень Курган, Мамай Курган, Синий Мамай.

камень нет под самой насыпью. Во всяком случае, в кромке ее основания.

На Синий курган приходится обращать внимание не только в связи с его близостью к Цимлянскому квадрату, но и из-за совершенно *аналогичной ориентации с тем же отклонением от оси СЮ к западу и практически равной с ним площади*. Не замечать эти обстоятельства невозможно. Проблема состоит в том, что нет данных для хотя бы приблизительного датирования Синего кургана⁹. Было бы опрометчиво без оговорок относить его к раннесалтовским курганам с ровиками только на том основании, что и его охватывает квадратный ров. Известные до сих пор насыпи раннесредневековых курганов с ровиками невелики, иногда едва заметны, судить об их первоначальной форме не представляется возможным.

Неполнота сведений об уничтоженном кургане Больше-Орловский препятствует его объективному сравнению с Синим. Высота больше-орловского кургана также немалая, хотя он ниже, приблизительно 3,0–3,5 м. С другой стороны, каков он был в плане и имел ли ров по периметру – неизвестно.

Тема насыпей в форме усеченной пирамиды уже появлялась в литературе. Так, А.В. Комар, ссылаясь лишь на *полевые наблюдения* (здесь и ниже курсив мой. – В.Ф.) В.П. Копылова (не цитируя их) и на *расплывшийся* прямой угол каменной обкладки кургана 4 могильника Астахово I (ссылка

⁹ Впервые я посетил Синий курган в 2006 г. и под впечатлением от его грандиозных размеров опрометчиво отнес его в Полевом отчете к «царским» скифо-сарматского круга, для чего не было никаких оснований.

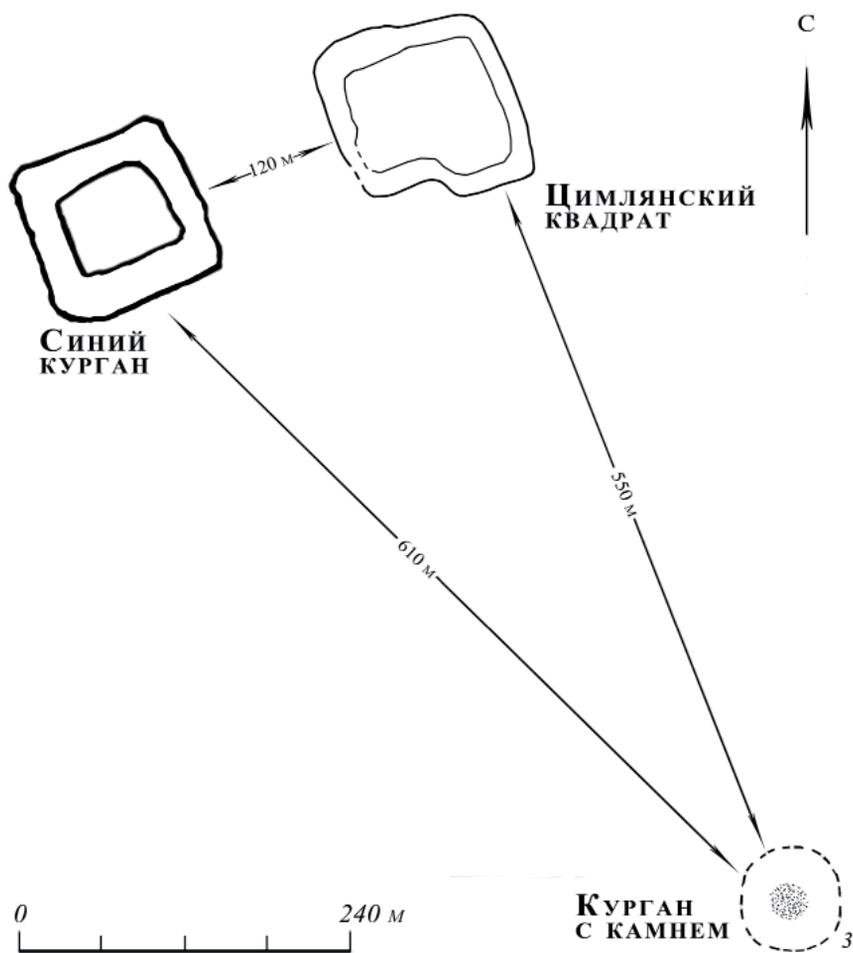

Рис. 13. План-схема расположения Цимлянского квадрата, Синего кургана и кургана с камнем.

Fig. 13. Sketch-map of the Tsimlyansky square, the Blue Mound and the mound with stones.

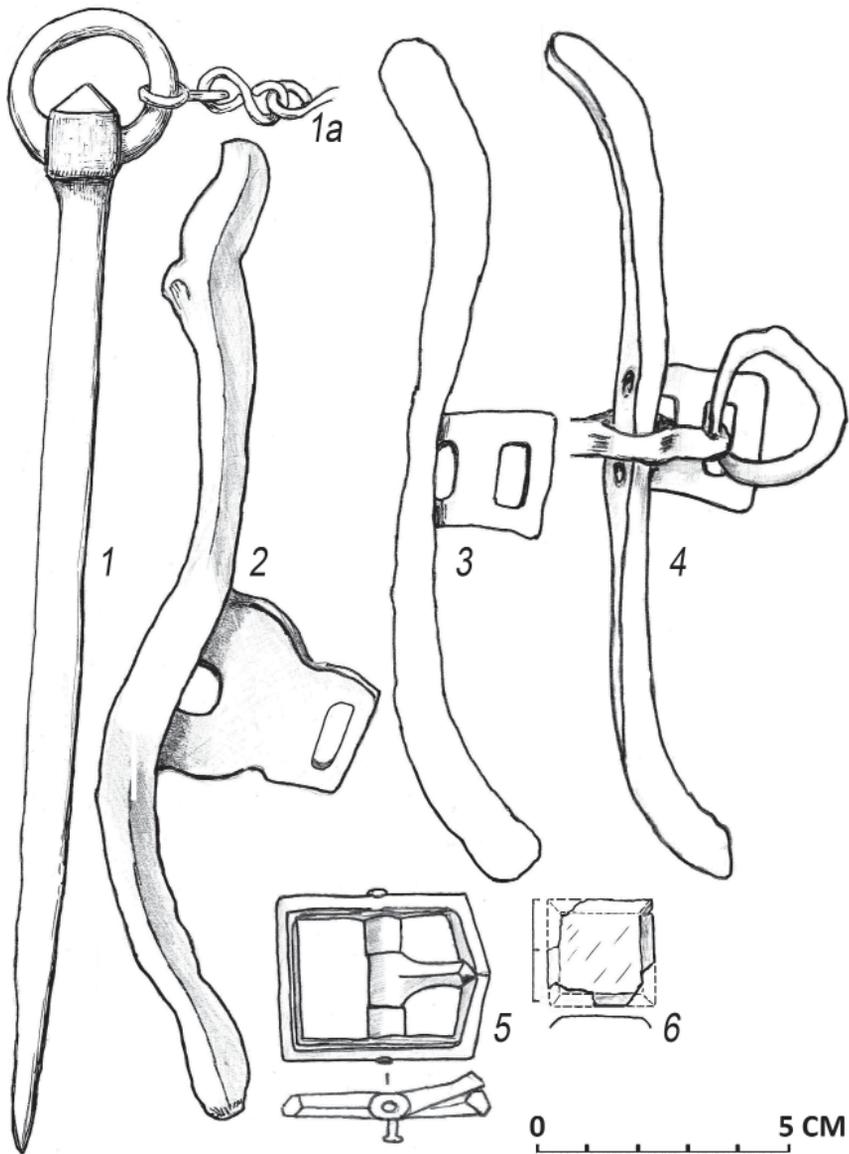

Рис. 14. Вещи из кургана Большая Орловка. 1-4 – железо; 5 – бронза;
6 – золотая фольга.

Fig. 14. Items from the Bolshaya Orlovka tumulus site: 1-4 – iron; 5 – bronze; 6 – golden foil.

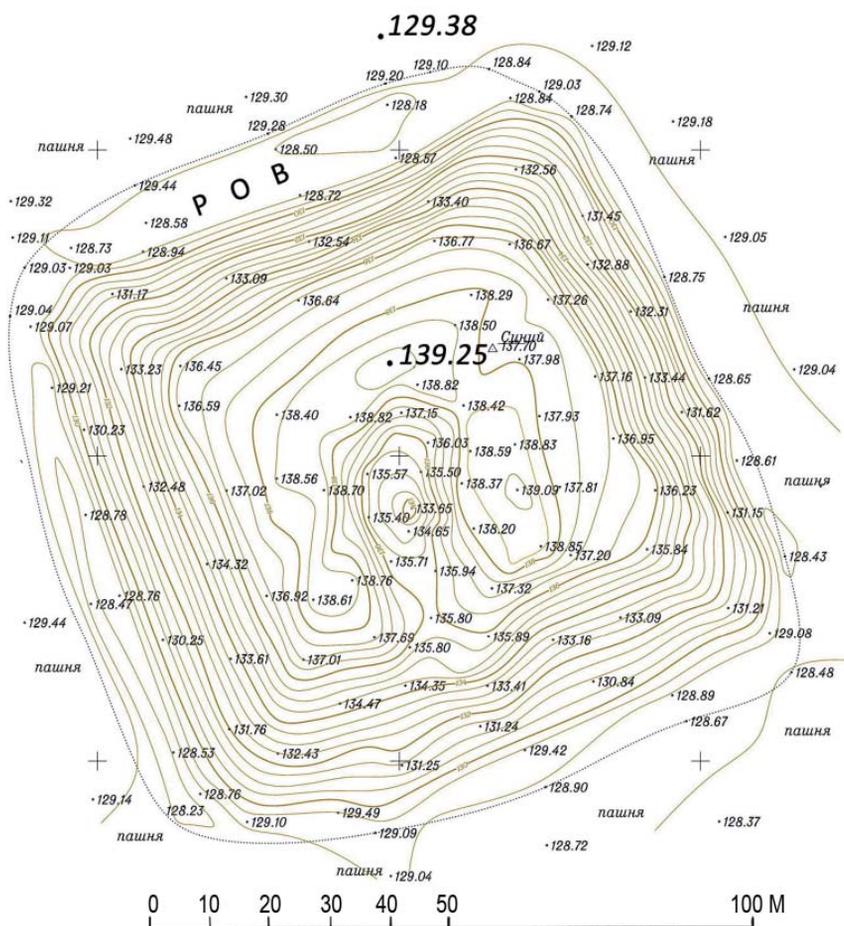

Рис. 15. Синий курган, план и вид с востока.

Fig. 15. The Blue Mound: plan and view from the east.

Рис. 16. Курган с камнем.
Fig. 16. The barrow with stones.

Рис. 17. Курган с камнем , центральная часть.
Fig. 17. The barrow with stones: central part.

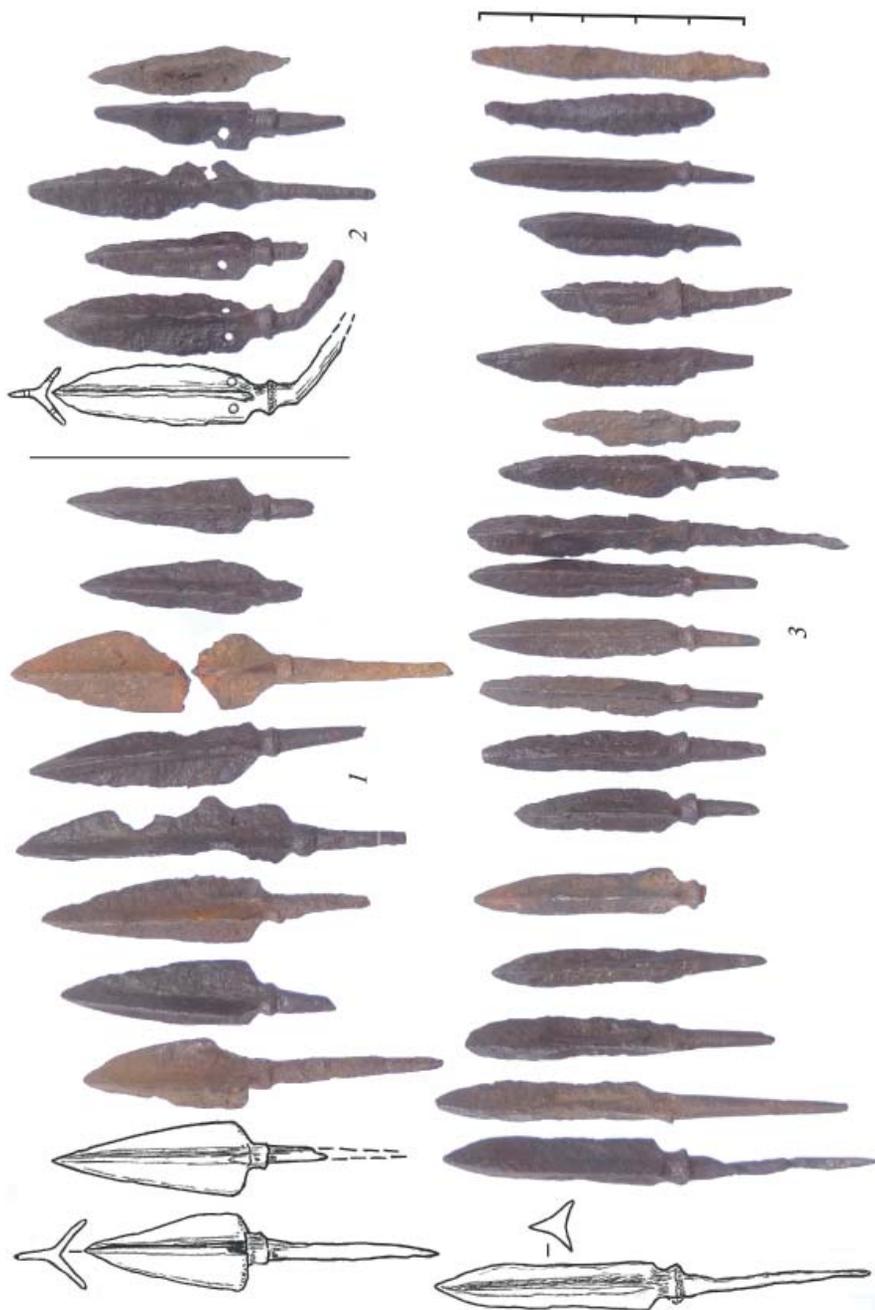

Рис. 18. Наконечники стрел из кургана с камнем.

Fig. 18. Arrow tips from the barrow with stones.

на *неопубликованный отчет*: Евдокимов и др., 1975, табл. XVI), сделал поспешный вывод: «квадратную в плане форму насыпи *следует считать* основной для курганов раннесалтовского типа». Более чем недостаточность материала, к тому же недоступного тогда большинству археологов, автор «восполнил» обращением к насыпям тюркютских куруков; мало того, пишет о «салтовских курганах-куруках» (Комар, 2001, с. 15¹⁰, 16). Я воздержусь следовать за такими выводами и уж тем более привлекать для сравнений с квадратными ровиками курганов Нижнего Дона такие памятники, как Эрдэнэмандал IV, Малаталу, Хушо-Цайдам (Комар, 2001, с. 12, рис. 1: 2–4).

Позднее А.В. Комар сам публикует курган 4 (Комар, 2009, с. 295–307). Выясняется, что его насыпь имела сложную историю и нарушалась повторными проникновениями, к тому же в ней располагалось половецкое святилище. Полное описание насыпи А.В. Комаром: «В наиболее пологой (*распльвишейся*) южной части насыпи, насыщенной камнями меньше, линия панциря приобрела *округлые* очертания, но в северной части насыпи наблюдаются *отчетливые остатки слегка распльвишегося прямого угла*. Первоначально насыпь, *несомненно*, представляла собою подквадратное в плане сооружение с длиной стороны около 14 м и с плоской подквадратной вершиной с длиной стороны около 6 метров» (Комар, 2009, с. 294).

¹⁰ Левая колонка на с. 15 вообще обращает внимание серией удивительных реконструкций и сопоставлений. Более всего удивляет, что автор даже знает, в чем «хазары были уверены».

Надо обладать некоторым воображением, чтобы в очертаниях неправильного овала (Комар, 2009, с. 296, рис. 1) уверенно видеть квадрат и уж тем более рассчитать размеры вершины. Вывод А.В. Комара о «несомненности» предложенной реконструкции «в форме усеченной пирамиды» (Комар, 2009, с. 297) более чем тенденциозен. Ко всему прочему выясняется, что и сама история создания насыпи имеет разные трактовки (дискуссия с М.Л. Швецовым на с. 296–297). Не было неожиданным, что за произвольной «реконструкцией» вновь последовало обращение к алтайским оградкам и курукам (Комар, 2009, с. 298).

Реконструировать прерывистые насыпи камня в курганах, тем более с поврежденными насыпями, сложно, и велик соблазн тенденциозного подхода. Укажу на кладку в кургане 11 могильника Ливенцовский-7 (окраина Ростова-на-Дону), которую автор называет «кромлех – кольцевая выкладка из рваного камня» (Ларенок, 2013, с. 203, 204, рис. 9). Справедливости ради, отмечу, что П.А. Ларенок не предлагает реконструкции первоначального плана кладки. Земляная насыпь ливенцовского кургана сильно распахана, а кладка камней в нем прерывистая и при желании можно юго-восточную и юго-западные стороны кольца «реконструировать» как прямые. В связи с восточными экскурсами А.В. Комара и подобными у других авторов настоятельно обращаю внимание на статью И.Л. Кызласова, специально адресованную восточно-европейским археологам: «я надеюсь быть полезным своим товарищам в европейской части страны обзором достигнутого в азиатской части. И показом того, что иногда заметно при

взгляде оттуда на запад» (Кызласов, 2010, с. 199)¹¹. В завершение важнейшего раздела статьи автор пишет: «Надеюсь..., что все сказанное убедит специалистов в **невозможности всерьез сопоставлять любые особенности азиатских поминальников с погребальными памятниками европейских степей**: ровики курганных захоронений с ровиками каганатских мемориалов, квадратные подкурганные конструкции (иногда даже деревянные) с, археологически говоря, открытыми комплексами культовых каменных оградок (свойственных, повторюсь, только для культуры единственного народа по имени «тюрк») и т.п. Надо ли говорить о том, что получаемые на этом основании языковые и даже этнические определения погребенных не могут восприниматься всерьез? Перед нами **совершенно разные категории культуры**, очень строго, как видим, выдерживавшие соответствующие каноны своего мира. **Общезвестно, что, выявляя основы культуuroгенеза, сравнительную работу должно проводить в рамках одной и той же категории древностей**. И восточноевропейские курганы, ради убедительности наблюдений, следует сравнивать с захоронениями, которые у тюркских народов Азии ни по форме, ни по конструкции, ни даже по расположению на местности не совпадают с их поминальными памятниками. Эти расхождения внутри азиатских культур разительны» (Кызласов, 2010, с. 203). Хазароведам статью-лекцию И.Л. Кызласова стоит прочитать полностью.

¹¹ Сборник со статьей И.Л. Кызласова помечен 2010 годом, но реально вышел в 2014 г.

Неопределенность в хронологии и атрибуции Синего кургана надо принимать как данность. В то же время его связь с соседним Цимлянским квадратом сомнения вроде не вызывает. Но первым шагом в хотя бы примерном датировании Синего кургана хазарским временем должно быть исключение его из массива курганов всех иных эпох, начиная с раннего бронзового века не только на Нижнем Дону, но и на соседних территориях, минимум от Волги до Днепра, а также на территории Первого Болгарского царства.

Казалось бы, все вопросы можно решить, раскопав его. Но, по моему убеждению, раскапывать=сносить Синий курган для решения интересной, но все-таки частной археологической проблемы, было бы непростительным варварством. **Курган должен быть сохранен как уникальный археологический объект для будущих поколений**. Сегодня допустимо его исследование неразрушающими методами, включая и неразрушающую сейсморазведку¹² и электроразведку. Большие надежды подает непрерывное совершенствование магнитометрии и других методов.

От поползновений археологов Синий курган пока косвенным образом спасает громадная стоимость его раскопок. Но нельзя исключить, что некий честолюбивый археолог все-таки найдет средства на раскопки и при существующей легкости получения Открытых листов начнет снос кургана.

¹² Неразрушающая сейсморазведка с большой точностью выявила геологическую подоснову могильника Клинь-Яр III (г. Кисловодск) в ходе моих раскопок на нем в 1983–1986 гг.

Препятствовать этому может только кардинальное изменение подхода Министерства культуры РФ и Полевого комитета Института археологии РАН к выдаче разрешения на исследование уникальных памятников археологии (и не только уникальных), каковым, безусловно, является и Синий курган. Вопрос о них должен решаться компетентной комиссией с выездом на место и детальным обсуждением методов предполагаемых раскопок. Нет никакой надежды, что такой ответственный подход к судьбе уникальных объектов археологии станет реальностью в обозримом будущем.

Можно исследовать сам Цимлянский квадрат, предельно осторожно и неспешно, просеивая каждую горсть земли, учитывая то, какие мелкие и хрупкие находки в нем содержались.

* * *

Курган с камнем. Следы большого кургана с россыпью камня, находящиеся более чем в 500 м к югу от Цимлянского квадрата (рис. 13). По словам П. Гордеева, насыпь кургана специально уничтожалась, растаскивалась по полю, чтобы не мешать его обработке. Только по цвету пятна, оставшегося от насыпи, можно приблизительно определить его диаметр – в пределах 70 м (рис. 16). Центральная часть кургана диаметром 25–30 м усыпана тысячами мелких, раздробленных в ходе уничтожения насыпи обломков известняка (рис. 17). Кроме них попадались обломки до 40 см в поперечнике и толщиной до 5 см плотного слоистого песчаника (т.н. плитняка), применявшегося и на Правобережном городище в основании крепостных стен. Таким образом,

вполне определенно можно говорить о том, что курган имел в центре каменную конструкцию, но о форме ее судить уже невозможно (кольцо или насыпь-щит?).

На месте кургана, но за пределами россыпи камней, той же группой марадеров собрано не менее 32-х трехлопастных наконечников стрел. Подразделяются они на три группы:

- лопасти широкие в основании, что придает профилю стрелы очертания вытянутого треугольника (рис. 18: 1);

- профиль листовидный, в нижней части каждой лопасти круглое отверстие (рис. 18: 2);

- узкие вытянутые, массивные; вероятнее всего предназначены против защитного облачения, кольчуги (рис. 18: 3).

Наконечники стрел салтово-маяцкой культуры трудно датировать в узких пределах. Хронологической опорой в дальнейшем могут послужить общие для трех групп наконечников признаки: 1) упор для древка; 2) сам упор имеет перехват. Трехлопастные наконечники именно с такими признаками были обнаружены в Правобережной Цимлянской крепости конца VIII – первой половины IX в. (Флёров, 1994, с. 486, 487). Упор имели и плоские наконечники из крепости (Плетнёва, 1994, с. 377, рис. 40: 7–11, 16–22; Флёров, 1994, с. 506, рис. 15: 4; с. 510, рис. 19: 1, 4). Предполагаю, что курган с камнем насыпан позднее создания Цимлянского квадрата. Проблема в том, насколько позднее и тем ли населением? Допустимо ставить вопрос о синхронности Правобережной кре-

пости и кургана с камнем, тем более что расстояние между ними составляет 1–2 дня пути пешком и конному.

Заканчивать первую краткую публикацию столь интересных для археологии Хазарского каганата материалов предложением скороспелых выводов было бы абсурдно¹³. Это, в первую очередь, относится к Цимлянскому квадрату с его комплексом вещей и связи его с Синим курганом-пирамидой. Необходимо помнить о том, каким образом «открыты» цимлянские находки, о полной неизученности обоих археологических объектов. Нет гарантий, что Цимлянский квадрат и вся примыкающая к нему площадь только впервые подверглись налету мародеров, и нет сомнений в том, что мародеры на этом не остановятся.

Появление нового большого комплекса вещей в нижнем течении Дона потребует переоценки большеорловских находок и решения вопроса о том, принадлежат ли оба памятника одной традиции¹⁴. Я склонен к положительному ответу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксёнов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. // Хазарский альманах. – Т. 5. – Киев–Харьков: Институт востоковедения НАНУ, 2006. – 306 с.

¹³ Согласен с А.В. Комаром в том, что в исследованиях древностей VII–VIII вв. по разным причинам «продуцированы скороспелые поверхностные выводы и гипотезы» (Комар, 2006, с. 92; относит ли он и себя к их авторам?). Не сомневаюсь, что в связи с Цимлянским квадратом и Синим курганом столь же поспешно всплывут известные аналогии с тюркскими квадратными сооружениями. Поэтому напомним о недавно открытых стратиграфических ситуациях в курганах с круглыми и квадратными ровиками у городища Брут (Габуев, Малашев, 2007; 2009), что возвращает нас к проблематике работ В.Е. Флёровой (Флёрова, 2001а, 2001б; Чхаидзе, 2013, с. 253).

¹⁴ Г.Е. Афанасьев писал: «В моем представлении этническая территория хазар – окружность с радиусом в 175 км с географическим центром в районе пос. Большая Орловка. Она была смоделирована путем анализа плотности распределения в регионе подкурганнных погребений хазарского времени» (Афанасьев, 2011, с. 108).

Первое. Вряд ли стоит одним комплексом вещей и с точностью до одного километра определять границы расселения в степях какого-либо этноса и его центра, как центра круга. Во всяком случае, совершенно необычный, грандиозный по величине, на сегодня единственный в своем роде Цимлянский квадрат с более чем представительным набором вещей (но, как в Б. Орловке, не «богатый»), не стоит объявлять скоропалительно «новым центром», даже если предположительно к хазарскому времени отнести и Синий курган. Я против предположений, не основанных на проверенных археологических источниках, а только «моделированных». В очередной раз приходится сказать, что «концентрация» означенных курганов явилась следствием концентрации в указанном регионе новостроечных раскопок второй половины XX в. (Флёров, 2015).

Второе. Следует ожидать новых местонахождений наборов вещей типа Б. Орловки и Цимлянского квадрата. Нет сомнений, что их состав окажется иным, как это имеет место в двух теперь известных нам памятниках, но в них следует ожидать стремени и удила или те и другие. Что касается вопроса об этнической территории хазар, то он остается дискуссионным и далеким от разрешения.

2. Амброз А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-Венгерский сборник. – М.: Наука, 1982. – С. 204–222.
3. Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – С. 522 с.
4. Афанасьев Г.Е. Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище // РА. – 2011. – № 3. – С. 108–119.
5. Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара: Самарский фонд «Полдень. XXII век», 1998. – 286 с.
6. Безуглов С.И. О монете из Большой Орловки (к оценке датирующих возможностей) // Средневековые древности Дона. Сборник статей. – М.: Мосты культуры–Гешарим, 2007. – С. 114–118.
7. Българите и техните съседни през V–X век. Каталог на изложба. – Варна (България): Регионален исторически музей – Варна, 2004. – 102 с.
8. Вължарова Ж. Славяни и прабългарите (по данни на некрополите от VI–XI в. на територията на България). – София: Из-во на Българската академия на науките, 1976. – 450 с.
9. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. – М.: ТАУС, 2009. – 465 с.
10. Грінченко В.А. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. – Т. III. – Киев: Из-во Академии наук УРСР, 1950. – С. 63–90.
11. Евдокимов Г.Л., Симоненко А.В., Загребельный А.Н. Отчет о раскопках курганов у с. Астахово Свердловского района Ворошиловградской области в 1975 г. // НА ИА НАН Украины, № 1975/50.
12. Илюков Л.С., Косяненко В.М. Раннесредневековый комплекс из Большой Орловки // Средневековые древности Дона. Сборник статей. – М.: Мосты культуры–Гешарим, 2007. – С. 85–113.
13. Историко-археологические записки. – Вып. I. – Зимовники (Ростовская обл.): Зимовниковский краеведческий музей, 2010. – 175 с.
14. Историко-археологические записки. – Вып. II. – Зимовники (Ростовская обл.): Зимовниковский краеведческий музей, 2012. – 74 с.
15. Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В. Сарматское погребение у станицы Михайловской // СА. – 1985. – № 4. – С. 228–234.
16. Комар А.В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. Хазарское время. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2001. – С. 11–44.
17. Комар А.В. Курганы VIII в. у села Астахово // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 7. Хазарское время. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2009. – С. 295–314.
18. Копылов В.П., Иванов А.А. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский // Средневековые древности Дона. Сборник статей. – М.: Мосты культуры–Гешарим, 2007. – С. 119–153.
19. Косяненко В.М. Погребение у слободы Большая Орловка – ранний памятник салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Ростовский-на-Дону университет, 1983. – С. 36–38.

20. *Кравченко Э.Е., Давыденко В.В.* Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. Хазарское время. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2001. – С. 233–302.

21. *Кызласов И.Л.* Ряд особенностей археологического изучения тюркских народов в России // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 5. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2010. – С. 198–207.

22. *Ларенок П.А.* Раннесредневековые погребения курганного могильника Ливенцовский 7 (по материалам раскопок 2006 г.) // Хазарские древности. – Аксай (Ростовская обл.): Аксайский военно-исторический музей, 2013. – С. 193–209.

23. *Плетнёва С.А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. – Вып. IV. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 271–396.

24. *Равич И.Г., Флёров В.С.* Горячекованные высокооловянные восточные бронзы на территории Хазарии // РА. – 2000. – № 3. – С. 134–146.

25. *Рашиев Р., Станилов Ст., Стойчев Ст.* Кабиюк. Раннесредневековен могилен комплекс. – София: Класика и стил, 2014. – 238 с.

26. *Тотев Б., Пелевина О.* Клад из Врапа (Албания) и аристократические пояса дунайских болгар // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 9. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2012. – С. 239–260.

27. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. – Вып. 3. – Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1998. – 53 с. + илл.

28. *Флёров В.С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. – Вып. IV. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 441–516.

29. *Флёров В.С.* Лепные горшки, котлы и другие виды керамики как индикаторы салтово-маяцкой культуры // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Междунар. конф., посв. памяти Г.А.Фёдорова-Давыдова. – Серия «Донские древности». – Вып. 10. – Азов: Азовский ист.-археолог. музей-заповедник, 2009. – С. 476–483.

30. *Флёров В.С.* Хазарские центры на Нижнем Дону // Восточная Европа в древности и средневековье. XXVII Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2015. – С. 284–288.

31. *Флёрова В.Е.* Подкурганные погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. – Хазарское время. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2001a. – С. 163–190

32. *Флёрова В.Е.* Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // РА. – 2001b. – №2. – С. 71–81

33. *Чхаидзе В.Н.* Два кургана раннесредневекового времени из междуречья Сала и Маныча // Хазарские древности. – Аксай (Ростовская обл.): Аксайский военно-исторический музей, 2013. – С. 245–255.

Информация об авторе:

Флёров Валерий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); valerij-flyorov@yandex.ru

THE TSYMLYANSK COMPLEX OF KHAZAR TIME ON THE LOWER DON

V. S. Flyorov

The two series of objects that arrived at the Tsymlyansk city museum (Rostov oblast, Russia) in 2013 are published. The first group comes from a roughly square construction of still unclear purpose covering an area of 130×130 m, which is hardly visible on the surface (conventionally named "Tsimlyansky square" or "Tsimlyanky kvadrat"). The group consists of about 170 items, including 60–70 horse cheek-bits and their fragments. Nearby, a well-known barrow in the form of truncated pyramid named (Dark-) Blue Mound is situated, covering an area of 95×100 m, over 10 m in height. Its base is encircled by a trench, square in plane. The barrow has not been excavated, its date remaining undetermined. The relation between the barrow and the published complex is presumable. The finds from the "Tsimlyansky square" show analogy with those from the Bolshaya Orlovka mound site belonging to the Saltovo-Mayatskaya culture and dated by the early-8th c.

The second group of the objects includes trilobate arrowheads that come from the remains of the ploughed burial mound with traces of a demolished stone construction (barrow with stones). The items also belong to the Saltovo-Mayatskaya culture and are presumably dated by the late-8th – early-9th cc.

Keywords: the Lower Don, the Khazar Kaganate, 8th c., Saltovo-Mayatskaya culture, Tsimlyansky square, pyramidal barrow, barrow with stones, horse cheek-bit, arrow tips.

REFERENCES

1. Aksenov, V. S., Mikheev, V. K. 2006. In *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 5. Kiev; Kharkov: Kiev; Kharkov: A. Yu. Krymskii Institute for Oriental Studies, Ukraine National Academy of Sciences (in Russian).
2. Ambroz, A. K. 1982. In *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniia narodov V–VIII vv. Sovetsko-vengerskii sbornik (Antiquities of the Great Migrations in 5th–8th Centuries. Soviet-Hungarian Volume)*. Moscow: "Nauka" Publ., 204–222 (in Russian).
3. Artamonov, M. I. 1962. *Istoriia khazar (The History of Khazars)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
4. Afanas'ev, G. E. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 108–119 (in Russian).
5. Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia) (Pre-Bulgars at the Middle Volga (at the Origins of the History of Volga-Kama Tatars))*. Samara: "Samarskii regional'nyi fond «Polden', XXII vek»" Publ. (in Russian).
6. Bezuglov, S. I. 2007. In *Srednevekovye drevnosti Dona (Medieval Antiquities of the Don Basin)*. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 114–118 (in Russian).
7. *Bălgărite i tehните săsedii prez V–X vek. Katalog na izlozha (Bulgarians and Their Neighbours in 5th – 10th Centuries. Exhibition Catalogue)*. 2004. Varna: Regional Historical Museum in Varna (in Bulgarian).

Executed in the framework of the Project on "The Khazar Khanate: interaction with Byzantium, East and Russia, according to archeological and written sources", Program of fundamental research, section of history, OFN RAS: "The Nations and the state in world history."

8. Vāzharova Zh. 1976. *Slavyani i prabālgari — po dannii na nekropolite ot VI — XI vek na teritoriyata na Bālgariya (Slavs and Pre-Bulgarians by Data of the 6th — 11th Centuries Necropolises on the Territory of Bulgaria)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
9. Gabuev, T. A., Malashev, V. Yu. 2009. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza (Sites of the Early Alans of Central Areas of the Northern Caucasus)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
10. Hrinchenko, V. A. 1950. In *Arkheolohiya (Archaeology)* III. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 63–90 (in Ukrainian).
11. Evdokimov, G. L., Simonenko, A. V., Zagrebel'nyi, A. N. 1975. *Otchet o raskopkakh kurganov u s. Astakhovo Sverdlovskogo raiona Voroshilovgradskoi oblasti v 1975 g. (Report on the Excavations of Barrows near Village Astakhovo, Sverdlovsk District, Voroshilovgradskaya Oblast, 1975)*. Scientific Archive of the Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine, № 1975/50 (in Russian).
12. Il'iukov, L. S., Kosianenko, V. M. 2007. In *Srednevekove drevnosti Dona (Medieval Antiquities of the Don Basin)*. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 85–113 (in Russian).
13. *Istoriko-arkheologicheskie zapiski (Notes for History and Archaeology)* I. 2010. Zimovniki (Rostov Region): Zimovniki Museum of Local Lore (in Russian).
14. *Istoriko-arkheologicheskie zapiski (Notes for History and Archaeology)* II. 2012. Zimovniki (Rostov Region): Zimovniki Museum of Local Lore (in Russian).
15. Kaminskaia, I. V., Kaminskii, V. N., P'iankov, A. V. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 228–234 (in Russian).
16. Komar, A. V. 2001. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 2. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 11–44 (in Russian).
17. Komar, A. V. 2009. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 7. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 295–314 (in Russian).
18. Kopylov, V. P., Ivanov, A. A. 2007. In *Srednevekove drevnosti Dona (Medieval Antiquities of the Don Basin)*. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 119–153 (in Russian).
19. Kosianenko, V. M. 1983. In *Problemy khronologii arkheologicheskikh pamiatnikov stepnoi zony Severnogo Kavkaza (Issues on Chronology of Archaeological Sites of Steppe Zone of the Northern Caucasus)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 36–38 (in Russian).
20. Kravchenko, E. E., Davydenko, V. V. 2001. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 2. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 233–302 (in Russian).
21. Kyzlasov, I. L. 2010. In *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Papers)* 5. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University; "Uspekhn-Info" Publ., 198–207 (in Russian).
22. Larenok, P. A. 2013. In *Khazarskie drevnosti (Khazar Antiquities)*. Aksay (Rostov Region): Aksai Museum for Military History, 193–209 (in Russian).
23. Pletneva, S. A. 1994. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV. Simferopol: "Tavriia" Publ., 271–396 (in Russian).
24. Ravich, I. G., Flerov, V. S. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 134–146 (in Russian).
25. Rashev, R., Stanilov, St., Stojchev, St. 2014. *Kabiyuk. Rannosrednevekovy mogilen kompleks (Kabiyuk: Early Medieval Burial Complex)*. Sofia: "Klasika i stil" Publ. (in Bulgarian).

26. Totev B., Pelevina O. 2012. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 9. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 239–260 (in Russian).

27. *Trudy Novocherkasskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novocherkassk Archaeological Expedition)* 3. 1998. Novocherkassk: Museum of the History of the Don Cossacks (in Russian).

28. Flyorov, V. S. 1994. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV. Simferopol: “Tavriia” Publ., 441–516 (in Russian).

29. Flyorov, V. S. 2009. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Series: Antiquities of Don 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 476–483 (in Russian).

30. Flyorov, V. S. 2015. In *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Problemy istochnikovedeniia (Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages. Issues of Source Studies)*. Moscow: Institute for Universal History, Russian Academy of Sciences, 284–288 (in Russian).

31. Flyorova, V. E. 2001. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 163–190 (in Russian).

32. Flyorova, V. E. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 71–81 (in Russian).

33. Chkhaidze, V. N. 2013. In *Khazarskie drevnosti (Khazar Antiquities)*. Aksay (Rostov Region): Aksai Museum for Military History, 245–255 (in Russian).

About the Author:

Flyorov Valerij S. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; valerij-flyorov@yandex.ru

УДК 67. 15. 47

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ КЕРАМИКИ В ХАЗАРСКОМ КАГАНАТЕ. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ НА ПРИМЕРЕ СЕМИКАРАКОРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2015 г. С.Ф. Токаренко, А.Ю. Ребров

Работа посвящена техническому анализу строительной керамики салтово-маяцкой культуры. Было исследовано несколько групп строительного материала, полученного в результате археологических раскопок и сборов на территории Семикаракорского городища и его окрестностей, Правобережного Цимлянского городища и некоторых других памятников Хазарского каганата второй половины VIII – начала X вв., а также на местах бывших казачьих поселений, где кирпичи использовались вторично.

Представлены результаты лабораторных исследований и испытаний различных строительных материалов салтовского периода: обожжённых и сырцовых кирпичей, черепицы, керамид и т.п. Приводятся качественные показатели этих материалов, их сравнительная оценка. Реконструируются технологические параметры и процессы, имевшие место при изготовлении строительной керамики. Использовались методы, применяющиеся в настоящее время для оценки качества и контроля процессов производства современной строительной керамики, определённых на представленных археологических образцах. Дана характеристика различных видов сырья и готовой продукции, полученной в результате его использования.

Была предпринята попытка воспроизвести процесс производства строительной керамики эпохи Хазарского каганата методами экспериментальной археологии. Приводится описание экспериментальной реконструкции изготовления и обжига кирпичей семикаракорско-саркельского типа в лабораторных и полевых условиях.

Ключевые слова: археология, Хазарский каганат, Семикаракорское городище, строительная керамика, технологический процесс, лабораторные исследования, экспериментальная археология.

Данная работа является продолжением темы «Технология изготовления кирпичей Семикаракорской крепости. Опыт реконструкции» (Токаренко, с. 535–541), с целью определения некоторых технологических моментов и параметров в процессе изготовления кирпича. Исследования проводились в лаборатории цеха художественного фаянса предприятия «Семикаракорский народный художественный промысел», специализирующегося на выпуске фаянса и терракотовых

изделий¹. Лаборатория аттестована Северо-Кавказским центром стандартизации и метрологии на проведение испытаний и определение показателей керамических изделий. Оборудование и приборы, использовавшиеся при проведении испытаний:

- шкаф сушильный лабораторный СНОЛ 2,5×2,5×2,5/2м;

¹ Благодарим К. А. Галюту, И. В. Губченко, А. И. Копосову за проведение лабораторных работ.

- весы лабораторные равноплечие ВЛР-200м;
- весы настольные циферблатные РН-10Ц13У;
- печь высокотемпературная электрическая СНО-4,8×2,8/3,1;
- печь камерная газовая ПКГ-0,5;
- потенциометр электронный дисковый КСП-3;
- термopара ППР ГОСТ 6116;
- микрометр МК ГОСТ 5507;
- штангенциркуль ГОСТ 166;
- микроскоп бинокулярный стереоскопический МБС-1.

Первой технологической задачей являлась необходимость определить – использовался ли песок как компонент при изготовлении кирпича: в качестве «отощителя» при затворении глиняного теста, в качестве подсыпки при формовке полуфабриката или для иных целей.

Кварцевый песок содержится как естественная примесь в глинистых материалах, использовавшихся в качестве сырья для кирпича. Количество его в глинах может достигать 50%. Это сырье представляет собой глины и суглинки четвертичного периода, состоящие из мелких пылевидных частиц. Оно однотипно на территориях, прилегающих к Семикаракорскому городищу, и залегает на небольших глубинах. Общая характеристика этого сырья дана в предшествующей работе (Токаренко, с. 539–540).

Для исследований были отобраны образцы сырья в непосредственной близости от городища – у восточного склона холма, где расположен памятник, на берегу р. Салок и на большем удалении от городища – примерно в одном километре (рис. 1). Вблизи городища глинистое сырье представлено четырьмя видами суглин-

ков: желтым (рис. 1: 1), желто-бурым (рис. 1: 2), серым (рис. 1: 3), буровато-серым (рис. 1: 4). Образцы, отобранные на удалении одного километра от городища: а) темно-бурый гумусированный суглинок, твердый, с корнями растений (рис. 1: 5); б) желто-бурый суглинок, лессовидный, твердый, с включениями карбонатов (рис. 1: 6) и в) здесь же суглинок, серый, твердый, с пятнами ожелезнения (рис. 1: 7). Все пробы отбирались в грунте, на глубине 20–50 см от поверхности, под небольшим слоем чернозема. Взяты эти материалы как наиболее вероятные в качестве сырья для изготовления кирпичей по причине близости к городищу. Следует также отметить, что эти глинистые материалы не существенно отличаются от других слагающих грунтов на территории Семикаракорского района.

Содержание песка определялось по величине остатка на контрольном сите № 0056 ГОСТ 6613 с количеством 10858 ячеек на 1 см². В керамической промышленности это сито используется для стандартных определений остатка на сите при помолу материалов. Навеска сырья промылась большим количеством воды до появления полностью прозрачной воды после сита. Остаток высушивали и взвешивали. Он представляет собой мелкий серый песок с небольшой примесью минералов и органических материалов. Количество песка в глинистом сырье составляет от 2,3 до 7,6%. Максимальный размер зерен песка составляет не более 0,2 мм, большая часть зерен имеет еще меньший размер – менее 0,1 мм, зерна размером примерно 0,5 мм единичны. Отмытые из сырья образцы песка были оставлены как контрольные для сравнения.

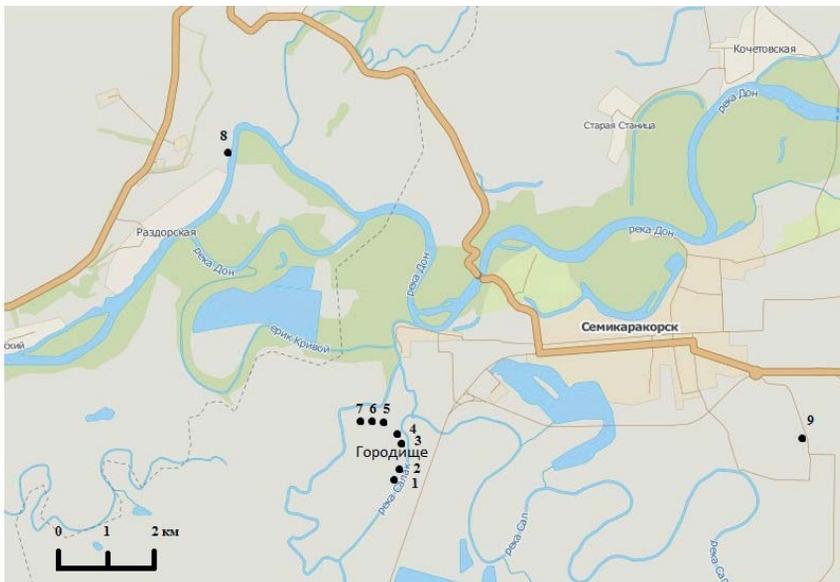

Рис. 1. Схема территории возле Семикаракорского городища с обозначением мест отбора сырья.

Fig. 1. Scheme of the territory adjacent to the Semikarakor hillfort site with raw material collection points marked.

Рис. 2. Деревянная форма для набивки и высохшие полуфабрикаты. Хорошо видна разница в усадке при использовании разного теста.

Fig. 2. Wooden stuffing mould and dry semi-fabricates.

The difference in fire shrinkage depending on puddled clay varieties is evident.

Рис. 3. Фрагмент кирпича Семикаракорского городища с поверхностными трещинами, образовавшимися при сушке после попадания дождя.

Fig. 3. Fragment of Brick from the Semikarakor hill fort site with surface cracks resulting from raindrops in the process of drying.

Рис. 4. Обожженный экспериментальный кирпич и изломы экспериментальных кирпичей.

Fig. 4. Burnt experimental brick sample and fractures in experimental bricks.

Также для сравнения были отформованы и обожжены образцы этой глины с уже известным содержанием песка без каких-либо добавок.

Позже, для более общей картины, были исследованы глины из более удаленных источников. Содержание песка в красно-бурой глине, отобранной на правом берегу р. Дон возле ст. Раздорской, примерно в 9 км от городища (рис. 1: 8), составило 26,2%. Этот песок имеет желто-оранжевый цвет и более крупный размер зерен – от 0,2 до 0,5 миллиметра. Еще одна проба сырья была отобрана на уже разведанном объекте – карьере месторождения Семикаракорское-3, примерно в 10 км к востоку от городища (рис. 1: 9). Месторождение детально разведано в 1981 г. и зарегистрировано. Приурочено к четвертичным аллювиально-делювиальным отложениям второй надпойменной террасы р. Дон. Полезная толща – пластообразная залежь серовато-желтых суглинков, тяжелых, с редкими включениями гнезд и нитевидных прожилков рыхлых карбонатов, реже стяжений и кристаллов гипса. Мощность суглинков составляет 5,4–9,7 м, вскрышки – почвенно-растительного слоя – 0,2–0,6 метра. Суглинки относятся к низкодисперсному (содержание частиц менее 0,001 мм – 29,0–33,5%) умереннопластичному сырью. По химическому составу суглинки однородны и относятся к кислому сырью с высоким содержанием красящих окислов (TiO_2 – 0,72–0,79; Fe_2O_3 – 4,70–5,07). Суглинки пригодны для производства кирпича методом пластического формования с добавкой 3% угля, отвечающего требованиям ГОСТ 530-80 (Пушкарский и др., с. 131, 132). Такая развернутая характеристика на дан-

ный момент есть только на один вид использовавшегося для эксперимента сырья, но и все остальное сырье по происхождению и показателям близко к вышеописанному и эти характеристики в значительной мере распространяются на все отобранные пробы. Запесоченность в этой последней пробе составила 1,9%, размер частиц – не более 0,01 миллиметра.

Для определения включений песка были исследованы поверхности сколов, срезов и сошлифованные поверхности у семикаракорских кирпичей и черепицы на разной глубине и в различных местах (подобно тому, как это делают в петрографии). Образцы для исследования были отобраны на территории городища в различных местах. Количество образцов составило 50 ед., количество исследованных поверхностей на образцах – несколько сотен. Следует отметить, что это относительно небольшое число определений, учитывая огромное количество материала (несколько десятков тысяч кирпичей), но результаты с большой вероятностью можно экстраполировать на остальные изделия. Исследование подготовленных поверхностей производилось при восьми- и десятикратном увеличении.

Примерно в трети образцов включений песка не обнаружено, исключая единичные сильно рассеянные, размером ~ 0,5 миллиметра. В остальных кирпичах включения обнаружены, равномерно распределенные по объему и имеющие размеры 0,1–0,2 мм, более крупные (~ 0,5 мм) единичны. Исключение составил один фрагмент, где количество песка заметно больше, чем у остальных, примерно в 2–3 раза. Эти включения также равномерно распределены по объему и размер та-

кой же (0,1–0,2 мм). Во фрагментах черепицы песка не найдено.

В целом ни по количеству, ни по размерам включения песка не превышают его содержание в исходном сырье. При сравнении кирпичей с обожженными образцами сырья с уже известным содержанием песка, его количество в кирпиче можно оценить в 6–8%. В том единственном образце, где содержание песка существенно больше, его количество можно определить в пределах 20%, т.е. не выше, чем в «раздорской глине». На поверхности кирпичей песок так же не обнаруживается в каких-либо количествах, превышающих распределение в тесте, т.е. в качестве подсыпки при формовке полуфабриката он не использовался. Таким образом, можно утверждать, что песок не добавлялся в глиняное тесто и не использовался как подсыпка при изготовлении кирпича. Подобное заключение есть и у С.А. Плетневой в отношении кирпичей Саркела: «Результаты анализа материала кирпича соответствуют данным анализа обычной кирпичной глины» (Плетнева, 1996, с. 165).

В пользу этого следует отметить и тот аргумент, что песок мелких фракций, которые в основном представлены в кирпичах, не является эффективным «отошителем» для глиняного теста. В качестве искусственной добавки используют гораздо более крупный. Современный взгляд на это явление следующий: «В отношении поведения при сушке трещиностойкость и чувствительность к сушке глин зависят не только от их качественного и количественного минералогического состава и общего содержания природных отошающих (песчаных) частиц, но и от грануло-

метрии этих частиц, поскольку мелкодисперсный песок (менее 0,25 мм) перестает выполнять специфические для кремнеземистых пород функции отошителя и, уплотняя пластичную глиняную массу, осложняет процессы влагопереноса при сушке». (Вакалова с. 24). Это является правилом для всех «отошителей», например, в отношении шамота: «Зерна шамота, размером 0,5–2 мм, добавляются в количестве 5–20% к объему. От шамотной пыли необходимо избавляться, так как она только ухудшает качество глины» (Зиневич, 1977, с. 97).

Практически весь массив кирпичей, представленных на городище, одинаков по цвету – красные «терракотовые» с разной степени оттенками оранжевого, бежевого и охристого цвета. Бывают исключения – встречаются кирпичи матового желтого и серо-зеленого цветов. Сырье для таких кирпичей – глина серо-зеленого цвета до обжига – встречается в окрестных обрывах по берегам рек, в виде «линз» и прослоев мощностью до 20 см среди пластов обычного суглинка. От поверхности они залегают на глубинах до 3–5 метров. Другой причиной такой окраски может быть обжиг с недостатком кислорода (восстановительный), когда железо имеет другие формы соединений, а не окись Fe_2O_3 .

Следующей задачей данной работы была необходимость определить некоторые технологические показатели, *реконструируя процесс изготовления кирпичей в лабораторных условиях*. Судя по изломам кирпичей, использовались различающиеся между собой виды сырья – по цвету глины после обжига, характеру и количеству

естественных включений и т.д. По-видимому, сырье происходило из разных мест или разных слоев в грунте, что неизбежно при больших объемах производства. Оно не подвергалось какой-либо предварительной обработке или сортировке – удалялись только крупные (более 2 см) механические включения – фрагменты веток, корней, угли и т.п. Замес и перемешивание (гомогенизация), если судить по неоднородности в изломах кирпичей, не были тщательными и долгими, однородность теста не достигалась и, видимо, не была особенно важной. Глиняное тесто получали затворением сырья водой.

Сырье, обнаруженное возле гордища, лессовое и потому рыхлое, благодаря условиям залегания еще и влажное, не требовало дополнительного измельчения. Другие виды сырья, слежавшиеся и твердые, требовали дополнительного размельчения.

При производстве кирпича только изредка добавлялась трава с целью сделать тесто менее липким в процессе вымешивания и при формовке полуфабриката. Судя по размерам раковин от выгоревшей травы в кирпичах, размер рубленых или резаных фрагментов составлял ~ 1 сантиметр. Определить (или оценить) количество добавляемой травы ни по весу, ни по объему не представляется возможным.

Некоторое представление о возможном количестве травы в глиняном тесте может дать сравнение с современными производствами, работающими с такими же глинами, но с другими отощителями. Для формовки кирпича пластическим способом, соответствующим ГОСТ 530-80, в мест-

ные глины добавляют 10–15% опилок (Пушкарский и др., 1992, с. 133).

Для оценки технологических характеристик и параметров процесса производства кирпича был воспроизведен процесс формовки – изготовлена деревянная форма с внутренними размерами 25 : 25 : 7 см без дна для «набивки» (наполнения) глиняным тестом. Невзирая на наличие некоторого «стандарта», у кирпичей расхождения в реальных размерах достаточно велики: по ширине от 30 до 23 см (т.е. 23%) и по толщине от 4,5 до 8 см (т.е. 44%). Большая часть кирпичей по размерам располагается примерно посередине между указанными выше. Расхождения в размерах могут быть вызваны массой причин, которые могут накладываться друг на друга: разница в размерах форм при изготовлении, при износе форм («расходились» при набивке и, соответственно, увеличивались); различная усадка глиняного теста в зависимости от влажности, различных видов сырья, содержания отощителя; плотность набивки теста в форму и т.д.

Для реконструкции процесса формовки из вышеописанных видов сырья готовилось глиняное тесто без добавления травы, и затем такое же с травой. В условиях эксперимента влажность глиняного теста составляла 25–27%. Использовалась сырая (без сушки) трава, без какого-либо отбора и сортировки, нарезалась размером ~ 1 сантиметр. В деревянной форме «дно» засыпалось тонким слоем резаной травы с таким расчетом, чтобы тесто, заполняющее форму, не прилипало к поверхности. Следует отметить, что эта операция не является обязательной, если тесто не

прилипает к поверхности, на которой работают. Глиняный ком с силой забрасывался в форму, затем тесто забивалось в углы. Если ком был излишне большим, излишек, выступающий над стенками формы, удалялся. Если недостаточным, то тесто добавлялось меньшими порциями. Влажность глиняной массы могла быть различной: от густой, но пластичной, до мягкой, почти жидкой. Это существенно влияло на время выемки из формы и соответственно на производительность, но в любом случае позволяло изготовить полуфабрикат.

После подвяливания, когда становилась заметной усадка (уменьшение в размерах) глины, полуфабрикат извлекался. Время подвяливания составляло от 40 мин. (в случае плотного теста) до 2–4 часов (в случае жидкого теста). Различные обстукивания, встряхивания формы и т.п. вибрации существенно ускоряли процесс выемки. В случае использования плотного теста, влажностью 20–21%, полуфабрикат извлекался почти сразу после наполнения, но больше времени и сил уходило на набивку формы.

Процесс формовки очень прост и не имеет каких-либо особенностей, не требует обучения или квалификации и по мере приобретения навыков становится высокопроизводительным. Примерно такие же выводы делает Г.Е. Свистун в отношении формовки и технологии изготовления материалов Чугуевского городища (Свистун, 2004, с. 26, 27).

При изготовлении полуфабрикатов выяснилось следующее. Полуфабрикаты, изготовленные «при прочих равных условиях» из тощего сырья (суглинков) при подвяливании и сушке не растрескиваются даже без

добавления травы. Полуфабрикаты из пластичного («жирного») сырья (глин) существенно больше растрескиваются при подвяливании и сушке. Особенно сильно полуфабрикаты растрескиваются на завершающем этапе сушки, когда напряжения, возникающие за счет уменьшения в размерах, максимальны. Усушка (изменения в размерах) полуфабриката от формовки до полного высыхания составляет от 7,5 (у «тощего» сырья) до 12,7% (у «жирного») (Рис. 2). Время сушки составило 12–15 дней и может существенно меняться в естественных условиях в зависимости от погодных условий: температуры, влажности, циркуляции воздуха и т.п. Из опробованного сырья к разряду «жирных» относится «раздорская» глина и желтый суглинок, отобранный возле городища. Все прочие виды сырья относятся к числу «тощих». «Раздорская» глина является «жирной», несмотря на обилие (26,2%) песка в составе. По-видимому, это связано с тем, что песок представлен мелкодисперсными фракциями (преимущественно меньше 0,25 мм) и не служит отошителем в таком состоянии, как уже описано ранее.

«Растрескивание» («рвать») полуфабрикатов из «жирного» сырья заметно уменьшается и исчезает совсем при добавлении травы в глиняное тесто, т.е. использование «жирного» сырья обязательно требует добавления травы. Резаная трава является чрезвычайно удобным и эффективным компонентом, обеспечивающим высокую производительность на формовке и высокий выход качественных (без треска) полуфабрикатов на сушке и готовых изделий из обжига. И в связи с этим возникает любопытный во-

прос: добавлялась ли трава сразу при затворении теста или же добавлялась по ходу работы – т.е. оценивалось (или определялось) сырье по пластичности заранее, предварительно, перед «замесом» или же к пластичности приспособлялись по ходу работы, добавляя траву, чтобы тесто меньше прилипало. Вопрос этот возникает в связи с тем, что заготовка резаной травы является трудоемким процессом. Можно предположить, что второй вариант – добавление травы в тесто уже при работе – был более вероятным. Пластичность («жирность») глины в полевых условиях легко оценить, раскатав ее в руке жгутиком толщиной 1,5–2 см и длиной 15–20 см и затем вытянув за оба конца. Тощая длина плохо тянется и дает неровный разрыв. Жирная глина вытягивается плавно, постепенно утончается, образуя в месте разрыва острые концы. Или же можно определить все это при работе с глиной по прилипанию ее к рукам. Выбор сырья для изготовления кирпичей был, таким образом, очень широк, а запасы сырья велики, в том числе и вблизи городища.

При подвяливании в форме полуфабрикат кирпича сильно «проседает» в центре, это хорошо заметно и у сохранившихся кирпичей на городище. Когда полуфабрикат достаточно подсыхал, чтобы не деформироваться под собственным весом, его переворачивали на разные грани, чтобы ускорить сушку и сделать ее более равномерной. Окончательно полуфабрикаты досушивались и хранились в штабелях-клетках с тем, чтобы не занимать большие площади. Штабели складывались таким образом, чтобы между полуфабрикатами обеспечивалась циркуляция воздуха. Сушка,

видимо, занимала длительное время, т.к. толщина изделий была большой, а влажность поступающих в обжиг изделий должна быть очень малой. Принято, считать, что влажность забираемых в обжиг полуфабрикатов не должна превышать 2%. При большей влажности изделие может растрескаться за счет выделения паров воды из внутренних слоев. В условиях эксперимента это время, как уже говорилось, составило 12–15 суток.

Для иллюстрации этого производственного этапа любопытен фрагмент кирпича, обнаруженный на городище, с сеткой поверхностных трещин на верхней постели в виде неправильных квадратов и прямоугольников с приподнятыми краями, как бы не полностью отшелушившихся, что свидетельствует об очень высокой влажности на этой поверхности – тонком слое воды после попадания дождя (рис. 3). Такую картину можно наблюдать на грунте – на поверхности высохших на солнце дождевых луж, когда вода интенсивно испаряется с участков растрескавшейся поверхности, а края сильно загибаются вверх в результате быстрой усадки. На кирпиче этот момент был закреплен обжигом – можно предположить, что данный кирпич не был укрыт от дождя и верхняя постель была обильно намочена, затем после сушки и без повреждающих механических воздействий кирпич попал в обжиг. Поскольку такие экземпляры редки, то можно предположить, что полуфабрикаты тщательно оберегались от непогоды (дождя).

При сушке полуфабрикаты местами деформируются: загибаются кверху углы, становятся неровными поверхности, возникают мелкие поверхностные трещины и т.п., но такие

дефекты вряд ли как-то особенно важны для такого рода изделий.

В процессе эксперимента сухие полуфабрикаты устанавливались в газовую камерную печь в стопы, друг на друга, и по отдельности. Обжигались при температуре 800⁰ без какой-либо изотермической выдержки в сильно окислительной газовой среде. Время набора температуры составило 2 часа, время охлаждения (принудительным продуванием воздуха) – 2,5 часа. Температура кирпичей, извлеченных из печи, составила примерно 200⁰. Огневая усадка (уменьшение размеров высохшего полуфабриката в обжиге) составила от 0,8 до 1,1%, *полная усадка от 8,2 до 13,3%* (изменение размеров от формы до готового изделия). Величина водопоглощения у готовых кирпичей составила от 10,8 до 20,6%, что сравнимо с этим показателем у кирпичей, отобранных на городище (Токаренко, 2009, с. 537). Определения проводились по РСТ 604-91, пункт 4.12, как и в предшествовавшей работе (Изделия, 1991)

Кирпичи, изготовленные в ходе эксперимента, имеют различный цвет и оттенки в зависимости от исходного сырья: «раздорская» глина – ярко-оранжевая с рассеянными белыми включениями размером около 1 мм; суглинки, взятые возле городища – охристые, примерно одного цвета, без заметных включений; суглинок с месторождения Семикаракорское-3 более коричневый. В целом кирпичи из суглинков по цвету очень близки. Существенно отличается от них «раздорская» глина. По цвету, характеру поверхности, внешнему виду, состоянию изломов экспериментальные кирпичи мало отличаются от имеющих образцов с Семикаракорского

городища, исключая то, что связано с «возрастом». Песок в экспериментальных кирпичях по количеству, размерам и рассеянию сравним с этими показателями у кирпичей городища. Кирпичи, изготовленные из сырья (суглинков и глин) без добавления травы, в изломе одноцветны и однородны по всей толщине. Черная сердцевина в кирпичях будет отсутствовать, если в исходном сырье (глине) изначально не будет органических веществ в каком-либо виде. Но при этом надо иметь в виду, что экспериментальный обжиг проводился в окислительной среде, при обжиге на костре картина будет отличаться.

Кирпичи, у которых в тесте были естественные включения органики (фрагменты корней и т.п.), в изломе имеют черные пятна размером примерно 0,5–1 сантиметра. Кирпичи, при изготовлении которых в тесто в большом количестве (примерно 5–10%) добавлялась трава, в изломе трехслойные, с сердцевинной черной, насыщенного цвета. Толщина наружных, прожженных слоев 5–10 миллиметров. На эту глубину от поверхности выгорели органические вещества за время обжига. Раковины от выгоревшего материала также подобны раковинам в кирпичях городища (рис. 4).

Черные матовые (более блеклые) пятна на поверхности экспериментальных кирпичей есть в местах, где воздействие температуры чем-либо экранировалось – полом, другими кирпичами в стопе. Толщина черного слоя в этом случае составила не более 3 миллиметров. Результаты экспериментального обжига подтверждают положения, изложенные в данной работе в отношении сырья, состава те-

ста, изготовления полуфабрикатов и т.д.

Обжиг на костре существенно отличается от обжига в печи. Полуфабрикаты были установлены на открытой площадке в небольшой штабель, на котором был разведен костер из дров. Обжиг длился три часа, кирпичи были извлечены горячими. Расход топлива составил 0,5 м³, использовались отходы столярного производства, дерево разных пород. Максимальная температура в костре составляла около 800⁰. Оранжевый цвет на кирпичках получается там, где был свободный доступ воздуха – сверху и со стороны, откуда дул ветер; в середине и снизу цвет кирпичей был черным. Поверхности, которыми кирпичи соприкасались, так же получались черные – экранировались. Обжиг был крайне не однородным (рис. 5, 6.).

Механическая прочность у кирпичей, обожженных на костре оказалась выше чем у обожженных в муфеле. Повышенную механическую прочность у этих кирпичей, с черной сердцевинной, объясняют следующим образом: «При интенсивном подъеме температур в интервале до 800⁰ С усиленно выделяются газообразные продукты горения, которые препятствуют проникновению кислорода внутрь материала. В этот период часть топлива (органического вещества, запрессованного в массу) взаимодействует с кислородом ряда окислов, входящих в состав глины, и с кислородом продуктов частичного восстановления паров и углекислоты, выделяющихся при обжиге глины. Летучая часть топлива в этих условиях проникает через поры изделия к поверхности, где, соприкасаясь с кислородом, сгорает. При этом внутри изделия образуется

восстановительная среда, о чем свидетельствует чернота в изломе обожженного кирпича... Полученные в период упругих деформаций при быстром подъеме температуры закисные соединения железа, являющиеся более сильными плавнями по сравнению с окисью железа, способствуют получению спекающейся сердцевинки в обожженных изделиях, что значительно повышает их механическую прочность. Закисные соединения железа при температуре выше 600⁰ С связываются с другими окислами. Это приводит к более раннему созреванию материала, повышению прочности и морозоустойчивости керамических изделий. Закись железа способствует снижению температуры плавления, активизирует компоненты глины и ускоряет этим процессы. Таким образом, при пониженной температуре (в зависимости от минералогического состава глин на 40–200⁰ С ниже чем в окислительной среде) в более значительном количестве образуются такие стабильные фазы керамической массы, как муллит, диоксид и полевые шпаты. Для получения положительного эффекта количество железа в глине должно быть не менее 4% (в пересчете на Fe₂O₃)» (Кашкаев, Шейнман, 1978 с. 159, 160, 163). Таким образом, обжиг на костре (в таком обжиге всегда будут происходить моменты восстановительного процесса) приводит в результате к более высокой прочности кирпичей по сравнению с результатами обжига в электрической печи (где среда остроокислительная из-за кислорода воздуха) при одинаковой температуре этих обжигов.

Такой же процесс происходит при образовании брака (именуемого «завар») на современном производстве

кирпича в кольцевых печах, работающих на угле: в восстановительной среде, при обилии топлива внутри и недостатке воздуха, образуется спекшаяся монолитная пузырчатая масса сине-черного цвета, очень твердая и прочная. Пузыри, хорошо видимые внутри и на поверхности – не результат кипения, а продукты незаконченного газовыделения (рис. 7). Фрагменты кирпичей с оплавлением такого вида встречаются и на Чугуевском городище (Свистун, 2012, с. 26, 27). Подобный эффект также наблюдается на фрагментах строительной керамики Кабанового городища (Свистун, 2004, с. 11, рис. 10–12). Учитывая обилие черных пятен и широкую черную сердцевину у фрагментов кирпичей Семикаракорской крепости, можно предполагать, что обжиг был очень неоднородным и непродолжительным (рис. 8, 9). Можно также предположить, что полуфабрикаты устанавливались для обжига «на ребро», а не «плашмя» в конус или пирамиду, т.к. в этом случае будет получаться одинаковая толщина прожженного слоя с обеих сторон кирпича. В пользу обжига в штабеле на Семикаракорском городище говорит разнообразие внешнего вида, т.е. воздействия огня на кирпичи. Обжиг в горне предполагает все же большую однородность теплового поля.

Поскольку полностью отсутствует какая-либо информация о способе обжига и никаких следов обжига кирпичей пока не обнаружено, то соображения по этому вопросу могут носить только умозрительный характер. В качестве возможного варианта или вероятного примера подобного обжига можно привести описание эксперимента из Центра экспериментальной

археологии в Бастер-Хилле в Англии: «Англичане апробировали метод, который можно сравнить с выжиганием древесного угля в штабелях. Он прост, и мы легко сможем сами его испытать. Сначала выкопаем яму диаметром 45 и глубиной 15 сантиметров. Углубление нужно выстлать соломой или сеном, и на эту подушку аккуратно поставить высушенные горшки так, чтобы они образовали конус, который со всех сторон полностью заваливают ветками и небольшими сухими чурками. Затем накладываются более крупные и менее просушенные поленья, пока все сооружение не достигнет по высоте и в диаметре около 1 метра. И, наконец, весь конус покрывается «рубашкой» из свежесрезанных блоков дерна. В ней с каждой стороны оставляются два отверстия, через которые поджигается солома. Когда огонь разгорится, гончар, не мешкая, закрывает отверстия в дерновом слое. Спустя сутки, а зачастую и после более длительного срока «гончарный штабель» обычно остывает. Его разбирают и вынимают керамику. Способ обжига без доступа кислорода носит восстановительный характер, и поэтому горшки обрели черную окраску. Красные пятна на сосудах показывают, в каких местах в штабель проникал воздух.

Продолжение опыта привело к новым открытиям. После двадцати обжигов в одной и той же яме ее глубина увеличилась до метра, а диаметр – до полутора метров. Вскоре после прекращения этой весьма интенсивной и обширной деятельности под воздействием привычных атмосферных факторов исчезли практически все следы ямы. Она постепенно заравнивалась золовой глиной, листвой и обрушивающимися стенками. Археологи

Рис. 5. Экспериментальные кирпичи обожженные на костре.
Fig. 5. Experimental bricks burnt in the open fire.

Рис. 6. Изломы экспериментальных кирпичей обожженных на костре.
Fig. 6. Fractures of experimental bricks burnt in the open fire.

Рис. 7. Поверхность производственных кирпичей с дефектом «завар».
Fig. 7. Surface of mass-production bricks with "scalding" (zavar).

Рис. 8. Изломы кирпичей Семикаракорского городища.
Fig. 8. Fractures of bricks from the Semikarakor hillfort site.

2980 года обнаружат там лишь кучку угольков» (Малинова, Малин, 1988, с. 168). Здесь описан восстановительный обжиг. Окислительный будет отличаться свободным доступом воздуха и окраской изделий после обжига в терракотовый цвет. Возможно также, что он будет протекать несколько быстрее. Обжиг в штабеле имеет, кроме описанных в первой работе экономических достоинств, и некоторые технологические преимущества: такой обжиг не требует тщательного высушивания полуфабрикатов в естественных условиях, что очень важно, учитывая объемы производства и большую толщину кирпичных полуфабрикатов – частично досушивание происходит «принудительно» при разогреве штабеля. По этой же причине (медленный разогрев по сравнению с гончарной печью) вероятность растрескивания полуфабрикатов уменьшается. Существенно проще была «заборка» полуфабрикатов в штабель и выемка после обжига, по сравнению с гончарной печью или каким-либо подобным устройством. Таким образом, исходя из совокупности экономических и технологических предпочтений, обжиг в штабеле выглядит более вероятным.

Приводим описание другого эксперимента. В течение 12 часов костер поддерживался только за счет сжигания сухого камыша, который дает более интенсивную температуру при сжигании, так как содержит большое количество кремнезема в своей структуре. Камыш при сжигании дает быстрое и яркое пламя и температура такого пламени значительно выше, чем от дерева. После сжигания камыша над ямой в костре образовался холм пепла, который дает сильный

жар на расстоянии нескольких метров (Поплевко, 2011, с. 352).

Если эти данные соответствуют действительности, то этот эксперимент имеет два преимущества: с топливом – много камыша растет по берегам окрестных рек и озер; отсутствие следов обжига, даже ульев.

Обжиг, в том виде и последовательности, как описан Г.Е. Свистуном для кирпичей Чугуевского городища (Свистун, 2012, с. 26, 27), представляется совсем непрофессиональным, низкокачественным, дающим выход бракованной продукции (растрескавшейся), но учитывая, по материалам раскопок, наличие массового брака, «рассыпчатых», растрескивавшихся кирпичей и крошки, можно допустить возможность и такого проведения обжига кирпичей.

Фрагменты одного из экспериментальных кирпичей, изготовленного и обожженного как описано выше, были зарыты в грунт на открытой площадке на глубину 10 см, где пробыли 2 года, после чего были извлечены. Исключая то, что все яркие цвета на поверхности и на изломе кирпича сильно поблекли, никаких других заметных изменений ни по виду, ни по показателям не обнаружено. Внешний вид обломков экспериментального кирпича стал мало отличим от найденных на Семикаракорском городище.

Кирпичи и их фрагменты, собранные на территории станицы Раздорской и Семикаракорского района, большей частью на местах бывших казачьих хуторов, ни по внешнему виду, ни по определяемым показателям не отличаются от кирпичей Семикаракорского городища и ведут свое происхождение отсюда. Значительная часть оборонительных сооружений

Саркела и Семикаракорского городища были разобраны на хозяйственные нужды более поздними поколениями местных жителей (этот процесс продолжался до середины 20 века) (Лазарев А.Т., Лазарев А.А., 2001, с. 39).

Среди них заслуживает внимания один фрагмент, необычайно легкий по весу. Обломок представляет собой угол кирпича толщиной 6–6,5 см, в изломе цвет оранжевый однотонный, прожжен равномерно, хорошо видны следы выгоревшей резаной травы размером 0,5–1 см, заметны слои глиняного кома, образовавшие складки при набивании в форму. Кирпич хрупкий и пористый, даже не сразу тонет в воде, водопоглощение составляет 77–81% (определялось несколько раз), по-видимому на 2/3 по объему состоял из травы. Маловероятно что бы этот кирпич был изготовлен специально для каких-либо целей – трудно найти ему практическое применение, можно лишь предположить случайное изготовление из обилия резаной травы, при каком-то неудачном вымешивании.

Были исследованы по тем же показателям образцы строительных материалов Правобережного Цимлянского городища, предоставленные В.С. Флёровым из сборов и раскопок 2009–2010 гг. Это фрагменты кирпичей² – 11 ед., фрагменты керамид – 6 ед., фрагменты калиптеров – 2 ед. Количество образцов, безусловно, невелико и не позволяет делать какие-либо значительные обобщения и выводы.

---

² Кирпичи попадали в Правобережную Цимлянскую крепость из Саркела, так что фактически речь идёт о саркелских кирпичах.

По внешнему виду и показателям качества, определяемым органолептически, исследуемые образцы схожи и представляют единую группу. Изделия были изготовлены из одного сырья или схожих видов сырья, располагавшихся поблизости или на разной глубине. Таким сырьем могли быть глины и суглинки, происходящие из аллювиальных и делювиальных отложений четвертичного периода. Такое сырье примерно одинаково на большой территории. Хорошо прожженные (или прокаленные) участки на образцах имеют ярко-оранжевый или охристый цвет, обычный для терракотовых изделий. Содержание Fe_2O_3 – 4,5–5,5%.

Кирпичи, представленные для исследования, большей частью обожжены хорошо и равномерно – одного цвета в изломе. Часть из них имеют в изломе черную сердцевину либо насыщенного черного цвета, либо более «бледную» – матовую. Толщина прокаленного от наружной поверхности слоя – 0,5–2 сантиметров. Между черным цветом и прожженным оранжевым – тонкий (2–5 мм) слой охристого цвета.

Керамиды и калиптеры Правобережного городища обожжены заметно хуже – у многих наружная поверхность серого цвета или пятнистая, охристо-серая. Фрагменты, имеющие серый или пятнистый цвет на поверхности, при повторном прокаливании приобретают такой же цвет, как у хорошо прокаленных – оранжевый или охристый. Таким образом, серый или черный цвет обусловлен наличием невыгоревшей органики, видимо, являясь следствием слабого или быстрого обжига или экранирования поверхности чем-либо. На поверхности кера-

мид и калиптеров (наружной по отношению к форме, в которую набивали глиняное тесто) хорошо видны параллельные полосы – следы инструмента (пластина или дощечка), которым убирали излишки теста, выступающего над краями формы, и выравнивали поверхность.

По характеру поверхности в изломах, внутренней структуре, виду и количеству включений в глиняном тесте, на Правобережном городище можно предварительно выделить четыре разновидности или группы строительных материалов. Деление такого рода будет очень условным, т.к. все виды исходного сырья схожи, о чем сказано ранее.

Первая группа – фрагменты оранжевого цвета, тяжелые по весу, имеющие в изломе небольшое количество рассеянных мелких белых включений и большое содержание мелкого (0,1–0,2 мм) песка серого цвета – обе примеси естественного происхождения. В тесте большое число мелких раковин от выгоревших органических включений, при увеличении (восьми- и десятикратном) хорошо видны следы от выгоревшей рубленой травы, размером около 1 см. Также много крупных (~ 0,5 см) воздушных полостей преимущественно овальной формы, образовавшихся при набивке теста в формы. К этой группе относятся:

1. фрагмент кирпича, прожженный насквозь;

2. фрагмент кирпича, в изломе прожженный равномерно;

3. фрагмент кирпича с черной сердцевинкой;

4. фрагмент кирпича с черной сердцевинкой; в черном слое хорошо видны следы рубленой травы размером 0,5–1 см;

5. фрагмент керамиды охристо-серого цвета с тонким прожженным слоем и черной сердцевинкой; следов травы не обнаружено; после повторного обжига в муфельной печи черепок аналогичен № 1 данного перечня;

6. фрагмент керамиды охристо-серого цвета и с черной сердцевинкой; следов травы не обнаружено.

Вторая группа образцов – также оранжевого цвета, тяжелые по весу фрагменты, с крупными включениями белого цвета размером от 2 до 5 мм, «кипящими» под действием кислоты и ведущие происхождение от природных включений гипса или карбонатов в глине и с большим содержанием песка двух видов: мелкого серого (как и в первой группе) и крупного, размером от 0,5 до 1,5 мм, тоже прозрачного, серого цвета, с окатанными зёрнами. Песок с зёрнами такого размера является эффективным отощителем для теста из пластичной («жирной») глины. Можно было бы предположить его происхождение в качестве искусственной добавки, но характер распределения зёрен песка в тесте указывает на естественное происхождение. Значительная примесь песка делает черепок заметно более тяжелым, на ощупь шероховатым, а излому придает землистую структуру. Раковин от выгоревшей травы в тесте не обнаружено, исключая несколько крупных раковин от выгоревшей органики.

Таким образом, между первой и второй группами хорошо видна разница – отличающееся по пластичности (жирности) сырье. Исходное сырье для образцов второй группы было более «тощим» по причине обилия крупного песка и потому не требовало дополнительной добавки для

«отошения» в виде резаной травы, тогда как сырье первой группы было более «жирным» и трава добавлялась для удобства в работе (чтобы тесто не прилипало к рукам и т.п.) в качестве искусственного отошителя.

Ко второй группе образцов относятся:

1. фрагменты кирпича, оранжевого цвета, хорошо прожженные по всей толщине;

2. фрагмент кирпича такого же вида, но с редкими включениями мелких камней, размером ~ 1 см;

3. фрагмент кирпича с черной сердцевинной, толщина прожженного слоя которого составляла 0,8–1,0 см;

4. фрагмент керамиды хорошо прожженный, оранжевого цвета.

В третью группу входят фрагменты охристого цвета, легкие по весу, с рассеянными мелкими белыми включениями карбонатов, с редкими рассеянными включениями мелкого песка, со множественными следами и раковинами от выгоревшей травы. Образцы третьей группы схожи с образцами первой, но заметно легче, по видимому, из-за малого количества песка:

1. фрагмент кирпича равномерно прожженного;

2. фрагмент кирпича равномерно прожженного, без заметных включений песка;

3. фрагмент кирпича с черной сердцевинной;

4. фрагмент керамиды хорошо обожженной, без следов выгоревшей травы;

5. фрагмент керамиды охристого и светло-коричневого цвета в прожженном слое, с черной сердцевинной, с небольшим количеством раковин от выгоревшей травы.

К четвертой группе относятся фрагменты светло-коричневого цвета в хорошо прожженных частях, тяжелые по весу, с твердым и прочным черепком. В изломе включения серого цвета размером 1–2 мм и редкие включения красно-коричневого цвета (видимо, какая-то форма железа) размером 1–3 миллиметров. Большое содержание песка разных фракций: большей частью от 0,1 до 1 мм, меньшей – размером до 2–3 миллиметров. Следов выгоревшей травы не обнаруживается совсем:

1. фрагмент кирпича с черной сердцевинной, толщина прожженного слоя 0,5–1 см;

2. фрагмент керамиды с серой матовой сердцевинной и прожженными слоями толщиной 0,5–1,0 см;

3. фрагмент калиптера с тонкой серой сердцевинной;

4. фрагмент калиптера с черной сердцевинной.

Исходя из содержания песка в исходном сырье и количества выгоревшей травы в тесте, можно предположить, что сырье (глины и суглинки) для изделий I и III групп было достаточно пластичным («жирным») и отошалось резаной травой, сырье для II и IV групп существенно более тощее, за счет обилия песка.

В образцах не обнаружено каких-либо включений (исключая резанную траву), не встречающихся в природном сырье. Включения большого размера и равномерное распределение крупных зерен песка свидетельствуют о том, что сырье не подвергалось какой-либо предварительной обработке, обогащению или отмучиванию. Учитывая масштабы производства (десятки тысяч изделий), можно предполагать, что сырье было местным.

Рис. 9. Изломы керамид Семикаракорского городища.
Fig. 9. Fractures of ceramides from the Semikarakor hillfort site

Рис. 10. Кладка из сырцовых кирпичей на Семикаракорском городище.
Fig. 10. Brick work from adobe bricks from the Semikarakor hill fort site

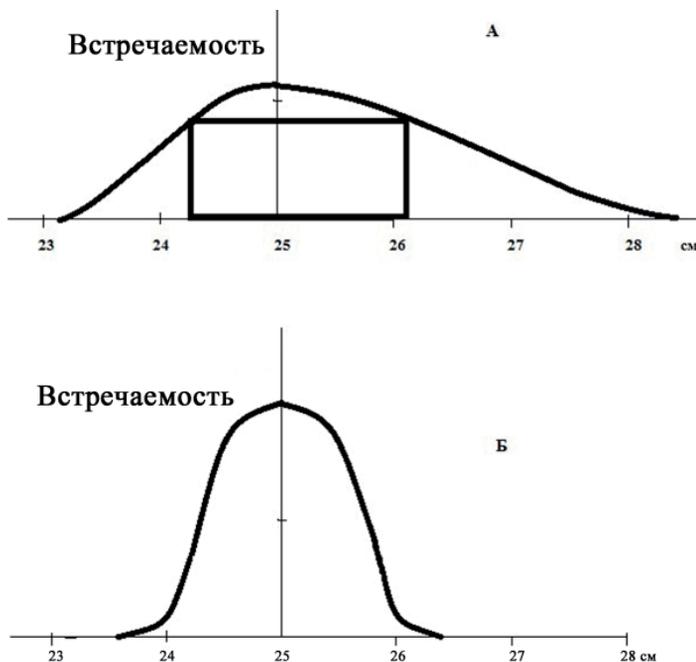

Рис. 11. А – Кривая распределения встречаемости форматов кирпичей;
 Б – Возможная кривая распределения при наличии стандартного размера.

Fig. 11. А – Curve of potential distribution of brick formats encountered; Б – Potential distribution curve in case of standard size format bricks available.

По сравнению со строительными материалами Семикаракорского городища (кирпичи, черепица), исследовавшимися ранее, можно отметить несколько более высокое качество материалов Цимлянского городища: более плотное и однородное тесто без складок и слоев. Таким образом, набивка была более плотной, а механическая прочность изделий большей. Также можно отметить существенно меньшее количество травы в глиняном тесте по сравнению с содержанием в семикаракорских кирпичах. Можно предположить, что использовалось более тощее, по сравнению с

семикаракорским, сырье, не требовавшее дополнительного отощения или отощителя требовалось меньше.

Водопоглощение. Показателем, который в цифрах характеризует свойства обожженного керамического материала или изделия, является водопоглощение, величина которого может служить как самостоятельным показателем керамического изделия, определяющим его пористость, прочность, так и характеристикой процесса спекания глиняной массы. Водопоглощение определяется в процентах отношении массы воды, поглощенной в установленный срок погруженным в

воду образцом, к массе того же образца до насыщения водой. Пористость или водопоглощение зависят от природы материала (наличия в нем легкоплавких компонентов, выгорающих добавок и т.п.) и температуры обжига. Другие факторы влияют на величину водопоглощения незначительно. У одного и того же материала (образца) величина водопоглощения будет зависеть только от температуры обжига, если тип обжига был одинаковым – окислительным.

Водопоглощение определялось по РСТ 604-91 «Изделия керамические народных художественных промыс-

лов и гончарные. Общие технические условия», пункт 4,12: образцы высушивали в термостате до постоянной массы при температуре 110–120°C, затем охлаждали в эксикаторе до комнатной температуры и взвешивали с точностью до 0,01 грамма. Взвешенные образцы укладывали в емкость, заливали водой и кипятили в течении двух часов и оставляли в воде на сутки. Затем образец вынимали, обтирали и снова взвешивали. По разнице в весе определяли величину водопоглощения. Показатели водопоглощения (в%) образцов материалов, описанных ранее, представлены в таблице 1.

Таблица 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
18,9	17,5	16,6	15,3	15,0	17,0	15,4	14,8	18,7	17,5	20,0	20,1	21,3	20,7	24,0	13,8	15,4	16,4	18,7

Величина водопоглощения образцов подтверждает первоначальное мнение об однородности и сходстве материала – разброс показателей составляет от 13,8 до 24,0 % и является относительно небольшим. Для сравнения величина водопоглощения по действующему ГОСТу 530 для кирпича, изготовленного способом пластического формования, составляет не менее 8 и не более 20 %. Таким образом, исследуемые образцы являются качественными по современным представлениям или близки к ним. Причиной высокой пористости образцов третьей группы является выгоревшая органическая примесь – большое количество резаной травы, добавленной в тесто.

Второй показатель, который определялся в ходе исследований, – максимальная температура обжига представленных образцов. Температура обжига определялась по результатам

найденной величины водопоглощения (из таблицы 1). Определение основывалось на том, что водопоглощение материала не будет меняться, если температура повторного обжига будет такой же как у первоначального или ниже, так как процессы плавления и спекания, возможные при данной температуре, уже произошли. Таким образом, проведя серию повторных обжигов образцов при разных температурах и определяя водопоглощение материала, затем сокращая температурный интервал, можно довольно точно установить температуру, при которой водопоглощение образцов не меняется (не происходит «новое» спекание), и эта температура будет соответствовать максимальной при первом обжиге. Эти определения проводились на фрагментах хорошо и однородно прожженных. Для исследований от них отделялись фраг-

менты размером 5–6 см². Оставшаяся часть использовалась в качестве контрольной для сравнений. Повторный обжиг образцов при температурах до 8500 С не приводит к каким-либо изменениям внешнего вида или показателей водопоглощения. Максимальная температура, при которой еще не меняется величина водопоглощения, составляет 9000 С. У образцов второй группы при такой температуре немного меняется цвет – становится темнее, появляется красный оттенок. При повышении температуры до 9500 С цвет образцов меняется на красный, величина водопоглощения уменьшается примерно на 2 % по сравнению с первоначальной. При дальнейшем повышении температуры до 1000–10250 С цвет образцов становится темно-красным, затем бурым (сначала местами, затем полностью), величина водопоглощения при этом уменьшается на 4–8 % по сравнению с первоначальной (у разных образцов по-разному), механическая прочность заметно увеличивается. При более высоких температурах начинается оплавление материала. Таким образом, максимальная температура обжига представленных образцов составляла немного более 9000 С и не превышала 9500 С с большой неоднородностью температурного поля в обжиговом пространстве.

Следует отметить, что в реальных условиях (обжиг на дровах) по мере роста температуры обжига, дополнительное увеличение температуры достигается медленно и все большими усилиями со значительным увеличением расхода топлива.

Черепки, имеющие черную сердцевину или другие формы органических включений, при повторном

обжиге сначала увеличивают свое водопоглощение за счет дополнительной пористости, получающейся при выгорании коксового углерода. Такой процесс возможен при температурах до 8000 С, когда выгорают все органические материалы. Затем водопоглощение не меняется также до 9000 С и далее уменьшается за счет нового спекания материала, как описано выше.

Следующими были опыты с обжигом кирпичей с черной сердцевиной. При температуре до 400⁰ С цвет сердцевины не изменялся – оставался таким же насыщенным. При 500⁰ С черный цвет терял свою интенсивность, становился «бледнее» и светлее. При 600⁰ С черный цвет заметно ослабевал, вместо него проступал оранжевый, при этом хорошо просматривались следы от травы в тех образцах, где она добавлялась. При повышении температуры до 800⁰ С черный цвет исчезал полностью.

Наличие черной (или серой) сердцевины в образцах может дать некоторое представление о качестве обжига и его скорости. Современные исследователи по поводу органических примесей и добавок, составляющих черную сердцевину, пишут следующее: «Их выгорание происходит в несколько этапов. При температуре 350–4000 С выделяются и сгорают летучие вещества. Коксовый (углеродный) остаток выгорает медленно и при более высокой температуре 700–8000 С. Скорость его выгорания обратно пропорциональна квадрату толщины изделия и в сильной степени зависит от избытка воздуха в печных газах. Это выгорание должно быть завершено в период, когда весь керамический материал является пористым и газопроницаемым. Если процесс

уплотнения периферической оболочки изделия будет опережать процесс выгорания остатка добавок, то газы, создавая повышенное давление внутри кирпича, могут вызвать деформацию размягченного изделия, а прорыв газов в отдельных местах приведет к образованию трещин. Внутри изделия в этом случае останется черная сердцевина, которая свидетельствует о наличии невыгоревшего углерода» (Гольцова и др., 2005, с. 27). «Горение углерода начинается с поверхности образцов и перемещается вглубь материала... Выявлено, что скорость разложения органических веществ и выгорание углерода при нагревании глины до 6000 С носит экстремальный характер, а затем диффузионный, т.е. скорость горения лимитируется скоростью диффузии кислорода из окружающей среды. Анализ механизма выгорания углерода показывает его тождественность процессу твердофазовых реакций, лимитирующих скорость диффузии подвижного реагента через слой продукта реакции» (Кара-Сал и др., 2008, с. 23).

Таким образом, скорость обжига для образцов с черной сердцевиной была слишком высокой, или, тоже самое, время активного обжига было непродолжительным. Образцы, имеющие черную или пятнистую поверхность или черную сердцевину близкую к одной из поверхностей, экранировались каким-либо образом от воздействия температуры или доступа воздуха – другим изделием, стенкой или полом обжигового устройства и т.п.

Температура обжига образцов из Правобережного Цимлянского городища сравнима с температурой обжига семикаракорских кирпичей, иссле-

довавшихся ранее (Токаренко, 2009, с. 535–540). Несколько большая механическая прочность правобережно-цимлянских кирпичей по отношению к семикаракорским, обеспечивалась, возможно, наличием или большим содержанием в исходном сырье (глине или суглинке) легкоплавких соединений – например, окислов щелочных или щелочноземельных металлов (в какой-либо форме), которые делают глину легкоплавкой и обеспечивают спекаемость при низкой температуре обжига.

По результатам исследований можно предположить сходство и общность приемов и способов производства кирпичей Правобережного Цимлянского и Семикаракорского городищ и схожесть технологического процесса в целом. Следует также отметить схожесть по свойствам и «родство» по происхождению сырья обоих производств. Характеристика семикаракорского сырья известна (Токаренко, 2009, с. 539–540). Описание сырья в районе Правобережного Цимлянского городища приведено в отчете о разведке ПК «Южгеолстрой» в геологической характеристике (Отчет, 2010, с. 15–19): В геологическом строении района принимают участие неогеновые и четвертичные отложения. Неогеновая система представлена сарматским, меотическим и понтическим ярусами, отложения которых выходят на дневную поверхность по долине р. Дон и его притоков. Четвертичные отложения представлены глинами скифской свиты эоплейстоцена, а также эолово-делювиальными суглинками водоразделов, их склонов и аллювиальными образованиями речных террас. Скифские глины представлены красно-бурыми, зеленовато-

бурыми, серыми разностями. Глины плотные, пластичные, неслоистые. Среди них встречаются прослои и линзы глин песчаных и известковистых.

Резкого контраста между скифскими глинами и лессовидными четвертичными суглинками не наблюдается. Отложения водоразделов представлены лессовидными желто-бурыми и серыми суглинками, покрывающими сплошным чехлом водоразделы. В суглинках содержатся известковистые и гипсовые включения, распространение которых бессистемно». В соответствии с этим описанием возможное или вероятное сырье на обоих производствах было схожим.

О сырцовых кирпичях Семикаракорского городища. Из кладки стен были извлечены 12 фрагментов сырцовых кирпичей из суглинков серого и желто-серого цвета (рис. 10)³. Иногда в одном и том же фрагменте присутствуют оба суглинка в разной степени перемешанные, а также встречаются включения черного почвенного слоя. Верхняя постель имеет ровную поверхность, на нижней – часто заметны участки с тонким слоем черного цвета, представлявшим собой чернозем, применявшийся в качестве связующего жидкого раствора в кладке. Суглинки, использовавшиеся в качестве сырья для кирпичей, не отличаются от грунтов, находящихся на городище и вокруг под слоем чернозема. В

³ Благодарим В.С.Флёрова за следующую информацию: в оборонительных стенах Правобережной крепости кроме преобладающих желтых сырцовых кирпичей из суглинков, встречались кирпичи черно-серого цвета, сформованные из «грязи». Такие кирпичи нами не исследовались. Это задача на будущее.

изломах и на поверхности хорошо видны многочисленные воздушные раковины размером 0,5–1,0 см, корни растений, проросшие через материал, и воздушные полости (ходы), оставленные червями и иногда заполненные продуктами жизнедеятельности. В изломах кирпичей из желто-серого суглинка заметны, но не в большом количестве, следы, сходные со следами резаной травы в обожженных кирпичях (такого же вида и размера). Волокон травы или каких-либо органических остатков в этих следах не обнаружено – возможно, они разрушились. В желто-сером суглинке заметны редкие крупные включения белого цвета, вскипающие от кислоты, представляющие собой известь.

У обоих видов суглинка была определена запесоченность по величине остатка на контрольном сите № 0056, как это описано в начале данной работы. У серого суглинка содержание песка составляет 15,9 %, у желто-серого – 14,3 %. Песок очень мелкий серого цвета, явно естественного происхождения. Количество не превышает показатели естественного содержания в подобных материалах. Следует еще отметить, что прочность сырцовых кирпичей из желто-серого суглинка заметно выше – они не крошатся и не расслаиваются. Кирпичи из серого суглинка более рыхлые и легко крошатся и разламываются. После обжига при 8000 С в электрической печи все фрагменты, независимо от вида суглинка, имеют одинаковый внешний вид и цвет – ярко-оранжевый (терракотовый). От обожженных кирпичей Семикаракорского городища отличаются более рыхлой поверхностью и осыпающимися изломами, но такими же фрагменты поступили и в обжиг.

Прожглись фрагменты равномерно по всему объему. Потери при прокаливании (выгоревшая органика) составили 10,1 %. Величина водопоглощения у обожженных фрагментов отображена в таблице 2.

признаку, определял судьбу полуфабриката – становился он обожженным или оставался сырцовым.

В.С. Флёрвот отмечал необычно высокую механическую прочность сырцовых и обожженных кирпичей

Таблица 2

1	2	3	4	5	6
25,5	25,8	22,9	22,3	22,8	23,1

Полученные величины сравнимы с водопоглощением обожженных кирпичей Семикаракорского городища и водопоглощением экспериментальных кирпичей. Несколько более высокие показатели объясняются, возможно, дополнительными пустотами, образованными корнями и червями, которых нет в кирпичках. Таким образом, сырье для изготовления сырцовых кирпичей ничем существенным не отличается от сырья обожженных кирпичей и сырья в окрестностях городища.

Огневая усадка у сырцовых кирпичей после обжига составила менее 1 %.

В.С. Флёрвот отмечает, что размеры обожженных и необожженных кирпичей практически одинаковы, отклонения в размерах у тех и других также одинаковы. Это связано с тем, что основные изменения размеров происходят при сушке, т.е. одинаково для обоих видов кирпичей, а изменение размеров при обжиге незначительны. Из этого следует вывод, что формы для изготовления и сырцовых кирпичей, и обожженных были одни и те же. Одинаковым было и сырье. Соответственно одинаковым были и полуфабрикаты, и только дальнейший отбор, случайный или по какому-нибудь

Семикаракорского городища по сравнению с экспериментальными образцами, которую он считает результатом следствием древней технологии. Возможно, это объясняется упрочением материала естественным образом со временем. По данным, приведенным А.М. Шепелевым, глинобитные постройки через 20–30 лет повышают свою прочность с 15 до 100–120 кг/см² (Шепелев с. 184). Возможно, этот процесс происходит и в глиняных сырцовых кирпичках, хотя и изготовленных другим способом – формовкой, поскольку материал тот же – глина.

Следует также отметить, что статистические данные, какими бы многочисленными они ни были, никогда не дают готового ответа, а только являются поводом или базой для размышлений. Ответы или выводы будут во многом зависеть от интерпретации исследователя, очень часто от его первоначальной установки, уже сложившегося мнения. В этом случае статистика привлекается лишь для иллюстрации (иногда яркой) уже готовых положений. В связи с этим хотелось бы прокомментировать некоторые моменты статьи Г.Е. Афанасьева «О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ

бассейна Дона» (Афанасьев, 2012, с. 29–46), которые представляются уязвимыми.

Расхождения в размерах у кирпичей семикаракорско-саркелского типа достаточно велики: от 30 до 23 см (т.е. 23%) и по толщине от 8 до 4,5 см (т.е. 44%) – исходя из соображений здравого смысла, при наличии стандарта, т.е. величины на которую следует не ориентироваться, а соблюдать, такие отклонения огромны. Если же встречаемость размеров расположить на кривой Гаусса, поместив в центре наиболее распространенный в Саркеле и Семикаракорах формат 25×25 см, а вокруг форматы с отклонениями в какую-либо сторону, то картина будет выглядеть следующим образом (Рис. 11 А.). Получится широкая дуга с плоской вершиной, и большая часть форматов (генеральная выборка) займет площадь широкого прямоугольника внутри дуги. *Такое распределение размеров не свидетельствует о наличии стандартного показателя или, во всяком случае, о его соблюдении.* При большей воспроизводимости, повторяемости результатов, дуга имела бы другой вид (Рис. 11 Б). Картина эта только примерная и не претендует на точность и полноту – в самом общем виде использованы данные из уже известных публикаций. Необходимости в точных размерах, видимо, не было – расхождения нивелировались (или компенсировались) в кладках швами, их наполнением.

Безусловно, можно согласиться с Г.Е. Афанасьевым в отношении факторов, влияющих на размеры (там же, с. 34). Кроме перечисленных, можно добавить еще влажность формочной массы, износ форм (расширились при набивке и соответственно

увеличивались), плотность набивки и т.п., и отметить, что они могут накладываться друг на друга. Следует отметить, что автором неправильно использован термин «пластичность» (там же, с. 35). Термины «пластичность» и «усадка» все же различные, хотя и коррелируют. В тексте слово «пластичность» выглядит оговоркой автора, тем более что речь далее идет именно об усадке. Описываемый автором способ определения усадки принципиально не изменился и до сих пор. Можно еще отметить, что песок не является эффективным отоштителем. Для этого чаще всего используют какие-либо волокна органики – траву, солому и т.п., а еще чаще усадку просто имеют в виду.

У глин и суглинков четвертичного периода (обычно именно они составляют грунты современной поверхности) величина усадки составляет от 7 до 15 % (по справочным данным и собственным определениям). Величина в 5 % выглядит маловатой, но, безусловно, возможна.

При наличии таких больших величин, меняющих формат кирпича и заложенных уже в сырье, не говоря о возможных дополнительных (прочие факторы), таблица 3 в статье Г.Е. Афанасьева (там же, с. 36) может быть заполнена любым другим массивом чисел (или таким же), которые будут соответствовать реальным размерам кирпичей, но не будут производными от византийского стандарта, а легко могут быть рассчитаны от других размеров. Таким образом, таблица 3 не может служить аргументом в пользу византийского стандарта.

Некоторое сомнение вызывает описанное использование долей византийской стопы ($\frac{3}{4}$, $1\frac{1}{2}$). Практиче-

ское определение и применение этих долей при производстве кирпича будут очень индивидуальными, неточными и выглядят проблематичными при реализации.

Возможно, «для правильного понимания процесса генезиса хазаро-аланской фортификационной архитектуры» и для установления «генетического» родства кирпичей Византии и хазарских, кроме метрических параметров, следовало бы учесть сходство (или различие) технологических признаков. Работа по технологию и информация об общих моментах в византийском производстве кирпича и местном изготовлении была бы, по меньшей мере, небесполезна.

Безусловно, можно согласиться с единицей измерения величиной ок. 30 см, (Г.Е. Афанасьев так же приводит мнение Г.Е. Свистуна о такой же величине единицы измерения, хотя он в своей работе, на которую ссылается Г.Е. Афанасьев, видит этот параметр в системе невизантийской системы мер), но этот стандарт не был строгим. Это могла быть любая стопа – византийская, римская, а с большей степенью вероятности стопа конкретного исполнителя или «руководителя проекта» (говоря современным языком).

Выводы Г.Е. Афанасьева о наличии именно византийского стандарта в кирпичном производстве и строительстве (и последующие выводы) выглядят излишне категоричными.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Афанасьев Г.Е.* О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. – 2012. – № 2. – С. 29–49.
2. *Вакалова Т.В., Погребенков В.М.* Глинистое сырье Сибирского региона // Стекло и керамика. – 2002. – № 12. – С. 23–27.
3. *Гольцова О.Б., Клековкин В.С., Наговицын О.Б., Дмитриев Н.Л.* Причинно-следственные связи брака при обжиге кирпича в туннельных печах // Стекло и керамика. – 2005. – № 3. – С. 26–28.
4. *Зиневич А.* Художественная керамика // Наука и жизнь. – 1977. – № 1. – С. 7–101.
5. *Кара-Сал Б.К., Сат Д.Х., Каминский Ю.Д., Очур-Оол А.П.* Влияние органических веществ глинистых пород на образование черной сердцевины керамических изделий // Стекло и керамика. – 2008. – № 3. – С. 20–24.
6. *Изделия керамические народных художественных промыслов и гончарные. Общие технические условия.* Утвержден Госкомэкономики РСФСР, 27.03.1991. – 19 с.
7. *Кашкаев И.С., Шейнман Е.Ш.* Производство глиняного кирпича. – М.: Высшая школа, 1978. – 248 с.
8. *Лазарев А.Т., Лазарев А.А.* Архитектура и градостроительство Юга России. История, Традиции, современные тенденции: Учеб. пособие. – Ростов-на-Дону: Ростовский гос. строительный университет, 2001. – 152 с.
9. *Малинова Р., Малин Я.* Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. – М.: Мысль, 1988. – 272 с.
10. *Отчет о разведке в Ростовской области производственного кооператива «Южгеолстром» / Архив производственного кооператива «Южгеолстром».* – Ростов-на-Дону, 2010.

11. *Плетнёва С.А.* Саркел и «Шелковый путь». – Воронеж: Воронежский университет, 1996. – 166 с.
12. *Поплевко Г.Н.* Экспериментальное моделирование керамики эпохи неолита // Археологические записки. – Вып. 7. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 342–353.
13. *Пушкарский Е.М., Кисленко О.М., Белявский В.И., Милявский А.Е., Деев Ю.Ф.* Справочник по месторождениям нерудных полезных ископаемых Ростовской области. – Ч. 1. – Ростов: Издательство Ростовского университета, 1992. – 320 с.
14. *Свистун Г.Е.* Отчет об археологических разведках в Лесостепной зоне долины Северского Донца в 2004 г. / НА ИА НАН Украины. – № 2004/37.
15. *Свистун Г.Е.* Фортификация Чугуевского городища // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 9. Хазарское время. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2012. – С. 7–34.
16. *Токаренко С.Ф.* Технология изготовления кирпичей Семикаракорской крепости. Опыт реконструкции // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 7. Хазарское время. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2009. – С. 535–542.
17. *Шепелев А.М.* Как построить сельский дом. – М.: Росагропромиздат, 1988. – 351 с.

Информация об авторах

Токаренко Сергей Федорович, главный технолог ЗАО «Аксинья» (Ростовская область, г. Семикаракорск, Россия); aksin-04@yandex.ru

Ребров Александр Юрьевич, главный инженер ЗАО «Аксинья» (Ростовская область, Семикаракорский район, станица Новозолотовская, Россия); zollon1x@gmail.com

MANUFACTURING TECHNOLOGY OF BUILDING CERAMICS IN KHAZAR KHAGANATE. RECONSTRUCTION EXPERIENCE

S.F. Tokarenko, A.Yu. Rebrov

The article is devoted to the technical analysis of building ceramics referring to the Saltovo-Mayatskaya archaeological culture. Several groups of building material were investigated. They were obtained in the course of archaeological excavations and collecting on the territory of the Semikarakor hill fort site, the Pravoberezhny Tsimlyansk hill fort site, and some other Khazar Khaganate monuments dated by 2nd half of the 8th – early 10th centuries, as well as on the territory of former Cossack settlements, where the bricks were used secondarily.

The results of laboratory research and testing of various construction materials of the Saltovo period are represented in the article: burnt and adobe bricks, tiles, ceramides, etc. The qualitative indicators of these materials and their comparative evaluations are cited. The technological parameters and processes applied in the manufacture of building ceramics are reconstructed. The methods currently used to assess the quality and to control production processes of modern building ceramics, were applied to test the archaeological samples submitted. The different kind of raw materials and finished products resulting from their usage are characterized.

An attempt was made to reproduce the process of building ceramics manufacture typical of the Khazar Khaganate period using experimental archeology methods. The experimental reconstruction of manufacturing and firing of the Semikarakor-Sarkel type bricks in the laboratory and field conditions is described.

Keywords: archaeology, Khazar Khaganate, Semikarakor hill fort site, building ceramics, technological process, laboratory studies, experimental archaeology.

REFERENCE

1. Afanas'ev, G. E. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 29–49 (in Russian).
2. Vakalova, T. V., Pogrebenkov, V. M. 2002. In *Steklo i keramika (Glass and Ceramics)* (12), 23–27 (in Russian).
3. Gol'tsova, O. B., Klekovkin, V. S., Nagovitsyn, O. B., Dmitriev, N. L. 2005. In *Steklo i keramika (Glass and Ceramics)* (3), 26–28 (in Russian).
4. Zinevich A. 1977. In *Nauka i Zhizn (Science and Life)* (1), 7–101 (in Russian).
5. Kara-Sal, B. K., Sat, D. Kh., Kaminskii, Yu. D., Ochur-Ool, A. P. 2008. In *Steklo i keramika (Glass and Ceramics)* (3), 20–24 (in Russian).
6. *Izdeliia keramicheskie narodnykh khudozhestvennykh promyslov i goncharyne. Obshchie tekhnicheskie usloviia (Ceramic Productions of Folk Handicraft Art and Pottery. General Technical Condition)*. Confirmed by State Committee for Economics of RSFSR, 27.03.1991 (in Russian).
7. Kashkaev, I. S., Sheinman, E. Sh. 1978. *Proizvodstvo glinianogo kirpicha (Manufacturing of Clay Brick)*. Moscow: "Vysshiaia shkola" Publ. (in Russian).
8. Lazarev, A. T., Lazarev, A. A. 2001. *Arkhitektura i gradostroitel'stvo Iuga Rossii. Istoriia, Traditsii, sovremennye tendentsii (Architecture and Urban Planning in Southern Russia. History, Traditions, Modern Tendencies)*. Rostov-on-Don: Rostov State University of Civil Engineering (in Russian).
9. Malinová, R., Malina, J. 1988. *Pryzhok v proshloe. Eksperiment raskryvaet tainy drevnikh epokh (The Leap Into the Past. An Experiment Reveals Mysteries of Ancient Eras)*. Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).
10. *Otchet o razvedke v Rostovskoi oblasti proizvodstvennogo kooperativa «Luzhgeolstrom» (Report on a Field Survey by the Production Cooperative "Yuzhgeolstrom" in Rostov Region)*. 2010. Archive of the Production Cooperative "Yuzhgeolstrom". Rostov-on-Don (in Russian).
11. Pletneva, S. A. 1996. *Sarkel i «Shelkovyi put'» (Sarkel and the Silk Road)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
12. Poplevko, G. N. 2011. In *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 7. Rostov-on-Don, 342–353 (in Russian).
13. Pushkarskii, E. M., Kisilenko, O. M., Beliaevskii, V. I., Miliavskii, A. E., Deev, Yu. F. 1992. *Spravochnik po mestorozhdeniiam nerudnykh poleznykh iskopaemykh Rostovskoi oblasti (Compendium of Occurrences of Non-Metallic Minerals)*. Part 1. Rostov-on-Don: Rostov State University Press (in Russian).
14. Svistun, G. E. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Lesostepnoi zone doliny Severskogo Dontsa v 2004 g. (Report on the Archaeological Field Surveys in the Forest-Steppe Zone of the Severskiy Donets Valley in 2004)*. Scientific Archive of the Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine. № 2004/37 (in Russian).
15. Svistun, G. E. 2012. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 9. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 7–34 (in Russian).
16. Tokarenko, S. F. 2009. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 535–542 (in Russian).
17. Shepelev, A. M. 1988. *Kak postroit' sel'skii dom (How to Build a Rural House)*. Moscow: "Rosagropromizdat" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Tokarenko Sergey F. Semikarakorsk ceramics, Aksinya Popular Artistic Craftwork. Semikarakorsk St., Pervy Lane, 123, Semikarakorsk, 346630, Rostov Oblast, Russian Federation; aksin-04@yandex.ru

Rebrov Aleksandr Yu. Semikarakorsk ceramics, Aksinya Popular Artistic Craftwork. Semikarakorsk St., Pervy Lane, 123, Semikarakorsk, 346630, Rostov Oblast, Russian Federation; zollon1x@gmail.com

УДК 904

ВОПРОСЫ РАННЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВЕНГРОВ-МАДЬЯР

© 2015 г. А.В. Расторопов

Рассматриваются вопросы ранней этнической истории венгров до обретения ими родины в Подунавье, по данным археологических и письменных источников и лингвистических исследований. Этническое ядро мадьяр (протомадьяр) сформировалось в лесостепи Тоболо-Иртышья в рамках саргатской археологической общности. После ее распада во второй четверти I тысячелетия часть ее населения в составе гуннской орды оказалась на юге Восточной Европы, другая часть, смешавшись в пограничной зоне с лесным населением, образовала близкородственные этнокультурные группы. В письменных источниках непосредственные предки мадьяр фиксируются как савиры (савыры, саварты). Они впервые упоминаются в сочинениях византийских писателей после распада гуннского этнополитического объединения в середине V в. Савиры локализовались на территории Волго-Донского междуречья, они находились под эгидой Хазарского каганата со времени его создания в середине VII в. и до вторжения печенегов из степного Заволжья в конце IX в. Затем они разделились на две части, и одна часть савиров, возглавляемая мадьярами, переселилась в Северное Причерноморье, а вскоре в Паннонию. Близкородственные им группы населения, оставившие памятники кушнаренокского типа во второй половине VI в. и памятники караякуповского типа во второй половине VIII в., переселились из Зауралья в Волго-Уралье. В конечном итоге они смешались и растворились в инокультурной среде, так же как и родственное им население бакальской культуры в южной лесостепи Зауралья.

Ключевые слова: археология, лесостепное Тоболо-Иртышье, саргатская археологическая общность, Волго-Уральский регион, Волго-Донское междуречье, Хазарский каганат, савиры, мадьяры, гунны, тюрки, башкиры.

Вопросы ранней этнической истории венгров до «обретения Родины» в Подунавье на рубеже IX–X вв. решаются гипотетически из-за недостаточности, малой информативности и неопределенности письменных источников. По ним существует разнообразный спектр мнений. В среде лингвистов по-прежнему являются дискуссионными даты распада языков: финно-угорского и угорского (Шарафутдинова, 2005, с. 194). Не оспаривается мнение о более раннем выделении венгерского языка из общеугорского и наличия в нем

многочисленных иранизмов, связанных, прежде всего, с коневодческой терминологией. Археологи соотносят с ранними венграми некоторые группы археологических памятников, локализуемые преимущественно в лесостепи Волго-Уралья и Зауралья. По ранней этнической истории венгров до обретения ими «родины» в Паннонии больше вопросов, чем ответов. Формирование этнического ядра венгров, видимо, происходило в недрах саргатской археологической общности (Могильников, 1983, с. 81; Корякова, 1988, с. 169). Кон-

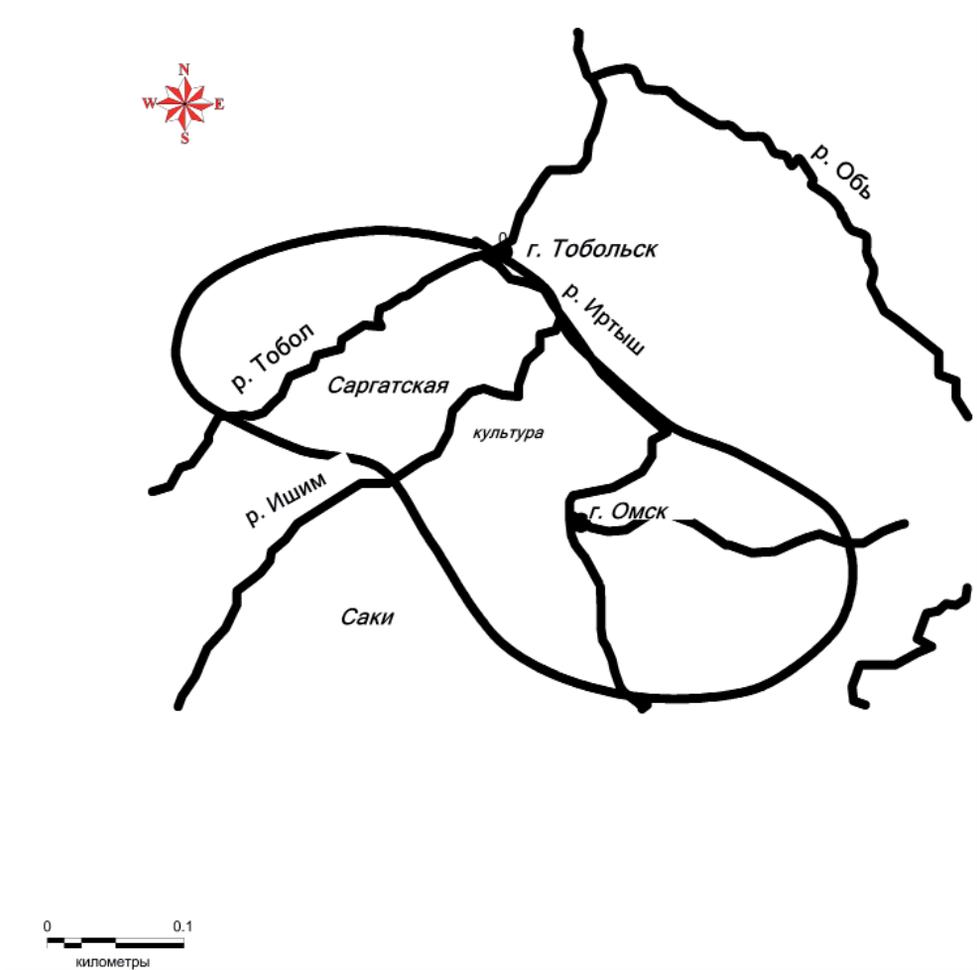

Рис. 1. Ареал саргатской культуры.

Fig. 1. The Sargat culture area.

солидация ее произошла под сильным воздействием степного кочевого ираноязычного населения на основе местного лесостепного населения Тоболо-Иртышья к концу V–IV вв. до н.э. (Зах, Цембалюк, 2014, с. 89–95). Распад саргатской археологической общности, вероятно, соотносится с приходом гуннов в лесостепное Зауралье на территорию Тоболо-Иртышья и приходится на вторую четверть I тысячелетия н.э. Видимо, правы те исследователи, которые считают, что в гуннское этнополитическое объединение было включено его угорское

население. В Прикамье, в бассейне р. Сылвы, мигрировала та часть населения саргатской общности, которая по каким-то причинам не вошла в гуннское этнополитическое объединение. Она мигрировала в сходную природно-географическую среду – в Кунгурскую лесостепь. Р.Д. Голдина предполагает путь миграции этого населения через Уральские горы. Как она считает, туда мигрировал западный вариант саргатской археологической общности, занимавший бассейн Тобола, расположенный недалеко от Уральского хребта. Истоки левобере-

режных притоков Тобола – Исети, Пышмы очень близко подходят к истокам Чусовой и Сылвы, которые пересекают Уральские горы в широтном направлении. Они всегда являлись наиболее легким путем из Сибири в Приуралье. Помимо трех скопленных археологических памятников этого населения в бассейне Сылвы, Р.Д. Голдина отмечает одно скопление на левобережье Камы южнее г. Перми, а другое – на ее правобережье севернее Перми. Приход новых групп населения в Прикамье из-за Урала определяется концом IV в. н.э. (Голдина, 2006, с. 284–285).

Движение орды, возглавляемой гуннами, на запад привело к новым этническим перемещениям, которые перекроили кардинально всю этнокультурную карту Юго-Восточной Европы. Анализ письменных источников А.П. Новосельцевым привел его к выводу о том, что угры шли на запад, теснимые тюрками, которые вкрапливались в племенные союзы, где главную роль играли угры. Преобладание тюрков над уграми шло по нарастающей во второй половине I тысячелетия (Новосельцев, 1990, с. 72). Движение гуннской орды к Волге проходило, вероятно, по степи, но вблизи ее границы с лесостепью. На территории лесостепной Башкирии была выявлена группа поселений с керамикой позднесаргатского облика. Она была выделена В.Ф. Генингом как керамика чермосанского типа. Ближайшие аналогии ей находились в памятниках лесостепи Зауралья, в Притоболье и Поишимье (Генинг, 1971, с. 51, 53; с. 49, рис. 1). Эта цепочка памятников с керамикой позднесаргатского облика находит продолжение у левого притока Волги р. Большой Черамшан,

где на Пролетарском городище обнаружена керамика подобного типа. По находке бронзовой пряжки время бытования данного комплекса определяется концом IV – первой половиной V в. (Сташенков, 1999, с. 210–211; 2007, с. 21–22). Необходимо отметить, что эта река на протяжении ряда эпох, со времени становления кочевого хозяйства в степи, как бы маркировала границу между кочевым и оседлым населением. Южнее ее, на прилегающей к степи лесостепной территории, люди почти не селились, так как она являлась как бы «зоной, опасной для жизни». Возможно, часть населения саргатской археологической общности отпочковалась от основной орды, не желая продолжать движение с ней далее, вернувшись к прежнему образу жизни в родной природно-географической среде обитания.

В хрониках Венгерского королевства нашли отражение народные предания о происхождении мадьяр. Наименьшие искажения, по мнению В.П. Шушарина, имеет текст «О деяниях гуннов» в сочинении Шимона де Кезаи. Согласно этой легенде, «Хунор» и «Мадьяр» являются братьями от единых отца и матери, в то время как у отца от других жен тоже были дети. Так как они были старшими, то с разрешения отца поселились в отдельных шатрах в болотистой «Меотиде», недалеко от их родины Персии. После пяти лет жизни, на шестой год, они вышли оттуда и наткнулись на шатры детей и жен сыновей Белара, оставшихся без мужей. Они быстро их увели вместе с добром в болота «Меотиды», также схватили двух дочерей князя аланов Дулы, взяв их в жены. От этих женщин ведут происхождение все гунны. Шимон де Кезай

в своем сочинении обосновывал тождество мадьяр и гуннов (Шушарин, 1997, с. 199). Ученый усматривает в имени «Хунор» название оногуров. Их локализуют в Приазовье («Меотиде» в античных и раннесредневековых источниках). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в легенде под именем «хунор» скрываются гунны (хунны в китайских источниках). Весь смысл легенды в том, что предки мадьяр были наиболее родственны и близки именно гуннам. После распада гуннской державы в середине V в. исторические хроники запестрели названиями ранее неизвестных народов. Они восходят к наименованию огур: утигуры, кутригуры, оногуры, сарагуры, которые являлись, видимо, родственными родоплеменными подразделениями. Тогда же становятся известны болгары и савиры. Все они кочевали в Северном Причерноморье и Предкавказье. После возвышения хазар и установления их политического господства в середине VII в. на этой территории, названия этих народов исчезают из письменных источников. Предки мадьяр могли иметь контакты как с болгарами, так и с аланами. Известно, что гунны, разгромив алан в Предкавказье, часть их увлекли с собой на запад. Болгары, видимо, входили в гуннский союз племен, и контакты предков мадьяр с ними могли тогда иметь место. Но они могли быть как с болгарами, так и с аланами и после распада гуннского политического объединения. Оногуры появились впервые в письменных источниках под 463 г., т.е. после распада гуннского этнополитического объединения. После образования Хазарского каганата они оказались в политической зависимости от него, проживая там же

в Приазовье. Венграм было присвоено их имя вследствие их совместного проживания там со второй половины V в. до середины VII в. Именно тогда был создан миф о «Хуноре и Мадьяре». От названия оногуров у славян возник этникон мадьяр «угры» от «онгре», хотя у них были разные самоназвания (Шушарин, 1997, с. 200). По мнению Р.А. Агеевой, анты (они были западными соседями оногуров) перенесли имя «оногуры» на венгров. В западноевропейские языки их название попало из латинского «hungarus» со вставным начальным «h». Современное русское название «венгры» пришло из польского языка: польское «wegier» (Агеева, 1990, с. 66).

Распад саргатской археологической общности приводит к появлению новых этнокультурных групп в Тоболо-Иртыше. В их формировании с разной долей участия принимало лесостепное и таежное население. Проблемой много лет является вопрос культурно-хронологического соотношения археологических комплексов саргатской и бакальской культур. Полученные радиоуглеродные даты по бакальским комплексам удревняют их до I–II вв. н.э. Они синхронизируются с позднесаргатскими (Боталов и др., 2008, с. 35; Епимахов, 2008, с. 42–43; Зах, 2009, с. 67; Зах, Зимица, Рябогина, 2011, с. 227). Бакальская культура в большей степени наследует саргатские традиции. На основе смещения лесного и лесостепного населения в Зауралье во второй четверти I тысячелетия происходит формирование археологических памятников батырского, кушнаренковского, каракуповского типов и потчевашской культуры. Посуда памятников кушнаренковского типа по своей форме

наследует традиции саргатской археологической общности, а по орнаменту – карымского этапа обь-иртышской археологической общности. Она зафиксирована на ряде памятников лесостепного Зауралья и Прииртышья, в том числе в Козловском могильнике IV–VI вв. на Андреевском озере. Ее нет в материалах Перейминского могильника VII–IX вв., расположенного там же. В Козловском могильнике кроме кушнаренковских сосудов обнаружена посуда караякуповского типа памятников. В формировании его населения большую роль сыграло лесостепное население, чем лесное, передав ему, кроме форм сосудов, минимализм в декоре. В Перейминском могильнике в двух погребениях присутствует посуда, отражающая смешение традиций населения караякуповского типа памятников с носителями формирующейся юдинской культуры, о чем свидетельствуют шнуровые налесты по горловине (Рафикова, 2014, с. 115–117). В научной литературе за памятниками, которые отражают такое смешение традиций в VII–VIII вв. н.э. закрепилось название «батырско-го типа». Приток населения с традицией орнаментации шнуром с лесного Урала по Туре и Тавде продолжался и позднее. Его смешение с лесным населением в IX–X вв. приводит к появлению памятников молчановского типа и впоследствии юдинской культуры. Видимо, большая часть населения кушнаренковского типа в конце VI в. и караякуповского типа памятников в середине VIII в. мигрировала с территории лесостепного Притоболья в связи с его притоком туда. Население потчевашской культуры, вероятно, при своем формировании испытало меньшее воздействие саргатской ар-

хеологической общности в лесной зоне и большее в лесостепи. Само выделение памятников потчевашской культуры имеет проблематичный характер, так как трудно провести грань между ними и обь-иртышской археологической общностью в лесной зоне и кушнаренковскими – в лесостепи. Население же бакальской культуры, которое не мигрировало и не испытало воздействия лесного населения, видимо, почти полностью наследовало традиции саргатской археологической общности. Оно в основном сосредоточено было в южной лесостепи Притоболья в бассейне Исети и Пышмы и продолжало проживать там до монгольского нашествия. В конечном итоге оно растворилось в среде тюркоязычного населения.

Наиболее ранние достоверные письменные сведения о венграх в Восточной Европе содержатся в сочинении арабо-персидского географа Ибн Русте и относятся к 70-м годам IX в. Сам он почерпнул сведения из не дошедшего до нас произведения другого арабского автора ал-Джайхани. Самоназвание венгров «мадьяр» было известно арабам. В сочинении Ибн Русте они обозначены в арабской графике как «м.дж.г.р.». В.Г. Шушарин, вслед за венгерским ученым Д. Дьерффи, озвучивает его как «моджгери» (Шушарин, 1997, с. 106). Существование самоназвания у венгров – свидетельство сложившейся этносоциальной общности у них к 70-м годам IX в. Время возникновения ее из-за отсутствия письменных свидетельств неопределенно. Вполне возможно, что она в основе своей сложилась в рамках саргатской археологической общности за более пятисотлетний период ее существования.

Важным источником по ранней этнической истории венгров является сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей» с комментариями В.П. Шушарина. В главе 37 есть сообщение об изгнании венгров-мадьяр со своих земель печенегами, которые вскоре сами были вытеснены со своих кочевий гузами, вошедшими в союз с хазарами (Багрянородный, 1991, с. 155). До этого печенеги кочевали в заволжских степях. Это событие произошло лет за 50 до написания им своего трактата, т.е. в самом конце IX в. Проблемой является определение территории размещения кочевий мадьяр до этого события. Арабо-персидские источники X в. свидетельствуют, что печенеги после войны с хазарами и узами завоевали земли «между хазарами и Румом» (Византией), отрезав эти земли от владений русов. Они подтверждаются русской летописью. Скорее, печенеги напали на тех мадьяр, которые обитали между Волгой и Доном. Багрянородный указывает на две области, где проживали мадьяры в Восточной Европе: Леведия и Ателькузу. В.П. Шушарин считает, что критически следует относиться к сообщению венгров о трех годах совместного проживания с хазарами. Их информаторы, таким образом, пытались внушить византийцам мысль о своей независимости от хазар (Шушарин, 1997, с. 144). После поражения от печенегов они разделились. Как сообщает Константин Багрянородный, одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, они и ныне по древнему их прозвищу называются савартами – асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах именуемых Атель-

кузу (Багрянородный, с.160–161). Иштван Зимони, рассуждая о разных вариантах сведений ал-Джайхани и его последователей, пишет, что одна из границ венгров (мадьяр) находилась у моря Рум (Черного), и в него впадают две реки, на берегах которых располагаются их жилища. Большая река называется «Этил». Она течет со стороны славян и хазар. Другая река «Дуба» (Дунай) на берегу которой живут «нандуры» (дунайские болгары). Иштван Зимони полагает, что идентификация «Этил» с Волгой сомнительна, так как она впадает в Хазарское (Каспийское) море, а в данном случае под Этилем можно можно подразумевать р. Дон, так как она действительно впадает в море «Рум». В средневековой мусульманской литературной традиции (наследие античности) Волга и Дон воспринимаются как одна река с двумя устьями. Название Этелкёз в старовенгерском языке состоит из двух слов, где первое слово Этель/Этиль – тюркское название Волги, а второе кёз – междуречье. Оно может применяется и в нарицательном значении «вода, река» и междуречье. У Шимона де Кезай и в венгерских хрониках XIV в. слово Этиль обозначает Дон. Также была обнаружена форма «Этиль», которая относится к р. Прут. (Зимони, 2001, с. 124–126). Загадочной является география «Персии», упоминаемая в мифе о происхождении мадьяр. В области Ателькузу – искаженное название Этель и Кузу – поселились мадьяры после Леведии. Исследователями не оспаривается мнение, что Леведией является территория между реками Серетом и Днестром в Северном Причерноморье. Информаторы-венгры сообщили византийцам, что они вынуждены были

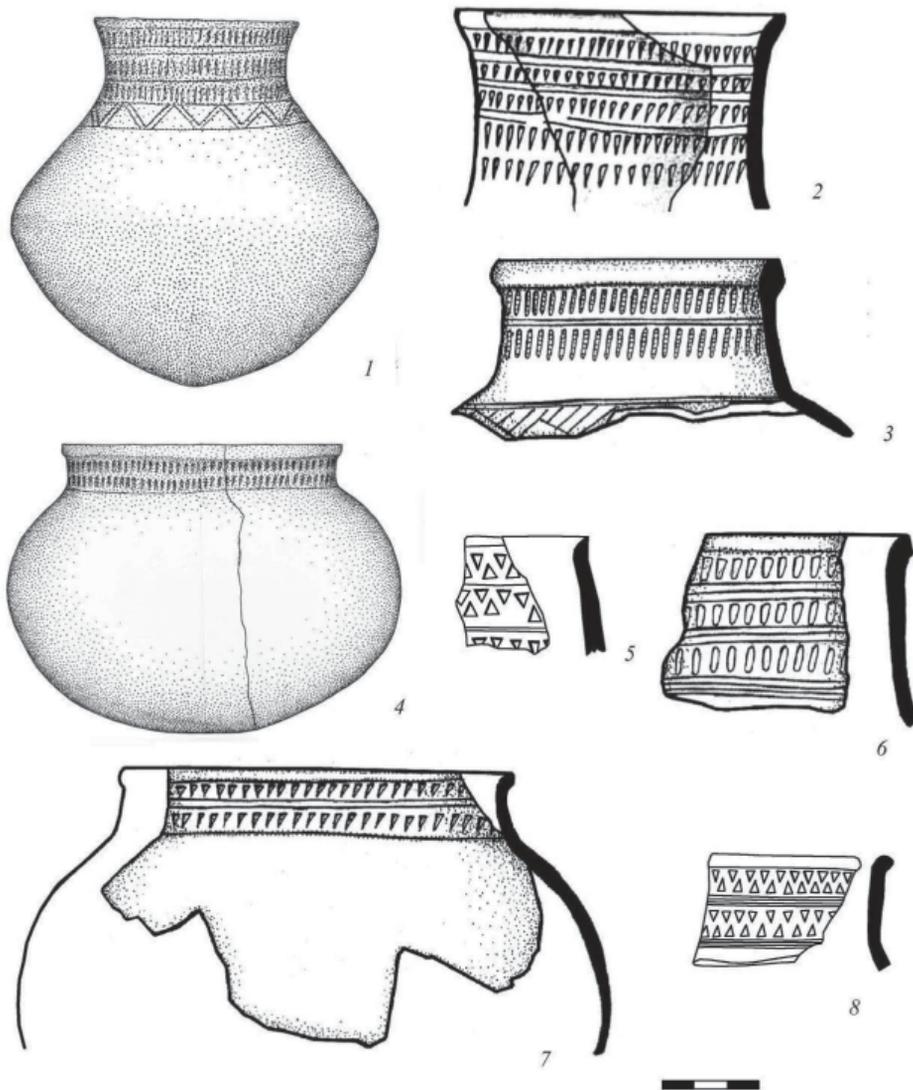

Рис. 2. Керамика кушнарнковского типа памятников.
Fig. 2. Pottery from the Kushnarenkovo-type sites (after Т.Н. Рафиковой).

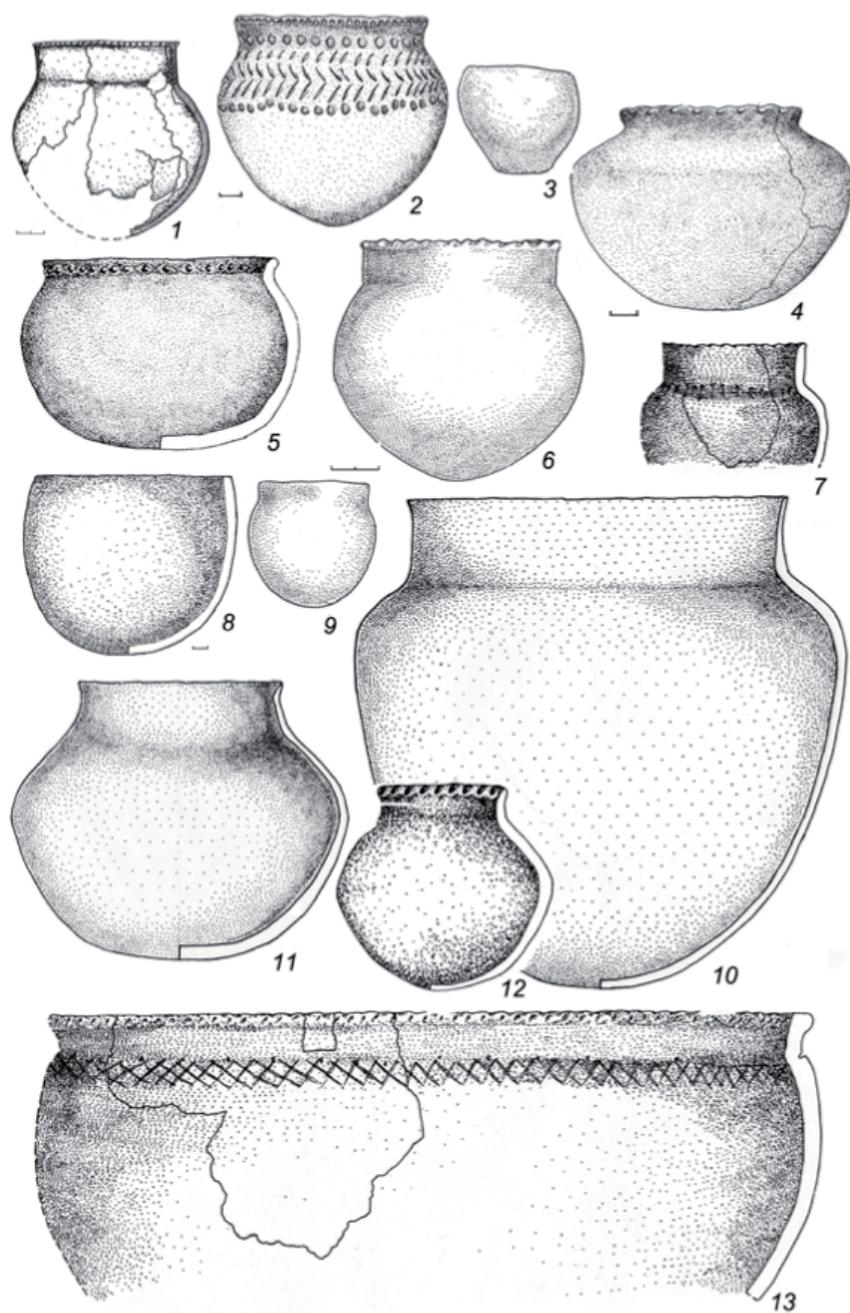

Рис. 3. Керамика бакальской культуры.

Fig. 3. Bakal culture pottery (after Matveeva N.P., Kobeleva L.S. 2013 – № 3(22). – Fig. 1).

покинуть Ателькузу после разорения ее печенегами, пока основное войско воевало с болгарам за Дунаем. В.П. Шушарин считает эту информацию ложной. Мадыяры после нескольких побед потерпели поражение от болгар, а семьи их не подверглись нападению печенегов в Ателькузу. Они изменили несколько трактовок, невыгодных для себя, в изложении войны Багрянородным. Мадыяры заменили поражение в открытом бою от болгар разгромом части войска, охранявшего их стоянки, и истреблением семей с детьми печенегами, то есть стали жертвами коварства. В Трансильвании после ухода из «Ателькузу» они построили семь крепостей для своих жен и детей, против уничтожения их семей свидетельствуют данные археологии и антропологии (там же, с. 180). К тому же остеологические данные свидетельствуют, что мадыяры прибыли на новую родину со стадами коней и крупного рогатого скота (там же, с.101). Устное мадыярское предание хранило память о целом хазарском периоде в истории мадыяр (Шушарин, 1997, с. 154). А.П. Новосельцев отводит им главную роль в этногенезе хазар, которых тюрки называли сабирами. По его мнению, сабиры появились в Европе в составе гуннов или позднее под давлением каких-то врагов из Сибири. От них и произошло название хазар «белые сабиры» (Новосельцев, 1990, с. 80–82).

Если рассматривать ранний этап венгерской истории сквозь призму археологических источников, то интерес представляет выделение Е.В. Кругловым группы захоронений в памятниках авиловского типа в Нижнем Поволжье. Первоначально он их «распространял» на север, почти

до широты Самарской Луки на Волге, и датировал концом VII – началом IX в., полагая их сосуществование с группой памятников салтово-маяцкой культуры, которые он интерпретирует как собственно хазарские. В то же время, по его мнению, памятники II (гуннская эпоха) и III (эпоха тюркских каганатов) стилистических групп эпохи переселения народов, по А.К. Амброзу, очень близки авиловским. Все три группы памятников могли быть оставлены в разные исторические эпохи населением общего происхождения. Он отметил близость их погребального обряда главным образом ранневенгерским захоронениям в Подунавье периода «обретения Родины» и кушнаренковско-караякуповским в Приуралье и Прикамье, и пришел к заключению о полуоседлом, пастушеско-скотоводческом хозяйстве племен, оставивших эти захоронения. В начале IX в. они были вытеснены в ходе миграции печенегов из Заволжья. (Круглов, 1990, с. 46–50). Вскоре он скорректировал свое мнение по поводу памятников авиловского типа. Их исчезновение он отнес уже к рубежу VII–VIII вв. и считал, что его население, видимо, оказалось инкорпорировано частично в состав собственно хазарского кочевого общества. Именно этой причиной, на его взгляд, объясняется относительное своеобразие «восточной» группы хазарских памятников VIII–IX вв. в сравнении их с «западной», нижнедонской группой. Результатом этих событий стало появление в VIII в. в калмыцко-астраханских степях подкурганых захоронений салтово-маяцкой культуры. Они сочетали одновременно элементы авиловской (угорской – сложенных шкур жертвенных животных) и соб-

ственно хазарской (общетюркской – целых остовов или имитирующих их растянутых шкур) погребальных обрядностей (Круглов, 1992, с. 35–36). Можно предположить, что это и есть «саварты» письменных источников. В этом смысле интерес представляет II Большеатарханский могильник второй половины VIII–IX вв на правом берегу Волги на границе Татарстана с Ульяновской областью. В нем выявлены два типа захоронений, один из них был соотнесен с болгарами, другой В.Ф. Генинг соотнес с уграми. Он видел истоки его традиций в населении саргатской археологической общности. Его посуда по форме и орнаментации восходит к ней (Генинг, Халиков, 1964, с. 28; с. 139, табл. VIII). Не позднее IX в., наряду с болгарами, савиры («с-в-р» арабских авторов) мигрировали в Среднее Поволжье. Этим смешанным населением, возможно, и оставлен данный могильник. Этноним «сувар» имело племенное объединение, которое участвовало в формировании населения Волжской Булгарии.

Р.Г. Кузеев обосновывал мнение о том, что территория, откуда мадьярские племена, объединенные в союз, начали свое продвижение на запад, располагалась между Волгой и Бугульминской возвышенностью, на юго-восточной периферии Волжской Булгарии. Он их «размещает» в бассейне рек Большой Черемшан, Кондурча, Сок, Кинель. По его мнению, в пользу этого свидетельствует заимствование более 200 болгарских слов венграми (из области скотоводства, земледелия и домашнего быта). Они могли иметь место в зоне контактов болгар и венгров в районе р. Большой Черемшан и сопредельных тер-

риториях. Эти контакты он относит к VIII – началу IX в., т.е. к периоду освоения булгарами Среднего Поволжья. Зону контактов этих народов, по его мнению, невозможно распространить дальше на восток, на территорию современного Башкортостана, или в лесное Прикамье. Они находились в то время за пределами болгарского влияния. Башкирские родоплеменные группы, этнонимы которых имеют параллели у венгров (юрматы, еней, кесе, нагман, юламан, билар, юрми), в XII–XIII вв. кочевали западнее р. Большой Ик, в долинах Шешмы и Степного Зая, там, где берут начало левые притоки Волги Большой Черемшан, Кондурча и Сок, т.е. на восточной и юго-восточной периферии Волжской Булгарии. До XII в. юрматыно-юрмийские племена могли кочевать и западнее, в долинах левых притоков Волги, но не восточнее и не севернее. Это доказывается не только общим направлением движения юрматыно-юрмийских и других племен на восток и север, но и поразительным совпадением сведений территориально разбросанных в настоящее время племен «о приходе предков из Булгар» (Кузеев, 1976, с. 7–9).

Сведения о населении этой территории оставил проезжавший через нее в 922 г. в Волжскую Булгарию секретарь посольства багдадского халифа Ибн Фадлан. На пути в Булгарию посольство пересекло реки Самур (Самара), Кинал (Кинель), Сух (Сок), Кинджюлю (Кондурча) и, переплыв Джарамсан (Б. Черемшан), попало в страну болгар. Как раз на ее южном пограничье оно побывало у башкир. Переводчик и комментатор текста А.П. Ковалевский отметил, что при характеристике религиозных верова-

ний башкир Ибн Фадлан обратил внимание на существование у них как бы двух отличных друг от друга систем религиозных представлений, которые, видимо, соответствуют различным этническим группам, входившим в союз племен объединяемым этнонимом «башкир». Одни башкиры считали, что миром управляет верховный бог неба в согласии с 12 другими боже-ствами, которые ведали отдельными явлениями природы. Другие башкиры поклонялась животным. Причем каждая их группа (клан) имела тотемом свое отдельное животное. Башкир, поклонников верховного неба, А.П. Ковалевский отождествлял с тюркоязычным населением. Зато других башкир, поклонников различных видов животных, он склонен был считать угорскими племенами, родственными по языку венграм (Ковалевский, 1992, с. 78–80). Тюрколог-лингвист Н.А. Баскаков полагал, что этнонимы «бадшкорт» и «мадьяр» тождественны по происхождению от этнонима «badza ovur» – свояк угров. В соседних диалектах и наречиях звук «b» мог быть заменен на «m» при известном в тюркских и монгольских языках соответствии этих начальных букв. Изучение угорских и тюркских этнонимов раннего средневековья привело его к выводу о наличии брачных связей между разноэтничными образованиями и возникающем при этом родстве между ними (Баскаков, 1984, с. 13–17). Видимо, Ибн Фадлан, проезжая по территории Самарской области в 922 г., зафиксировал и донес до нас тот период в истории башкирского и венгерского народов, когда их предки находились в тесных родственных контактах между собой и входили в этнополитический союз племен

под единым названием. В историко-географических сочинениях с X по XIV вв., арабо-персидские авторы упорно отождествляли башкир с мадьярами. Исследователи ищут этому объяснения, выдвигая различные версии.

Путь движения мадьяр (имеется в виду население караякуповского типа памятников) с территории Южного Приуралья на запад, прослеженный В.А. Ивановым, представлен пятью захоронениями. Четыре из них выявлены вблизи и вдоль русла р. Самара: Ромашинское (Оренбургская область), 2 погребения на дюне у разъезда Немчанка (Самарская область), погребение на 116 км (в черте г. Самара) у слияния ее с Волгой. Пятое погребение (Луговское) расположено обособленно, в стороне от других на несколько сот километров, южнее г. Саратова на 75 км, на левом берегу Волги. По его мнению, там венгры переправились через нее при своем движении на запад (Иванов, 1999, с. 93–96). К этим погребениям необходимо добавить еще несколько: Палимовское – вблизи русла р. Самара (запад Оренбургской области), Лебяжинское – в низовье р. Сок, левого притока Волги, впадающего в нее севернее г. Самары (Сташенков, Турецкий, 1999, с. 289–299). А также, что немаловажно, на правом берегу Волги в глубине Самарской Луки – II Шелехметский могильник. При исследовании его Н.А. Лифановым выявлено 3 захоронения, которые он соотнес с населением караякуповского типа памятников (Лифанов, 2005, с. 73–74). Оно же жило рядом. На площади селища именьковской культуры, на территории которого возник некрополь, выявлен котлован жилища с

фрагментами посуды караякуповского типа памятников (Расторопов, 2010, с. 115–116). Она также обнаружена в комплексе к. 37 п. 1 Брусянского II могильника населения памятников новинковского типа, также на Самарской Луке (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 268). Приведенные факты могут только свидетельствовать в пользу возможной переправы венгров через Волгу вблизи Самарской Луки. Погребения, отмеченные В.А. Ивановым, не могут маркировать их сквозной путь от Бугульминской возвышенности до Волги. Захоронения, обнаруженные вдоль русла Самары, возможно, частично могут проследить путь венгров с территории Зауралья в Европу в обход Бугульминской возвышенности с юга. Поселения караякуповского типа памятников на Самарской Луке есть свидетельство того, что эта излучина Волги являлась не просто «проходным двором» для него. Д.А. Сташенков собрал материалы по Самарской области, указав их близость к материалам памятников мадьярского круга, определил их бытование в пределах IX в. и сделал вывод о том, что территория Самарского Поволжья во второй половине IX – начале X в. входила в зону традиционных кочевых маршрутов мадьярских племен или родственных им угорских групп (Сташенков, 2013, с. 83–85). В лесостепной зоне Южного Урала обнаружены погребальные комплексы конца IX в., которые прослеживаются параллели с мадьярскими материалами Карпатской котловины времен «обретения Родины» (Боталов, 2013, с. 9–10). Они в какой-то мере смыкаются в широтном направлении с захоронениями, обнаруженными вдоль русла р. Самары. Население кушна-

ренковского типа памятников, близородственное по происхождению населению караякуповского типа памятников, вряд ли может рассматриваться как этнокультурный компонент венгров, оказавшихся на Дунае. После переселения из-за Урала в Южное Приуралье во второй половине VI в., оно оттуда достаточно широким фронтом продвигалось в северо-западном направлении, достигая к IX в. берегов Волги и Камы, дисперсно расселяясь среди других этнокультурных групп и перемешиваясь с ними. Это положение, скорее всего, относится и к населению Больше-Тиганского могильника, признаваемого большинством исследователей древневенгерским.

В начале 30-х годов XIII в. была организована экспедиция монахов-католиков из Венгрии с целью поиска восточных мадьяр-язычников для обращения их в христианство. Участник ее, священник Отто, нашел «в некоем царстве людей своего языка». Благодаря им, он узнал, в каких областях живут мадьяры, но до них не дошел. Следующая экспедиция венгерских монахов оказалась более успешной. Мадьяры были найдены вблизи большой реки Итиль. Монах Юлиан сообщил, что после долгих странствий он попал в крупный город Волжской Булгарии, где встретил мадьярку, которая указала ему путь в тот край, где живут венгры-язычники. Через два дня он их нашел и общался с ними на их родном языке. По описаниям Юлиана, волжские мадьяры не занимались земледелием. Основным занятием было коневодство. По преданиям, им было известно, что есть другие мадьяры, которые произошли от них, но они не знали их местонахождение. На

этой земле мадьяр Юлиан встретил татарского посла. Татарское войско было уже рядом и готовилось к нападению на Волжскую Булгарию. Это, скорее всего, было южное «подбрюшье» Волжской Булгарии. В Венгрии из-за монгольской угрозы он был вынужден возвращаться уже не южным, а иным путем. Ему пришлось плыть 15 дней по большой мордовской реке, прежде чем попасть в русские земли (Аннинский, 1940, с. 81–82).

Несколько слов по поводу расположения местности, где монах Юлиан нашел своих сородичей. Во-первых, речь идет о большой реке, а это, скорее всего Волга. Во-вторых, венгры представлены как коневоды, и южная лесостепь Средневожья для них более подходит, чем, например лесное Прикамье. В третьих, он мог плыть 15 дней по большой мордовской реке, возвращаясь домой только по р. Суре, плывя по ней вниз по течению до р. Оки. Это была, скорее всего, степь на границе с лесостепью у Волги. Под большим городом Волжской Булгарии, в который попал Юлиан, можно понимать Биляр. Но им может быть и другой большой город Волжской Булгарии на Самарской Луке Волги. Название его в письменных источниках не сохранилось. В археологической литературе он упоминается под названием «Муромский городок». К западу от Самарской Луки, за Приволжской возвышенностью на примерно одной широте с ней в Верхнем Посурье, располагался еще один локальный район Волжской Булгарии. Видимо, через него и возвращался Юлиан на родину. Вероятно, часть восточных мадьяр сохранилась и после монгольского нашествия.

Следующие сведения о пребывании венгров в Восточной Европе восходят к середине XV в. Папа Пий II беседовал с человеком, который в «Азиатской Скифии», у истоков р. Танаис (Дон), нашел людей, имеющих общий язык с мадьярами. Информатор папы хотел обратить мадьяр-язычников в католическую веру, но государь Московский не позволил этого сделать (Шушарин, 1997, с. 163). В 1483 г. они упоминаются в договорной грамоте, которой обменялись между собой великие князья Московский и Рязанский. Они отмечены как дающие ясак Касимовскому царевичу. В 1539 году в копии грамоты, данной князю Кугушеву, говорится о праве их «судить и вязать». Можары упомянуты в декларации Касимовского царевича Шигалея, данной Ивану IV в 1551 г. С примерно той же территорией связан текст документа 1575 г., где говорится о татарах «из тарханов, башкирцев, можерян» (Орлов, 1992, с. 23). По законам венгерского языка, возможны превращения этнонима «мадьяр» в «можар» (Шушарин, 1997, с. 164). Эти данные свидетельствуют о тюркизации мадьярского населения в XV–XVI вв. в регионе Среднего Поочья. Оно вошло в состав формирующейся этнографической группы татар-мишарей, которым, вероятно, и передало свой этноним. «Можары» русского произношения в татарском варианте звучали как «мижгары, мишар» (Орлов, 1992, с. 22). Мадьяры были зафиксированы в составе Ногайской орды (Трофимова, 1949, с. 125). Даже в середине XIX в. в казахском племени «аргын» был род «мадьяр». В 1965 г. в Тургайской области (Северный Казахстан) обнаружена этни-

ческая группа казахов численностью 900–950 человек, называвшая себя мадьярами (Шушарин, 1997, с. 166).

В связи с ранней этнической историей венгров бесспорный интерес вызывает бытование этникона «савар(т)» в разных вариантах и в разных регионах на протяжении длительного периода истории. Первоначально этникон «савыр-савир-савар(т)» принадлежал, видимо, протомадьярам – населению саргатской археологической общности. Позднее он мог переходить и на новые родоплеменные объединения, которые возникали вследствие происходивших этнополитических событий. Вероятно, значительная часть предков «мадьяр-савар(т)-савир» в составе гуннского межплеменного объединения оказалась в Приазовье («Меотиде») и Северо-Западном Прикаспии (савиры V–VII вв.). Не позднее IX в. наряду с болгарами савиры («с-в-р» арабских авторов) мигрировали в Среднее Поволжье. Смена этнонима «саварт» на «мадьяр», видимо произошла у той группы венгров, которая мигрировала на запад. Этноним «сувар» имело племенное объединение, которое участвовало в формировании населения Волжской Булгарии. Чувашские ученые связывают с ним происхождение своего народа и его самоназвание. Три четверти тюркских заимствований венгерского языка сходны с чувашским языком по фонетике. Всего мадьяры заимствовали около 300 тюркских слов, когда уже существовали в качестве отдельной языковой общности (Шушарин, 1997, с. 205). Б.А. Серебренников отмечал удивительную близость объектных спряжений мордовского и угорских языков в группе, что нельзя объяснить общими корнями раннего этногенеза.

Он пришел к выводу о проникновении на территорию расселения мордвы языка какой-то угорской группы, который оказал сильное воздействие на ее язык (Серебренников, 1984, с. 169). Им мог быть только венгерский язык. Этнокультурная история Западной Сибири зафиксировала в легендах и преданиях сибирских татар этноним «сибыр, сипыр, сабир». Это было то население, с которым столкнулись тюрки при заселении лесной зоны Тоболо-Иртышья. Известно, что последние вступили с ними в контакты и некоторые группы сибирских татар в значительной мере связаны с ними происхождением. Народ «сюпар-ёх» упоминается и в хантыйском фольклоре (Успенская, 2007, с. 117–118). Этот факт не позволяет отождествлять хантов и сибиров. В. Н. Чернецов в свое время связывал с этим населением (угры-савыры) памятники, которые оставлены носителями саргатской археологической общности. Он указывает на связь этого названия с «савартами» Константина Багрянородного. Этот этноним выступает как имя прародительницы одной из двух фратрий обских угров (хантов и манси) – «мось», а также как синоним имени манси у хантов. В эвенкийском фольклоре земля «савыр» населена конным народом (Чернецов, 1953, с. 238–240). К названию этого народа восходит и наименование «Сибирь», которое первоначально относилось только к Тоболо-Иртышскому региону. Вероятно, этноним «мадьяр» был эндоэтнонимом, т.е. самоназванием этносоциальной общности, а «савир» (савар, савыр, сибир) аллоэтнонимом – именем, которым называли мадьяр другие народы. Не исключено, что первоначально, на раннем этапе воз-

никновения мадьярской общности, он мог быть и ее самоназванием.

Из достаточно противоречивых и неясных исторических сведений о ранних венграх до периода обретения ими родины в Подунавье можно определенно сказать, что их корни находятся в лесостепи Тоболо-Иртышья. Формирование этносоциальной общности мадьяр-венгров происходило в рамках саргатской археологической общности, которая сложилась к середине I первого тысячелетия до н.э. на местной основе, но под сильным влиянием ираноязычных степных кочевников. Вероятно, ее этнонимом – са-

моназванием являлся «савир» (савыр, саварт, сибир, сибыр, сипыр). После ее распада во второй четверти I тысячелетия образуются новые близкородственные группы. Этот этноним мог переходить и на них, если во главе их вставали наследники саргатской археологической общности. Первые группы этого населения, вероятно, попали в Восточную Европу в составе гуннской орды и локализовались, скорее всего, в Волго-Донском междуречье. К IX в. этноним «савир» перестает быть у них самоназванием в связи с созданием нового этнополитического союза племен во главе с «мадьярами».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. – М.: Наука, 1990. – 255 с.
2. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров о татарах в Восточной Европе в XIII–XIV вв. // Исторический архив III. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1940. – с. 71–112
3. *Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара: Самарский региональный фонд «Полдень XXII век», 1998. – 286 с.
4. *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. – М.: Наука, 1991. – 494 с.
5. *Баскаков Н.А.* О происхождении этнонима «башкир» // Этническая ономастика. – М.: Наука, 1984. – с. 13–18.
6. *Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П.* Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры: Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск: ООО «ЦИКР Рифей», 2008. – С. 6–40.
7. *Боталов С.Г.* Некоторые предварительные наблюдения по вопросам культурогенеза средневекового населения Среднего и Южного Зауралья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции 25–28 ноября 2013 г. – Самара: АНО СНЦ РАН, 2013. – с. 8–10.
8. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 201 с.

9. Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение // Археология и этнография Башкирии: материалы научной сессии по этногенезу башкир, май 1969 г. – Том. 4. – Уфа: Академия наук СССР, Отделение истории, Башкирский филиал; 1971. – С. 44–54.

10. Епимахов А.В. Радиоуглеродная хронология бакальской культуры (по материалам Большого Бакальского городища и городища Усть-Утяк-1) // Проблемы бакальской культуры. – Челябинск: ООО «ЦИКР Рифей», 2008. – С. 41–44.

11. Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 11. – Тюмень: ИПОС СО РАН. – С. 67–80.

12. Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 4. – Тюмень: ИПОС СО РАН. – С. 219–233.

13. Зах В.А., Цембалюк С.И. К вопросу о происхождении саргатской культуры в Притоболье // Вопросы истории Сибири. – Вып. 9. – Омск: ОМГПУ, 2014. – С. 89–95.

14. Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа: «Гилем», 1999. – 122 с.

15. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Уральский университет, 1988. – 239 с.

16. Круглов Е.В. Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртас. – Пенза, 1990. – С. 46–50.

17. Круглов Е.В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья. – Пенза: АО «Поволжье», 1992. – С. 32–37.

18. Кузеев Р.Г. Об историческом соотношении территорий «Великой Венгрии» и древней Башкирии // Этнография Башкирии. – Уфа: БФАН СССР, 1976. – С. 5–11.

19. Лифанов Н.А. Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001–2002 г. // Краеведческие записки. – Вып. XII. – Самара: ООО «Глагол», 2005. – С. 67–75.

20. Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири эпохи раннего железа // Этнокультурные процессы. – Томск: Томский государственный университет, 1983. – С. 77–90.

21. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990. – 264 с.

22. Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишаре. – Казань: Татарское книжное издательство, 1992. – 111 с.

23. Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на р. Итиль и принятие в Булгарии ислама. Ред. Р. Абдулин. – М.: «Мифи-Сервис», 1992. – 92 с.
24. *Расторопов А.В.* Комплекс памятников эпохи раннего средневековья у села Шелехметь на территории Волжского района Самарской области // Материалы по истории и археологии России. – Т. 2. – Рязань: «Александрия», 2012. – С. 110–120.
25. *Рафикова Т.Н.* Кушнаренковские и караякуповские комплексы лесостепного Зауралья // Вопросы истории Сибири. – Вып. 9. – Омск: ОМГПУ, 2014. – С. 111–118.
26. *Серебрянников Б.А.* Исторические загадки // Советское финноугроведение. – 1984. – № 3. – М.: Наука. – С. 69–72.
27. *Сташенков Д.А.* Раскопки памятников эпохи раннего средневековья на севере Самарской области // Археологические открытия 1999. – М.: Наука, 2001, – С. 210–211.
28. *Сташенков Д.А., Турецкий М.А.* Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (К вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 1. – Самара: САМГПУ, 1999. – С. 289–305.
29. *Сташенков Д.А.* Население Самарского лесостепного Поволжья I–V вв. н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. – Казань, 2007. – 25 с.
30. *Сташенков Д.А.* Об особенностях погребального обряда населения Самаро-Симбирского Поволжья Хазарской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции 25–28 ноября 2013 г. – Самара: АНО СИЦ РАН, 2013. – С. 78–91.
31. *Трофимова Т.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии / Труды института этнографии: Новая серия. – Т. 7. – М.; Л.: Академия Наук, 1949. – 264 с.
32. *Успенская С.С.* Этническая идентификация народа ханты в фольклоре // Вестник Томского государственного университета. – № 3 (66). Томск: Томский государственный университет, 2007. – С. 155–161.
33. *Чернецов В.Н.* Усть-Полуйское время в Приобье // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 35. – М.: Наука, 1953. – С. 221–241.
34. *Шарафутдинова А.Г.* Включённость иранского, тюркского факторов в палеолингвистическое изучение этноязыковой ситуации Волго-Камья и прилегающих к нему территорий // Вестник Удмуртского университета. – 2005. – № 5. – Ижевск: Удмуртский государственный университет. – С. 191–198.
35. *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. – М.: Наука, 1997. – 512 с.

Информация об авторе:

Расторопов Александр Васильевич, кандидат исторических наук, независимый археолог (г. Самара, Россия); rastoropov-av@mail.ru

ISSUES OF EARLY ETHNIC HISTORY OF THE HUNGARIANS-MAGYARS

A.V. Rastoropov

On the basis of archaeological and written sources and linguistic studies, the issues of Hungarians' early ethnic history before they found their homeland on the Danube are analyzed in the article. The ethnic core of the Magyars (proto-Magyars) was formed in the Tobol-Irtysh forest-steppe zone within the Sargat archaeological community. After the split of the latter in the 2nd quarter of the 1st millennium, a part of the population migrated to the southern areas of Eastern Europe with the Hun Horde. The remaining component groups of the Sargatskaya archaeological community formed closely related ethno-cultural entities, mixing up with the forest population of the border zone. In written sources, the ancestors of Magyars are fixed as the Savirs (Savyrs, Savarts). For the first time, they are mentioned in the works by Byzantine authors after the collapse of the Hun ethno-political union in the mid-5th c. The Savirs inhabited the territory of the Volga-Don interfluvium and had stayed under the aegis of the Khazar Khaganate since its formation in the mid-7th c. and until the Pecheneg intrusion from the Trans-Volga steppes in the late 9th c. Later, the Savirs got divided, and a part of them, led by the Magyars, resettled to the Northern Black Sea area, and soon to Pannonia. The groups of population closely related to them, who had left the Kushnarenkovo-type (2nd half of the 6th c.) and the Karayakupovo-type (2nd half of the 8th c) sites, moved from the trans-Urals to the Volga-Urals regions. Ultimately, they mixed up and dissolved in the alien cultural medium, as well as the related Bakalskaya culture population in southern forest steppe of the Trans-Urals

Keywords: archaeology, forest steppe Tobol-Irtysh area, the Sargat archaeological community, the Volga-Urals region, the Volga-Don area, Khazar Khaganate, the Savirs, the Magyars, the Huns, the ancient Turks, the Bashkirs.

REFERENCES

1. Ageeva, R. A. 1990. *Strany i narody: proiskhozhdenie nazvanii (Countries and People: Origin of Names)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Anninskii, S. A. 1940. In *Istoricheskii arkhiv (Historical Archive)* III. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 71–112 (in Russian).
3. Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia) (Pre-Bulgars at the Middle Volga (at the Origins of the History of Volga-Kama Tatars))*. Samara: "Samarskii regional'nyi fond «Polden', XXII vek»" Publ. (in Russian).
4. Constantine Porphyrogenitus. 1991. *Ob upravlenii imperiei (De Administrando Imperio)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Baskakov, N. A. 1984. In *Etnicheskaia onomastika (Ethnic Onomastics)*. Moscow: "Nauka" Publ., 13–18 (in Russian).

6. Botalov, S. G., Tideman, E. V., Lukinykh, A. A., Vokhmentsev, M. P. 2008. In *Problemy bakal'skoi kul'tury (Issues of the Bakalskaya Culture)*. Chelyabinsk: «TsIKR Rifey» LLC. Publ., 6–40 (in Russian).
7. Botalov, S. G. 2013. In *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (Steppe Cultures of Eurasia in the Second Half of the I Millennium AD)* Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 8–10 (in Russian).
8. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Gening, V. F. 1971. In *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* 4. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Department of History, Bashkir Branch, 44–54 (in Russian).
10. Epimakhov, A. V. 2008. In *Problemy bakal'skoi kul'tury (Issues of the Bakalskaya Culture)*. Chelyabinsk: «TsIKR Rifey» LLC. Publ., 41–44 (in Russian).
11. Zakh, V. A. 2009. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (11). Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 67–80 (in Russian).
12. Zakh, V. A., Zimina, O. Yu., Riabogina, N. E. 2011. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (4). Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 219–233 (in Russian).
13. Zakh, V. A., Tsembaliuk, S. I. 2014. In *Voprosy istorii Sibiri (Issues of the History of Siberia)* 9. Omsk: Omsk State Pedagogical University, 89–95 (in Russian).
14. Ivanov, V. A. 1999. *Drevnie ugry-mad'iary v Vostochnoi Evrope (The Ancient Ugro-Magyars in Eastern Europe)*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).
15. Koriakova, L. N. 1988. *Rannii zheleznyi vek Zaural'ia i Zapadnoi Sibiri (sargatskaia kul'tura) (The Early Iron Age of Trans-Urals and Western Siberia: the Sargatskaya Culture)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
16. Kruglov, E. V. 1990. In *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia i problema burtasov (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region and the Burtas Problem)*. Penza, 46–50 (in Russian).
17. Kruglov, E. V. 1992. In *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza: “Povolzh'e” Publ., 32–37 (in Russian).
18. Kuzeev, R. G. 1976. In *Etnografiya Bashkirii (Ethnography of Bashkiria)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkir Branch 5–11 (in Russian).
19. Lifanov, N. A. 2005. In *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* XII. Samara: “Glagol” Ltd. Publ., 67–75 (in Russian).
20. Mogil'nikov, V. A. 1983. In *Etnokul'turnye protsessy (Ethno-Cultural Processes)*. Tomsk: Tomsk State University, 77–90 (in Russian).

21. Novosel'tsev, A. P. 1990. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza (Khazarian State and Its Role in the History of Eastern Europe and Caucasus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
22. Orlov, A. M. 1992. *Meshchera, meshcheriaki, mishare (The Meshchera, the Mashcheryaki, the Mishars)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
23. Abdulin, R. (ed.). 1992. *Puteshestvie Akhmeda Ibn-Fadlana na r. Itil' i priniatie v Bulgarii islama (The Travel of Ahmad Ibn Fadlan to the Itil River and Adoption of Islam in Volga Bulgaria)*. Moscow: "Mifi-Servis" Publ. (in Russian).
24. Rastoropov, A. V. 2012. In *Materialy po istorii i arkhologii Rossii (Proceedings on History and Archaeology of Russia)* 2. Ryazan: "Aleksandriia" Publ., 110–120 (in Russian).
25. Rafikova, T. N. 2014. In *Voprosy istorii Sibiri (Issues of History of Siberia)* 9. Omsk: Omsk State Pedagogical University, 111–118 (in Russian).
26. Serebrennikov, B. A. 1984. In *Sovetskoe finnougrovedenie (Soviet Finno-Ugric Studies)* 3. Moscow: "Nauka" Publ., 69–72 (in Russian).
27. Stashenkov, D. A. 2001. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1999 goda (Archaeological Discoveries of 1999)*. Moscow: "Nauka" Publ., 210–211 (in Russian).
28. Stashenkov, D. A., Turetskii, M. A. 1999. In *Voprosy arkhologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara State Pedagogical University, 289–305 (in Russian).
29. Stashenkov, D. A. 2007. *Naselenie Samarskogo lesostepnogo Povolzh'ia I–V vv. n.e. (Population of the Samara Forest-steppe Volga Region in the 1st–5th Centuries A.D.)* PhD Thesis. Kazan (in Russian).
30. Stashenkov, D. A. 2013. In *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tysyacheletii n.e. (Steppe Cultures of Eurasia in the Second Half of the I Millennium AD)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 78–91 (in Russian).
31. Trofimova, T. A. 1949. In *Trudy instituta etnografii: Novaia seriia (Proceedings of the Institute for Ethnography: New Series)* 7. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
32. Uspenskaia, S. S. 2007. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Tomsk State University)* 66 (3). Tomsk: Tomsk State University, 155–161 (in Russian).
33. Chernetsov, V. N. 1953. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Proceedings and Research on the USSR Archaeology)* 35. Moscow: "Nauka" Publ., 221–241 (in Russian).
34. Sharafutdinova, A. G. 2005. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of Udmurt University)* (5). Izhevsk: Udmurt State University, 191–198 (in Russian).

35. Shusharin, V. P. 1997. *Rannii etap etnicheskoi istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniia (Early Stage of the Ethnic History of Hungarians. Issues of Ethnic Self-Conscience)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Rastoropov Aleksandr V. Candidate of Historical Sciences. Samara, Russian Federation; rastoropov-av@mail.ru

УДК 67. 15. 47

КЕРАМИКА ИЗ БИРИТУАЛЬНЫХ МОГИЛЬНИКОВ НИЖНЕГО ДУНАЯ И ВОПРОСЫ ЕЕ ХРОНОЛОГИИ

© 2015 г. М. Христова

На основе анализа материалов могильников рассматривается проблема хронологии памятников раннесредневековой болгарской культуры, которая является одной из самых спорных в археологии Болгарии. Приводится краткий историографический обзор исследований нескольких поколений болгарских и румынских археологов, выявляются их достижения и недостатки. Автором разработана собственная типология керамики из некрополей Болгарии конца VII – IX вв. и ее периодизация, построенная на взаимовстречаемости сосудов разных видов, типов и вариантов, помещенных в одно погребение. Это позволило уточнить и скорректировать время бытования каждой из разновидностей сосудов и время сосуществования разных керамических форм. Предложенная классификация и хронология раннеболгарской керамики оставляет поле для ее совершенствования и дополнения находками новых форм сосудов.

Ключевые слова: археология, Нижний Дунай, раннее средневековье, биритуальные могильники, болгарская керамика, типология, хронология.

Проблема хронологии культуры раннесредневекового Болгарского государства является, вероятно, самой сложной и трудноразрешимой в болгарской и иностранной литературе. А спор о ее начальной дате горячо ведется уже годами. Особенно благоприятные возможности его разрешения предоставляют захоронения по причине своего закрытого характера.

Интересные наблюдения в этом отношении сделали некоторые исследователи. Ст. Ваклинов рассматривает данные некрополя, находящегося около Нового Пазара, по трем разделам: обряды, керамика, украшения и делает заключение о том, что «самой приемлемой датой всего памятника следует считать VIII век или еще точнее его конец» (Станчев, Иванов, 1958, с. 109). Необходимо отметить, что это сочинение реализовано в качестве от-

вета и коррекции первоначальной интерпретации этого памятника, согласно которой он «отражает состояние последней стадии развития фракийско-сарматской культуры» и датируется «между IV–V вв.» (Михайлов, 1955, с. 325). Принципиальные положения, высказанные Ст. Ваклиновым относительно этнической принадлежности и времени некрополя около Нового Пазара, подтверждаются дальнейшими исследованиями, причем нижняя граница его функционирования скорректирована (Fiedler, С. 266–270; Даскалов, 1997–1999, с. 149).

Используя эту схему в своем монографическом исследовании, Ж. Выжарова окончательно настаивает на той идее, что стационарные некрополи, оставленные праболгарским населением, не могут быть более ранними, чем конец VIII в. В этих выво-

дах она опирается исключительно на открытые в могиле № 34 в Кюлевче монеты Константина VI (780–797), которые, по ее мнению, «дают основание отнести к этому же периоду двубрядовые некрополи на нашей территории» (Въжарова, 1976, с. 418). О керамике, найденной в этих некрополях, она высказывается лаконично, определяя ее как салтово-маяцкую, относящуюся к концу VIII–IX в. (Въжарова, 1976, с. 418, 419).

В своих датировках болгарские исследователи опираются в основном на анализ погребальных обрядов и при этом имеют в виду две гипотезы, приобретшие аксиоматический характер. Во-первых, болгары кочевали не менее 50–60 лет после их оседания на Нижнем Дунае, т.е. появление стационарных некрополей не может быть отнесено к периоду более раннему, чем середина VIII в. И, во-вторых, в первые десятилетия после принятия христианства в погребальном обряде задерживаются некоторые языческие практики. Рассматриваемые аналогии инвентаря в большинстве случаев имеют действительно широкие даты, а те, которые указывают на более узкие, считаются «запоздавшими». В конечном счете сам инвентарь соответствует хронологическим рамкам некрополя, т.е. середине VIII – концу IX и даже X в. Так, например, Д. Ил. Димитров в своих публикациях о некрополях около Девни и Варны определяет их датировку путем подробного анализа обряда, что привело его к следующим заключениям: некрополь около Варны необходимо отнести к первой половине IX в., так как «существование одного явно языческого некрополя в непосредственной близости к Варне, которая

всегда была важным центром христианства, едва ли могло продлиться долго» (Димитров, 1976, с. 117). Подобный довод противоречит двум связанным между собой фактам: после опустошительного аварского вторжения 626 г. городская жизнь в Одессе практически прерывается (Кузев, 1981, с. 293), о чем свидетельствуют как следы огромного пожара, так и обнаруженные монеты, последние из которых относятся к эмиссии Ираклия (610–614); в списках участников VI (680) и VII (787) Вселенских соборов не фигурируют имена одесских епископов (Деяния, 1996, с. 298–307, 591–599), т.е. можно утверждать, что с уничтожением города была уничтожена и христианская община. Следовательно, близость Варны не оказывает влияния на продолжительность функционирования некрополя и выстроенные логические заключения нуждаются в переосмыслении.

Используя тот же самый метод, Д. Ил. Димитров датирует оба некрополя около Девни. Так, сгруппированные в северной части некрополя № 3 около Девни христианские захоронения определяют его *terminus ante quem*, а «отмирание некоторых типичных черт языческого ритуала (...) указывает на то, что он (некрополь № 3. – М.Х.) является более поздним, чем некрополь № 1 около Девни, относящийся к середине VIII в. Одновременно большое число захоронений показывает, что он (Девня 3. – М.Х.) использовался не менее одного столетия до христианизации, другими словами, его начало относится где-то к концу VIII или началу IX в.» (Димитров, 1972, с. 55). Инвентарь, открытый в некрополе № 3, привлечен только для того, чтобы подкрепить

ть определенную таким образом дату. Со своей стороны, некрополь № 1 около Девни первоначально датирован концом VIII в. на основе керамики и, в первую очередь, открытых в нем кувшинов, подобных кувшинам из Нового Пазара, а также и ритуала захоронения, «сохранившего некоторые более старые элементы,... почти отжившие в самом близком по особенностям ритуала памятнике – двуобрядовом могильнике около Варны» (Димитров, 1971, с. 69–70).

Опять же на основе анализа обряда основывают свои датировки и Р. Рашев, Ст. Станилов и К. Красильников. Одновременно в своих публикациях они стремятся привлечь данные стратиграфии и инвентаря. Таким образом, датировка некрополя около Ножарево согласована с уточненной датировкой аналогичных предметов в некрополях Восточной и Центральной Европы, но, несмотря на это, в коротком и пока единственном сообщении остается общая датировка – VIII–IX вв. (Рашев, Станилов, 1989, с. 218–219).

В публикациях материалов из могильника около Караманите Р. Рашев и К. Красильников основываются исключительно на данных об обрядах и стратиграфии. Таким образом, они рассмаивают два вида труположения, один из которых связывают с переходным периодом после принятия христианства: «... можно утверждать, что могильник составлен из двух хронологических групп погребений. К более ранней, датируемой прежде всего на основании деталей погребального обряда VIII – первой половины IX вв., надо отнести погребения с северной ориентацией. Более поздняя группа с западной ориента-

цией погребенных принадлежит переходному периоду, наступившему после официального крещения болгар в 864 г. На основании сочетания некоторых деталей языческого и христианского погребальных обрядов, а также керамики и формы стеклянных бус ее можно отнести ко второй половине IX, возможно, началу X вв.» (Рашев, Красильников, 2005, с. 150). При этом они обращают внимание на могилы №№ 96, 97 и 98, где погребения с западной ориентацией №№ 96 и 97 расположены на захоронении с северной ориентацией № 98 (Рашев, Красильников, 2007, с. 97). В качестве дополнительного довода, подкрепляющего представленную таким образом интерпретацию, они выделяют наличие в могилах западной ориентации горшков, украшенных насечками (Рашев, Красильников, 2007, с. 99). При более внимательном рассмотрении данных по этому некрополю едва ли можно было бы утверждать с такой категоричностью, что могилы с западной ориентацией непременно являются христианскими. Это противоречит сведениям, полученным в других некрополях. Так, например, открытые в Девне 3 несомненно христианские захоронения изолированы в северной части некрополя и ни в одном из них не найден жертвенный сосуд либо пища, а сохранение некоторых языческих элементов Д. Ил. Димитров видит, скорее всего, в положении рук и выполнении некоторых обрядов обезвреживания (ампутирование конечностей, возложение камней на тело покойника или ритуальное разрушение скелета). В своей работе по погребальному обряду в Варненских некрополях (к которым принадлежит и могильник в Караманите) он пишет:

«Важной особенностью захоронения по христианскому обряду в обоих некрополях является полное отсутствие жертвенных предметов – инвентаря» (Димитров, 1974, с. 82). Аналогичная ситуация и в некрополе около Топола, где «с определенной уверенностью можно утверждать об обособлении двух групп могил с трупоположением, ориентированном З–В: одна в юго-восточном секторе, другая – по западной границе некрополя» (Ангелова, Дончева-Петкова, Даскалов, 1997, с. 142). Эти христианские могилы дают и *terminus ante quem* могильника и отличаются исключительно точным соблюдением требований христианского ритуала, предполагающего полное отсутствие жертвенных сосудов.

Совсем другая ситуация в некрополях на севере от Дуная. Там преобладает западная ориентация могил (Mitrea, 1967; 1988; 1989; Dolinescu-Ferche, Ionescu, 1970; Торопу, Stoica, 1972 и др.). Но румынские авторы не высказывают категоричные мнения об их христианской принадлежности, полагаясь единственно на ориентацию. На основании скрупулезного анализа данных по некрополю Обыршиа-Олт О. Торопу и О. Стойка пишут, что «возможно одна очень маленькая часть захоронений в Обыршиа-Олт является христианской» (Торопу, Stoica, 1972, с. 186). Они ссылаются на некоторые явно христианские украшения из могил №№ 7 и 55, а также на засвидетельствованную практику «Харонов обол» при захоронении в могиле № 19, где в отверстие рта вложена маленькая золотая пластинка (там же). В болгарской литературе уже высказана гипотеза, согласно которой часть похороненных в некрополях вдоль Дуная является плененым византий-

ским населением, заселившимся там в начале IX в., о чем упоминается в письменных источниках (Григоров, 2007, с. 95).

Датировки румынских исследователей базируются на инвентаре и его аналогиях. В этом отношении некрополи севернее от Дуная имеют одно существенное преимущество: в них больше металлических находок, что позволяет точнее датировать сами некрополи. Так, например, Б. Митря привлекает ряд аналогий из района Среднего Дуная найденным украшениям в Извору, которые датируются в основном VII–VIII вв., опираясь на эту дату при исследовании некрополя (Mitrea, 1967, с. 453–459). К таковым относится найденная в могиле № 7 литая аппликация с растительным орнаментом (Mitrea, 1967, с. 456). О дате некрополя около Султана Б. Митря высказывается лаконично: «Начиная с сережек, колец, бус, железных пряжек, к которым относится и «желтая керамика» и остальная керамика, некрополь около Султана, как и в Извору, необходимо датировать хотя бы VIII в. Но его начало можно было бы отнести к концу VII в., а финальный этап – к первым десятилетиям IX в.» (Mitrea, 1988, с. 102).

О. Торопу и О. Стойка, учитывая тот факт, что инвентарь, найденный в некрополе около Обыршиа-Олт, имеет многочисленные аналоги в Венгрии, Болгарии, бывших Чехословакии и Югославии, датирован в широких рамках VIII–IX вв., акцентируют внимание на предметах, которые могли бы дать более узкую дату и заключают что «некрополь около Обыршиа-Олт может датироваться одним периодом в границах между первыми десятилетиями VIII и концом первой

четверти IX в.» (Торору, Stoica, 1972, с. 182).

Попытку внести ясность в проблему хронологии некрополей в Северной Болгарии и Добрудже делает и М. Даскалов (Даскалов, 1997–1999, с. 137–154). Подчеркивая значимость металлических находок, автор анализирует уже известный материал и предлагает свою хронологию рассматриваемых некрополей. В исследовании некрополей Нижнего Дуная У. Фидлер использует планиграфический подход к разработке относительной хронологии керамики (Fiedler, 1992, S. 246–273). Но тот факт, что большая часть памятников не изучена в полном объеме, позволяет подвергнуть сомнению результаты немецкого исследователя. Бесспорным достоинством его работы является то, что, изучая керамику, У. Фидлер впервые комментирует некоторые находки, например, «маленькие красные горшочки» [Fiedler, 1992, S. 268 и сл.] и подтверждает отмеченную ранее подмену кувшинов на амфоровидные сосуды (Comşa, 1963, с. 415; Ангелова, Дончева-Петкова, 1990, с. 63; Fiedler, 1992, S. 254 и сл.).

Обзор различных работ по этой проблеме показывает, что при отсутствии монет и очень большом интервале между датировками предметов из цветных и черных металлов керамика приобретает значение хронологического маркера (Рашев, 2003, с. 162). Поэтому тщательное исследование встречаемости сосудов в закрытом комплексе (в отдельной могиле) внесет дополнительную ясность в изучаемую проблему, что и является целью настоящей публикации.

Прежде чем приступить к решению поставленных задач, необходимо

кратко описать керамический материал, найденный в рассматриваемых могильниках. Он включает следующие формы: горшки, кувшины, амфоровидные сосуды, миски, кубки, ведра и чаши. Необходимо отметить, что представленная в биритуальных некрополях керамика не имеет стандартные формы, размеры, оформление отдельных элементов. Это особенно относится к самому многочисленному виду керамики, а именно к горшкам, которые логично будут представлены на первом месте.

Типология керамики.

Горшки. Они представлены следующими типами (по форме тулова): шаровидные, оваловидные, конические, биконические и горшки с двумя ручками (табл. 1; илл. 1–4).

Тип I. Горшки шаровидные производились из очищенной глины. Украшение не было обязательным элементом при оформлении сосуда. Но там, где оно присутствует, представляет собой лощенные вертикальные линии, иногда образующие ромбовидную сетку. Лощение встречается самостоятельно или в сочетании с резными линиями или каннелюрами, расположенными в средней или нижней части сосуда. Цвет этих горшков разнообразен: серый, черный, коричневый, желтый или красный. Различия в оформлении горшков этого типа определяют их десять вариантов (табл. 1; илл. I). Они открыты в могильниках около Нового Пазара (Станчев, Иванов, 1958, кат. №№ 4; 3, Taf. 112₇), Кюлевчи (Въжарова, 1976, обр. 48_{1, 5a, б}, 50_{a, б}, 62_{2, 3}; Fiedler, 1992, Taf. 107_{2, 4, 5}, 108_{6, 7}), Вырбяне (Рашев, 2008, табл. XXIV₄), Балчика (Димитров, 1991, обр. 2_{8, 9}, 3_{1, 2}, 5; Дончева-Петкова, 2007, обр. 2, 3; Христова, 2009, кат. №№ 6, 7, 9, 13,

Таблица 1. Типология горшков

Тип	Вариант										
	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	
I											
II											
III											
IV											
V											

14), Топола (Дончева-Петкова, Ангелова, Йотов, 1989, обр. 10; Ангелова, Дончева-Петкова, 1990, обр. 3), Бдинци (Въжарова, 1976, обр. 90₁, 93₃; 1981, табл. XII₂; Fiedler, 1992, Taf. 92_{2,7}, 94₇), Могилеще (Йотов, 2007, обр. 5_{6,Г}), Варна 1 (Fiedler, 1992, Taf. 114₁), Девня 1 (Димитров, 1971, обр. 9₄; 1972, табл. 5₂; Fiedler, 1992, Taf. 95₁₁, 102₂), Девня 3 (Димитров, 1972, табл. 4₅; 1973, табл. 7₄; Fiedler, 1992, Taf. 100₂₁, 105₈), около Черны (Василчин, 1989, обр. 2; 35, обр. 1), Хитово (Йотов, 1991, табл. I₅), Капул Виилор–Истрия (Зирра, 1963, обр. 23_{2,5,7}; Fiedler, 1992, Taf. 16₉, 17₈, 25₂, 27₁), Извору (Mitrea, Preda, Chițescu, Rădulescu, Ionescu, 1979, abb. 3₃; Mitrea, 1989, abb. 4₇₋₁; 5₁₇₋₁, 55; Fiedler, 1992, Taf. 37₁₂, 38₂₁) и Султаны (Mitrea, 1988, pl. 5; Fiedler, 1992, Taf. 39₈). Особенно интересными являются горшки варианта J, которые имеют маленькие размеры, изготовлены из глины с примесями песка, обожжены до красного цвета или цвета охры и оформлены процарапанными украшениями (илл. 1: 2).

Это «маленькие красные горшочки», которые рассматривает У. Фидлер, учитывая их появление и распространение в определенном хронологическом диапазоне, а именно во второй половине VIII в. Причем особенно хорошо они представлены в больших двухрядовых могильниках во Влахии, датированных IX в.

Тип II. Горшки овальные. В литературе встречается определение «яйцевидные» (Станчев, Иванов, 1958; Въжарова, 1976) или овально-бочкообразные (Дончева-Петкова, 1977). Максимальный диаметр такие сосуды имеют в средней, а иногда и в верхней их части. Изготовлены из песчаной глины и имеют серый, черный цвет или цвет охры, а также красноватый. Украшение процарапано и состоит преимущественно из прямых и волнообразных линий, но встречаются и короткие насечки, а также ямки. В зависимости от особенностей оформления сосудов можно выделить три варианта (табл. 1; илл. 2). Горшки этого типа встречаются в могильниках около Но-

Рис 1. Горшки типа I: 1. Топола, погр. № 35; 2. Топола, погр. № 117; 3. Балчик, погр. № 195; 4. Черна, погр. № 3; 5. Топола, погр. № 155; 6. Топола, погр. № 220.
Fig. 1. Pots type I: 1. Topola, burial mound No 35; 2. Topola, mound 117; 3. Balchik, mound 195; 4. Cherna, mound 3; 5. Topola, mound 155; 6. Topola, mound 220.

Рис 2. Горшки типа II: 1. Топола, погр. № 48; 2. Топола, погр. № 1; 3. Топола, погр. № 420; 4. Хитово; 5. Хитово, погр. № 20.
Fig. 2. Pots type II: 1. Topola, burial mound No 48; 2. Topola, mound 1; 3. Topola, mound 420; 4. Khitovo; 5. Khitovo, mound 20.

Рис. 3. Горшки типа III: 1. Топола, погр. № 78; 2. Девня 3, погр. № 103; 3. Топола, погр. № 143; 4. Топола, погр. № 221; 5. Топола, погр. № 215; 6. Топола, погр. № 208; 7. Топола, погр. № 212.

Fig. 3. Pots type III: 1. Topola, burial mound No 78; 2. Devnya 3, mound 103; 3. Topola, mound 143; 4. Topola, mound 221; 5. Topola, mound 215; 6. Topola, mound 208; 7. Topola, mound 212.

Рис. 4. Горшки типа IV – 1; горшки типа V – 2, 3, 4, 5, 6: 1. Хитово 2, погр. № 69; 2. Топола, погр. № 17; 3. Топола, погр. № 297; 4. Топола, погр. № 146; 5. Топола, погр. № 24; 6. Девня 3, кв 8/р.

Fig. 4. Pots type IV – 1; pots type V – 2, 3, 4, 5, 6: 1. Khitovo 2, burial mound No 69; 2. Topola, mound 17; 3. Topola, mound 297; 4. Topola, mound 146; 5. Topola, mound 24; 6. Devnya 3, sq. 8/r.

вого Пазара (Станчев, Иванов, 1958, кат. № 1, табл. XIV_{1,2}), Кюлевче (Въжарова, 1976, обр. 59₂; Fiedler, 1992, Taf. 108₂), Вырбяне (Рашев, 2008, табл. XXIV₃), Дивдядово (Балабанов, Атанасов, 2007, обр. 2₁), Балчика (Дончева-Петкова, 2007, обр. 6], Топола, Бдинци (Въжарова, 1976, обр. 92₂, 93₅; 1981, табл. VII₃, X_{1,4}; Fiedler, 1992, Teil 2, Taf. 92_{4,11}, 94₄), Караманите (Рашев, Красильников, 2007, табл. II₄), Девня 1 (Fiedler, 1992, Taf. 96_{7,19}, 98₇), Хитово (Йотов, 1989, обр. 3), Черны

(Василчин, 1989, обр. 2), Капул Вилор-Истрии (Зирра, 1963, обр. 12₄, 16₇; Fiedler, 1992, Taf. 17₃, 22₅), Извору (Mitrea, 1989, abb. 6₂₀₋₁, 32₁₈₃₋₁, 42₂₅₂₋₁, 54₃₅₇₋₁; Fiedler, 1992, Taf. 36₇, 38_{11,12,20}).

Тип III. Горшки конические. Это самая многочисленная группа горшков с разнообразными оформлением края горлышка и орнаментами, а также степенью обжига (выделяются семь вариантов с подвариантами, см. табл. 1; илл. 3). Они обнаружены в могильниках около Вырбяне (Ра-

шев, 2008, табл. XXIV₂), Кюлевче [Въжарова, 1976, обр. 74₆; Fiedler, 1992, кат. №№ 1, 2, 3, 5], Топола (Дончева-Петкова, Ангелова, Йотов, 1989, обр. 10), Бдинци (Въжарова, 1976, обр. 105_{3а,6}; 1981, табл. IX₄, X₂; Fiedler, 1992, Taf. 92₄, 93_{8,10}), Хитово (Йотов, 1991, табл. II), Варна 1 (Димитров, 1976, обр. 8а; Fiedler, 1992, Taf. 114_{5,14}), Девня 1 (Fiedler, 1989, табл. 4₆; 1992, Taf. 95_{3,16}, 97₁, 98₄), Девня 3 (Димитров, 1972, обр. 33; 1973б, табл. 3₆; 1973в, обр. 6; Fiedler, 1992, Taf. 99₁₀, 100₂₂, 103₁₄, 104₉), Караманите (Рашев, Красильников, 2007, табл. II_{1,2,5}), Капул Виилор – Истрии (Зирра, 1963, обр. 14₄, 15₇, 17₃, 18₅, 22; Fiedler, 1992, Teil 2, Taf. 10₉, 11₇, 13₉, 14₇), Извору (Mitrea, 1989, abb. 7₂₈₋₁; Fiedler, 1992, Taf. 36₁₀), Султаны (Mitrea, 1988, pl. 1_{5,2}).

Тип IV. Горшки биконической формы. Их шейки изогнутые, цилиндрические, горлышки могут быть сильно выгнуты наружу или выпрямлены, причем их край закруглен. Обожжены до серого, черного или охро-красного цвета. Выделяется три варианта горшков данного типа (табл. 1; илл. 4: 1). Они украшены вертикальными полосами или горизонтальными прямыми, а иногда волнообразными линиями. Найдены в могильниках около Девни 1 (Димитров, 1973, обр. 8₆; 1974, обр. 26₆; Fiedler, 1992, Taf. 97₉), Девня 3, Караманите, Топола, Хитово (Димитров, 1980, табл. II₂), Могилище (Йотов, 2007, обр. 5в), Извору (Mitrea, 1988, abb. 7₂₇₋₁; Fiedler, 1992, Taf. 36₉).

Тип V. Горшки с двумя ручками. Доминирующим признаком, позволяющим выделить эти горшки в отдельный тип, является наличие двух симметрично расположенных маленьких ручек, закрепленных под гор-

лышком. В процессе работы также стало ясно, что этот признак можно рассматривать и как хронологический ориентир. В целом форма этих горшков напоминает горшки типа I (шаровидные) и типа II (овальные). Шейки цилиндрические и переходят в прямое горлышко с закругленным краем. Горшки этого типа произведены из очищенной глины и обожжены до черного, серого, коричневого и красного цветов. Они украшены полосами лощения, ограниченными резными горизонтальными линиями (табл. 1; илл. 4: 2–6). Встречаются украшения из волнообразных линий. Такого типа горшки обнаружены в могильниках около Нового Пазара (Станчев, Иванов, 1958, кат. №№ 5, 6, 7), Кюлевче (Въжарова, 1976, обр. 59₁, 86₈; Fiedler, 1992, Taf. 108₁, 110₄), Балчика (Христова, 2009, кат. №№ 12, 15), Топола, Девня 1 (Димитров, 1971, обр. 10; Fiedler, 1989, табл. 8₅; Дончева-Петкова, 1977, кат. №№ 163; Fiedler, 1992, Taf. 96₁₄), Девня 3 (Димитров, 1973, табл. VIII₄; Fiedler, 1992, Taf. 103₂₃), Капул Виилор – Истрии (Зирра, 1963, обр. 24₅, 37; Fiedler, 1992, Taf. 15₁, 27₆), Извору (Mitrea, 1989, abb. 4₃₋₁; Fiedler, 1992, taf. 36₁).

Кувшины являются второй группой сосудов, широко представленных в биритуальных могильниках. Они подразделяются по форме на шарообразные, оваловидные, конические, биконические и кувшины с тремя ручками (табл. 2, илл. 5).

Тип I. Кувшины шарообразные. Шейка является цилиндрической или конической и заканчивается трехлистным (в отдельных случаях воронкообразным) горлышком. Этот тип сосудов очень широко распространен. Встречаются сосуды серого,

Таблица 2. Типология кувшинов

Тип	Вариант								
	A	B	C	D	E	F	G	H	
I									
II									
III									
IV									
V									

черного, коричневого, оранжевого, желтого или красного цветов. Обычно они украшены лощеными вертикальными полосами или сеткой; встречается чередование двух орнаментальных мотивов. В некоторых кувшинах украшение сделано путем прижатия твердого предмета к поверхности, при этом образуется орнамент, например, кувшин из могилы № 33 некрополя около Нового Пазара или кувшин из могилы № 5 некрополя около Хитово. Встречаются кувшины, поверхность которых украшена каннелюрами. Кувшины варианта Н отличаются своим пластичным украшением. Восемь вариантов кувшинов представлены в таблице (табл. 2; илл. 5: 1–6). Кувшины этого типа найдены в могильниках около Нового Пазара (Станчев, Иванов,

1958, кат. №№ 11, 12, 13, 15; Дончева-Петкова, 1977, кат. №№ 212, 222, 224; Fiedler, 1992, Taf. 112_{3, 8}; 113₂), Кюлевче (Въжарова, 1976, обр. 53₁₀; 54_{а, 6}; 67₂; 85₄; 87₆; Fiedler, 1992, Taf. 107₈; 109₈; 110_{1, 3}), Балчика (Димитров, 1991, обр. 2; Дончева-Петкова, 2007, обр. 6_{1, 2}; Христова, 2009, кат. №№ 16, 21), Топола (Ангелова, Дончева-Петкова, Даскалов, 1997, табл. 6₄), Бдинци (Въжарова, 1976, обр. 89₃; 93₂; 94_{3а, 6}; 1981, табл. IV₄; XIII₄; Fiedler, 1992, Teil 2, Taf. 92₆; 93_{2, 7, 9}; 94₉), Хитово (Йотов, 1989, обр. 4; 1991, табл. IV_{3, 4}), Девня 1 (Димитров, 1971, обр. 11; 1973, табл. X₄; 3, taf. 99₃), Девня 3 (Fiedler, 1992, Taf. 100₁₀; 101₇; 103₂), Капул Виилор – Истрии (Зирра, 1963, обр. 25_{1, 2, 6, 9}; Fiedler, 1992, Taf. 12₄; 21₄; 23₁₀), Султаны (Mitrea, 1988, pl. 3₁₈;

Рис. 5. Кувшины типа I – 1, 2, 3, 4, 5, 6; кувшины типа II – 7, 8, 9; кувшин типа III – 10; кувшин типа IV – 11; кувшины типа V – 12, 13, 14: 1. Топола, погр. № 33; 2. Топола, погр. № 33; 3. Топола, погр. № 457; 4. Топола, погр. № 31; 5. Хитово, погр. № 5; 6. Балчик, погр. № 1; 7. Топола, погр. № 21; 8. Топола, погр. № 109; 9. Плачи дол; 10. Топола, погр. № 226; 11. Балчик, погр. № 139; 12. Балчик, погр. № 261; 13. Бдинци, погр. № 79; 14. Кюлевча, погр. № 66.

Fig. 5. Jugs type I – 1, 2, 3, 4, 5, 6; jugs type II – 7, 8, 9; jug type III – 10; jug type IV – 11; jugs type V – 12, 13, 14: 1. Topola, burial mound No 33; 2. Topola, mound 33; 3. Topola, mound 457; 4. Topola, mound 31; 5. Khitovo, mound 5; 6. Balchik, mound 1; 7. Topola, mound 21; 8. Topola, mound 109; 9. Plachi dol; 10. Topola, mound 226; 11. Balchik, mound 139; 12. Balchik, mound 261; 13. Bdintsi, mound 79; 14. Kuylevcha, mound 66.

9₇₂; Fiedler, 1992, Taf. 39₄), Фрътешь (Fiedler, 1989, Abb. 2).

Тип II. Кувшины овальные, иногда называемые «грушевидными» (табл. 2; илл. 5: 7–9). На основе некоторых различий оформления выделяются три варианта (табл. 2). Кувшины этого типа обнаружены в могильниках около Балчика, Топола (Дончева-Петкова, Ангелова, Йотов, 1989, обр. 12; 15, табл. 6₁), Нови Пазар (Станчев, Иванов, 1958, кат. №№ 11, 14, 17), Плачи дол (Йотов, 2007, обр. 4а), Капул Вилор – Истрии (Fiedler, 1992, Taf. 25₃), Хитово.

Тип III. Кувшин конический с широкими закругленными плечиками в верхней части. Шейка его короткая, цилиндрическая. В верхней части имеется маленькая плоская ручка, украшенная двумя вертикальными линиями. В основании шейки рельефное кольцо и три широких каннелюры. Поверхность тулова вылощена. Кувшин изготовлен из очищенной серой глины, приобретшей после обжига красный цвет. Представлен единичным экземпляром, найденным в могильнике около Топола (табл. 2; илл. 5: 10).

Тип IV. Кувшины биконической формы. Шейки короткие, цилиндрические, переходят в „трехлистное” горлышко (табл. 2; илл. 5: 11). Два кувшина этого типа происходят из могильника около Балчика (Дончева-Петкова, 2009, обр. 7_{2,3}).

Тип V. Кувшины овальные и шаровидные с двумя псевдоручками (табл. 2; илл. 5: 12–14). Кувшины этого типа открыты в могильниках около Нового Пазара (Станчев, Иванов, 1958, кат. №№ 8; Дончева-Петкова, 1977, кат. №№ 234; Fiedler, 1992, Taf. 113₆), Бдинци (Въжарова, 1976, обр. 102₆; 104₄; Fiedler, 1992, taf. 93_{1,3}), Балчи-

ка (Дончева-Петкова, 2009, обр. 7₄), Вырбяне (Рашев, 2008, табл. XXIV₁), Церквицы (Дончева-Петкова, 1977, кат. №№ 235), Кюлевчи (Въжарова, 1976, обр. 69₂; 73₁; Fiedler, 1992, Taf. 108₁₀; 109₂).

Амфоровидные сосуды. Амфоровидный сосуд – следующая самая распространенная форма в биритуальных могильниках, представляющий староболгарскую керамику. В зависимости от оформления различаются три типа (табл. 3; илл. 6).

Тип I. Сосуды с шарообразным туловом. Имеют цилиндрические шейки и воронкообразные венчики. В зависимости от специфики оформления существует пять вариантов (табл. 3; илл. 6: 1, 2). Амфоровидные сосуды этого типа обнаружены в могильниках около Варны 1 (Димитров, 1973, табл. 83; 6, обр. 9; Христова, 2009а, табл. 1₁; Fiedler, 1992, Taf. 114₁₆), Топола (Дончева-Петкова, 2009, табл. 1_{2,3}), Девни 3 (Димитров, 1972, табл. 5₁; 1973, обр. 11_а; 1973 а, табл. 8₂; 1974, обр. 26_а; Дончева-Петкова, 2009, табл. 1₅; Fiedler, 1992, taf. 100₁₁).

Тип II. Сосуды с удлинённым, оваловидным туловом. Шейки высокие конические, венчики воронкообразные. Ручки большие, с эллипсоидным или плоским сечением. Имеются четыре варианта таких сосудов (табл. 3; илл. 6: 3–8). Найденны в могильниках около Топола (Дончева-Петкова, 2009, табл. 2_{1,3,4,5}; 3_{3,4}), Девни 1 (Димитров, 1971, обр. 10₁; 1973, табл. 8_с; 1973а, табл. 9_{4,5}, 11₆; Fiedler, 1992, Taf. 96₆; 98₁₃), Девни 3 (Димитров, 1972, табл. 5_{3,4,5}; 1973, обр. 11₆; Дончева-Петкова, 2009, табл. 2₆; 3₂; Fiedler, 1989, табл. 9; 10₃; 1992, Taf. 99_{7,14}; 100₇, 102_{4,14}), Варны 1 (Димитров, 1973 а, табл. 9₂; Дончева-Петкова,

Таблица 3. Типология амфоровидных сосудов

ТИП	ВАРИАНТ				
	A	B	C	D	E
I					
II					
III					

Рис. 6. Амфоровидные сосуды типа I – 1, 2; амфоровидные сосуды типа II – 3, 4, 5, 6, 7; амфоровидный сосуд типа III – 8: 1. Девня 1; 2. Девня 3, погр. № 38; 3. Топола, погр. № 122; 4. Девня 3, погр. № 13; 5. Топола, погр. № 436; 6. Топола, погр. № 144; 7. Девня 3, погр. № 51а; 8. Девня 3, погр. № 51.

Fig. 6. Amphor-type vessels type I – 1, 2; amphor-type vessels type II – 3, 4, 5, 6, 7; amphor-type vessel type III – 8: 1. Devnya 1; 2. Devnya 3, burial mound No 38; 3. Topola, mound 122; 4. Devnya 3, mound 13; 5. Topola, mound 436; 6. Topola, mound 144; 7. Devnya 3, mound 51^a; 8. Devnya 3, mound 51.

2009, табл. 3₁; Fiedler, 1992, taf. 40₁; 41₁; 114₁₃), Караманите, Султаны (Mitre, 1988, pl. 5₄₅; 10_{81, 82}; 14_{5, 113}; 18₁₅₈; Fiedler, 1992, taf. 39₁₂; 40_{2, 4}), Злокучено (Станчев, Иванов, 1958, обр. 14₃).

Тип III. Сосуды с коническим туловом. Шейки высокие, почти цилиндрические, венчик воронкообразный, иногда с утолщенным краем, ручки маленькие (табл. 2; илл. 6: 8). Найдены в могильниках около Девни 3 (Димитров, 1972, табл. 5₂; 1973, табл. 10₂; Христова, 2009 а, табл. 2₂; Fiedler, 1992, Taf. 102₃; 103₁₈).

Миски. Эта интересная группа сосудов редко встречается в могильниках. Отличаются низким, сплюснутым туловом, закругленным венчиком и скромным украшением. Несмотря на однообразную форму, могут быть подразделены на три типа (табл. 4; илл. 7: 1–7).

Тип I. Сосуды шарообразной формы. Край венчика оформлен различными способами: иногда утолщенный и вогнутый внутрь, иногда закругленный, а в некоторых случаях украшен горизонтальной линией. В зависимости от некоторых незначительных различий оформления выделяются четыре варианта (табл. 4; илл. 7: 1–4). Найдены в могильниках около Балчика, Топола, Кюлевчи (Въжарова, 1976, обр. 61₃; Fiedler, 1992, Taf. 108₄), Девни 3 (Димитров, 1972, обр. 4; 33 обр. 2₆; Рашев, 2008, табл. СХІІІ₁₀; Fiedler, 1992, Taf. 101₂₄).

Тип II. Сосуды сфероконической формы. Отличаются широкими плечиками в верхней половине тулова, сужающегося ко дну. При украшении сосудов из Топола использован пуансон. В зависимости от некоторых особенностей оформления сосуда делятся на два варианта (табл. 4;

илл. 7: 5, 6). Миски этого типа найдены в могильниках около Нового Пазара (Станчев, Иванов, 1958, кат. № 3; Дончева-Петкова, 1977, кат. № 338; Fiedler, 1992, Taf. 113₂₄), Балчика (Дончева-Петкова, 2007, обр. 10₂), Топола (Ангелова, Дончева-Петкова, Даскалов, 1997, табл. 4₃).

Тип III. Данный тип мисок представлен лишь в одном экземпляре, найденном в могильнике около Топола (Ангелова, Дончева-Петкова, Даскалов, 1997, табл. 4₂). Он отличается явно выраженной биконической формой тулова. На верхней половине сосуда гребнем наносились волнообразные линии, ограниченные сверху и снизу глубоко врезанными горизонтальными линиями (табл. 4; илл. 7: 7).

Кубки. До настоящего времени известны кубки из могильника около Топола. Интерес представляет то, что они воспроизводят образцы торевтики. В зависимости от наличия ножки или ее отсутствия различаются два типа (табл. 5; илл. 7: 8–10).

Тип I. Сосуды с приземистым туловом сферической формы. Тулово сверху сужается и без шейки переходит в изогнутый наружу венчик с коротко отрезанным краем. Изготовлены из очищенной глины; после обжига приобрели черный цвет (табл. 5; илл. 7: 8, 9). На одном из кубков украшение имитирует рисунок, нанесенный пуансоном (Ангелова, Дончева-Петкова, 1990, обр. 4).

Тип II. Форма сосудов – сферическая. Тулово без шейки переходит прямо в венчик с утолщенным и изогнутым наружу краем. К нижней части кубка прикреплена полая ножка. Изготовлены из очищенной глины; приобрели черный цвет после обжига (табл. 5; илл. 7: 10). Поверхность пол-

Таблица 4. Типология мисок

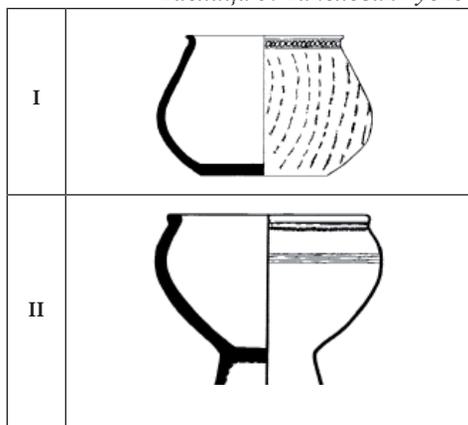
ТИП	ВАРИАНТ			
	A	B	C	D
I				
II				
III				

Рис. 7. Миски типа I – 1, 2, 3, 4; миски типа II – 5, 6; миска типа III – 7; кубки типа I – 8, 9; кубок типа II – 10: 1. Девня 3, погр. № 49; 2. Топола, погр. № 303; 3. Топола, погр. № 37; 4. Топола, погр. № 173; 5. Топола, погр. № 11; 6. Топола, погр. № 204; 7. Топола, погр. № 8; 8. Топола, погр. № 29; 9. Топола, погр. № 4; 10. Топола, погр. № 56.

Fig. 7. Bowls type I – 1, 2, 3, 4; bowls type II – 5, 6; bowl type III – 7; goblets type I – 8, 9; goblet type II – 10: 1. Devnya 3, burial mound No 49; 2. Topola, mound 303; 3. Topola, mound 37; 4. Topola, mound 173; 5. Topola, mound 11; 6. Topola, mound 204; 7. Topola, mound 8; 8. Topola, mound 29; 9. Topola, mound 4; 10. Topola, mound 56.

Таблица 5. Типология кубков

ностью вылощена (Ангелова, Дончева-Петкова, Даскалов, 1997, табл. 4₁).

Ведрa. Этот тип сосудов в могильниках встречается сравнительно редко. Они имеют форму деревянного ведра. Украшения на них имитируют обручи для затяжки деревянных частей. Сосуды подразделяются на два типа (табл. 6; илл. 8: 1, 2).

Тип I. Ведрa конической формы. Край венчики горизонтально срезан и закруглен. Сосуды имеют два симметрично расположенных круглых отверстия. В зависимости от украшения и оформления сосуда выделяются три варианта. Обнаружены в могильниках около Балчика, Топола (Дончева-Петкова, Ангелова, Йотов, 1989, обр. 11; Ангелова, Дончева-Петкова, Даскалов, 1997, табл. 3₂; Рашев, 2008, табл. CXIV₃) и Извору (Mitrea, 1989, abb. 10₄₂₋₁; Fiedler, 1992, Taf. 36₁₃).

Тип II. Ведрa цилиндрические. Сосуды этого типа очень похожи на предыдущие, имеют легкое расширение сверху. В зависимости от выбора места для прикрепления ручек (отверстие или петля) обособляются в два варианта (табл. 6). Найдены в могильниках около Бдинци (Въжарова, 1976,

обр. 101₃; Fiedler, 1992, Taf. 91₁₃), Топола (Ангелова, Дончева-Петкова, Даскалов, 1997, табл. 3₁; Рашев, 2008, табл. CXIV₁), Капул Виилор – Истрии (Зирра, 1963, обр. 388; Fiedler, 1992, Taf. 34₇).

Чаши. Они могут быть названы бокаловидными: имеют шаровидную форму тулова, резко переходящего в воронкообразный с закругленным краем венчик. В зависимости от наличия ручки можно различить два варианта (табл. 7; илл. 8: 3–5). Обнаружены в могильниках около Топола (Ангелова, Дончева-Петкова, Даскалов, 1997, табл. 5_{2, 3, 4}; Рашев, 2008, табл. CXIV_{7, 8, 10}), Рогачево (Бобчева, б.г., обр. 56) и Капул Виилор – Истрии (Fiedler, 1992, Taf. 10₁).

Взаимосочетаемость. Традиция оставлять более одного сосуда в одной могиле мало распространена в группе рассматриваемых некрополей. Это, скорее, исключение, чем правило. В данном случае могилы, где были открыты более одного сосуда, составляют 3,19%. Логичен вывод о том, что в некрополях, где отсутствуют некоторые формы, невозможно ожидать ясной картины совместимости сосудов (табл. 8). Но в некрополе около Топола¹ представлены все формы сосудов, что, естественно, привлекает наше внимание в первую очередь к нему.

Нельзя не отметить тот факт, что, хотя все формы представлены в некрополе около Топола, не зарегистрировано ни одного случая сочетания

¹ Пользуясь случаем, выражаю свою благодарность всем специалистам, работавшим там в различные годы, за предоставленную возможность ознакомиться и использовать исключительные результаты, «подаренные» нам этим некрополем.

Таблица 6. Типология ведер

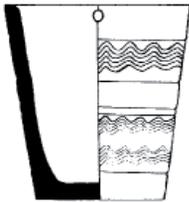
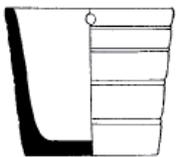
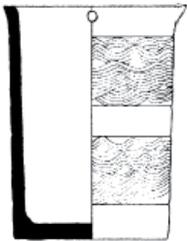
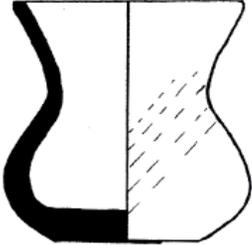
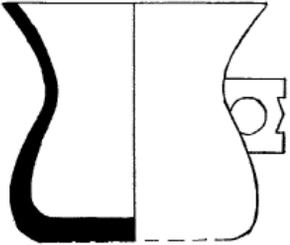
ТИП	ВАРИАНТ		
	А	В	С
I			
II			

Рис. 8. Ведра – 1, 2; чаши – 3, 4, 5: 1. Топола, погр. № 19; 2. Топола, погр. № 6; 3. Топола, погр. № 232; 4. Топола, погр. № 257; 5. Топола, погр. № 178.

Fig. 8. Buckets – 1, 2; cups – 3, 4, 5: 1. Topola, burial mound No 19; 2. Topola, mound 6; 3. Topola, mound 232; 4. Topola, mound 257; 5. Topola, mound 178.

Таблица 7. Типология чаш

ТИП	ВАРИАНТ	
	А	В
I		

амфоровидного сосуда с кувшином, а также с миской. Разумеется, отсутствию первого сочетания уже было уделено внимание, и оно получило объяснение (Fiedler, 1992, S. 262–266). Вероятно, амфоровидный сосуд действительно используется как кувшин. Но в этом случае было бы логично открыть сочетание амфоровидного сосуда и миски, поскольку оно часто встречается (такие известны и из Нови Пазар, могилы №№ 5 и 29, и из Балчика, могила № 124, и из Топола, могила № 33). Предполагается, что к началу IX в. традиция оставлять миску, как жертвенный сосуд, рядом с покойником уже прервана, то есть датировка могил, в которых присутствуют миски, едва ли выходит за рамки VIII в. А тот факт, что в могилах №№ 5 и 11 некрополя около Топола присутствует сочетание мисок II типа с горшками типа I А, которые относятся к малым по размерам и к более позднему этапу, только подтверждает появление последних в VIII в. Интересно и то, что миски этого типа известны в сочетаниях с более ранними вариантами I типа кувшинов D и F (могилы №№ 5 и 29 некрополя около Нови Пазар, а также могила № 124 некрополя около Балчика), что косвен-

но подтверждает их относительную датировку до середины VIII в., тогда как миски типа I встречаются в сочетании с горшками конической формы типа III (Топола, могилы №№ 25, 37, 215). Необходимо обратить особое внимание на могилу № 25 некрополя около Топола, где, кроме конического горшка типа III А и миски типа I, присутствует и коническое ведро типа I В. Для сравнения: цилиндрические ведра типа II известны в сочетании с горшками типа I Н «пастырской» формы (Топола, могила № 94). С такими горшками найдены и чаши с бокаловидной формой (Топола, могила № 232). Это подтверждает то, что «пастырские» формы характерны для более ранних этапов развития староболгарской керамики, хотя и встречаются в продолжении всего VIII в. Подобное заключение подтверждается и данными из т.н. «тройной могилы» около Балчика, которая рассматривается как единый закрытый комплекс. Там открыты горшок типа I G «пастырской» формы, горшок с двумя ручками типа V А и кувшин с тремя ручками типа V А. Несмотря на то что они известны и из других некрополей, только в Балчике засвидетельствована традиция оставлять вместе с другими

сосудами кувшины с тремя ручками. Помимо тройной могилы, такой кувшин открыт вместе с кувшином типа I E в могиле № 161 того же некрополя. Таким образом, все это наводит на мысль о том, что кувшины с тремя ручками, «пастырские» горшки, а также горшки с двумя ручками, необходимо отнести к более ранним формам. К ранним необходимо отнести и кувшины типа I C, которые обнаруживаются вместе с «пастырскими» горшками типа I G (Балчик, могила № 195) и кувшины типа I G (Капул Виилор–Истрия, могила № 210), а также кувшины типов I D и II A, открытые вместе в могиле № 33 некрополя около Нови Пазар. Кувшины типа I E продолжают присутствовать и во второй половине VIII в., о чем говорит находка такого кувшина вместе с горшком биконической формы типа I V в могиле № 58 некрополя I около Девни. Что же касается ведер, то, судя по всему, они распространяются вместе с коническими горшками и не задерживаются продолжительно в производстве керамики. Их изготовление едва ли выходит за рамки VIII в.

Другой интересный вопрос – сочетания горшков типа I J. Они совмещаются с кувшинами типа I F (Кюлевча, могила № 6), амфоровидным сосудом типа II B (Топола, могила № 15), горшком с двумя ручками типа V A (Топола, могила № 24), кувшином типа I H (Бдинци, могила № 24) и коническим горшком типа III A (Бдинци, могила № 119). С одной стороны, разнородные сочетания можно объяснить более продолжительным присутствием этих горшков в производстве керамики. С другой стороны, кувшины типа I F, как и горшки типа V A, изготавливаются также дли-

тельно, как и было отмечено выше. Это проявляется и в изменениях некоторых технологических процессов, например, смена редуционного оксидационным методом обжига (как в случае с горшком с двумя ручками из могилы № 24 около Топола, который приобрел красный цвет после обжига; обособлен в подвариант A₄). А кувшины типа I F открываются в сочетании с коническими горшками типов III A (могилы №№ 64 и 72 некрополя около Султана), III B (могила № 340 некрополя около Извору) и III C (могила № 131 некрополя около Султана), т.е. продолжительное производство кувшинов этого типа не подлежит сомнению. Появление горшков типа I J может быть отнесено ко второй половине или концу VIII в. Их присутствие продолжается и в IX в., о чем свидетельствуют открытия этих сосудов в сочетании с амфоровидными сосудами II типа.

Горшки II типа были открыты в сочетании со всеми формами сосудов: с коническими горшками (Топола, могила № 170; Бдинци, могилы №№ 25, 224 и 238), с горшком с двумя ручками (Кюлевча, могила № 31; Капул Виилор – Истрия, могила № 190), с кувшином (Топола, могила № 31), с амфоровидным сосудом (Капул Виилор – Истрия, могила № 184; Султана, могила № 104), с мисками (Балчик, могила № 251), с «бокаловидными» чашами (Топола, могила № 217). Это подтверждает их продолжительное использование на протяжении всего VIII и начала IX в. Интересно отметить, что и в могиле № 104 некрополя около Султана, также как и в могиле № 184 некрополя около Капул Виилор – Истрия амфоровидные сосуды, найденные вместе с яйцевидными

горшками, принадлежат к типу III. Амфоровидные сосуды этого типа известны еще только из некрополя около Девни 3, и это наводит на мысль о том, что сосуды этого типа не получили большого распространения и не задержались надолго в производстве керамики.

Некрополь 3 около Девни вызывает наш интерес и тем фактом, что только там открыто сочетание между кувшином и амфоровидным сосудом – в могиле № 22 обнаружен горшок конической формы типа III A с кувшином типа I B и амфоровидным сосудом типа I B. Это подтверждает мнение У. Фидлера о том, что эти некрополи предоставляют данные о замене кувшина амфоровидным сосудом (Fiedler, 1992, S. 262–266). Само сочетание между определенными типами амфоровидных сосудов и кувшинов показывает, что ранние типы амфоровидных сосудов представлены сферической формой, а кувшины типа I продолжают производиться и в конце VIII – начале IX вв. В соседних некрополях, где амфоровидные сосуды широко представлены, тогда как в Варне 1 они являются единственной отличительной формой помимо горшков, не засвидетельствована традиция оставлять их в могилах в сочетании с другими сосудами. А то, что в могиле № 51 некрополя Девня 3 зафиксировано сочетание всех типов амфоровидных сосудов, свидетельствует об их производстве в короткие интервалы времени во второй половине и конце VIII в. Это подтверждается и совмещением в могиле № 35 некрополя около Топола горшка типа I A с амфоровидным сосудом типа II A, а также сочетанием амфоровидного сосуда

типа I D и типа III в могиле № 101 некрополя 3 около Девни.

Материалы раскопок около Варны аналогичны тем, что получены в некрополях севернее Дуная. В Извору не засвидетельствована традиция оставлять в могилах амфоровидные сосуды с другими сосудами, тогда как около Султана она прослеживается часто. Но в некрополе около Султана амфоровидные сосуды присутствуют в сочетании с горшками преимущественно конического типа III; различные их типы не были представлены в одной могиле; чаще всего обнаруживались амфоровидные сосуды типа II. Это показывает, что именно амфоровидные сосуды с яйцевидными телами продолжают производиться и в течение всего IX в.

Некрополь около Султана предоставляет нам возможность уточнить хронологию и конических горшков типа III. Кроме того, вместе с амфоровидными сосудами, как уже было упомянуто, они открыты и в могилах №№ 79, 80, 130 со специфической «желтой» керамикой (Mitrea, 1973). Найденные в этих могилах горшки причисляются к вариантам A, B и C, и это является показателем того, что во второй половине VIII в. и первые годы IX в. они присутствуют в производстве керамики. Показательно то, что при этих трех горшках (открыты в трех различных могилах с однотипным горшком с кольцевидной ручкой, характерным для «желтой» керамики) горлышко оформлено тремя различными способами, а это показатель того, что эти приемы его оформления бытовали одновременно. Это, со своей стороны, отвергает возможность рассматривать развитие горлышка в качестве хронологического показате-

Таблица № 8. Погребения, содержащие более одного сосуда, с разбивкой по видам, типам и вариантам (буквы в каждой секторе соответствуют опциям), где есть более одного экземпляра той же версии, их число обозначено цифрой; в случае, когда сосуд не полностью восстановлен и не может быть определен его вариант, он помечен символом *

Вид	Горшки				Кувшины				Амфоровидные сосуды			Миски		Кубки		Ведра		Чашы	
	I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	V	I	II	III	I	II	I	II		
Некрополь																			
Нови Пазар, погр. № 5						D													
Нови Пазар, погр. № 29						F													
Нови Пазар, погр. № 33						D	A												
Кюлевча, погр. № 31		A			A														
Кюлевча, погр. № 40	I		A																
Кюлевча, погр. № 42	J					F													
Кюлевча, погр. № 85			*			F													
Кюлевча, погр. № 90	I					B													
Балчик, погр. № 124						D									B				
Балчик, погр. № 161						E				*									

Вид	Горшки				Кувшины				Амфоровидные сосуды				Миски		Кубки		Ведро		Чаши	
	И	II	III	IV	V	И	II	III	IV	V	И	II	III	IV	И	II	И	II		
Некрополь																				
КВИ, погр. № 59			В																	
КВИ, погр. № 72			А			D	F													
КВИ, погр. № 117			А																	
КВИ, погр. № 132			А																	
КВИ, погр. № 174	G							А												
КВИ, погр. № 184		C ²																		
КВИ, погр. № 190		А			А															
КВИ, погр. 210						С	G													
КВИ, погр 231			А		А															
Извору, погр. № 232			С	А																

ля (Рашев, 2008, с. 178–179). Что касается самой «желтой» керамики, то она, по словам Б. Митря, есть «бесценный документ для датирования... и помогает нам причислить некрополь около Султана к VIII в.» (Mitrea, 1973, с. 349).

Сделанный анализ дает нам относительную хронологию раннесредневековой болгарской керамики. К ранним сосудам, начальная дата которых определяется концом VII в., следует причислить кувшины типа I, вариантов C, D, E, F и G, а варианты E и F производятся до конца VIII, даже до начала IX вв. Представляются ранними и кувшины типа V, датировка которых не выходит за рамки VIII в. К ним необходимо добавить и миски типа II, а миски типа I присутствуют на протяжении всего VIII в. Богатое разнообразие вариантов шарообразных горшков типа I, так же как и кувшинов типа I, может рассматриваться как доказательство их продолжительного существования в производстве керамики. Здесь также выделяются некоторые более ранние формы. Это горшки с «пастырской» формой типа I G и I H, а горшки с малыми размерами вариантов I A и I J, отражают более поздние этапы их изготовления. Наиболее поздние из них причислены к варианту I J и могут относиться к самому концу VIII – началу IX вв. Горшки типа I A, вероятно, появляются во второй половине VIII в. Яйцевидные горшки типа II, также как и конические горшки типа III, имеют слишком широкие временные границы, которые охватывают полностью VIII и IX вв. Тот факт, что в некрополе около Нови Пазар отсутствует конический горшок, может быть прокомментирован двояко: с одной стороны, дейст-

вительно существует возможность, что горшок конической формы был воспринят на Нижнем Дунае под влиянием славянского конического горшка и в самые ранние века не присутствовал в керамическом производстве праболгар, с которыми связываются биритуальные некрополи; с другой стороны, необходимо учитывать и то, что такие горшки присутствовали в Новопазарском некрополе, но находились в его уничтоженной части. Не надо забывать, что из некрополя около Нови Пазар известны только две кремации, т.е. уничтожены преимущественно могилы с кремацией, которые к тому же находились на меньшей глубине. А материалы с могильников около Капул Виилор – Истрия, где конический горшок особенно хорошо представлен, показывают, что данный сосуд был использован чаще всего именно в этих могилах.

К поздним этапам производства керамики следует отнести амфоровидный сосуд. Представленный анализ показывает, что его появление можно причислить к последней четверти или к концу VIII в. Ранние типы амфоровидных сосудов – типы I и III. Своей формой они напоминают ранневизантийские амфорные кувшины типа VII по К. Скорпан (Skorpan, 1977, с. 274). Почти одновременно с ними появляются амфоровидные сосуды типа II, но производство их продолжается и на протяжении всего IX в., что подтверждается находками в более поздних комплексах на территории Румынии таких, как Фынтынеле (Comşa, 1969).

Эта хронологическая схема раннесредневековой керамики имеет до известной степени ненадежный характер, поскольку имеет широкие границы – от конца VII до середины IX в.

Ее более точное фиксирование и детализирование может быть достигнуто путем привлечения данных об иных сопутствующих находок, из которых на первом месте стоят металлические. Но это выходит за рамки настоящего труда и станет объектом следующей публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ангелова Ст., Дончева-Петкова Л.* Традиции в прабългарската излъскана керамика // Добруджа. – Кн. 7. – Варна, 1990 – С. 62–69.
2. *Ангелова Ст., Дончева-Петкова Л., Даскалов М.* Двубредният некропол край село Топола, Каварненска община // ППИК. – Т. 3. – Шумен: Българска академия на науките, 1997. – С. 141–154.
3. *Балабанов Т., Атанасов Г.* Ранносредновековен некропол в кв. Дивдядово, гр. Шумен // Изследвания по българска средновековна археология. Сборник в чест на проф. Рашо Рашев. – В. Търново, 2007. – С. 138–153.
4. *Бобчева Л.* Археологическа карта на Толбухински окръг. София: София Прес, 1976. – 80 с.
5. *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари (по данни от некрополите от VI–XI в. на територията на България). София, 1976. – 448 с.
6. *Въжарова Ж.* Двубреден езически некропол край с. Бдинци, Толбухински окръг // ИНМВ. – № 17 (32). – Варна, 1981. – С. 77–109.
7. *Василчин И.* Двубреден раннобългарски некропол при с. Черна, Толбухински окръг // ППИК. – Т. 2. – София: Българска академия на науките, 1989. – С. 198–213.
8. *Григоров В.* Метални накити от средновековна България (VII–XI в.). – София, 2007. – 254 с.
9. *Даскалов М.* Към хронологията на ранносредновековните езически некрополи в Североизточна България и Добруджа // Добруджа. – Кн. 14–16. – Варна, 1997–1999. – С. 137–154.
10. Деяния Вселенских соборов. – Т. IV. – СПб., 1996. – 645 с.
11. *Димитров Д.Ил.* Новооткрит раннобългарски некропол при Девня // ИНМВ. – № VII (XXII). – Варна, 1971. – С. 57–76.
12. *Димитров Д.Ил.* Раннобългарски некропол № 3 при Девня // ИНМВ. – № VIII (XXIII). – Варна, 1972. – С. 45–65.
13. *Димитров Д.Ил.* Древнобългарските некрополи в Варненском округе // Славяните и средиземноморският свят VI–XI век. – София: Българска академия на науките, 1973. – С. 75–91.
14. *Димитров Д.Ил.* Керамиката от ранно-българските некрополи във Варненско // ИНМВ. – № IX (XXIV). – В. Варна, 1973. – С. 65–97.
15. *Димитров Д.Ил.* Погребалният обряд при раннобългарските некрополи във Варненско (VIII–X в.) // ИАИ. – № XXXIV. – София: Българска академия на науките, 1974. – С. 51–94.
16. *Димитров Д.Ил.* Двубреден раннобългарски некропол при Варна // Преслав. – София: Българска академия на науките, 1976. – С. 107–124.
17. *Димитров Д.Ил.* Раннобългарска керамика от Варненския музей // МПК. – № 20. – София, 1980. – С. 14–18.

18. *Димитров М.* Раннобългарски некропола № 3 при Девня // ИНМВ. – № VIII (XXII). – Варна, 1972. – С. 45–65.
19. *Димитров М.* Ранносредновековен двуобряден некропол при гр. Балчик (проучвания през 1984 и 1986 г.) // ППИК. – Т. 2. – София: Българска академия на науките, 1991. – С. 231–240.
20. *Дончева-Петкова Л.* Българска битова керамика през ранното средновековие. – София: Българска академия на науките, 1977. – 223 с.
21. *Дончева-Петкова Л.* Нови данни за некропол № 3 при Балчик // ППИК. – Т. 4.2. – Варна: Българска академия на науките, 2007. – С. 121–146.
22. *Дончева-Петкова Л.* Некрополът при Балчик. Нови данни за прабългарите // Археология. – Кн. 1. – София, 2009. – С. 76–90.
23. *Дончева-Петкова Л., Ангелова С., Йотов В.* Ранносредновековният некропол при с. Топола, Толбухински окръг (предварително съобщение) // ППИК. – Т. 2. – София: Българска академия на науките, 1989. – С. 187–197.
24. *Зирра Вл.* Двуобрядовый могильник раннефеодальной эпохи в Капул Виилор – Истрия // *Dacia – n.s. VII.* – *Visugesti*, 1963. – С. 355–412.
25. *Йотов В.* Раннобългарски некропол при с. Хитово, Толбухински окръг // ППИК. – Т. 1. – София: Българска академия на науките, 1989. – С. 221–230.
26. *Йотов В.* Ранносредновековен некропол Хитово-3, Толбухински окръг // ППИК. – Т. 2. – София: Българска академия на науките, 1991. – С. 101–108.
27. *Йотов В.* Нови данни за ранносредновековни български некрополи // Изследвания по българска средновековна археология. Сборник в чест на проф. Рашо Рашев. – В. Търново, 2007. – С. 125–137.
28. *Кузев А.* Варна // Български средновековни градове и крепости. – Варна, 1981. – С. 293–310.
29. *Михайлов Ст.* Един старинен некропол при Нови пазар // ИАИ. – № XX., – София, 1955. – С. 293–330.
30. *Рашев Р.* За началото на българската средновековна култура // Плиска-Преслав. – Т. 9. – София: Българска академия на науките, 2003. – С. 145–166.
31. *Рашев Р.* Българската езическа култура VII–IX в. – София, 2008 – 598 с.
32. *Рашев Р., Красильников К.* Могильник у Караманите (Северо-восточная Болгария) и биритуальные могильники Восточной Украины // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2005. – С. 149–151.
33. *Рашев Р., Красильников К.* Некрополът при Караманите // ППИК. – Т. 4.2. – Варна: Българска академия на науките, 2007. – С. 95–102.
34. *Рашев Р., Станилов Ст.* Раннесредновековный могильник у с. Ножарево, Силистренский округ (Предварительное сообщение) // ППИК. – Т. 1. – София: Българска академия на науките, 1989. – С. 214–220.
35. *Станчев Ст., Иванов Ст.* Некрополът до Нови Пазар. – София, 1958. – 229 с.
36. *Тотев Б., Пелевина О.* Сребърните накити от гроб 3 на ранносредновековния некропола при с. Черна, Добричко // Българските земи през средновековието (VII–XVIII в.). *Acta Musei Varnaensis.* – Т. III – Вып. 2. – Варна, 2005. – С. 19–24.
37. *Христова М.* Керамични съдове от биритуалния некропол в Балчик / М. Христова // Приноси към българската археология. – Т. V. – София, 2009. – С. 72–84.

38. Христова М. Амфоровидните съдове като хронологичен показател (по данни от биритуалните некрополи) // *Eurika. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе*. – София, 2009. – С. 231–243.
39. Comşa M. La civilization balkano-danubienne (IXe – Xe siècles) sur la territoire de la R. P. Romaine (origineq evolution et appartenance ethnique). In: *Dacia*. Bucureşti, 1963, n.s. VII, pp. 413–438.
40. Comşa M. Ein Bergräbnis-Fundverband aus dem 9 – 10 Jh. In *Fîntînele (kreis Teleorman)*. In: *Dacia*. Bucureşti, 1969, n.s. XIII, pp. 417–437.
41. Dolinescu-Ferche S., Ionescu M. La nécropole bi-rituelle du VIIIe siècle à Frăteşti. In: *Dacia*. Bucureşti, 1970, n.s. XIV, pp. 419–430.
42. Fierler, Uwe. Die Grablegen der Protobulgarien an der unteren Donau. In: *Issues on proto-Bulgarian history and culture*. Sofiya: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1989, vol. 1, pp. 143–158.
43. Fiedler, Uwe. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bonn, 1992, 634 p.
44. Mitrea B. Unele probleme în legătură cu necropola prefeodală de la Izvorul (r. Giurgiu). In: *Studii Cercetăride Istorie Veche*. Bucureşti, 1967, vol. 18, nr. 3, pp. 443–461.
45. Mitrea B. Le céramique jaune de Haute époque féodale de la nécropole de Sultana (dép. d'Ilfov). In: *Dacia*. Bucureşti, 1973, n.s. XVII, pp. 343–349.
46. Mitrea B. La nécropole birituelle de Sultana – résultats et problèmes. In: *Dacia*. Bucureşti, 1988, n.s. 32, pp. 91–139.
47. Mitrea B. Das Gräberfeld aus dem VIII. Jahrhundert von Izvorul, jud. Giurgiu. In: *Dacia*. Bucureşti, 1989, n.s. XXXIII, pp. 145–219.
48. Mitrea B., Preda C., Chişescu M., Rădulescu Gh., Ionescu M. Necropola feudală timpurie de la Izvorul (Jud. Ilfov). In: *Materiale şi Cercetări Arheologice*. Bucureşti, 1979, vol. 9, pp. 329–335.
49. Scorpan C. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins (IVe – VIIe siècles) dans l'espace istro-pontique. In: *Dacia*. Bucureşti, 1977, no. XXI, pp. 269–297.
50. Toropu O., Stoica O. La nécropole préféodale d'Obîrşia-Olt (note préliminaire). In: *Dacia*. Bucureşti, 1972, n.s. XVI, pp. 163–188.

Информация об авторе:

Христова Мария Грозданова, доктор по археологии, независимый археолог, работающий по проекту «Топола» (София, Болгария); mariachristova@abv.bg

CERAMICS FROM BI-RITUAL BURIALS GROUNDS ON THE LOWER DANUBE AND ISSUES OF ITS CHRONOLOGY

M. Khristova

Based on the materials from burial grounds, the issue of dating the chronology of Bulgarian cultural monuments dated by the Early Middle Ages, which is among the most controversial one in Bulgarian archaeology, is tackled in the article. A brief historiographic review of studies by several generations of Bulgarian and Romanian archaeologists is provided; their achievements and misinterpretations are revealed. The author's proper typology of ceramics from Bulgarian necropoleis dated by the late-7th – 9th cc. is offered, with its periodization

on the basis of mutual occurrence of vessels of different kinds, types and variants, placed in the same burial mound, being provided. This allowed specifying and correcting the period of existence of each vessel variety and that of coexistence of different ceramics forms. The classification and periodization of the early Bulgarian ceramics proposed is open for improvement and addition by new vessel forms.

Keywords: Lower Danube, Early Middle Ages, bi-ritual burial grounds, Bulgarian ceramics, typology, chronology.

REFERENCES

1. Angelova, St., Doncheva-Petkova, L. 1990. In *Dobrudzha (Dobruja)* 7. Varna, 62–69 (in Bulgarian).
2. Angelova St., Doncheva-Petkova, L., Daskalov, M. 1997. In *Problemi na prabǎlgarskata istoriya i kultura (Issues on Proto-Bulgarian History and Culture)* 3. Shumen: Bulgarian Academy of Sciences, 141–154 (in Bulgarian).
3. Balabanov, T., Atanasov, G. 2007. In *Izsledvaniya po bǎlgarska srednovekovna arkheologiya (Research on Bulgarian Medieval Archaeology)*. Veliko Tarnovo: “Faber” Publ., 138–153 (in Bulgarian).
4. Bobcheva, L. 1976. *Arkheologicheska karta na Tolbukhinski okrǎg (Archaeological Map of the Tolbukhin District)*. Sofia: “Sofia Pres” Publ. (in Bulgarian).
5. Vǎzharova, Zh. 1976. *Slavyani i prabǎlgari — po dannii na nekropolite ot VI — XI vek na teritoriyata na Bǎlgariya (Slavs and Pre-Bulgarians by Data of the 6th — 11th Centuries Necropolises on the Territory of Bulgaria)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
6. Vǎzharova, Zh. 1981. In *Izvestiya na narodniya muzej vǎv Varna (Reports of Varna National Museum)* 17 (32). Varna, 77–109 (in Bulgarian).
7. Vasilchin, I. 1989. In *Problemi na prabǎlgarskata istoriya i kultura (Issues on Proto-Bulgarian History and Culture)* 2. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 198–213 (in Bulgarian).
8. Grigorov, V. 2007. *Metalni nakiti ot srednovekovna Bǎlgariya (VII–XI v.) (Metal Jewelry in Medieval Bulgaria (7th — 11th Centuries))*. Sofia (in Bulgarian).
9. Daskalov, M. 1997–1999. In *Dobrudzha (Dobruja)* 14–16. Varna, 137–154 (in Bulgarian).
10. *Deianiia Vselenskikh soborov (The Deeds of the Ecumenical Councils)* IV. 1996. Saint Petersburg (in Russian).
11. Dimitrov, D. Il. 1971. In *Izvestiya na narodniya muzej vǎv Varna (Reports of Varna National Museum)* VII (XXII). Varna, 57–76 (in Bulgarian).
12. Dimitrov, D. Il. 1972. In *Izvestiya na narodniya muzej vǎv Varna (Reports of Varna National Museum)* VIII (XXIII). Varna, 45–65 (in Bulgarian).

13. Dimitrov, D. Il. 1973. In *Slavyanite i sredizemnomorskiyat svyat VI—XI vek (Slavs and the Mediterranean World in 6th — 9th Centuries)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 75–91 (in Russian).
14. Dimitrov, D. Il. 1973. In *Izvestiya na narodniya muzej vǎv Varna (Reports of Varna National Museum)* IX (XXIV). Varna, 65–97 (in Bulgarian).
15. Dimitrov, D. Il. 1974. In *Izvestiya na Arkheologicheskiya institut (Reports of Archaeological Institute)* XXXIV. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 51–94 (in Bulgarian).
16. Dimitrov, D. Il. 1976. In *Preslav (Preslav)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 107–124 (in Bulgarian).
17. Dimitrov, D. Il. 1980. In *Muzei i pametnitsi na kulturata (Museums and Monuments of Culture)* 20. Sofia, 14–18 (in Bulgarian).
18. Dimitrov, M. 1972. In *Izvestiya na narodniya muzej vǎv Varna (Reports of Varna National Museum)* VIII (XXII). Varna, 45–65 (in Bulgarian).
19. Dimitrov, M. 1991. In *Problemi na prabǎlgarskata istoriya i kultura (Issues of Proto-Bulgarian History and Culture)* 2. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 231–240 (in Bulgarian).
20. Doncheva-Petkova, L. 1977. *Bǎlgarska bitova keramika prez rannoto srednovekovie (vtorata polovina na VI — kraya na X v.) (Bulgarian Early Medieval House Pottery (second half of 6th — end of 10th Centuries))*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
21. Doncheva-Petkova, L. 2007. In *Problemi na prabǎlgarskata istoriya i kultura (Issues of Proto-Bulgarian History and Culture)* 4 (2). Varna: Bulgarian Academy of Sciences, 121–146 (in Bulgarian).
22. Doncheva-Petkova, L. 2009. In *Arkheologiya (Archaeology)*. Book 1. Sofia, 76–90 (in Bulgarian).
23. Doncheva-Petkova, L., Angelova, S., Jotov, V. 1989. In *Problemi na prabǎlgarskata istoriya i kultura (Issues of Proto-Bulgarian History and Culture)* 2. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 187–197 (in Bulgarian).
24. Zirra, V. 1963. In *Dacia*, n. s. VII. București, 355–412 (in Russian).
25. Jotov, V. 1989. In *Problemi na prabǎlgarskata istoriya i kultura (Issues of Proto-Bulgarian History and Culture)* 1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 221–230 (in Bulgarian).
26. Jotov, V. 1991. In *Problemi na prabǎlgarskata istoriya i kultura (Issues of Proto-Bulgarian History and Culture)* 2. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 101–108 (in Bulgarian).
27. Jotov, V. 2007. In *Izledvaniya po bǎlgarska srednovekovna arkheologiya (Studies in Bulgarian Medieval Archaeology)*. Veliko Tarnovo, 125–137 (in Bulgarian).

28. Kuzev, A. 1981. In *Bălgarski srednovekovni gradove i kreposti (Bulgarian Medieval Towns and Fortresses)*. Varna, 293–310 (in Bulgarian).
29. Mikhajlov, St. 1955. In *Izvestiya na Arkheologicheskiya institut (Reports of Archaeological Institute)* KhKh. Sofia, 293–330 (in Bulgarian).
30. Rashev, R. 2003. In *Pliska-Preslav (Pliska — Preslav)* 9. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 145–166 (in Bulgarian).
31. Rashev, R. 2008. *Bălgarskata ezicheska kultura VII–IX vek (Bulgarian Pagan Culture in the 7th – 9th Centuries)*. Sofia: “Klassika i Stil OOD” Publ. (in Bulgarian).
32. Rashev, R., Krasil’nikov, K. 2005. In *Problemy doslidzhennya pam’yatok arkheologii Shkhidnoi Ukraïny (Problems of Research of Archaeological Sites from Eastern Ukraine)*. Kiev: “Shlyakh” Publ., 149–151 (in Russian).
33. Rashev, R., Krasil’nikov, K. 2007. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Issues of Proto-Bulgarian History and Culture)* 4 (2). Varna: Bulgarian Academy of Sciences, 95–102 (in Bulgarian).
34. Rashev, R., Stanilov, St. 1989. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Issues of Proto-Bulgarian History and Culture)* 1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 214–220 (in Bulgarian).
35. Stanchev, St., Ivanov, St. 1958. *Nekropolăt do Novi Pazar (Necropolis at Novi Pazar)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
36. Totev, B., Pelevina, O. 2005. In *Bălgarskite zemi prez srednovekovieto (VII–XVIII v.) (Bulgarian Lands in the Middle Ages (7th – 18th Centuries))*. Acta Musei Varnaensis III (2). Varna, 19–24 (in Bulgarian).
37. Khristova, M. 2009. In *Prinosi kăm bălgarskata arkheologiya (Contributions to the Bulgarian Archaeology)* V. Sofia: “Agres” Publ., 72–84 (in Bulgarian).
38. Khristova, M. 2009. In *Eurika. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkoevae*. Sofia, 231–243 (in Bulgarian).
39. Comşa, M. 1963. La civilization balkano-danubienne (IXe – Xe siècles) sur la territoire de la R. P. Romaine (origineq evolution et appartenance ethnique). In *Dacia*, n. s. VII. Bucureşti, 413–438.
40. Comşa, M. 1969. Ein Bergräbnis-Fundverband aus dem 9 – 10 Jh. In Fintînele (kreis Teleorman). In *Dacia*, n. s. XIII. Bucureşti, 417–437.
41. Dolinescu-Ferche, S., Ionescu, M. 1970. La nécropole bi-rituelle du VIIIe siècle à Frăteşti. In *Dacia*, n. s. XIV. Bucureşti, pp. 419–430.
42. Fierler, Uwe. 1989. Die Grablegen der Protobulgarien an der unteren Donau. In *Issues on proto-Bulgarian history and culture* 1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 143–158.
43. Fiedler, Uwe. 1992. *Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau*. Bonn.

44. Mitrea, B. 1967. Unele probleme în legătură cu necropola prefeodală de la Izvorul (r. Giurgiu). In *Studii și Cercetări de Istorie Veche* 18 (3). București, 443–461.
45. Mitrea, B. 1973. Le céramique jaune de Haute époque féodale de la nécropole de Sultana (dép. d’Ilfov). In *Dacia*, n.s. XVII. București, 343–349.
46. Mitrea, B. 1988. La nécropole birituelle de Sultana – résultats et problèmes. In *Dacia*, n.s. 32. București, 91–139.
47. Mitrea B. 1989. Das Gräberfeld aus dem VIII. Jahrhundert von Izvorul, jud. Giurgiu. In *Dacia*, n.s. XXXIII. București, 145–219.
48. Mitrea, B., Preda, C., Chițescu, M., Rădulescu, Gh., Ionescu, M. 1979. Necropola feodală timpurie de la Izvorul (Jud. Ilfov). In *Materiale și Cercetări Arheologice* 9. București, 329–335.
49. Scorpan, C. 1977. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins (IVe – VIIe siècles) dans l’espace istro-pontique. In *Dacia* XXI. București, 269–297.
50. Toropu, O., Stoica, O. 1972. La nécropole préféodale d’Obîrșia-Olt (note préliminaire). In: *Dacia*, n.s. XVI. București, 163–188.

About the Author:

Khristova Mariya G. Doctor of Archaeology. Sofia, Bulgaria; mariachristova@abv.bg

УДК 551.8:631.42

ПОДХОДЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ ДИНАМИКИ ЗАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ПО ПОЧВЕННЫМ ПРИЗНАКАМ¹

© 2015 г. Е.В. Пономаренко, Д.С. Пономаренко,
Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина

Исследована динамика заселения участка Самарской Луки, примыкающего к Жигулевскому селищу и могильнику, на основании сопряженного анализа культурного слоя археологического памятника и стратозема в примыкающей к нему балке. Выявлено семь эрозионно-аккумулятивных циклов развития балки в голоцене, скоррелированных с периодами освоения водосборной территории. Каждый цикл начинался с пожаров, приводивших к увеличению стока и к врезанию балки, и завершался стабилизацией поверхности – ее залесением или залужением. Длительность периодов однотипного использования варьировала от нескольких десятков лет в земледельческом цикле раннего средневековья до нескольких столетий в скотоводческих циклах энеолита-бронзы, раннего железного века и позднего средневековья. В течение каждого цикла освоения происходили изменения растительного покрова, выразившиеся в уничтожении листового подлеска, обеднении видового состава древостоя, увеличении доли хвойных пород или обезлесении участков территории за счет выпаса и палов. Продолжительное остепнение исходно лесной территории отмечено в среднем голоцене (эпоха энеолита и ранней бронзы). Затем в середине I тыс. н.э. началось прогрессирующее увеличение площади открытых пространств. Максимальные перерывы в использовании участка (несколько сотен лет) отмечены в среднем голоцене, непродолжительные перерывы (менее столетия) – между городецким и именьковско-хазарским временем, хазарским и болгарским периодом и в период, предшествовавший русскому заселению Самарской Луки.

Ключевые слова: археология, Самарская Лука, Жигулевское селище, геoarхеология, стратиграфия, хронология, динамика экосистем, почвенный состав, антропогенные сукцессии, периоды заселения.

Введение. Начиная с рубежа эпох и до конца I тыс. н.э. Самарская Лука была местом частой смены населения (Кочкина, Сташенков, 1999). Археологические памятники этого периода характеризуются, как правило, незначительной продолжительностью существования: от нескольких десятилетий до пары столетий.

Близкий возраст затрудняет синхронизацию расположенных поблизости памятников методами радиоуглеродного датирования. Во многих случаях в культурном слое присутствует материал, относящийся к нескольким хронологически близким культурам, и динамика взаимодействия этих культур неясна. Так, неяс-

¹ Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих научно-образовательных центров.

но, существовали ли перерывы в природопользовании в периоды смены культур и происходил ли заброс угодий. Неизвестно и то, как выбирались и осваивались участки будущих поселений – проводилась ли расчистка леса или выбирался уже обезлесенный участок (запасенный лес, гари, заброшенные пашни и т.п.).

Ответить на эти вопросы, анализируя культурный слой открытых стоянок, достаточно сложно. Задачей данного исследования была разработка подходов к выявлению перерывов в заселении территории с помощью сопряженного анализа культурного слоя археологического памятника и делювиально-пролювиальных наносов в примыкающих к этому памятнику аккумулятивных элементах рельефа – балках и бессточных западинах. В основу анализа было положено предположение, что в таких элементах рельефа антропогенное воздействие на растительность в водосборном бассейне (сведение леса, выжигание леса или луга, использование примыкающего участка под выпас или самой балки под дорогу или скотопрогон) будет приводить к резкому увеличению стока и интенсификации осадконакопления, приводящей к формированию наносов и погребению под ними исходной поверхности. Такое воздействие может быть периодическим (например, сбивание поверхности почвы при выпасе или при использовании днища балки под дорогу) или однократным, например, расчистка участка из-под леса для устройства поселения. Депопуляция ближней округи должна, напротив, приводить к стабилизации поверхности балки – ее задерновыванию или зарастанию древесной рас-

тительностью. Эти процессы хорошо заметны в лесостепной зоне России и, в частности, на Самарской Луке. За последние два десятилетия в связи с реформами в сельском хозяйстве произошло задерновывание крутых склонов оврагов и речных обрывов и зарастание залежей древесной растительностью. Многолетние исследования заповедников также указывают на прогрессирующее залесение и закустаривание балок в охраняемых степных участках лесостепной зоны в отсутствие выпаса, сенокосения и палов (Рыжков, Рыжкова, 2000; Данилов и др., 2005).

Многочисленные работы, анализирующие динамику стока под влиянием рубок и пожаров, указывают на многократное (в 3–10 раз) увеличение поверхностного стока в течение 1–3-х лет после данных воздействий в связи с уменьшением эвапотранспирации (после рубок) или эвапотранспирации и инфильтрации (после пожаров) (Brady, Weil, 2008). Максимальное увеличение поверхностного стока происходит после пожаров в связи с гидрофобностью углистых поверхностей (Scott et al., 2014). При несомненной важности климатически обусловленных колебаний стока в лесостепной зоне динамика климатических параметров в этом контексте влияет, скорее, не на наличие или отсутствие эпизодов осадконакопления, а на их выраженность – мощность наносов и максимальный размер переносимых частиц.

Методы. Динамика заселенности участка Самарской Луки изучалась с помощью анализа трех основных массивов данных: 1) мощности и текстуры наносов, 2) таксономического

состава угля и 3) следов жизнедеятельности в почвах и наносах.

Эти данные сопоставлялись с археологическими данными по динамике заселенности территории.

1. Динамика формирования овражно-балочных наносов. Формирование пролювиальных наносов в бессточных понижениях (в частности, в конусах выноса плоскодонных балок) происходит в результате мобилизации материала в пределах водосборного бассейна, его переноса и переотложения. Количество переоткладываемого материала зависит от состояния водосбора (процента его проективного покрытия растительностью, в умеренном поясе являющегося показателем освоенности) и количества и формы выпадающих осадков (Голосов, 2001; 2006). Накопление овражно-балочных наносов приводит к более или менее поступательному росту толщи вверх. При резком увеличении стока происходит врезание днища и залегание слоев нарушается эрозией, но обычно сохраняются останцы нарушенных слоев, маркирующие акт осадконакопления.

Наносы часто состоят из пачки слоев, слегка отличающихся по гранулометрическому составу, сложению и цвету, но не разделенных дневными поверхностями. Состав и последовательность слоев в пачке отражают цикличность (многолетнюю или сезонную) их накопления (Мейен, 1989).

На протяжении периодов однотипного осадконакопления, характеризующегося определенным типом растительного покрова и уровнем стока, характер переносимого материала сходен. Это сходство выражается, в первую очередь, в степени сортированности переносимого материала,

его гумусированности и содержания в нем крупных фракций.

Переотложенный материал со временем преобразовывается процессами почвообразования. При близости скоростей биотурбации и осадконакопления наносы вскоре после отложения теряют исходную слоистость. При стабилизации поверхности (уменьшении скорости осадконакопления или временном прекращении наносов) обособляется приповерхностный перемешанный слой. Кроме собственно перемешивания происходит и изменение текстуры наноса. Обычно изменения направлены на увеличение сортированности наносов за счет биогенной сортировки – выноса мелкозема на поверхность почвенными беспозвоночными (Дарвин, 1936; Atkinson, 1957). Этот процесс приводит к относительному уменьшению содержания гравия и накоплению пылеватой и глинистой фракций в приповерхностном слое. Наконец, при продолжительной стабилизации поверхности на наносе формируется гумусовый горизонт.

2) Углистость наносов. Методы отбора и таксономического определения угля из почвы, впервые разработанные более тридцати лет назад, позволяют реконструировать эпизоды сведения леса (Thinon, 1978; 1988; 1992; 1994; Dutoit et al., 2009). Использование огня является непременной всеобщей особенностью антропогенного освоения местности (Родин, 1964; 1981; Лавренко, 1950; Комаров, 1951). Даже на кратковременных стоянках использовался огонь, оставляющий на поверхности почвы скопление угля. Расчистка участка леса под поселение обычно сопровождается сжиганием порубочных остатков и выжи-

ганием пней (Семенова-Тян-Шанская, 1966). Но и после начального периода освоения продолжается накопление угля в культурном слое поселения и в его ближайшей округе за счет использования топлива (например, выгребов из очагов и печей). Для всей истории степной и лесостепной зон характерны пожары и палы, сопряженные с периодическим выжиганием пастбищ и выжигом леса под пашню (Комаров, 1951). Кроме «плановых», обычны были и непреднамеренные пожары, случайно (например, в засуху или ветреную погоду) выжигавшие лес, примыкающий к подсеке, пастбищу или просто месту стоянки с незатушенным кострищем. Наконец, пожары могли быть связаны с набегами на поселения, осадой городов и другими видами военных действий (Кириков, 1983).

Образовавшийся в результате пирогенного воздействия уголь сохраняется в почве неограниченно долго, постепенно истираясь в более мелкие фрагменты в слоях почвы, подверженных педотурбации. Фрагменты угля размером более 2 мм позволяют определить ботаническую принадлежность обугленного материала до рода или вида. Определение до вида возможно в тех случаях, когда род представлен только одним видом в пределах изучаемого района (например, пихта, лиственница, бук) или двумя видами с различающейся анатомией (морфологические подтипы сосен и дубов). Определение осуществляется путем микроскопического изучения сколов угля в отраженном свете и сопоставления диагностических структур с ключами определения древесных видов (Vernet et al., 2001; Varefoot and Hankins, 1982). Радиоуглеродная

датировка обугленных остатков тех или иных древесных пород позволяет определить время их произрастания на данном участке. В том случае, если отбор проводился по пространственно-упорядоченной матрице, возможны анализ сопряженности реконструированного видового состава с определенными геоморфологическими и эдафическими параметрами и создание карт палеоареалов древесных пород (Ponomarenko, Crossland, and Loo, 2013; Ponomarenko, Anderson, 2013).

Данный метод позволяет реконструировать динамику растительности для произвольного участка почвенного покрова. В отличие от палинологического анализа, который дает представление о региональном спектре пород, этот метод локален: он отражает состав пород непосредственно на данном участке. Главным фактором, потенциально лимитирующим применение этого метода для реконструкций динамики растительности, является отсутствие в прошлом периодических пожаров и палов, что маловероятно для областей распространения черноземных почв, в которых более 40% органического вещества представлено обугленными растительными остатками (Ponomarenko, Anderson, 2000). Факторами, осложняющими интерпретацию результатов анализа, являются неодинаковая озоляемость и устойчивость угля разных древесных пород к истиранию (Thiébaud, 2002).

3) Биогенные нарушения слоистости и прочие следы жизнедеятельности. Морфологическая характеристика и таксономическая диагностика биогенных структур, нарушающих или стирающих сло-

стость наносов в процессе почвообразования, позволяют установить присутствие тех или иных животных и растений и реконструировать экологические условия на момент их образования.

Любые дискретные (негоризонтные) структуры на стенке разреза в почвоведении принято называть морфонами (Корнблум, 1975). Мы трактуем морфоны как плоские сечения, или проекции объемных биогенных структур на стенку разреза (Пономаренко, 1999). На все дискретные биогенные структуры в почве уместно распространить термин «следы жизнедеятельности», включая не только следы животных, которые этим термином обозначаются в палеоихнологии (Вялов, 1966), но и следы растений. *Следы животных* в почве – это следы зоотурбации (заполненные ходы крупной и мелкой почвенной фауны) и следы утаптывания поверхности (отпечатки копыт и связанные с ними нарушения субстрата). Типы, морфология и генезис *следов растений* в почвах были описаны на материале лесных почв (Пономаренко, 1999). К ним относятся заполненные корневые полости и ветровальные комплексы. Морфоны, образуемые опорными древесными корнями, имеют облик округлых или линзовидных (уплощенных за счет усадки) пятен разного размера с четкими границами. Вывалы деревьев оставляют в почве котлообразные морфоны линейной протяженностью более полуметра с характерной текстурой и пятнистостью заполнения.

Поскольку различным типам хозяйствования и перерывам в хозяйственном использовании соответствует разный набор пород деревьев

и таксонов животных, оставляющих следы жизнедеятельности в почве, то на разных этапах существования почвы образовывались различные комплексы следов жизнедеятельности. Эти комплексы, разнесенные по нарастающей кверху пачке наносов, позволяют установить чередование лесных и луговых (или остепненных) экосистем в прошлом. К таким антропогенным сукцессиям относится, например, смена леса на подсеку или пашню, ее заброс в залежь и использование под пастбище (Пономаренко, 1990; 1999; Офман и др., 1998).

Морфология следов жизнедеятельности не всегда позволяет определить их таксономическую принадлежность. Но и тогда их характер может послужить палеоэкологической реконструкции. К примеру, заброс пашни в залежь может приводить к ее залесению. По мере старения леса часть деревьев выпадает, оборачивая почву (формируются ветровальные комплексы), а часть обламывается, оставляя в почве следы опорных корней. Размеры обоих типов следов в почве указывают на возраст деревьев на момент их гибели и дают, таким образом, представление о времени, прошедшем с момента заброса пашни.

Противоположная сукцессия происходит при переведении пашни в пастбище (залужение пашни) и остепнении леса (лесные пастбища). При этом появляются роющие грызуны, оставляющие в почве следы нор. Исследования, проводимые одним из авторов (Д.С. Пономаренко), показывают, что часто удается определить таксономическую принадлежность ископаемых нор, в особенности там, где круг возможных землероев узок, а их размеры значительно различают-

ся между собой. Характерными признаками являются диаметр, глубина, наличие архитектурных элементов и характер заполнения. Наилучшие результаты получаются при последовательной срезке стенки со следами нор (Ponomarenko D.S., 2007). На отдельном сечении возможно определить вид землероя по характерному элементу норы, такому как сторчевой ход или особой формы камера.

Самарская Лука в настоящее время населена краевыми популяциями нескольких роющих грызунов: слепыша обыкновенного (*Spalax microphthalmus*), трех видов суслика: крапчатого (*Citellus suslicus*), малого (*Citellus pygmaeus*) и рыжеватого (*Citellus major*) и слепушонки (*Ellobius talpinus*). Кроме того, до XVIII в. здесь встречалась степная пищуха (*Ochotona pusilla*) (Рыбакова, 2007). Кормовая база и экологическая приуроченность этих видов существенно различаются. Из этих видов суслик приурочен к участкам с низким травяным покровом, в том числе, к пастбищам. Слепыш, будучи полностью подземным животным, наоборот привязан к разнотравным лугам – заброшенным пашням и сенокосам. Слепушонка встречается как на пастбищах, так и на лугах. Пищуха – в зарослях кустарников. Наличие суходольных лугов на потенциально лесной территории обычно связано либо с залужением пашни, либо с залужением (запасенностью) леса (Работнов, 1973; Дылис, 1978). Таким образом, наличие следов тех или иных землероев в погребенных слоях и их обилие могут служить индикатором сценария обезлесения. В табл. 1 приводится сводка диагностических признаков конструкций землероев Самарской Луки, состав-

ленная на основании литературных данных и результатов полевых исследований.

Наконец, для периодов освоения и антропогенного использования территории характерно использование балок в качестве дорог и скотопрогонов (Косов, 1978; 1984). В качестве индикаторов прохода животных и людей и проезда транспорта мы рассматриваем следы деформации поверхности (Allen, 1997). В случае движения по сухой поверхности верхние сантиметры почвы сбиваются, стираются. При пластической деформации под влиянием утаптывания влажного субстрата на поверхности образуется ячеистость с размером ячеек, соответствующим размеру копыт, или система колеи, а иногда и валики, перпендикулярные направлению движения стада (Болысов, 2006). На стенке разреза эти следы выглядят, как волнистость верхней границы наноса, сопровождаемая его уплотненностью и отсутствием пор при нагрузке на переувлажненную поверхность, а в случае нагрузки на сухую поверхность – формированием плитчатой структуры. В отсутствие стад диких копытных наличие следов поверхностной деформации можно рассматривать как антропогенный признак.

Объекты. Полевые работы проводились на Самарской Луке в 2013–2014 гг. Кроме того, для анализа дополнительно привлекались результаты полевых работ 1994–1995 гг. на памятниках эпохи раннего средневековья: селищах Ош-Пандо-Нерь II (авторы раскопок Г.И. Матвеева, В.А. Скарбовенко), Новинковское I и Новинковское V (автор раскопок Д.А. Сташенков), а также на Муром-

ском городке эпохи Волжской Булгарии (автор раскопок А.Ф. Кочкина).

В качестве основных объектов исследования были выбраны Жигулевское селище, примыкающий к нему Жигулевский могильник и небольшая плоскодонная балка, в водосборном бассейне которой находятся эти памятники. Оба памятника составляют единый археологический комплекс, функционировавший в хазарский период. Хронологические реперы (металлические украшения и стеклянные бусы) позволяют уточнить датировку комплекса в пределах конца VII–IX в. Оба памятника находятся на мысу, с двух сторон ограниченном активными оврагами-притоками Жигулевского оврага. В отличие от оврагов, верховья которых расположены на пахотных землях и активно растут за счет стока с пашни, балка целиком находится в лесном массиве. В настоящее время склоны и днище балки задернованы и не размываются во время снеготаяния и ливней.

В пределах водосборного участка Жигулевского оврага были отмечены следующие древесные виды: клен остролистный (*Acer platanoides*), вяз шершавый (*Ulmus glabra*) (травматическая поросль), липа сердцелистная (*Tilia cordata*), осина обыкновенная (*Populus tremula*), в подлеске орешник (*Corylus avellana*). На поверхности почвы много старого валежа берез и осин, отмечены гнилые пни дуба диаметром более 40 см. В настоящее время береза и дуб на участке полностью отсутствуют. Травянистый покров представлен комплексом неморальных видов, типичных для широколиственных лесов.

На суженном участке балки в месте предполагаемой разгрузки наносов

с водосбора был заложен почвенный разрез глубиной 2 м. Стратиграфический анализ разреза включал в себя описание мощностей слоев, их структуры и текстуры, а также наличия в них следов жизнедеятельности. Из 15 выделенных в разрезе стратиграфических единиц (почв и наносов) были отобраны образцы весом от 4 до 15 кг для промывки на макроостатки. Промывка почв осуществлялась на сите диаметром 1 мм. Оставшиеся на ситах фракции взвешивались и анализировались на макроостатки. Для каждого слоя определялся максимальный размер угля, который рассчитывался, как средний размер десяти самых крупных фрагментов в образце. Ботаническое определение угля проводилось для 20–30 фрагментов из каждого слоя. По результатам определения было подсчитано соотношение между количеством фрагментов угля разных видов.

Анализ крупных фракций гранулометрического состава, ботаническое определение угля проводились также в образцах из культурного слоя Жигулевского селища и из погребенный Жигулевского могильника. Для того чтобы сравнить породный состав древесной растительности на этапах, предшествовавших хазарскому времени и последующих эпох, дополнительно анализировался уголь из памятников Самарской Луки – городища Лбище IV–V вв. (автор разведочных работ 2013 г. Д.В. Серых) и Муромского городка XI – начало XIII в. (автор раскопок А.Ф. Кочкина).

Хронология заселения ближайшей округи исследуемого участка по археологическим данным. Можно ожидать, что при традиционной структуре земле-

пользования радиус максимального влияния на окружающие экосистемы составлял несколько километров. В нашем случае в ближайшей округе – в пределах 2 км от селища – были найдены следы населения целого ряда культур, обитавших здесь в период с эпохи бронзы до Золотой Орды (табл. 2). Судя по археологическим данным, в ближайшей округе постоянное население могло отсутствовать со второй половины II тыс. до н.э. до середины I тыс. до н.э., с IX по XI в. н.э., а также с середины XIII до XVII в.

Стратиграфия разреза. Разрез в днище балки вскрывает толщу наносов, залегающих на поверхности погребенной черноземовидной оглиненной почвы (рис. 1). На современной дневной поверхности развита серая лесная почва. Гумусовые горизонты обеих почв имеют мощность около 20 см. Между этими почвами залегают шесть пачек слоев. Каждая пачка включает в себя нанос и образовавшееся на нем темноокрашенное поверхностное образование – маломощную почву. Таким образом, за весь период осадконакопления в балке наблюдалось семь этапов эрозии, чередовавшихся с перерывами в осадконакоплении. Последний, седьмой цикл, еще не закончен: развитие современной почвы продолжается.

Механический состав слоев в изучаемом разрезе варьирует от легкого опесчаненного до тяжелого суглинка. Краткое описание пачек слоев (снизу вверх) приводится ниже (рис. 1):

VII. 120–140 (150) см. Эродированную верхнюю часть погребенной черноземовидной почвы перекрывает среднесуглинистый нанос с многочисленными угловатыми фрагмен-

тами угля и линзами отбеленного песка $[BA_2]_6$. Верхняя граница слоя выпуклая, с падением около 40° по направлению к центру балки, нижняя – эрозионная. Верхняя часть наноса разбита тонкими трещинами, заполненными отбеленным песком $[A_2B]_6$. Описанные выше признаки были проинтерпретированы, как результат оползня, последовавшего за лесным пожаром. Верхние 10–12 см наноса представляют собой фрагментированный погребенный гумусовый горизонт $[A_1]_6$ с буровато-темно-серой окраской. Нижняя граница гумусированного слоя ровная, диффузная.

VI. 95–120 см $[A_1]_6$ перекрыт опесчаненным легким суглинком плитчатой структуры с большим количеством мелкого гравия. В пределах толщи наноса выделяются три уровня буроватых оглиненных пятен – фрагменты бывших поверхностей, перемежающиеся более светлыми и опесчаненными прослоями. Верхняя часть наноса также маркируется фрагментами оглиненного тяжелого суглинистого, темноокрашенного (буровато-средне-серого) материала мощностью от 3 до 10 см – $[A_1]_5$.

V. 80–95 (125) см $[A_1]_5$ перекрыт слоем белесо-средне-серого опесчаненного среднего суглинка с ореховатой текстурой и белой кремнеземистой присыпкой по граням структурных отдельностей $[A_1A_2]_5$. Нижняя граница осветленного слоя волнообразная, с котловидными подтреугольными углублениями диаметром более 50 см и глубиной до 20 см – следами вывалов деревьев. Между углублениями отмечены округлые, слегка уплощенные пятна диаметром 1,5–3 см с однотипным осветленным заполнением – остатки опорных дре-

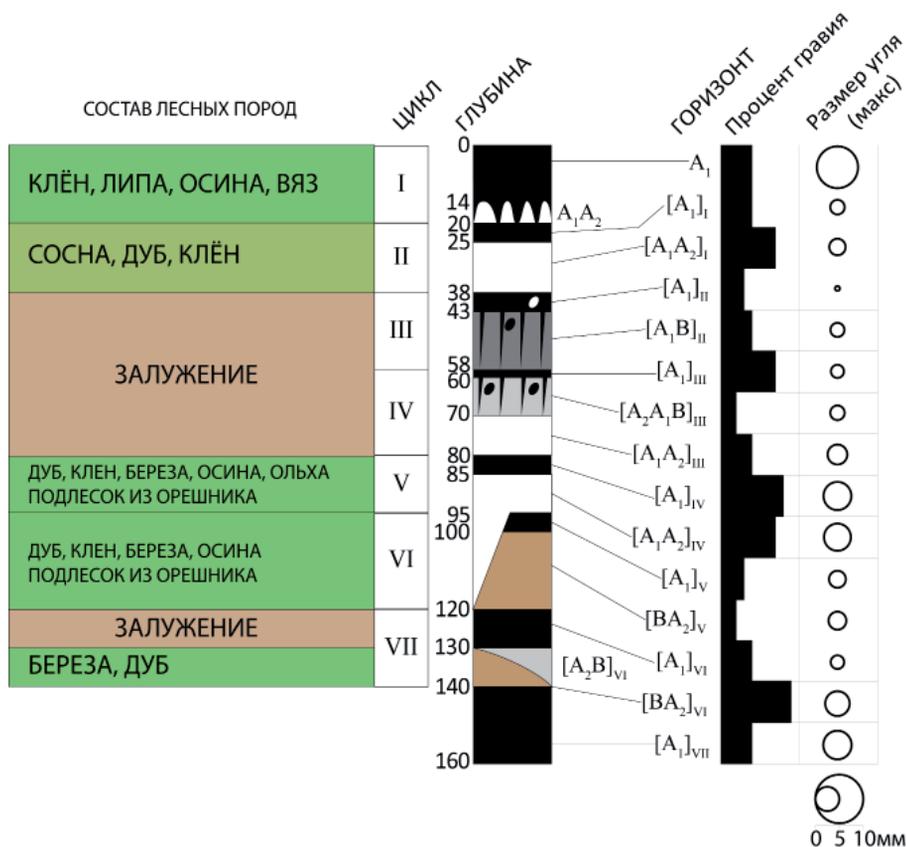

Рис. 1. Строение разреза и распределение в нем угля и гравия.

Fig. 1. Section structure with coal and gravel distribution.

весных корней. Верхние 5 см имеют темно-серую углистую окраску за счет многочисленных древесных углей – [A₁]₄. Нижняя граница слоя ровная, диффузная; верхняя граница слегка волнистая, с амплитудой 2–3 см и длиной ритма до 10 см.

IV. 58–80 см. Поверхность [A₁]₄ перекрыта тонким слоем пепельно-серого опесчаненного наноса [A₁A₂]₃, над которым залегает толща несоортированного, темноокрашенного (буровато-средне-серого) уплотненного суглинистого наноса с плитчатой структурой и белесой кремнеземистой присыпкой по граням педов. Граница между ними четкая по цвету и сортированности; неровная, с

волнообразными углублениями. В толще верхнего наноса выделяются фрагменты нескольких погребенных поверхностей, разбитых трещинной сетью с осветленным заполнением. Верхние границы всех погребенных поверхностей волнистые, с амплитудой изменений до 5 см и длиной ритма до 7 см. В слое 60–70 см отмечены ходы землероев диаметром около 5 см с темно-серым гумусированным заполнением.

III. 38–58 см. Серия гумусированных, несоортированных, уплотненных наносов. Выделяется несколько погребенных поверхностей – оглиненных слоев мощностью 1–2 см с более темной, чем общая масса, окраской.

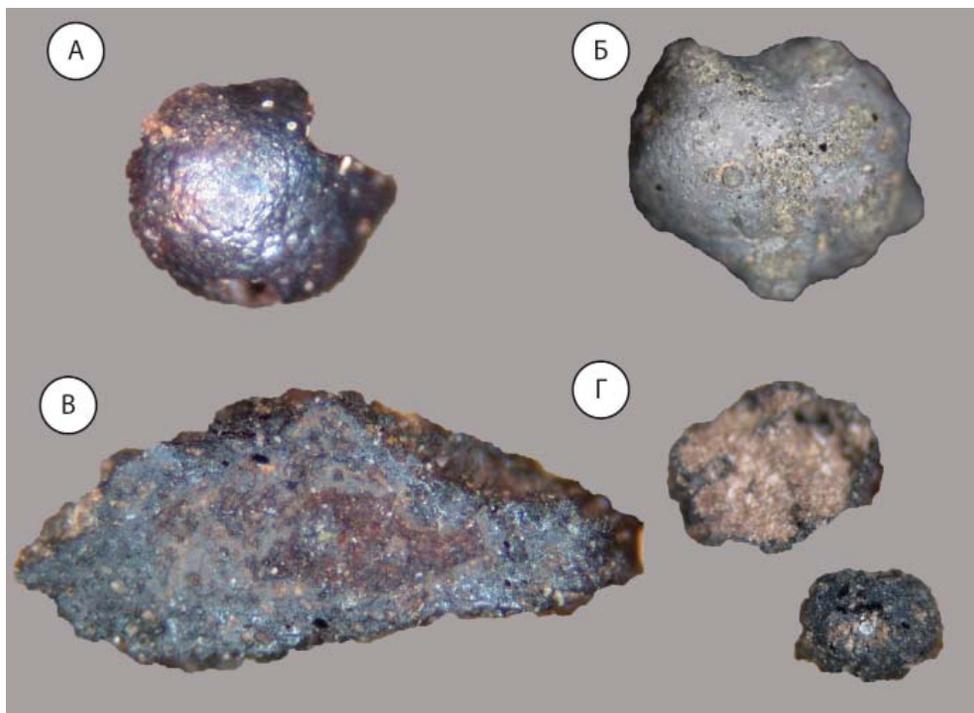

Рис. 2. Продукты металлообработки, найденные в культурном слое Жигулевского селища (а) и в слое балочных наносов 80–95 см (б-г): а) ковочные брызги, б) железный шлак, в) обломок восстановленной руды, г) полые дутьши.

Fig. 2. Products of metal processings found in the cultural layer of the Zhigul settlement site (a) and the layer of ravine silt 80–95 cm deep (b-d): a) sprays of forging, b) iron slag, c) chip of restored ore, d) hollow bulges.

Эти поверхности фрагментированы и разбиты трещинами шириной до 3 см с темно-бурым глинистым заполнением. Верхние границы наносов волнистые, с достаточно регулярной амплитудой (4–5 см) и длиной ритма (8–10 см). Этот мотив наиболее четко выражен на поверхностях нижнего ($[A_1]_3$) и верхнего ($[A_1]_2$) наносов.

II. 20–38 см $[A_1]_2$ перекрыт и частично нарушен слоем, существенно преобразованным почвообразованием. Это белесо-средне-серый тяжелый суглинок с ореховой текстурой и белой кремнеземистой присыпкой по граням структурных отдельностей ($[A_1A_2]_1$). Нижняя граница осветленного слоя имеет форму котловидных подтреугольных углублений

диаметром более 60 см и глубиной до 20 см, в заполнении многочисленны крупные угли. Между углублениями отмечены округлые, слегка уплощенные пятна диаметром 1,5–3 см с однотипным осветленным заполнением – остатки опорных древесных корней. Верхние 5 см представляют собой фрагментированный уплотненный и оглиненный темноокрашенный слой $[A_1]_1$. Верхняя граница наноса волнистая: амплитуда 3 см, длина ритма около 10 см. Из этого слоя опущены ходы землероев – пятна диаметром 6–7 см.

I. 0–14 (20) см. На наносах, перекрывающих $[A_1]_1$, развита современная серая лесная почва: палево-средне-серый среднесуглинистый

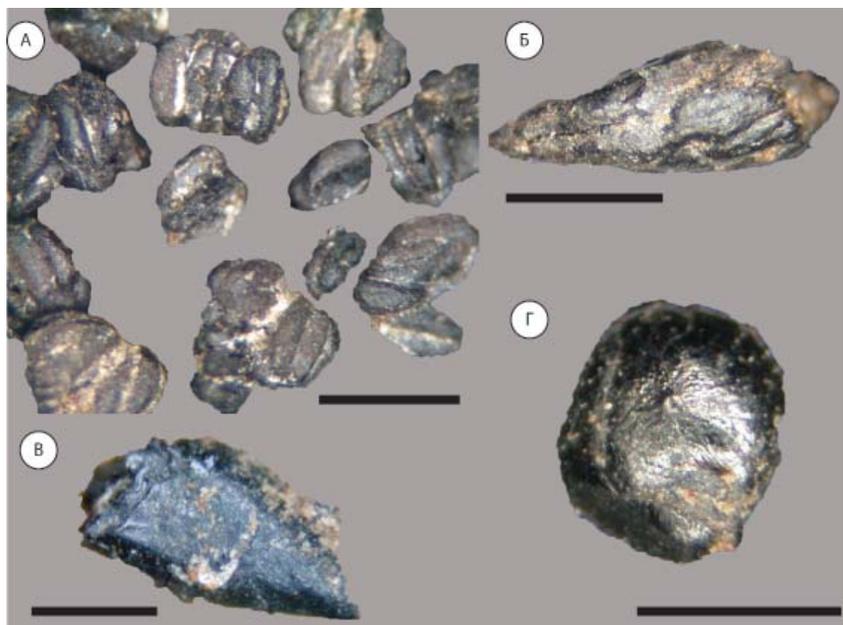

Рис. 3. Недревесные обугленные остатки: а) обугленные яйца насекомых, найденные в заполнениях погребений Жигулевского могильника и в балочных наносах на глубине 85–90 см, б, в) нераскрытые листовые почки, свидетельствующие о выжиге леса ранней весной (слой 85–95 см), г) обугленные семена лебеды (*Atriplex* sp.) из слоя 100–120 см,

Fig. 3. Non-wood charred remains: a) charred eggs of insects found in the fill of burials from the Zhiguli burial mound and in the ravine sediments at the depth of 85–90 cm; b, c) unopened leaf buds showing forest burn-out in early spring (85–95 cm); d) charred seeds of goosefoot (*Atriplex* sp.) from the layer 100–120 cm deep.

муллевый гумусовый горизонт (A_1) мощностью 0–14 (20) см, с зернисто-комковатой (копрогенной) структурой, постепенно переходящий в осветленный горизонт A_1A_2 (15–20 см) с более темными языками гумусированного материала вдоль выгнивших корней. В некоторых участках балки гумусовый горизонт современной почвы начал оборачиваться мелкими (глубина менее 40 см) и небольшими по размеру (менее метра в диаметре) вывалами деревьев.

Судя по степени сортированности наносов, слой 70–95 см (IV и нижняя половина V пачки) соответствует наиболее влажной климатической фазе за весь период накопления наносов; в последующий период происходит

резкое уменьшение водности – наносы становятся несортированными, гумусированными.

Характерные волнистые границы между наносами соответствуют описанным выше признакам пластической деформации. Наличие признаков поверхностной деформации, уплотненности и плитчатости, растрескивания и оглиненности погребенных поверхностей в слоях 38–80 см (III, IV, V пачки) и 20–25 см (I пачка) свидетельствует о том, что поверхность днища балки на большей части описываемого периода оставалась незалесенной и незадернованной и подвергалась механической нагрузке. Такие условия возможны, если по дну балки проходила дорога. Наибольшая нагрузка на

дорогу, судя по амплитуде и степени деформации поверхности, отмечается в III пачке.

Состав наносов. При промывке материала культурного слоя Жигулевского селища были обнаружены фрагменты керамики, обугленные кости и ковочные брызги – металлические шарики диаметром 1–2 мм (Табл. 3, рис. 2).

В заполнении погребений на Жигулевском могильнике продукты металлообработки отсутствовали, но были найдены многочисленные обугленные яйца мух (рис. 3).

В изучаемом разрезе артефакты были обнаружены в нескольких слоях (табл. 3). Единичные фрагменты крицы были найдены в слоях 20–25 см (II пачка), 38–43 см (III пачка), 60–67 см (III пачка), и в слое 80–95 см (IV пачка); во всех слоях, кроме первого, были раскопаны также единичные фрагменты окатанной керамики. В промывках из слоя 80–90 см обнаружены фрагменты керамики, обугленных губчатых костей и многочисленные продукты металлообработки – куски крицы, шлак и ковочные брызги, аналогичные найденным на селище (рис. 3: 4). Обугленные яйца насекомых, подобные оказавшимся в заполнении погребений могильника, найдены в нижней части слоя (85–90 см). Поскольку ковочные брызги присутствовали только в одном слое балочных отложений, это позволяет синхронизировать время формирования данного слоя со временем существования селища.

Кроме того, в трех слоях были откопаны семена сорных растений (лебеда, мокрица, коровьяк, подорожника), служащие косвенным свидетельством антропогенного осво-

ения ландшафта. Нужно отметить, что лебеда и, в меньшей степени, мокрица, в середине первого тысячелетия н.э. использовались как пищевые культуры (Behre, 2008). Обугленные сорные семена найдены в слоях 120–130 см (VII пачка), 105–120 см (VI пачка), а необугленные – в слое 0–20 см (I пачка) (табл. 3, рис.3).

Механический состав культурных слоев Жигулевского селища отличается более высоким содержанием гравия по сравнению с голоценовыми слоями балочных отложений (рис. 1). В изучаемом разрезе собственно гумусовые горизонты ($[A_1]_1$ и $[A_1]_6$) содержали низкий процент гравия (0,4%), что соответствует представлению о биогенной сортировке приповерхностного слоя в процессе почвообразования. Современный лесной гумусовый горизонт (A_1) при низком уровне гравия содержал многочисленные крупные обломки древесного угля.

В остальных пачках пик содержания как фракции гравия, так и угля во фракции гравия приходился на осветленные углистые слои, лежащие в основании каждой пачки наносов (рис. 1). После начального этапа интенсивной эрозии несколько уменьшалось содержание и размер переносимого гравия и заметно уменьшался размер угля. Таким образом, пачки откладывались в следующей последовательности: переотложение угля и гравия после пожара – истирание угля, уменьшение размера переносимого потоком гравия – заглупление угля и гравия за счет затапывания и растрескивания уплотненных приповерхностных слоев.

Самый крупный уголь был получен из заполнений погребений, в то

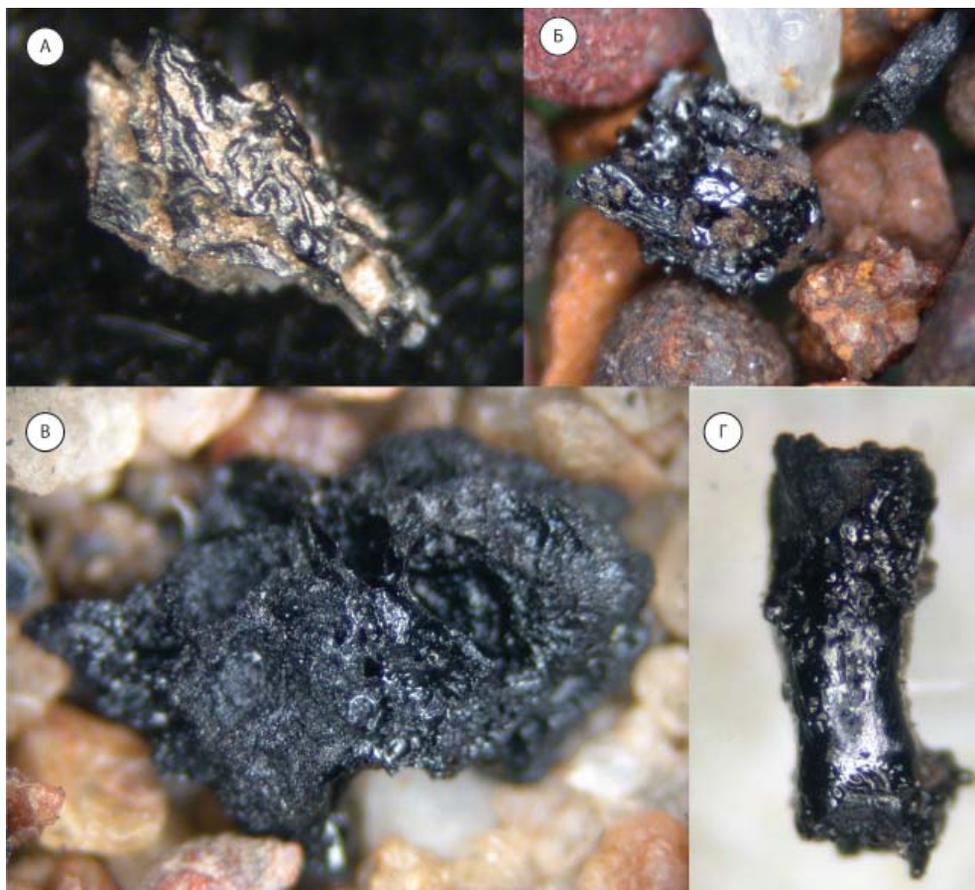

Рис. 4. Результат повторного обжига: а) повторно обожженный уголь (кора) из слоя 130–140 см, б) уголь (справа) и повторно обожженный уголь (в центре), в, г) кости с сажистым покрытием из слоев 80–85 (в) и 105–120 (г).

Fig. 4. The result of re-firing: a) re-burned charcoal (bark) layer 130–140 cm deep; b) coal (right) and re-burnt coal (in the center); c-d) bones with black coating layers 80–85 (c), and 105–120 (d).

время как в культурном слое селища он был измельчен до того же размера, что и уголь в коррелируемом наносе изучаемого разреза.

В описанных семи пачках наносов отмечено пять пиков древесного угля во фракции свыше 2 мм. Лишь на этапе освоения, последовавшем за забросом селища и могильника, эрозионная врезка не сопровождалась укрупнением древесного угля. По-видимому, участок оставался безлесным, и изменялась лишь степень задернованности бортов балки.

Характер сложения и состав наносов позволяет реконструировать следующую последовательность событий внутри каждого цикла: выжиг леса, приводящий к увеличению поверхностного стока, эродированию водосборного участка и локальному врезанию днища балки, и последующая стабилизация осадконакопления на некотором уровне, характерном для данного этапа. В пределах каждой пачки осветленные пирогенные горизонты маркируют начало нового цикла природопользования на прилегающем водосборном участке.

Циклы и скорость осадконакопления. В отсутствие продолжительных перерывов в накоплении осадков возраст овражных наносов в разрезе возможно приблизительно определить, приняв скорость осадконакопления за постоянную величину и опираясь на известный возраст одного из слоев. находка продуктов металлообработки в слое 85–90 см позволила связать накопление данного слоя со временем существования Жигулевского селища, откуда известны многочисленные аналогичные находки. По археологическим данным (Сташенков, 2014), селище датируется VII–IX вв. н.э. Возраст керамики из могильника, примыкающего к селищу, по данным радиоуглеродной датировки составляет 1250 ± 40 лет (SPb-1031), или 762 ± 61 г. н.э. (калибровка с помощью программы CalPal). Возраст угля дуба из захоронений составляет 1310 ± 30 лет (Ki-18766), или 707 ± 40 г. н.э. Близкая дата получена для керамики из культурного слоя селища – 1279 ± 40 лет (SPb-1029).

Применяя эти датировки к слою с находками ковочных брызг, мы рассчитали время накопления одного сантиметра наноса, как возраст слоя, поделенный на глубину залегания его нижней границы. Оценка минимальной скорости осадконакопления составляет, таким образом, 0,06 см/год (при подстановке возраста 1400 лет – максимального возраста селища), максимальной – 0,08 см/год (1200 лет – минимальный возраст селища), расчет на основании возраста могильника (1250 лет) дает оценку 0,07 см/год. Время накопления одного сантиметра наноса по данным оценкам составляет около 15 лет (13–16).

Расчетный возраст слоев приведен в таблице 4.

Согласно расчетам, этапы эрозии приходятся как на влажные холодные (VI–VII вв. н.э.), так и на засушливые периоды (средневековое потепление IX–X вв.) (Dergachev, van Geel, 2005). Таким образом, усиление эрозии, вероятно, было вызвано не климатическими причинами.

Периоды формирования пачек наносов хорошо согласуются со временем существования археологических культур, отмеченных в ближней округе: II – золотоордынского времени, III – болгарского, IV–V – именьковской культуры и культур хазарского времени, VI – городецкой культуры. К наиболее древней VII пачке расчетная оценка возраста неприменима из-за длительного периода стабилизации.

Если периоды эрозии, отраженные в разрезе, связаны с хозяйственной деятельностью, то по расчетному возрасту можно приблизительно оценить длительность периодов непрерывного использования участка.

Для расчета бралась суммарная мощность слоя между темноокрашенными поверхностями. Каждый нанос мог быть результатом нескольких эпизодов осадконакопления, однако отсутствие гумусированных поверхностей между ними расценивалось как свидетельство более или менее непрерывного осадконакопления.

Наиболее длительный период однотипного использования связан с формированием V пачки наносов (гл. 95–120 см), приходящийся по расчетам на время существования городецкой культуры. В этот период многократно (как минимум, три раза) повторялся один и тот же цикл,

в ходе которого происходила врезка и накапливался нанос, затем наступал кратковременный перерыв в осадконакоплении, во время которого формировался оглиненный гумусированный слой мощностью несколько сантиметров. В начале следующего цикла этот слой фрагментировался (вероятно, вследствие сбоя и размыва). В соответствии с расчетной скоростью осадконакопления, этот период продолжался более 300 лет, а вложенные циклы повторялись не реже чем раз в столетие.

Формирование пачек гумусированных наносов с утоптаннами поверхностями, связанных с использованием днища балки под дорогу (III пачка, XI–XIII вв.), по расчетам происходило на протяжении около 300 лет.

Перерывы в осадконакоплении.

Перерывы в осадконакоплении определялись по следующим признакам:

по формированию гумусовых горизонтов (A_1) на наносах;

по облесению балки;

по наличию следов землероев (A_1B), опущенных с уровня погребенной поверхности. Наличие популяции землероев соответствует этапу луговой или степной экосистемы.

1) Мощность погребенных гумусированных слоев минимальна в средней части профиля (2–5 см), увеличиваясь к его нижней части (10–14 см) и к приповерхностному слою. Максимальную мощность имеет современный гумусовый горизонт (14–20 см). Таким образом, центральная часть профиля соответствует периоду наиболее частой смены условий осадконакопления – фаз эродирования и стабилизации поверхности, фаз использования и заброса участка. Лишь в начальный и заключительный пери-

оды формирования толщи отмечены продолжительные (многовековые) перерывы в осадконакоплении, во время которых приповерхностный слой освобождался от крупных фракций и формировался гумусовый горизонт мощностью более 10 см (модер-гумусовый в основании разреза и современный мулль-гумусовый). Остальные темноокрашенные горизонты сформированы под влиянием механического заглужения, затапывания углистых частиц и гумусированного материала с поверхности на глубину погружения при проходе людей, стад или транспорта, обычно не превышающую 10 см (Большов, 2006).

2) В период, предшествующий формированию Жигулевского селища, период, последовавший за прекращением функционирования дороги эпохи Волжской Болгарии, и в современный период развития балки (последние 200–300 лет) деревья успевали не только вырасти, но отмереть — почва оборачивалась вывалами. Продолжительность периода спокойного развития в этом случае может быть оценена как максимальная продолжительность жизни деревьев, которая не превышает 200 лет для описанных видов. Образование валежника в период между городецким и хазарским этапами освоения подтверждается и находками раковин наземного моллюска *Discus ruderratus* – вида, обитающего среди валежника под корой старых пней в лесных почвах. В современном гумусовом горизонте найдены раковины *Perpolita petronella* и *Carychium tridentatum*, обитающих среди валежника и в подстилке лиственных и смешанных лесов (определение А.А. Сычева) (рис. 5).

Рис. 5. Лесные влаголюбивые виды моллюсков, найденные в современном гумусовом горизонте (а, б) и слое, синхронном расчистке водосбора балки под селище (б, в): а) *Perpolita petronella*, б) *Carychium tridentatum*, в) *Discus ruderatus*.
 Fig. 5. Forest hygrophilous species of mollusks found in the modern humus horizon (a, b) and the layer of simultaneous clearing of the ravine catchment for the settlement (b, c): а) *Perpolita petronella*, б) *Carychium tridentatum*, в) *Discus ruderatus*.

3) Несмотря на то что большая часть профиля была сформирована в период, когда борта и водосбор балки были обезлесены, следы землероев в разрезе весьма немногочисленны.

В слое 60–70 см встречаются темные пятна землероин диаметром 5 см. Из слоя золотоордынского времени (25–38 см) опущены ходы диаметром 7–8 см с разноокрашенным заполнением – как гумусированным несогнетированным, так и светлым опесчаненным. Однородное гумусированное заполнение норы образуется за счет сыпания материала в отверстие норы с поверхности (пассивное заполнение). Пестроцветный заполнитель (сочетание пятен с гумусированным и негумусированным заполнением) образуется, когда материал переносится самим землероем в процессе движения в почве. При восходящем направлении движения образуются гумусированные пятна, а при нисходящем – негумусированные (Пономаренко, 1999; Ponomarenko D.S., 2007).

Из видов, описанных в таблице 1, две землероины из изучаемого разреза по размерам соответствуют ходам суслика (крупчатого или малого) (1) и

слепыша (2). Оба вида сусликов предпочитают низкотравные, преимущественно злаковые травяные сообщества. Слепыши, напротив, являются обитателями разнотравных луговых степей. В лесостепной зоне первый тип остепненных сообществ связан, в первую очередь, с выпасом; второй – с забросом пашни в залежь.

Следы землероев в данном разрезе были сравнены со следами жизнедеятельности в нескольких памятниках, по времени предшествующих, последующих и синхронных Жигулевскому селищу.

Под насыпью вала городища Лбище древние ходы землероев в погребенной почве отсутствуют. Мелкоязычковатая нижняя граница маломощного (12–15 см) темного-серого гумусового горизонта представляет собой заполненные гумусированным материалом полости древесных корней.

Горизонт насыщен измельченным углем широколиственных пород (табл. 5), что указывает на его расчистку из-под леса (с выжигом) незадолго до сооружения городища.

Все заполненные норы на валу – современные. По размеру и за-

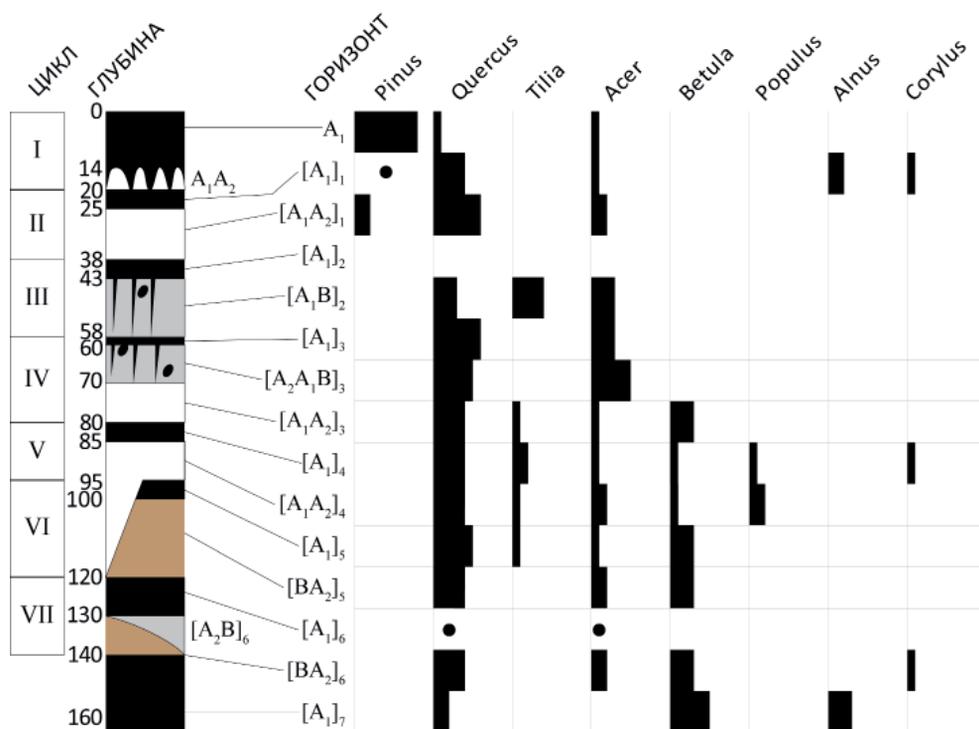

Рис. 6. Стрoение разреза и таксономический состав угля.

Fig. 6. Section structure and coal taxonomic composition.

полнению различаются следы двух размерных классов, соответствующие постройкам слепушонки (пятна диаметром 4–5 см) и слепыша (диаметр 7–9 см). Заполнитель обоих типов ходов пестроцветный. Большинство следов принадлежат слепушонке, немногочисленные следы слепыша наложены на них и перекрываются более поздними проходами слепушонки. В шурфе, заложенном в 40 м к северу от внешнего вала городища Лбища, на залежи также встречаются эти два типа следов, но следы слепыша перекрывают следы слепушонки. Наблюдаемая здесь картина отражает смену угодий от лесной экосистемы к пастбищной низкотравной и далее к высокотравному лугу, образовавшемуся на месте заброшенной пашни. В этой последовательности следы слепышей появляются относительно недавно.

На селище Ош-Пандо-Нерь в почвах, погребенных под выбросами из котлованов построек, ходы землероев также отсутствуют. Погребенный золистый гумусовый горизонт мощностью около 30 см имеет однородную средне-серую окраску и ровную нижнюю границу, характерные для смыто-намытых пахотных почв. Селище несколько раз горело и отстраивалось заново. В развалах печины на глубине 60–70 см были отмечены немногочисленные следы землероев с однородным темным гумусированным заполнителем. Ходы имеют диаметр 5–7 см, расширения 10–15 см. Угол косо́го хода – 40°, присутствуют сечения в форме сапожка (разворот косо́го хода). Заполнение пассивное с поверхности. Предположительно принадлежит одному из мелких видов

суслика (крапчато́му, *Citellus suslicus* или малому *C. pygmaeus*).

На окраине Жигулевского селища была описана почва, погребенная под выбросами из ямы, предположительно современной селищу. В настоящее время участок залесен (находится на окраине поляны, сохранившейся на месте селища). Погребенный модер-гумусовый горизонт мощностью около 15 см имеет темно-серую окраску и языковатую нижнюю границу с немногочисленными заходами гумусированного материала вниз по корневым полостям. На эти признаки наложены многочисленные ходы землероев, опущенные из гумусового горизонта, образовавшегося на отвалах из котлована. Пятна диаметром 7–9 см с пестроцветным заполнением соответствуют постройкам слепыша.

На территории Жигулевского могильника погребения располагались на глубине более 20 см под современным лесным муллевым гумусовым горизонтом средне-серого цвета. Погребения нарушены многочисленными пестроцветными ходами землероев диаметром 7–8 см, опущенными с более поздней, чем погребения, поверхности. В темноцветных землерои́нах (ходы, заполненные с поверхности) гумусированный материал имеет темно-серую окраску и тип модер. Размер и тип заполнения пятен соответствуют постройкам слепыша.

На Новинковском I селище под заполненным котлованом сооружения («кузница») на глубине 60–90 см встречены ходы с гумусированным заполнением, наклонные и сторчевые, диаметром 5–6 см. Ориентация и поперечный размер ходов соответствуют мелкому виду суслика.

В плакорных почвах, погребенных под культурным слоем в южной части Муромского городка на раскопе ХХХ (Кочкина, 2014) отмечены многочисленные разновозрастные следы грызунов. Ходы преимущественно вертикальные и субвертикальные диаметром 5–7 см с темным заполнением. Субгоризонтальные ходы в плане представлены J-образными сечениями (развороты). Преобладание вертикальных ходов указывает на принадлежность этих нор грызунам-норникам, а не подземным формам вроде слепыша и слепушонки. Эти норы могут принадлежать крапчато́му или малому суслику. Аналогичные следы описаны в почве, погребенной под насыпью внутреннего вала города. В то же время с поверхности самого вала опущены многочисленные постройки слепышей. Таким образом, до возникновения города участок, на котором он закладывался, был безлесным – на нем уже длительное время существовала популяция степных землероев, характерная для низкотравной экосистемы. После разрушения города обширные заброшенные угодья были освоены популяцией слепышей.

Во всех изученных разрезах ископаемые сусликовины принадлежали мелким видам суслика. Норы рыжеватого суслика не встречались.

Можно было бы ожидать, что популяции степных землероев формировались в наиболее теплые и засушливые климатические фазы, такие как атлантический период, начало суббореального или период средневекового потепления. Однако следы землероев отсутствуют в наиболее древних погребенных слоях, несмотря на черноземовидный «степной» облик почв и

теплые засушливые условия среднего голоцена. По-видимому, для заселения обезлесенного участка степным землероям необходимы были дополнительные условия. В то время как позвоночные землерои, предпочитающие низкотравные экосистемы (слепушонка, суслик), могли с успехом заселять пастбища уже в эпоху бронзы, слепыш – обитатель богатых высокотравных разнотравных лугов – должен был получать преимущества в расселении в периоды массового заброса пахотных и сенокосных угодий. Этот процесс в настоящее время наблюдается повсеместно на залежах в лесостепной зоне, например, в Пензенской области. На юге Томской области происходит заселение пашни, переведенной под сенокос, цокорами – подземными грызунами схожей со слепышом экологии.

Неизвестно, каков был потенциал заселения заброшенных в залежь подсек хазарского времени, – возможно, они были слишком истощены для формирования продуктивного луга, как это наблюдалось при забросе выпашанных низкоплодородных почв в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. Благодаря разреженному травянистому покрову такие залежи легко заселялись деревьями. Массовый заброс постоянной пашни на Самарской Луке мог быть связан с концом болгарского времени.

Динамика растительности на водосборе по угольным спектрам. На рис. 6 представлены результаты определения угля из выделенных стратиграфических единиц и процентное соотношение отдельных пород.

VII. Оползневой нанос, лежащий в основании толщи овражно-балочных отложений, содержит уголь березы,

ольхи и дуба. Береза и ольха являются индикаторами достаточно высокой увлажненности. Таким образом, леса, уничтоженные пожаром, формировались во влажный период голоцена. Возраст этого события предстоит уточнить радиоуглеродной датировкой угля; по данным споропыльцевого анализа (Благовещенская, 2011), березовые леса со значительным участием ольхи по влажным низинам для этой территории были характерны в начале Атлантического периода (АТ-1, VII–VI тыс. до н.э.). Судя по высокому содержанию угля и большому количеству обугленной коры (более половины обугленных фрагментов) (рис. 2: а), пожар уничтожил сухостой, а значит, скорее всего, был природным.

В верхней перемытой части оползня и в гумусовом горизонте молодой почвы, сформировавшейся на его поверхности, угля меньше, он измельчен и имеет признаки повторного обжига: яркий блеск, потеря анатомических признаков, образование системы газовых пор с блестящими стенками (Ропомаренко, 2000) (рис. 4: а, б). Наличие повторно обожженного угля свидетельствует о том, что в этот период также происходили пожары (или, по крайней мере, один пожар), но они не оставляли древесного угля. Это позволяет предположить, что уголь образовался в результате низовых пожаров или палов в травяной экосистеме. После пожаров поверхность подвергалась механическому воздействию (вытаптыванию), приведшему к измельчению угля в приповерхностном слое. Пожары или палы, проведенные в засушливую климатическую фазу после отложения оползневых наносов, уничтожили лесную раститель-

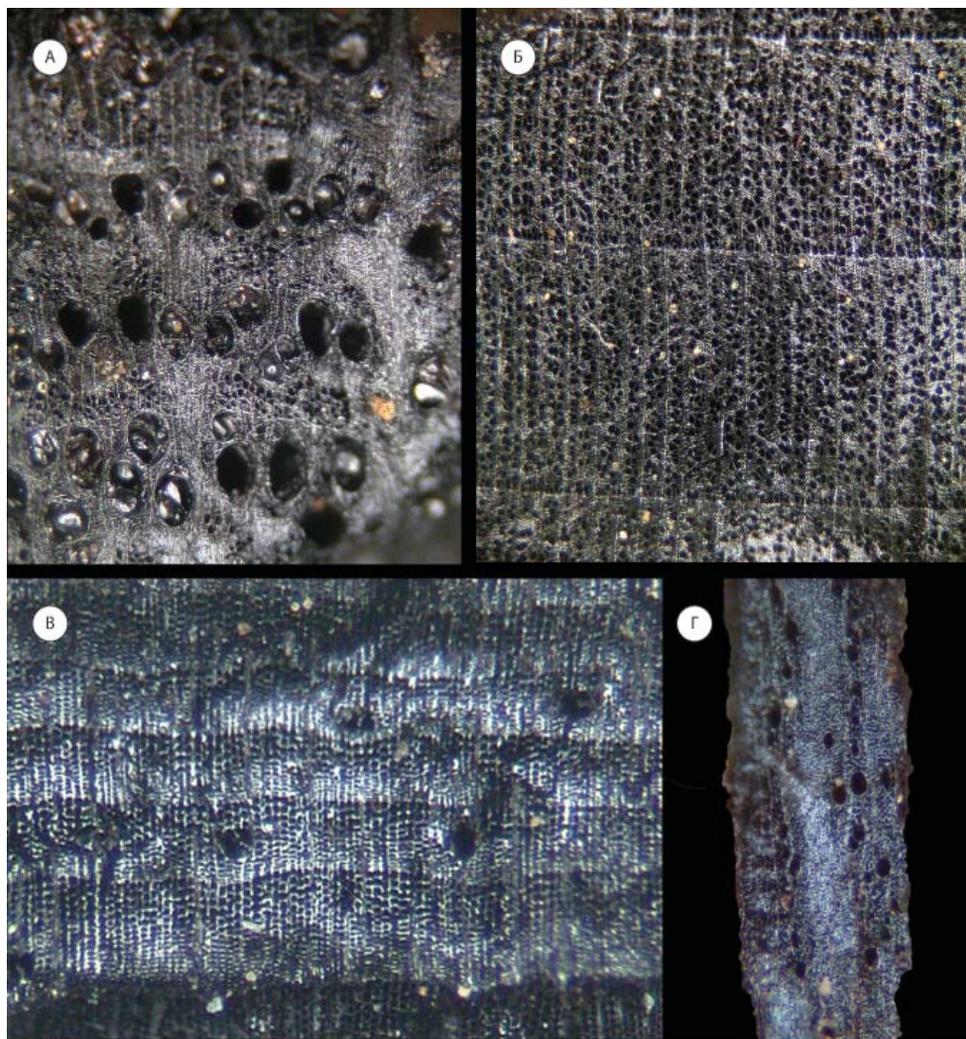

Рис. 7. Уголь из пирогенных наносов: а) дуб (*Quercus sp.*), б) липа (*Tilia cordata*), в) сосна (*Pinus sp.*), г) орешник (*Corylus avellana*).

Fig. 7. The coal from pyrogenic sediments: a) oak (*Quercus sp.*), b) Linden (*Tilia cordata*), c) pine (*Pinus sp.*), d) hazel (*Corylus avellana*).

ность — исходно лесной участок был длительное время залужен.

VI. После перерыва в пожарах склоны балки зарастают дубом, березой и кленом с подлеском из липы и орешника (рис. 7). Судя по высокой доле повторно обожженных углей и их небольшому размеру, этот лес подвергался многократным палам, сочетавшихся с механическим разрушением угля за счет вытаптывания. Участок поддерживался в форме саванноидно-

го редколесья (лесного пастбища или подсеки).

V. В слое 80–95 см, связанном с возникновением и существованием Жигулевского селища и могильника (VII–VIII вв.), присутствует уголь дуба, липы, клена, березы, осины и орешника. Эти же виды были найдены в культурном слое Жигулевского селища (табл. 5). Находки нераскрывшихся древесных почек (рис. 3) свидетельствуют о пожаре, имевшем место

ранней весной. Доля коры в составе угля невелика: вероятно, стволовая древесина была убрана с выжигаемого участка. В вышележащих наносах разнообразие угля и его размеры падают: в наносе, перекрывающем пирогенный прослой ($[A_1]_4$), отмечены дуб, липа, клен и береза, а в вышележащем наносе – только дуб и клен.

IV. В слое 38–60 см (IX–X вв.) отмечен уголь дуба, липы и клена, однако этот уголь заметно мельче, чем в выше- и нижележащих слоях, что позволяет предположить, что он перетолжен из более старых слоев. Таким образом, начало осадконакопления не было связано с пожарами: перенос материала был вызван механическим нарушением поверхности. Во всех слоях присутствует только повторно обожженный уголь, связанный с периодическими палами: в этот период водосбор поддерживался в безлесном состоянии.

III. Слой 25–38 см (XV–XVII вв.) содержал фрагменты угля сосны, дуба и клена. Среди угольных макроостатков встречаются фрагменты повторно-обожженного угля, значительно уступающие размерами углю, образованному последним пожаром. Таким образом, перерыву в использовании территории предшествовал этап существования разреженного дубово-соснового леса, периодически выжигавшегося палами.

II. Слой 20–25 см содержит такой же набор угля, как и слой V, современный селищу, и окалину, однако угли заметно мельче, чем в подстилающих и перекрывающих наносах. Скорее всего, и уголь, и окалина перетолжены из того же слоя. Врезание балки в этот период было, по-видимому, связано не с пожарами, а с хозяйствен-

ной деятельностью на месте бывшего селища (распашкой или строительством).

I. Из всех описанных слоев уголь в слое 0–20 см имеет наибольшие размеры. При этом уголь незаметен на стенке разреза, т.к. он включен в состав почвенных агрегатов. Доминирует уголь сосны. Кроме нее, в небольших количествах отмечены дуб и клен; обугленная кора составляет более трети находок. Таким образом, современному широколиственному лесу предшествовал сосновый лес с небольшой примесью дуба и клена. Этот лес был уничтожен пожаром, последовавшим, судя по крупному размеру углей, за усыханием деревьев.

Если рассматривать каждый пик размера угля как свидетельство выжига древесной растительности, то за период формирования толщи наносов произошло пять актов сведения леса. Кроме того, в течение формирования большинства пачек происходили также низовые пожары или палы.

Косвенным доказательством антропогенной природы этих пожаров может являться низкая доля обугленной коры в выборке. В нашем случае, высокая доля обугленной коры коррелирует с наибольшим размером угля. Они максимальны в двух слоях – в слое $[BA_2]_6$, лежащем в основании толщи наносов, и в современном гумусовом горизонте, где они сохранились от предыдущей стадии развития экосистемы. При сходном размере углей в слоях, современных селищу и могильнику, доля коры в них невелика – либо деревья перед пожаром были сняты или окорены, либо кору намеренно пережигали. И окоривание деревьев, и направленное пережигание (прокатывание) углей

являются технологическими компонентами подсецкого земледелия (Петров, 1968).

Выборочное использование древесных пород и его влияние на динамику экосистем. Можно предположить, что изменения, происходившие в экосистемах, отчасти отражали структуру использования древесины населением Самарской Луки. В свою очередь, состав древесных пород на момент освоения и их вырубка во время существования поселений должны были отражаться на составе угля, включенного в культурный слой. На памятниках IV–XIII вв. н.э. были отмечены следующие породы (табл. 5): дуб, липа, орешник (IV вв. н.э., Лбище) – липа, дуб, клен, ольха, береза, орешник, терн (VII–VIII вв. н.э., Жигулевское селище) – сосна, дуб, клен, осина, орешник, терн, (XI– начало XIII в. н.э., Муромский городок).

По крайней мере, часть этих пород была принесена на поселения в виде дров, судя по существенным различиям в температуре сжигания - наличию в выборке углей, однократно и непродолжительно обожженных при низкой температуре и повторно обожженных при высокой температуре (рис. 4: б). В культурном слое Жигулевского селища среди «высокотемпературных» углей, предположительно дров, преобладает уголь березы. Этот же вид представлен на селище в большем количестве, чем в балочном наносе, синхронном расчистке под селище. В болгарское время, приходящееся на засушливую климатическую фазу, уголь березы в культурном слое не отмечен, что может говорить о низкой доле березы в древостоях того периода.

Во всех памятниках основным строительным материалом был дуб: он шел и на бытовые постройки (Муромский городок, селище Ош-Пандо-Нерь II, Новинковское I селище), и на оборонительные сооружения (городище Лбище), он же использовался в качестве топлива для кремации (Жигулевский могильник).

Наконец, было отмечено использование хвойных пород (сосны на Муромском городке и, возможно, ели в Ош-Пандо-Нерь II) в производственных печах, предназначенных для смолокурения и, возможно, для металлообработки. Прекрасная сохранность ковочных брызг в культурном слое Жигулевского селища и синхронном ему балочном наносе свидетельствует о высокой чистоте железа, его глубокой восстановленности из рудных окислов. Вероятно, что для такой качественной обработки использовали уголь, который должен был бы производиться в окрестностях селища.

По этнографическим данным, в традиционных обществах умеренного пояса расход древесины на ежедневные хозяйственные нужды – готовку и обогрев жилищ – составляет около 3 кг на жилище в день (Heizer, 1963). Минимально необходимый запас годовой древесины, таким образом, составлял около 1 тонны на жилище. Учитывая, что запасы древесины в широколиственных лесах составляют около 300 т/га при годовой продуктивности около 3 тонн (Мильков, 1977), для устойчивого (неистощающего) использования леса каждой семье был необходим примерно гектар леса. Сделав поправку на континентальность климата Самарской Луки, мы приходим к заключению, что необходимый объем дровяной древесины был еще

выше. Согласно современным методикам расчетов расхода на отопление, для отопления срубового дома размером 20 кв. м на год требовалось от 4 до 6 кубометров березовых или дубовых дров в зависимости от их влажности. Соответственно сведение леса на дрова в ближайшей округе неминуемо должно было произойти уже при плотности населения, превышающей одно хозяйство на 3–4 гектара леса. Отметим, что эти расчеты не учитывают потребностей в древесине на постройку жилищ и оборонительных сооружений, обработку металла (выжиг древесного угля) и обжиг керамики.

Вероятно, в ходе использования участка оседлым населением из окружающих лесов сначала выбирались наиболее ценные, предпочтительные для того или иного вида использования породы (например, береза на дрова, сосна на металлообработку, липа на поделки), а по мере исчерпания этих ресурсов использование древесных пород шло по остаточному принципу. Так, в период, последовавший за устройством Жигулевского селища, липа исчезает из древостоя, что может быть объяснено ее хозяйственным использованием. В целом масштабы потребления древесины должны были приводить к формированию порослевых лиственных лесов и их прогрессирующему разрежению.

Использование участка территории под пастбище или территории в целом в качестве сезонных пастбищ приводят к иным результатам. В результате преимущественного стратификации лиственных пород в первую очередь исчезает лиственный подлесок, а при долговременном использовании территории увеличивается доля хвойных. При этом формируются

смешанные (например, сосново-дубовые) или хвойные саванноидные редколесья, часто с подлеском из колючих кустарников (Vera, 2000). При регулярном выжиге постоянных пастбищ сезонными палами по мере выпадения взрослых деревьев территория залужается. Описанная динамика растительности не связана с климатическими факторами, так, интродукция копытных в XX в. привела к формированию еловой саванны во влажном атлантическом климате Ньюфаундленда и восточного Квебека (Potvin et al., 2003; Gosse et al., 2011).

В нашем случае динамика древесных пород, запечатленная в угольных спектрах, отражает чередование двух тенденций. В среднем голоцене (предположительно эпоха энеолита – бронзы) первоначально лесная территория остепняется в результате выпаса в сочетании с периодическими палами; в период существования именьковской культуры и в хазарское время происходит прогрессирующее обеднение видового состава лесной территории в ходе ее использования оседлым земледельческим населением; в болгарское время происходит масштабное обезлесение территории, а в конце болгарского и в золотоордынское время образуются сосново-дубовые редколесья.

Заключение. Полученные результаты позволяют реконструировать следующие этапы развития изучаемой территории:

1) исходно лесной участок был залужен в среднем голоцене на фоне комбинации выпаса и периодических палов во время засушливой климатической фазы.

2) лесной покров восстановился в период, предшествовавший засе-

лению территории населением городецкого времени (в I тыс. до н.э.), маркируя длительный перерыв в использовании участка. В начале I тыс. н.э. дубово-липовые леса с подлеском из орешника выжигаются в новом цикле пастбищного использования.

3) перерыв в использовании отмечен и между городецким и именьковско-хазарским временем: к середине I тыс. н.э. на водосборном участке восстанавливается многокомпонентный лес из дуба, липы, клена, березы с подлеском из орешника. Сортированность наносов этого периода намного выше, чем в остальных слоях, что свидетельствует о высоком уровне увлажненности.

Не наблюдается свидетельств перерыва между устройством поселения и могильника или отдельного акта выжига участка под могильник. Поэтому вероятнее, что он был устроен на уже открытом безлесном месте – на участке, выжженном под пашню (подсеку) и выпаханном, смытом на момент устройства могильника. В пределах этого влажного периода отмечается еще один период аккумуляции наносов, который не сопровождался врезкой балки и отложением углистых наносов. Формирование незначительного по мощности и хорошо сортированного опесчаненного слоя связано с каким-то видом механической обработки почвы. Слой содержит единичные фрагменты керамики и окалины, но их количество незначительно по сравнению с предыдущим периодом. Вероятно, что именно этот этап отражает устройство Жигулевского могильника.

Во время существования Жигулевского селища и могильника днище балки служит дорогой – по ее

уплотненной поверхности в балку переносятся керамическая крошка, фрагменты костей и продукты металлообработки из селища, расположенного в 100 м от описанного разреза. Однако степень деформации наносов, связанная с уровнем нагрузки на поверхность, весьма невелика по сравнению с последующим периодом.

Запустение Жигулевского селища совпадает с резким уменьшением стока: тонко сортированные наносы в нижней части пачки сменяются несортированными в верхней. В отличие от предыдущих “облесенных” перерывов в заселении, этот перерыв маркируется формированием луговой экосистемы с участием степных земель.

В болгарское время балка используется под скотопогон: степень пластической деформации наносов в этот период отражает высокий уровень нагрузки на поверхность, максимальный в пределах описываемой толщи наносов. В этот засушливый период в балке откладываются несортированные наносы гумусированного материала темноцветных – черноземовидных почв. Водосборный участок безлесен (или покрыт саванной растительностью с отдельно стоящими дубами), отмечаются следы периодических палов. Повсеместное распространение роющих грызунов относится к этому периоду.

После гибели Муромского городка балка зарастает сосной, дубом и кленом. Судя по обилию повторно обожженного угля, периодические палы продолжались (или возобновились после запустения города) и в этот период, а судя по отсутствию видов подлеска, по-видимому, существовал и выпас, то есть территория была оби-

таема, но пастбищная нагрузка была неравномерной и периодической, позволяя восстанавливаться древесной растительности.

Начало нового этапа освоения маркируется лесным пожаром, вызвавшим гибель и выпадение взрослых деревьев. Днище балки снова начинают использовать в качестве дороги – увеличивается сток, верховья и борта балки эродируются, в наносах появляется окалина, указывающая

на какую-то хозяйственную деятельность на водосборе. Склоны балки и водосбор покрыты сосново-дубовым редколесьем с примесью клена.

Непродолжительное использование участка завершается масштабным пожаром, после которого исследованная территория зарастает (а возможно, и засаживается) широколиственным лесом, который и формирует современный облик участка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бажанов В.С., Ерофеев П.В.* Рыжеватый суслик и меры борьбы с ним. – М.–Самара: Средне-Волжское краевое гос. изд-во, 1932. – 48 с.
2. *Бируля Н. В., Литвинов И. В.* Устройство нор малого суслика и эффективность цианплава и хлорпикрина // Грызуны и борьба с ними. – Вып. 1. – Саратов, 1941. – С. 69–94.
3. *Благовещенская Н.В., Чернышев А.В.* О лесообразующей роли древесных пород Приволжской возвышенности // АгроXXI. – 2011. – № 4–6. – С. 41–43.
4. *Болысов С.И.* Биогенное рельефообразование на суше. Том 1. Эволюция биогенного рельефообразования – М.: ГЕОС, 2006. – 270 с.
5. *Вялов О.С.* Следы жизнедеятельности организмов и их палеонтологическое значение. – Киев: Наукова думка, 1966. – 220 с.
6. *Голосов В. Н.* Перераспределение наносов в верхних звеньях флювиальной сети земледельческих районов: теория вопроса и опыт регионального анализа (на примере равнин умеренного пояса) // Эрозия почв и русловые процессы. – 2001. – Вып. 13. – С. 94–119.
7. *Голосов В. Н.* Эрозионно-аккумулятивные процессы в речных бассейнах освоенных равнин – М.: ГЕОС, 2006. – 296 с.
8. *Гуляевская Н.С.* Роющая деятельность (*Spalax microphthalmus* Güld) и ее ландшафтное и сельскохозяйственное значение. Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата биологических наук. – М., 1954. – 17 с.
9. *Дарвин Ч.* Образование растительного слоя земли деятельностью дождевых червей и наблюдения над их образом жизни // Сочинения. Том 2. Зоологические работы. Дождевые черви. Геологические работы. – М.–Л.: Биомедгиз, 1936. – 684 с.
10. *Данилов В.И., Недосекина Т.В., Сарычева Л.А., Цуриков М.Н., Архарова О.В., Недосекин В.Ю.* Влияние различных регуляционных режимов на степные сообщества заповедника «Галичья гора» // Изучение и сохранение природных экосистем заповедников лесостепной зоны: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Центрально-Черноземного заповедника (пос. Заповедный, Курская область, 22–26 мая 2005 г.). – Курск, 2005. – С. 68–70.

11. *Дубровский Ю.А.* Распространение степной пишуки и некоторые черты её экологии на западе Казахстана // Бюллетень МОИП. Отд. биол. – 1963. – Т. 68. – Вып. 4. – С. 44–49.
12. *Дукельская Н.М.* Биология слепыша и испытание различных способов борьбы с ним // Тр. по защите растений. Сер. IV. – 1932. – Вып. 2. – С. 34–45.
13. *Дылис Н.В.* Основы биогеоценологии. — М: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 152 с.
14. *Карасева Е.В., Шилева Л.М.* Строение нор обыкновенного хомяка в зависимости от его возраста и времени года // Бюллетень МОИП. Отд. биол. – 1962. – Т. 70. – Вып. 6. – С. 30–39.
15. *Кириков С.В.* Человек и природа степной зоны (конец X – середина XIX в.: Европейская часть СССР. – М.: Наука, 1983. – 128 с.
16. *Комаров Н.Ф.* Этапы и факторы эволюции растительного покрова черноземных степей. – М.: Географгиз, 1951. – 328 с.
17. *Корнблум Э.А.* Основные уровни морфологической организации почвенной массы // Почвоведение. 1975. – № 9. – С. 36–48.
18. *Косов Б.Ф.* Антропогенные и естественные овраги // Эрозионные процессы (географическая наука практике). – М.: 1984. – С. 117–123.
19. *Косов Б.Ф.* Рельефообразующая роль антропогенной овражной эрозии // Вест. МГУ. – Сер. 5. География. 1978. – № 5. – С. 19–26.
20. *Кочкина А.Ф.* Новые материалы о производственной деятельности на Муромском городке // Роль общества археологии истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия Волго-Уралья. Сборник тезисов конференции, посвященной 135-летию Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете. г. Казань, 4–5 февраля 2014 г. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. – С. 38–43.
21. *Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Археологическое наследие Самарской Луки // Самарская Лука на пороге третьего тысячелетия (Материалы к докладу «Состояние природного и культурного наследия Самарской Луки»). – Тольятти: ИЭВБ РАН; ОСНП «Парквей», 1999. – С. 261–268.
22. *Лавренко Е.М.* Некоторые наблюдения над влиянием пожара на растительность северной степи (Попереченская степь Пензенской области) // Ботанический журнал. – 1950. – Т. 35. – № 1. – С. 77–78.
23. *Мейен С.В.* Введение в теорию стратиграфии. – М.: Наука, 1989. – 216 с.
24. *Милюков Ф.Н.* Природные зоны СССР. – М.: Мысль, 1977. – 293 с.
25. *Овчинникова С. Л.* Некоторые особенности экологии обыкновенного слепыша *Sorex microphthalmus* в Черноземной полосе // Зоологический журнал, 1969. – Т. 48. – Вып. 10. – С. 1564–1570.
26. *Огнев С.И.* Звери СССР и прилежащих стран. Грызуны. – М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 5. – 809 с.
27. *Офман Г.Ю., Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В.* Сравнительный анализ истории хозяйственного освоения территории и изменения структуры почвенного покрова // Структура почвенного покрова. Сборник докл. к международному симпозиуму. – М., 1993. – С. 281–284.
28. *Офман Г.Ю., Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В.* Естественно-географические зоны и сельскохозяйственное районирование России // Традиционный опыт природопользования в России. – М.: Наука, 1998. – С. 18–55.

29. *Петров В.П.* Подсечное земледелие. – Киев: Наукова думка, 1968. – 228 с.
30. *Пономаренко Е.В.* Почвенно-морфологические признаки антропогенных изменений лесных ценозов // Популяционная организация растительного покрова лесных территорий (на примере широколиственных лесов Европейской части СССР). – Пушкино, ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1990. – С. 66–81.
31. *Пономаренко Е.В.* Методические подходы к анализу сукцессионных процессов в почвенном покрове // Сукцессионные процессы в заповедниках России и проблемы сохранения биологического разнообразия. – СПб.: Русское ботан. общество, 1999. – С. 34–57.
32. *Попов В.А.* Млекопитающие Волжско-Камского края (насекомоядные, рукокрылые, грызуны). – Казань: Изд. АН СССР, Казанский филиал, 1960. – 468 с.
33. *Работнов Т.А.* Луга как биогеоценозы // Проблемы биогеоценологии. – М.: МГУ, 1973. – С. 189–197.
34. *Работнов Т.А.* О значении пирогенного фактора для формирования растительного покрова // Ботанический журнал. – 1978. – Т. 63. – № 11. – С. 1605–1611.
35. *Раков Н.В.* Материалы по экологии слепушонки в Юго-восточном Казахстане и способы борьбы с ней. // Труды республиканской станции защиты растений. Каз. фил. ВАСХНИИЛ, 1954. – Т. 2. – С. 103–130.
36. *Ралль Ю. М., Демяшев М. П.* Зимовочные норы *S. rugmaeus* Pall, и их использование для вторичной спячки // Вестник микробиологии, эпидемиологии и паразитологии. – 1934. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 119–128.
37. *Родин Л.Е.* Выжигание растительности как прием улучшения злаково-полынных пастбищ // Советская ботаника. – 1964. – Т. 14. – № 13. – С. 147–162.
38. *Родин Л.Е.* Пирогенный фактор и растительность аридной зоны // Ботанический журнал. – 1981. – Т. 66. – № 12. – С. 1673–1684.
39. *Рыбакова Н.* Кадастр и кадастрово-справочная карта распространения малой пищухи (*Ochotona pusilla* Pallas, 1768) с 1759 по 2002 гг. // Поволжский экологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 140–177.
40. *Рыжков О.В., Рыжкова Г.А.* Изменение численности и проективного покрытия древесно-кустарниковых видов на некосимой залежи Казацкого участка Центрально-Черноземного заповедника по материалам картирования 1970, 1980 и 1999 годов // Степи Северной Евразии. Материалы междунар. симпозиума. – Оренбург, Институт степи УрО РАН, 2000. – С. 339–341.
41. *Семенова-Тян-Шанская А.М.* Динамика степной растительности. – М.: Наука, 1966. – 172 с.
42. *Старков А.И.* Экология даурской пищухи *Ochotona daurica* Pallas, 1776 в Юго-Западном Забайкалье. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. – Улан-Удэ, 2014. – 22 с.
43. *Сташенков Д.А.* Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовом могильнике // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. – Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2014. – С. 82–124.
44. *Тихвинский В.И.* Биология рыжеватого суслика (*S. rufescens*) // Уч. зап. Казанского гос. ун-та. Т. 92. Работы Волжско-Камской зональной охотничье-промысловой биологической станции. – Казань, 1932. – №3. – С. 46–81.
45. *Угрюмый В.Ф.* Биология бурого землероя (слепушонки, *Ellobius talpinus*) и его роль в изменении почвы // Вопросы экологии и биоценологии. – М.–Л., 1934. – С. 115–137.

46. *Allen J. R. L.* Subfossil mammalian tracks (Flandrian) in the Severn Estuary, SW Britain: mechanics of formation, preservation and distribution // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences.* – 1997. – Vol. 352 (1352). – P. 481–518.
47. *Atkinson R. J. C.* Worms and Weathering // *Antiquity.* – 1957. – Vol. 31. – P. 219–233.
48. *Barefoot A.C., Hankins F.W.* Identification of modern and tertiary woods. – Oxford University Press, 1982. – 189 p.
49. *Behre, K.-E.* Collected seeds and fruits from herbs as prehistoric food // *Veget. Hist. Archeobot.* – 2008. – Vol. 17. – P.65–73.
50. *Brady N.C., Weil R.R.* An introduction to the nature and properties of soils. – Pearson, Upper Saddle River, New Jersey. – 2008.
51. *Dergachev V.A., B. van Geel.* Large-scale periodicity of climate change in the Holocene. In: Impacts of the environmental changes on human migration in Eurasia. – NATO Science Series: IV: Earth and Environmental Sciences. – 2005. – Volume 42. – P. 159–183.
52. *Dutoit T., Thinon M., Talon B., Buisson B., and D. Alard.* Sampling soil wood charcoals at a high spatial resolution: a new methodology to investigate the origin of grassland plant communities. – *Journal of Vegetation Science* – 2009. – Vol. 20. – No. 2. – P. 349–358.
53. *Gosse J., Hermanutz L., McLaren B., Deering P., Knight T.* Degradation of Boreal Forests by Nonnative Herbivores in Newfoundland's National Parks: Recommendations for Ecosystem Restoration // *Natural Areas Journal.* – 2011. – Vol.31. – №4. – P. 331-339.
54. *Heizer R.* Domestic Fuel in Primitive Society. *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.* – 1963. – Vol. 93. – No. 2. – P. 186–194.
55. *Ponomarenko D.S.* Burrow morphology, burrow preservation, and evidence of digging behaviour in ground-dwelling squirrels (Sciuridae). – Carleton University, MSc. Dissertation. – Ottawa, 2007.
56. *Ponomarenko E.* Fire residues in Soils and Anthropogenic Deposits: Sampling Strategies and Interpretation. *Proceedings of Canadian Archaeological Association Conference.* – Ottawa, Ontario, Canada. – 2000.
57. *Ponomarenko E.V., Anderson D.W.* The importance of charred organic matter in Black Chernozemic soils. – *The Canadian Journal of Soil Science* – 2000. no. 81. P. 285–297.
58. *Ponomarenko E. and D. W. Anderson.* Signature of forest fires in prairie soils // “Charcoal and microcharcoal. Continental records. F.Damblon, ed. *Proceedings of the 4th International Meeting of Anthracology. BAR International Series 2486*, Oxford, Archaeopress, 2013. – P.195–202.
59. *Ponomarenko E.V., D. Crossland and J.Loo.* Reconstructing tree species composition at the time of land clearance: two approaches compared // “Charcoal and microcharcoal. Continental records. F.Damblon, ed., *Acts of the 4th International Meeting of Anthracology. Proceedings of the 4th International Meeting of Anthracology. BAR International Series 2486.* – Oxford, Archaeopress, 2013. – P. 203–214.
60. *Potvin F., Beaupre P., Laprise G.* The eradication of balsam fir stands by white-tailed deer on Anticosti Island, Quebec: a 150-year process // *Ecoscience.* – 2003. – Vol.1. – №10. – P.487-495.

61. *Scott A.C., Bowman D.M.J.S., Bond W.J., Pyne S.J., Alexander M.E.* Fire on Earth: an introduction. – Wiley Blackwell, 2014. – 434 p.

62. *Thiébault S.* (ed.) Charcoal analysis: methodological approaches, palaeoecological results and wood uses. – BAR (IS), (2002) 1063.

63. *Thinon M.* La pédoanthracologie: une nouvelle méthode d'analyse phytochronologique depuis le néolithique. // *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences, série D.* – 1978. – Vol. 287. – P. 1203–1206.

64. *Thinon M.* Utilisation de la microscopie épiscopique interférentielle pour l'identification botanique des charbons de bois // *Wood and archaeology. Bois et archéologie.* – 1988. – Louvain-la-Neuve, Belgium: Université Catholique de Louvain. – P. 179–188.

65. *Thinon M.* L'Analyse pédoanthracologique: Aspects méthodologiques et applications. – 1992. – Université d'Aix-Marseille 3, Thèse de doctorat de biologie des organismes et des populations. – 317 p.

66. *Thinon M.* Un système rationnel d'identification des charbons de bois pour la pédoanthracologie et l'archéo-anthracologie // *Bull. Soc. linn. Provence.* – 1994. – Vol. 45. – P. 105–117.

67. *Vera F.W.M.* Grazing Ecology and Forest History. – 2000. – CABI Publishing, Wallingford, Oxon, UK. – 497 p.

68. *Vernet J.L., Ogereau P., Figueral J., Machado Yanes C., Uzquiano P.* Guide d'identification des charbons de bois préhistoriques du sud-ouest de l'Europe. – CNRS, Paris, 2001.

Информация об авторах:

Пономаренко Елена Викторовна, кандидат биологических наук, адъюнкт-профессор, факультет географии, Оттавский университет (г. Оттава, Канада); eponomarenko@yahoo.com

Пономаренко Дмитрий Сергеевич, младший научный сотрудник, Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН (г. Москва, Российская Федерация); zemleroi@gmail.com

Кочкина Анна Федоровна, зав. отделом археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Российская Федерация); archeo@list.ru

Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Российская Федерация); archeo@list.ru

APPROACHES TO THE RECONSTRUCTION OF DYNAMIC OF THE TERRITORY OCCUPATION ACCORDING TO THE SOIL SIGNS

E.V. Ponomarenko, D.S. Ponomarenko, D.A. Stashenkov, A.F. Kochkina

The dynamics of human settling Samarskaya Luka (Volga bend) area adjacent to the Zhiguli archaeological site and burial ground has been studied by analyzing both the cultural layer of the monument and the soil strata in the adjacent ravine. Seven erosion and accumulation cycles have been distinguished in the ravine development during the Holocene,

The work is carried out at the expense of the grant awarded in the framework of the state support of Kazan (Volga) Federal University to improve its competitiveness among leading research and educational centers.

correlated with periods of the water catchment area development. Each cycle used to start with forest fires, leading to an increase in runoff and ravine cutting-in, and to complete with surface stabilization as grassland or forest was reestablished. The length of periods between changes of land use varied from a few decades in the agricultural cycles of the early Middle Ages, up to several hundred years in the nomadic-pastoral cycles of the Eneolithic – the Bronze Age, the Iron Age and the late Middle Ages. Vegetation changed within each cycle, as human utilization of the watershed resulted in elimination of the understory, reduction of tree species variety, an increase in the proportion of conifers, and, due to combination of fire and grazing, led to deforestation. A lengthy deforestation period occurred in the mid-Holocene (Eneolithic – early Bronze Age). A new period of progressive deforestation and open space growth started in the middle of the 1st millennium AD. Discontinuities in human occupation lasting a few hundred years observed in the mid-Holocene. Shorter breaks (less than a century) took place between the Scythian-Gorodets period and the Imenkovo-Khazar period, later between the Khazar period and the Bulgarian period, and in that preceding Russian colonization of the Samara Luka area in the 16th century.

Keywords: archaeology, Samarskaya Luka, Zhiguli settlement, geoarchaeology, stratigraphy, chronology, dynamics of ecosystems, soil composition, anthropogenic successions, periods of settlement.

REFERENCES

1. Bazhanov, B. C., Erofeev, P. V. 1932. *Ryzhevatyi suslik i mery bor'by s nim (The Russet Ground Squirrel and Counter Measures)*. Moscow; Samara: "Sredne-Volzhskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
2. Birulia, N. V., Litvinov, I. V. 1941. In *Gryzuny i bor'ba s nimi (Rodents and Their Control)* 1. Saratov, 69–94 (in Russian).
3. Blagoveshchenskaia, N. V., Chernyshev, A. V. 2011. In *AgroXXI (AgroXXI)* 4–6, 41–43 (in Russian).
4. Bolysov, S. I. 2006. *Biogennoe rel'efoobrazovanie na sushe (Biogenous Relief Formation on Land)*. Vol. 1. *Evoliutsiia biennogo rel'efoobrazovaniia (Evolution of Biogenous Relief Formation)*. Moscow: "GEOS" Publ. (in Russian).
5. Vyalov, O.S. 1966. *Sledy zhiznedeiatel'nosti organizmov i ikh paleontologicheskoe znachenie (Signs of Vital Functions of Organisms and Its Paleontological Significance)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
6. Golosov V. N. 2001. In *Eroziia pochv i ruslovye protsessy (Soils Erosion and Channel Processes)* 13, 94–119 (in Russian).
7. Golosov V. N. 2006. *Eroziionno-akkumulativnye protsessy v rechnykh basseynakh osvoennykh ravnin (Erosion and Accumulation Processes in River Basins of Explored Plains)*. Moscow: "GEOS" Publ. (in Russian).
8. Guliaevskaia, N. S. 1954. *Roiushchaia deiatel'nost' Spalax microphthalmus Güld i ee landshaftnoe i sel'skokhoziaistvennoe znachenie (Fossorial Activity of Spalax microphthalmus Güld and Its Importance for Landscape and Agriculture)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

9. Darwin, Ch. 1936. In *Sochineniia (Works) 2. Zoologicheskie raboty. Dozhdevye chervi. Geologicheskie raboty (Zoological Work. Earthworms. Geological Works)*. Moscow; Leningrad: "Biomedgiz" Publ. (in Russian).
10. Danilov, V. I., Nedosekina, T. V., Sarycheva, L. A., Tsurikov, M. N., Arkharova, O. V., Nedosekin, V. Yu. 2005. In *Izuchenie i sokhranenie prirodnykh ekosistem zapovednikov lesostepnoi zony (The Study and Conservation of Natural Ecosystems of Forest-Steppe Zone Reserves)*. Kursk, 68–70 (in Russian).
11. Dubrovskii, Yu. A. 1963. In *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdelenie Biologii (Bulletin of the Moscow Society of Naturalists. Department of Biology)* 68 (4), 44–49 (in Russian).
12. Dukelskaia, N. M. 1932. In *Trudy po zashchite rastenii. Serii IV (Papers on Plant Protection. Series IV)* 2, 34–45 (in Russian).
13. Dylis, N. V. 1978. *Osnovy biogeotsenologii (Basics of the Biogeocenology)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
14. Karaseva, E. V., Shiliaeva, L. M. 1962. In *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdelenie Biologii (Bulletin of the Moscow Society of Naturalists. Department of Biology)* 70 (6), 30–39 (in Russian).
15. Kirikov, S. V. 1983. *Chelovek i priroda stepnoi zony (konets X – seredina XIX v.): Evropeiskaia chast' SSSR (Man and Nature of the Steppe Zone (End of 10th — the Middle of 19th Cent.): European Part of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Komarov, N. F. 1951. *Etapy i faktory evoliutsii rastitel'nogo pokrova chernozemnykh stepei (Stages and Factors of Evolution of Chernozem Steppe Vegetation)*. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).
17. Kornblium, E. A. 1975. In *Pochvovedenie (Eurasian Soil Science)* (9), 36–48 (in Russian).
18. Kosov, B. F. 1984. In *Eroziionnye protsessy (geograficheskaiia nauka praktike) (Erosion Processes (Contribution of Geographical Science to Practice))*. Moscow, 117–123 (in Russian).
19. Kosov, B. F. 1978. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 5. Geografiia (Bulletin of the Moscow State University, Series 5: Geography)* 5, 19–26 (in Russian).
20. Kochkina, A. F. 2014. In *Rol' obshchestva arkhologii, istorii i etnografii v issledovanii i sokhraneni kul'turnogo naslediiia Volgo-Ural'ia (The Role of the Society of Archaeology, History and Ethnography in Study and Preservation of Cultural Heritage of the Volga-Ural Region)*. Kazan: "YaZ" Publ., 38–43 (in Russian).
21. Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 1999. In *Samarskaia Luka na poroge tret'ego tysiacheletiiia (Samarskaya Luka at the Turn of the Third Millennium)*. Tolyatti: Institute of Ecology of Volga Basin, Russian Academy of Sciences; "OSNP «Parkvei»" Publ., 261–268 (in Russian).

22. Lavrenko, E. M. 1950. In *Botanicheskii zhurnal (Botanical Journal)* 35 (1), 77–78 (in Russian).
23. Meien, S. V. 1989. *Vvedenie v teoriuu stratigrafii (Introduction to Stratigraphy Theory)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
24. Mil’kov, F. N. 1977. *Prirodnye zony SSSR (Natural Zones of the USSR)*. Moscow: “Mysl” Publ. (in Russian).
25. Ovchinnikova S. L. 1969. In *Zoologicheskii zhurnal (Journal of Zoology)* 48 (10), 1564–1570 (in Russian).
26. Ognev, S. I. 1947. *Zveri SSSR i prilezhashchikh stran (Animals of the USSR and Neighboring Countries) V. Gryzuny (Rodents)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
27. Ofman, G. Yu., Ponomarenko, E. V., Ponomarenko, S. V. 1993. In *Struktura pochvennogo pokrova (The Structure of the Soil Cover)*. Moscow, 281–284 (in Russian).
28. Ofman, G. Yu., Ponomarenko, E. V., Ponomarenko, S. V. 1998. In Danilova, L. V., Sokolov, A. K. (eds.). *Traditsionnyi opyt prirodopol’zovaniia v Rossii (Traditional Experience of Environmental Management in Russia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 18–55 (in Russian).
29. Petrov, V. P. 1968. *Podsechnoe zemledelie (Slash Agriculture)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
30. Ponomarenko, E. V. 1990. In Smirnova, O. V., Chistyakova, A. A., Popadyuk, R. V., Evstigneev, O. I., Korotkov, V. N., Mitrofanova, M. V., Ponomarenko, E. V. *Populiatsionnaia organizatsiia rastitel’nogo pokrova lesnykh territorii (na primere shirokolistvennykh lesov Evropeiskoi chasti SSSR) (Population Organization of Vegetation in Forest Areas (the Example of Deciduous Forests of the European Part of the USSR))*. Pushchino: Russian Academy of Sciences, Pushchino Scientific Center, Scientific and technical information division, 66–81 (in Russian).
31. Ponomarenko, E. V. 1999. In Smirnova, O. V., Shaposhnikova, E. S. (eds.). *Suktsessionnye protsessy v zapovednikakh Rossii i problemy sokhraneniia biologicheskogo raznoobraziia (Successional Processes in Reserves in Russia and Issues of Biodiversity Conservation)*. Saint Petersburg: Russian Botanical Society, 34–57 (in Russian).
32. Popov, V. A. 1960. *Mlekovitaiushchie Volzhsko-Kamskogo kraia (nasekomoiadnye, rukokrylye, gryzuny) (Mammals of the Volga-Kama Region (Insectivores, Bats, Rodents))*. Kazan: Academy of Sciences of the USSR, Kazan Branch (in Russian).
33. Rabotnov, T. A. 1973. In *Problemy biogeotsenologii (Problems of the Biogeocenology)*. Moscow: Moscow State University, 189–197 (in Russian).
34. Rabotnov, T. A. 1978. In *Botanicheskii zhurnal (Botanical Journal)* 63 (11), 1605–1611 (in Russian).
35. Rakov, N. V. 1954. In Belyaev, A. M. (ed.). *Trudy respublikanskoi stantsii zashchity rastenii (Works of the Republican Plant Protection Station) 2*. Alma-Ata:

Kazakh Branch of All-Union Academy of Agricultural Sciences Named after V. I. Lenin, 103–130 (in Russian).

36. Rall' Yu. M., Demiashev M. P. 1934. In *Vestnik mikrobiologii, epidemiologii i parazitologii (Bulletin of Epidemiology, Microbiology, and Parasitology)* 13 (2), 119–128 (in Russian).

37. Rodin, L. E. 1964. In *Sovetskaia botanika (Soviet Botany)* 14 (13), 147–162 (in Russian).

38. Rodin, L. E. 1981. In *Botanicheskii zhurnal (Botanical Journal)* 66 (12), 1673–1684 (in Russian).

39. Rybakova N. 2007. In *Povolzhskii ekologicheskii zhurnal (Volga River Region Ecological Journal)* (2), 140–177 (in Russian).

40. Ryzhkov, O. V., Ryzhkova, G. A. 2000. In *Stepi Severnoi Evrazii (Steppes of Northern Eurasia)*. Orenburg: Steppe Institute, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 339–341 (in Russian).

41. Semenova-Tian-Shanskaia, A. M. 1966. *Dinamika stepnoi rastitel'nosti (Dynamics of Steppe Vegetation)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

42. Starkov, A. I. 2014. *Ekologiia daurskoi pishchukhi Ochotona daurica Pallas, 1776 v Iugo-Zapadnom Zabaikal'e (Ecology of Ochotona Daurica Pallas, 1776 Southwest Baikal)*. PhD Thesis. Ulan-Ude (in Russian).

43. Stashenkov, D. A. 2014. In *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy v Samarskoi oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnykh ekspeditsii (Results of Archaeological Research in the Samara Region in 2013. Materials of Scientific Expeditions)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 82–124 (in Russian).

44. Tikhvinskii, V. I. 1932. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of Kazan State University)* 92. *Raboty Volzhsko-Kamskoi zonal'noi okhotnich'e-promyslovoi biologicheskoi stantsii (Works of Volga-Kama Zonal Hunting Biological Station)* 3. Kazan, 46–81 (in Russian).

45. Ugriumi, V. F. 1934. In *Voprosy ekologii i biotsenologii (Issues of Ecology and Biocenology)*. Moscow; Leningrad, 115–137 (in Russian).

46. Allen J. R. L. 1997. Subfossil mammalian tracks (Flandrian) in the Severn Estuary, SW Britain: mechanics of formation, preservation and distribution. In *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*. Vol. 352 (1352), 481–518 (in Russian).

47. Atkinson R. J. C. 1957. Worms and Weathering. In *Antiquity*. Vol. 31, 219–233.

48. Barefoot, A. C., Hankins, F. W. 1982. *Identification of modern and tertiary woods*. Oxford: Oxford University Press.

49. Behre, K.-E. 2008. Collected seeds and fruits from herbs as prehistoric food. In *Veget. Hist. Archeobot*. Vol. 17, 65–73.

50. Brady, N. C., Weil, R. R. 2008. *An introduction to the nature and properties of soils*. Pearson, Upper Saddle River, New Jersey.
51. Dergachev, V. A., van Geel, B. 2005. Large-scale periodicity of climate change in the Holocene. In *Impacts of the environmental changes on human migration in Eurasia*. NATO Science Series IV: Earth and Environmental Sciences. Volume 42, 159–183.
52. Dutoit, T., Thinin, M., Talon, B., Buisson, B., Alard, D. 2009. Sampling soil wood charcoals at a high spatial resolution: a new methodology to investigate the origin of grassland plant communities. *Journal of Vegetation Science*. Vol. 20, no. 2, 349–358.
53. Gosse, J., Hermanutz, L., McLaren, B., Deering, P., Knight, T. 2011. Degradation of Boreal Forests by Nonnative Herbivores in Newfoundland's National Parks: Recommendations for Ecosystem Restoration. In *Natural Areas Journal*. Vol. 31, no. 4, 331-339.
54. Heizer, R. 1963. Domestic Fuel in Primitive Society. *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. Vol. 93, no. 2, 186–194.
55. Ponomarenko, D. S. 2007. *Burrow morphology, burrow preservation, and evidence of digging behaviour in ground-dwelling squirrels (Sciuridae)*. Carleton University, MSc. Dissertation. – Ottawa,
56. Ponomarenko, E. 2000. *Fire residues in Soils and Anthropogenic Deposits: Sampling Strategies and Interpretation*. Proceedings of Canadian Archaeological Association Conference. Ottawa, Ontario, Canada.
57. Ponomarenko, E. V., Anderson, D. W. 2000. The importance of charred organic matter in Black Chernozemic soils. *The Canadian Journal of Soil Science* 81, 285–297.
58. Ponomarenko, E., Anderson, D. W. 2013. Signature of forest fires in prairie soils. In Damblon F. (ed.). *Charcoal and microcharcoal. Continental records*. Proceedings of the 4th International Meeting of Anthracology. BAR International Series 2486. Oxford: Archaeopress, 195–202.
59. Ponomarenko, E. V., Crossland, D., Loo, J. 2013. Reconstructing tree species composition at the time of land clearance: two approaches compared. In Damblon F. (ed.). *Charcoal and microcharcoal. Continental records*. Proceedings of the 4th International Meeting of Anthracology. BAR International Series 2486. Oxford: Archaeopress, 203–214.
60. Potvin, F., Beaupre, P., Laprise, G. 2003. The eradication of balsam fir stands by white-tailed deer on Anticosti Island, Quebec: a 150-year process. *Ecoscience*. Vol.1, no. 10, 487-495.
61. Scott, A. C., Bowman, D. M. J. S., Bond, W. J., Pyne, S. J., Alexander, M. E. 2014. *Fire on Earth: an introduction*. Wiley Blackwell.
62. Thiébault, S. (ed.). 2002. *Charcoal analysis: methodological approaches, palaeoecological results and wood uses*. BAR (IS) 1063. Oxford : Archaeopress.

63. Thinon, M. 1978. La pédoanthracologie: une nouvelle méthode d'analyse phytochronologique depuis le néolithique. In *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences*, série D. Vol. 287, 1203–1206.

64. Thinon, M. 1988. Utilisation de la microscopie épiscopique interférentielle pour l'identification botanique des charbons de bois. In *Wood and archaeology. Bois et archeologie*. Louvain-la-Neuve, Belgium: Université Catholique de Louvain, 179–188.

65. Thinon, M. 1992. *L'analyse pédoanthracologique: Aspects méthodologiques et applications*. Université d'Aix-Marseille 3, Thèse de doctorat de biologie des organismes et des populations. – 317 p.

66. Thinon, M. 1994. Un système rationnel d'identification des charbons de bois pour la pédoanthracologie et l'archéo-anthracologie. In *Bull. Soc. linn. Provence* 45, 105–117.

67. Vera, F. W. M. 2000. *Grazing Ecology and Forest History*. CABI Publishing, Wallingford, Oxon, UK.

68. Vernet, J. L., Ogereau, P., Figueral, J., Machado Yanes, C., Uzquiano, P. 2001. *Guide d'identification des charbons de bois préhistoriques du sud-ouest de l'Europe*. Paris : CNRS.

About the Authors:

Ponomarenko Elena V. Candidate of Biological Sciences. University of Ottawa. Department of Geography, Environment and Geomatics. Simard Hall, room 047 60 University Ottawa ON Canada K1N 6N5; eponomarenko@yahoo.com

Ponomarenko Dmitry S. Paleontological Institute of the Russian Academy of Sciences. Profsoyuznaya St., 123, Moscow, 117647, Russian Federation; zemleroi@gmail.com

Kochkina Anna F. The State Cultural Institution «Samara Museum for Historical and Regional Studies named after P.V. Alabin». Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Russian Federation; archeo@list.ru

Stashenkov Dmitriy A. Candidate of Historical Sciences. The State Cultural Institution «Samara Museum for Historical and Regional Studies named after P.V. Alabin». Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Russian Federation; archeo@list.ru

УДК 902.2
ББК 63.4(2)
С 30

СЫРЬЕВЫЕ ИСТОЧНИКИ МЕТАЛЛУРГИИ ЖЕЛЕЗА ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ВОЛГО-СВИЯЖСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

© 2015 г. Ю.А. Семыкин

Статья посвящена исследованию сырьевых ресурсов металлургии железа в Волжской Булгарии. Успешное развитие металлургии – важнейшей отрасли ремесленного производства страны, целиком зависело от обеспеченности ее сырьевыми ресурсами, в первую очередь, от доступа к источникам железных руд. Приводятся результаты археологических разведок в Волго-Свияжском междуречье, где были выявлены многочисленные памятники эпохи средневековья с ярко выраженными остатками металлургии железа и месторождениями железной руды. Нашими исследованиями установлены конкретные месторождения железных руд (сидеритовых, болотных, луговых). Микро-регион Волго-Свияжского междуречья уже с древности являлся центром добычи металлургических руд для восстановления железа. Особенно интенсивное освоение рудных запасов на этой территории началось в эпоху раннего средневековья группами пришлого болгарского населения. Отмечены места добычи этих руд в эпохи древности и в средневековье.

Ключевые слова: металлургия железа, Волжская Булгария, Волго-Свияжское междуречье, сидеритовые, болотные, луговые руды, флюсы, сыродутный процесс восстановления железа.

Общеизвестно, что черная металлургия и кузнечное производство постепенно, начиная с эпохи раннего железного века, превращались в важнейшие отрасли производства населения Восточной Европы. Один из наиболее авторитетных специалистов в области изучения металлургии и кузнечного производства Древней Руси Б.А. Колчин писал: «Черная металлургия была той отраслью хозяйственной деятельности человека, которая оказывала самое решительное воздействие на экономический потенциал общества. От уровня развития черной металлургии, ее технологического совершенства, масштабов про-

изводства зависело развитие земледелия, ремесла, военного дела и быта» (Колчин, 1985, с. 244–245).

Эти положения в равной степени были применимы и к первому в Среднем Поволжье государственному образованию – Волжской Булгарии. Однако успешное развитие металлургии целиком зависело от обеспеченности ее сырьевыми ресурсами, и в первую очередь – от доступа к источникам железных руд.

По сравнению с древней и средневековой металлургией меди, опиравшейся на относительно немногочисленные и сравнительно редкие месторождения меди, месторождений

железа на земле встречается значительно больше. Однако и железные руды представлены на поверхности земли все же неравномерно. Отмечено, что на отдельных территориях, богатых выходами железных руд, уже с конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. шли процессы специализации населения на добыче железной руды и металлургии железа, как это произошло у населения пшеворской археологической культуры на территории Польши в конце I в. до н.э. – III–IV вв. н.э. Там, в Свентокжицких горах, действовал исследованный польскими археологами крупнейший для своего времени горно-металлургический центр с несколькими тысячами сыродутных металлургических горнов (Bielenin, 1974, S. 144).

Сходная ситуация, только в меньших масштабах, в эпоху раннего средневековья наблюдается и в Волго-Свияжском междуречье. Об этом свидетельствуют результаты археологических работ последнего десятилетия.

В Волго-Свияжском междуречье на территории Ульяновской области в эпоху средневековья отмечена исключительно плотная концентрация поселенческих памятников, датируемых в пределах от начала I тыс. н. э. и до конца домонгольского периода (рис. 1). В домонгольский период Волжской Булгарии через территорию Волго-Свияжского междуречья проходил один из важнейших сухопутных торговых путей между Болгаром и Киевом (Моця, Халиков, 1997).

Становым хребтом развития экономики, хозяйства и обороноспособности Волжской Булгарии были высокоразвитая металлургия железа и кузнечное производство. Этот тезис подкрепляется находками огромного

количества разнообразных изделий из железа и стали, происходящих с памятников Волжской Булгарии. Среди памятников поселенческого типа наиболее богатыми в плане находок изделий из черного металла, исследованных методом металлографии, являются города Болгар и Биляр, которые в разные периоды истории выполняли роль столицы государства. На территории этих городищ встречены самые многочисленные коллекции кузнечных изделий и ярко выраженные остатки металлургии железа – металлургические и кузнечные горны различных типов (Ефимова, 1951; 1958; Халиков, 1976). Крупные коллекции кузнечной продукции с этих городских центров в свое время подверглись металлографическому исследованию (Семькин, 1991; 1996). На Болгарском городище были выявлены самые ранние остатки металлургии чугуна в Европе (Смирнов, 1951).

Остатки металлургии железа встречены и изучены также на многих болгарских памятниках как городского, так и сельского типа. Более того, на некоторых поселениях, например, на IV Старокуйбышевском, отмечено огромное скопление горновых железных криц, явно складированных для дальнейшей реализации на рынке (Казаков, 1991; см. рис. 2). Этот факт красноречиво свидетельствует о ремесленном характере металлургии железа в Волжской Булгарии уже в домонгольский период.

Феномен столь высокоразвитой черной металлургии в городе Болгаре и в Волжской Булгарии в целом требует ответа на важнейший вопрос: каковы же были источники снабжения металлургии железа рудным сырьем? Чтобы ответить на вопрос об

источниках сырья черной металлургии в Волжской Булгарии, обратимся к данным геологических разведок в Среднем Поволжье. В 1930-е годы казанскими геологами было установлено, что Нижнее Прикамье входит в зону распространения болотных руд (Батыр, Трофимчук, 1932). Более подробной иллюстрацией к этому тезису может служить карта распространения болотных руд в Восточной Европе, подготовленная в свое время Б.А. Рыбаковым (1948; см. рис. 3).

В истории техники долгое время считалось аксиомой, что основным сырьем для металлургии железа в Восточной Европе была болотная руда, которая являлась результатом жизнедеятельности болотных бактерий. В результате на дне болот, на корнях растений скапливались конкреции окисленного железа. Болотная руда является разновидностью бурого железняка. По консистенции она плотная, имеет охристый цвет, иногда пористо-туфовидный вид с отпечатками корней растений. Содержание окиси железа в болотных рудах колеблется в пределах от 20 до 60%. Присутствует и некоторое количество закиси железа, окиси марганца, кремневой кислоты в виде силикатов, примесь песка, органических веществ, фосфорной кислоты (до 8%). По типу руды болотные и луговые руды относятся к лимонитам. Лимонит – собирательное название для природных минеральных агрегатов (от греч. λειμων – луг; по местонахождению в сырых местах). По химической характеристике лимонит является смесью гидроокисей трехвалентного железа. В составе лимонита присутствуют скрытокристаллические формы минерала гетита. «Болотные руды» являются скоплением

ями лимонита – «бурого железняка». «Болотные руды», которые когда-то залегали на дне болот, после их пересыхания оказались выше уровня древних водоемов и нередко в настоящее время залегают на некоторой глубине под дерном в лугах. Поэтому другое название таких руд – «луговые руды». Луговые руды встречаются в виде пористых конкреционных отложений в приречных или болотистых лугах по берегам болот. Болотные и луговые железные руды для современной металлургической промышленности интереса не представляют, но для сыродутного процесса получения железа в древности и в средневековье они были вполне пригодны.

На карте распространения болотных руд в Восточной Европе (рис. 3) заметно, что наличие выходов болотных руд в Среднем Поволжье и Прикамье локализовано в перигляционной зоне. Но только частично выходы болотной руды покрывают северную территорию Волжской Булгарии, и то лишь с незначительной концентрацией. Примером местопоявления луговой (болотной) руды является ее выход в верховьях р. Малой Свияги в Барышском районе Ульяновской области у с. Старое Тимошкино (рис. 4; 5).

В археологической литературе по вопросу об источниках рудного сырья, применявшегося в металлургии железа волжскими булгарами, существует точка зрения А.П. Смирнова, полагавшего, что сырьем для черной металлургии у волжских булгар служил железный колчедан (Смирнов, 1951, с. 114). Однако нужно уточнить, что собой представляет железный колчедан. Другое его название – пирит (греч. πυρίτης λίθος, буквально – камень,

- - городище;
- - месторождение железной руды;
- - курганная насыпь
- - поселение;
- - грунтовый могильн
- - оборонительный

Рис. 1. Археологические памятники в Волго-Свияжском междуречье в Ульяновском р-не Ульяновской обл.
 Fig. 1. Archaeological sites in the Volga-Sviyaga interfluvium in Ulyanovsk district, Ulyanovsk oblast.

Рис. 2. Скопление металлургических горновых железных криц на IV Старокуйбышевском селище (фото С. Зарифуллина).

Fig. 2. Concentration of metallurgical hearth iron balls at the Starokuibyshevo IV settlement site (photo by C. Zarifullin).

высекающий огонь). Железный колчедан – минерал, сульфид железа химического состава FeS_2 с содержанием железа 46,6% и серы до 53,4%. В земной коре пирит является одним из самых распространенных сульфидов. Пирит часто образует псевдоморфозы по органическим остаткам (в древесине и различных остатках ископаемых организмов, например, в аммонитах (рис. 7). На земной поверхности пирит неустойчив, со временем он окисляется до лимонита. Отметим в этой связи, что в Правобережье Волги в Ундоровской курортной зоне междуречья Волги и Суры присутствуют геологические выходы древних пластов юрского и мелового периодов осадочных морских пород, где встречаются многочисленные находки аммонитов и отдельных конкреций пиритов.

Как видно из химической формулы, в железном колчедане (пирите) содержание железа достаточно велико (46,6%). Но вторым компонентом в пирите, к тому же нежелательным, является сера с высоким содержанием (53,4%). Использование пирита в металлургии железа в древности и в средневековье было возможно только при условии освоения способов сегрегации железа и серы. Было ли это возможно в древней и средневековой металлургии населения Среднего Поволжья, остается пока под вопросом. Более вероятно то, что металлурги Волжской Булгарии для добычи железа на Правобережье Волги использовали отдельные рудопроявления лимонитов, являвшихся результатом естественных процессов окисления пиритов. Проявление таких линзовидных, а иногда бесформенных крупных скоплений лимонитов можно наблю-

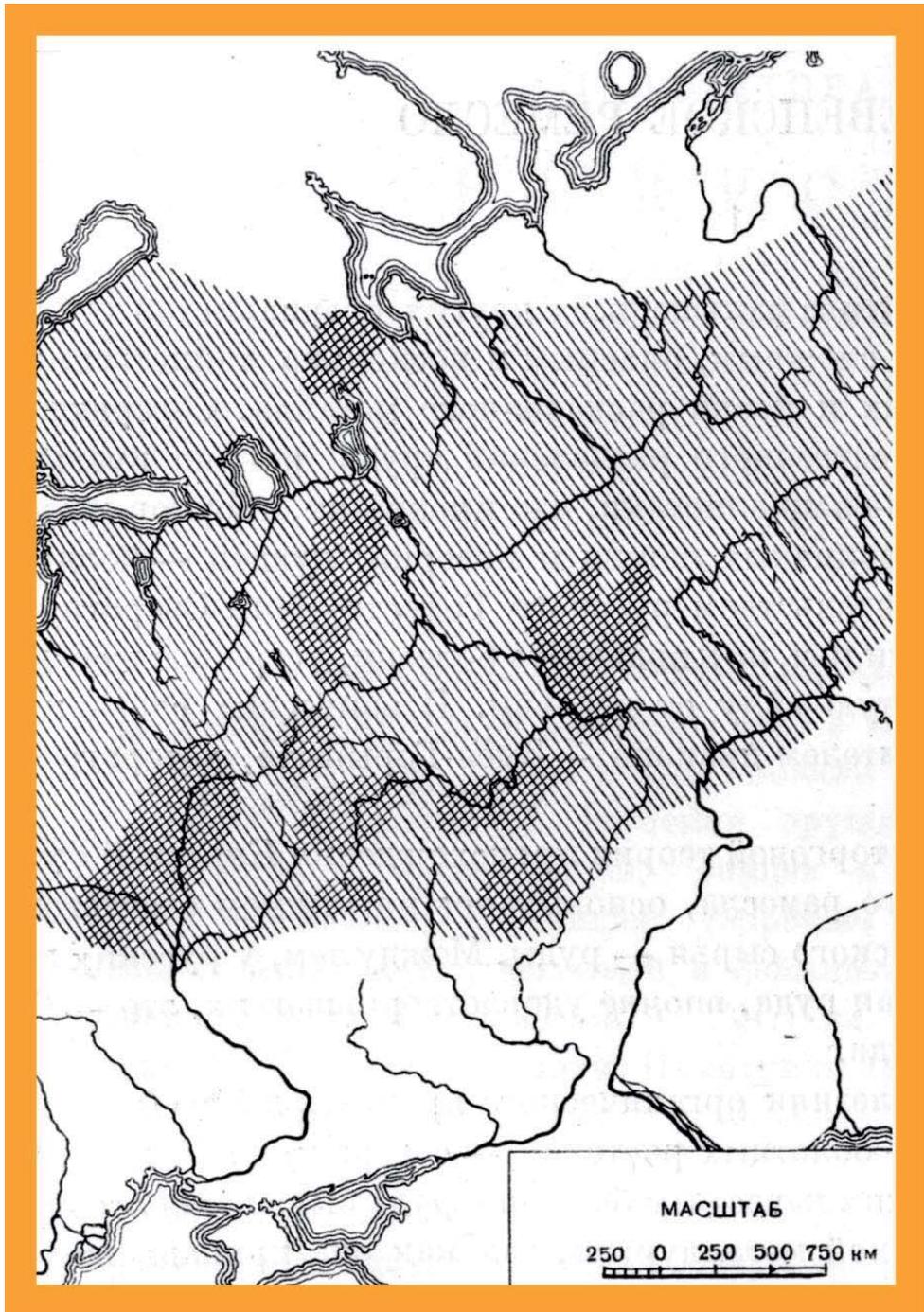

Рис. 3. Карта распространения болотных руд на территории Восточной Европы (по Б.А. Рыбакову).

Fig. 3. Distribution map of marsh ore deposits in Eastern Europe (after B. A. Rybakov).

Рис. 4. Выход железной луговой руды в верховьях р. М. Свияга у с. Старое Тимошкино в Барышском р-не Ульяновской обл.

Fig. 4. The outcrop of meadow iron ore in the upper reaches of the Malaya Sviyaga River near Staroye Timoshkino village, Baryshsky district, Ulyanovsk oblast.

Рис. 5. Экспериментальная добыча луговой железной руды у с. Старое Тимошкино. Сентябрь 1998 г. Экспериментальная экспедиция УлГПУ и Симбирского кузнечного двора «Корыч».

Fig. 5. Experimental extraction of meadow iron ore near Staroe Timoshkino village. September 1998. Joint experimental expedition by the Ulyanovsk State Pedagogical University and Simbirsk "Korych" metal-processing works.

дать в береговых обнажениях правого берега Куйбышевского водохранилища в Уноровской курортной зоне (рис. 8–10). Ульяновский палеонтолог и гидрогеолог В.М. Ефимов является сторонником возможности использования пиритов в качестве сырья в средневековой металлургии железа в Ульяновском Поволжье. В этой связи им запланирована серия экспериментальных работ.

Другим источником рудного сырья для черной металлургии в древности и в эпоху средневековья в Среднем Поволжье служили рудопроявления сидерита. Сидерит (карбонат железа, железный шпат; греч. *sideritis*, от *sideros* – железо) FeCO_3 – минерал осадочного происхождения бурого цвета, растворяющийся в минеральных кислотах. При окислении он переходит в бурый железняк. Сидерит и в настоящее время является рудой для получения железа в промышленных масштабах, так как в его составе содержится до 48% железа, но нет серы и фосфора. Интересно отметить, что еще в XIX в. в Правобережье Среднего Поволжья производился сбор кусков сидеритовой железной руды для добычи железа кустарным способом. На этот факт указывал ульяновский геолог В.Ф. Ерхов.

Однако конкретных фактов и доказательств использования сидеритовой руды в качестве сырья для древней и средневековой металлургии железа долгое время не было. Ситуация изменилась в 2003 г., когда археологическая экспедиция Ульяновского государственного педагогического университета провела раскопки на территории Архангельского поселения в Чердаклинском районе, расположенном в 25 км севернее от г. Улья-

новска на левобережье Волги (ныне Куйбышевского водохранилища). Там еще в 1998 г. был зафиксирован металлургический горн ямного типа, относящийся предположительно к концу эпохи бронзы – началу раннего железного века (Семыкин., Ворона, 2004; см. рис. 11). Раскопками небольшого участка береговой полосы культурного слоя в непосредственной близости от разрушенного водохранилищем металлургического горна было выявлено скопление обогащенной железной руды сидеритового типа. Это скопление руды было компонентом шихты, предназначенной для восстановления железа. Однако в левобережье Волги геологических выходов (рудопроявлений) сидерита нет, но он встречается в правобережье Волги в береговых обнажениях между с. Ундоры и с. Захарьевский Рудник.

Мы полагаем, что Архангельский горн работал с естественной подачей воздуха, а его продукцией был металлургический конгломерат, содержащий восстановленное железо и значительное количество шлаков (рис. 12).

На пляжной полосе под Архангельским поселением встречаются многочисленные металлургические шлаки и фрагменты лепной керамики, преимущественно эпохи бронзы (рис. 13; 14). По нашему мнению, Архангельский горн может датироваться началом раннего железного века, или даже более ранним временем. По каким-то причинам древние металлурги, получавшие железо из сидеритовой руды на Архангельском поселении, переправляли ее с правого берега Волги на левый и здесь проводили сыродутный процесс.

В последнее десятилетие нами были получены неопровержимые

свидетельства о применении сидеритовой руды в металлургии железа раннего средневековья и на правом берегу Волги – в междуречье Волги и Свияги. В 2008 г. у с. Новая Беденьга были обнаружены 4 новых памятника поселенческого типа: Новобеденьговские I и II городища и поселения. Материалы раскопок Новобеденьговского I городища и поселения, проводившихся в 2009–2011 годах совместной экспедицией Ульяновского педагогического государственного университета, Тольяттинского и Самарского государственных университетов показали, что эти памятники являлись сезонными поселениями металлургов эпохи раннего средневековья, имевших этнокультурные истоки в западных регионах Восточной Европы (в культурах позднекиевской, черняховской, киевской с присутствием элементов дьяковского населения). Перечисленные памятники датируются временем с начала V по VIII–IX вв. н.э. Важно отметить, что на территории исследованных памятников отмечены также керамические материалы салтовской культуры, что можно рассматривать как косвенные признаки первых попыток кочевого раннеболгарского населения осваивать местные выходы железных руд для налаживания собственного металлургического производства (Вязов, Багаутдинов, Нерушин, Семыкин, 2012, с. 54–102).

Кроме того, с 2007 по 2013 год в Волго-Свияжском междуречье были выявлены многочисленные памятники эпохи средневековья с ярко выраженными остатками металлургии железа и месторождениями железной руды. Перечислим такие памятники (рис. 1):

1. Староалейкинское городище (рис. 1: 19). Выявлены металлурги-

ческие шлаки, скопления железной руды (сидерита) и исследованная раскопками летняя болгарская кузница (Семыкин, 2006).

2. Староалейкинское селище (рис. 1: 20). Выявлены многочисленные шлаки, остатки разрушенных берегом Свияги болгарских металлургических горнов.

3. Красносундюковские I и II городища (рис. 1: 14, 15). Отмечены многочисленные скопления железных шлаков, относящихся к раннесредневековому населению западного происхождения, а также к волжским булгарам. Встречены выходы сидеритовой руды.

4. Комаровское I и II селища (рис. 1: 21, 22). Отмечены многочисленные остатки черной металлургии эпохи раннего средневековья (именьковцы и волжские булгары). На Комаровском II поселении зафиксированы металлургические флюсы – куски известняка, применявшегося в сыродутном процессе для снижения температуры плавления шлаков.

5. Комаровское I городище (рис. 1: 23). Выявлены многочисленные остатки металлургии железа эпохи раннего средневековья.

6. Комаровское II городище (рис. 1: 24). Отмечены многочисленные остатки металлургии железа эпохи раннего средневековья.

7. Ундоровское I и II городище (рис. 1: 1). Встречены многочисленные железные шлаки и металлургические крицы, оставленные болгарскими металлургами.

8. Городище и селище Новая Беденьга I (рис. 1: 5, 7). Выявлены многочисленные следы металлургии железа, скопления шлаков, остатки горнов наземного типа, следы добычи

Рис. 6. В Среднем Поволжье пирит (железный колчедан) встречается в раковинах аммонитов, а также в виде отдельных бесформенных конкреций, известных в народе как «мышинное золото». Раковина аммонита, замещенная пиритом.

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%80%D0%B8%D1%82>.

Fig. 6. In the Middle Volga area, pyrite (iron pyrites) is found in the shells of the Ammonites, and also as separate shapeless nodules, known as “mouse gold”. An Ammonite shell replaced with pyrite.

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%80%D0%B8%D1%82>.

Рис. 7. Выход железной руды (пластов лимонита) под городищем Ундоры I.

Fig. 7. Iron ore output (limonite layers) close to the Undory I hill fort site.

Рис. 8. Выходы железной руды (линзы лимонита) в береговом обнажении Куйбышевского водохранилища у дома отдыха «Дубки» в Ундоровской курортной зоне.

Fig. 8. The outputs of iron ore (limonite lenses) in the coastal outcrop of the Kuibyshev reservoir, near Dubki rest house, Undory resort area.

Рис. 9. Крупная конкреция железной руды (лимонита) на берегу Куйбышевского водохранилища в Ундоровской курортной зоне Ульяновской обл.

Fig. 9. A large concretion of iron ore (limonite) on the shore of the Kuibyshev reservoir in the Undory resort area, Ulyanovsk oblast.

Рис. 10. Полуразрушенный металлургический сыродутный горн у с. Архангельское в Чердаклинском р-не Ульяновской обл.
Fig. 10. Dilapidated metallurgical bloomery hearth near Arkhangelskoye village in Cherdaklinsky district, Ulyanovsk oblast.

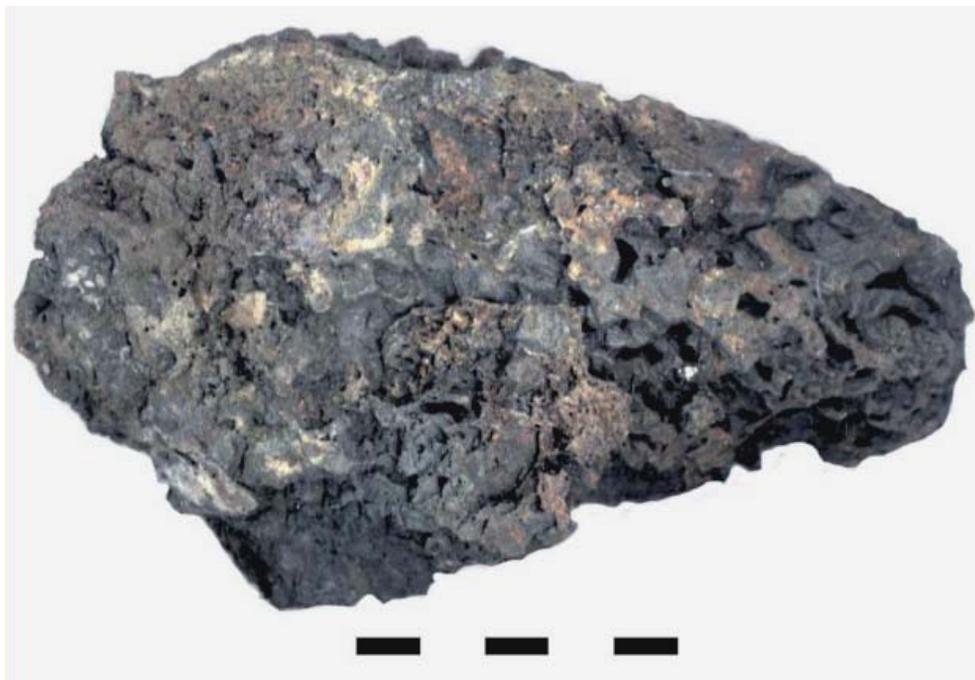

Рис. 11. Металлургический железный конгломерат из разрушенного водохранилищем Архангельского горна.

Fig. 11. Metallurgical iron conglomerate from the Arkhangelskoye hearth site destroyed during water reservoir construction.

руды сидеритового типа, многочисленные выходы рудопоявлений (раннее средневековье). Кроме населения западных истоков на памятниках присутствуют заметные следы раннебулгарского населения.

9. Городище и селище Новая Беденьга II (рис. 1: 6, 8). Отмечены следы металлургии железа раннего средневековья, оставленные населением именьковской культуры и Волжской Булгарии.

10. Селище «Круглая поляна» (рис. 1: 10). Встречены выраженные следы металлургии железа эпохи раннего средневековья. Относится к населению именьковской культуры и, возможно, оседлому булгарскому населению VIII–IX вв.

11. Месторождение железной руды «Сланцевый рудник» (рис. 1: 11). Отмечены следы многочисленных раз-

работок по добыче сидеритовой руды. Предположительно датируется ранним средневековьем. Культурная принадлежность пока не определена.

12. Городище «Поливна» (рис. 1: 12). Отмечены следы металлургии железа населения именьковской культуры и волжских булгар.

13. Поселение «Ипподром» на северной окраине г. Ульяновска (рис. 1: 13). Отмечены многочисленные следы металлургии железа раннего средневековья.

Этот список памятников явно неполный и будет дополняться в результате дальнейших работ. Но он свидетельствует об активной специализации населения рассматриваемого микрорайона на добыче железной руды и металлургии железа в эпоху средневековья.

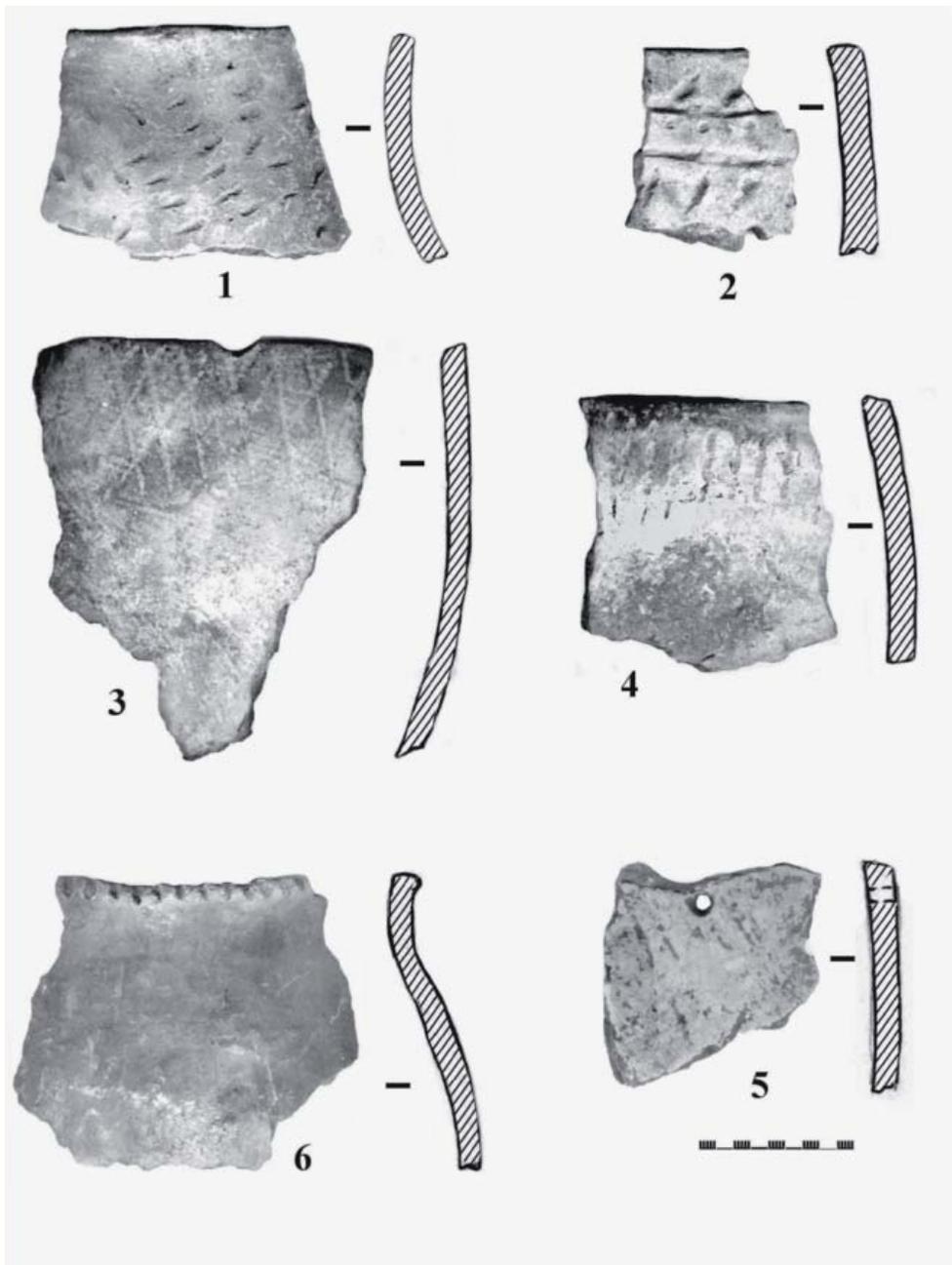

Рис. 12. Керамические материалы эпохи бронзы и раннего средневековья – подъемный материал с береговой полосы Архангельского поселения.
 Fig. 12. Ceramic materials of the Bronze Age and the Early Middle Ages: material lifted from the shoreline of the Arkhangelskoye settlement.

По вопросу использования руды и сырья в металлургии железа Волжской Булгарии существует редкий письменный источник – записки Ахмеда ибн Фадлана. Он сообщает, что тюрк Тегин, оказавший протекцию посольству болгарского царя при дворе багдадского халифа Муктадира, в свое время занимался торговлей железом со странами «неверных» (т.е. немусульман). А.П. Ковалевский полагал, что в данном случае речь идет о землях гузов (Ковалевский, 1956, с. 123). Но Ибн Фадлан также пишет, что Тегин бывал в Волжской Булгарии и раньше, вероятно, в связи с делами, связанными с торговлей металлом. Поэтому можно предположить, что Тегин имел своих торговых агентов на территории Волжской Булгарии, входившей до 922 года, по представлениям правоверных мусульман, в число «стран неверных». Возможно, что Тегин вел торговлю не просто железом, а качественной сталью. Т.А. Хлебникова и А.В. Королев (металлург по специальности) на основании результатов химических анализов болгарского металла пришли к интересному выводу о том, что кузнецы Волжской Булгарии могли использовать легированную сталь с повышенным содержанием никеля (Королев, Хлебникова, 1961). По их мнению, для получения этой легированной стали металлурги специально использовали никель, который мог поступать с Урала. Но нам все же кажется маловероятным, чтобы болгарские металлурги могли осознать легирующее влияние никеля на качество металла. Возможно, что в данном случае анализу были подвергнуты кузнечные изделия из метеоритного железа.

Итак, рассмотрев материалы археологических исследований памятников с территории Волго-Свияжского междуречья эпохи средневековья Ульяновской области, мы пришли к выводу о том, что этот микрорегион уже с древности являлся центром добычи металлургических руд для восстановления железа. Особенно интенсивное освоение рудных запасов на этой территории началось в эпоху раннего средневековья группами пришлого населения (позднескифской, киевской культур, а также населением сформировавшейся в Среднем Поволжье именьковской культуры). В дальнейшем, с конца VII в. и в VIII–IX вв., освоение железорудных месторождений в рассматриваемой зоне началось раннебулгарскими кочевниками, а впоследствии и населением Волжской Булгарии. Вполне возможно, что наличие многочисленных месторождений легкодоступных сидеритовых руд повлияло на столь плотное заселение данной территории. На относительно небольшой площади выявлено 7 городищ и множество поселений, в том числе основанных в домонгольский период истории Волжской Булгарии. Среди них присутствуют очень крупные городские центры, такие, как Староалейкинское городище (летописный Ошель?). Использовались ли рудные запасы изученного нами региона или же полученные из них горновые и товарные железные крицы кузнецами города Болгара? – на этот вопрос дать ответ без аналитических данных пока преждевременно. Нет также доказательств использования рудных запасов Волго-Свияжского междуречья болгарскими металлургами золотоордынского периода.

О торговых контактах городов Волжской Булгарии правобережья и левобережья Волги свидетельствуют археологические материалы. Все это дает основания для утвердительного ответа на поставленные вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батыр В.В., Трофимчук А.А.* Полезные ископаемые в Татарской республике и перспективы на их использование в связи с Камстромем. – Казань, 1932. – 192 с.
2. *Вязов Л.А., Багаутдинов Р. С., Нерушин И.А., Семькин Ю.А.* Исследования селища Новая Беденьга I в 2010 г. Новые материалы I тыс. н.э. с территории Ульяновского Поволжья // Исследования по средневековой археологии Евразии. – Казань, 2012. – С. 54–101.
3. *Ефимова А.М.* Metallургические горны в городе Болгаре // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Вып. XXXVIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 128–135.
4. *Ефимова А.М.* Черная металлургия города Болгара // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 61 / Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 292–315.
5. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. – Харьков: изд-во Харьков. гос.ун-та, 1956. – 348 с.
6. *Колчин Б.А.* Ремесло. Металлургия и металлообработка железа и стали // Древняя Русь. Город, замок, село. – М.: Наука, 1985. – С. 244–254.
7. *Королев А.В., Хлебникова Т.А.* К вопросу о черной металлургии у волжских болгар // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 80. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 159–168.
8. *Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. – Киев: Наукова думка, 1997. – 192 с.
9. *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 792 с.
10. *Семькин Ю.А.* Технология кузнечного производства Биляра // Биляр – столица домонгольской Булгарии. – Казань, 1991. – С. 79–108.
11. *Семькин Ю.А.* Черная металлообработка в Болгаре // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С. 88–153.
12. *Семькин Ю.А., Ворона А.А.* Находка древнего металлургического горна в Ульяновской области // Краеведческие записки. Итоги года 2002. – Ульяновск, 2004. – С. 97–106.
13. *Семькин Ю.А.* Черная металлургия и кузнечное дело // История татар в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань: изд-во РухИл, 2006. – С. 249–258.
14. *Смирнов А.П.* Волжские булгары / Труды Государственного исторического музея. – Вып. XIX. – М., 1951. – 275 с.
15. *Халиков А.Х.* Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976. – С. 64–74.
16. *Bielenin K.* Starożytnie górnictwo i hutnictwo żelaza w górach Świętokrzyskich. – Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1974, 278 p.

Информация об авторе:

Семыкин Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н.Ульянова (г. Ульяновск, Российская Федерация); semiku@mail.ru.

RAW MATERIAL SOURCES FOR IRON METALLURGY IN PREHISTORY AND MIDDLE AGES IN THE VOLGA-SVIYAGA INTERFLUVE AREA

Yu.A. Semykin

The article is dedicated to the study of raw material resources for iron metallurgy in Volga Bulgaria. The results of archaeological and geological surveys in the Volga-Sviyaga interfluve area are represented. The surveys have identified numerous medieval period sites with definitive remains of iron metallurgy based on local iron ore deposits. Our investigations have established concrete deposits of iron ores (siderite, wetland, meadow ones). The places of these ores extraction in the Early Iron Age and the Middle Ages have been identified.

The micro-region of the Volga-Sviyaga interfluve had been the center of iron ore extraction since ancient times. An exclusive density of settlements dating in the time span from the early 1st millennium A.D. to the late pre-Mongol period is observed. The most intensive development of the ore reserves in this territory was started in the Early Middle Ages by groups of alien Bulgarian population.

Keywords: archaeology, the Volga Bulgaria, the Volga-Sviyaga interfluve area, metallurgy of iron, siderite ores, marsh ores, meadow ores, fluxes, bloomery process of iron reduction.

REFERENCES

1. Batyr, V. V., Trofimchuk, A. A. 1932. *Poleznye iskopaemye v Tatarskoi respublike i perspektivy na ikh ispol'zovanie v svyazi s Kamstroem (Minerals in Tatar Republic and Prospects for Their Use in Connection with Kamstroy)*. Kazan (in Russian).
2. Viazov, L. A., Bagautdinov R. S., Nerushin, I. A., Semykin, Yu. A. 2012. In *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Evrazii (Studies in Medieval Archaeology of Eurasia)*. Kazan: "Shkola" Publ., 54–101 (in Russian).
3. Efimova, A. M. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture)* XXXVIII. Moscow: Izd-vo Academy of Sciences of the USSR, 128–135 (in Russian).
4. Efimova, A. M. 1958. In *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* II. Materials and Research in Archaeology 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 292–315 (in Russian).
5. Kovalevskii, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921—922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921-922)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).
6. Kolchin, B. A. 1985. In *Drevniia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Russia. Town, Castle, Village)*. Archaeology of the USSR 15. Moscow: "Nauka" Publ., 244–254 (in Russian).
7. Korolev, A. V., Khlebnikova, T. A. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research on the USSR Archaeology)* 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 159–168 (in Russian).

8. Motsya, A. P., Khalikov, A. Kh. 1997. *Bulgar-Kiev. Puti, sviazi, sud'by* (Bulgar-Kiev. Ways, Connections, Destinies). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
9. Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo drevnei Rusi* (Crafts of Old Russia). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
10. Semykin, Yu. A. 1991. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Biliar – stolitsa domongol'skoi Bulgarii* (Bilyar, a Capital of Pre-Mongolian Bulgaria). Kazan: Language, Literature and History Institute, Kazan Scientific Center, Academy of Sciences of the USSR, 79–108 (in Russian).
11. Semykin, Yu. A. 1996. In *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov* (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders). Kazan: Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan, 88–153 (in Russian).
12. Semykin, Yu. A., Vorona, A. A. 2004. In *Kraevedcheskie zapiski. Itogi goda 2002* (Local Lore Notes. Results of 2002). Ulyanovsk, 97–106 (in Russian).
13. Semykin, Yu. A. 2006. In *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v 7-mi tt. T. II. Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step'* (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes. Vol. II. Volga Bulgaria and Great Steppe). Kazan: "RukhIL" Publ., 249–258 (in Russian).
14. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary* (Volga Bulgars). Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
15. Khalikov, A. Kh. 1976. In *Issledovaniia Velikogo goroda* (Studies of the Great City). Moscow: "Nauka" Publ., 64–74 (in Russian).
16. Bielenin, K. 1974. *Starozytne gornictwo i hutnictwo zelaza w gorach Swietokrzyskich*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

About the Author:

Semykin Yuriy A. Candidate of Historical Sciences. Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. Ulyanov. Pl. 100th Anniversary of the birth of Vladimir Lenina, 4, Ulyanovsk, 432071, Russian Federation; semiku@mail.ru

УДК 902

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗАРЕЧЕНСКОГО I СЕЛИЩА В 2013–2014 ГГ.

© 2015 г. В.А. Винничек, К.М. Киреева

Представлены результаты исследования Зареченского I селища (территория г. Заречный, Пензенская область РФ) в 2013 и 2014 годах. На поселении были обнаружены предметы быта, ремесла, вооружения, а также украшения и элементы одежды. Авторы датируют памятник VIII – началом XI вв. и приходят к выводу, что данное селище было оставлено мордвой. Значительный интерес представляют находки, связанные с первыми торговыми контактами местного населения с волжскими булгарами на рубеже X–XI вв. В результате болгарской экспансии в начале XI в. часть местной мордвы вынуждена была покинуть Верхнее Посурье и уйти в Примокшанье. Оставшаяся часть мордовского населения принимала участие в строительстве болгарских крепостей и замков, занималась ремеслами и земледелием под началом болгарских наместников.

Ключевые слова: археология, Верхнее Посурье, Зареченское I селище, мордва, волжские булгары, торговые связи.

Зареченское I селище было обнаружено на территории г. Заречного в 2013 г. в ходе археологических разведок. Поселение находится в лесном массиве на юго-восточной окраине города, в непосредственной близости от жилых и строящихся домов. На территории памятника для определения его границ были заложены шурфы, с помощью которых удалось выяснить, что мощность культурных наслоений поселения – около 12 тыс. кв. м. (Винничек, 2013).

В связи с планированием строительства жилых домов на территории Зареченского I селища, на площадке памятника в 2014 г. были проведены охранные археологические раскопки. Основной целью спасательных мероприятий было исследование площади, предназначенной для хозяйственного освоения, с этой целью были заложены два раскопа общей площадью 244

кв. м и три шурфа размером 2 x 2 м (Винничек, Сафронов, 2014).

В результате археологических исследований на поселении были найдены интересные материалы, представленные предметами быта, ремесла, вооружения, элементами одежды и украшениями.

Глиняная посуда, обнаруженная на Зареченском I селище, дифференцируется на лепную и круговую, при этом лепная посуда составляет основную часть керамики.

Вся лепная посуда представлена коричневым, бурым, серым и оранжевым цветами (Винничек, Сафронов, 2014, табл. 1: 3, 4, 6), а по составу теста подразделяется на керамику с примесями песка, песка и дресвы, песка, дресвы и шамота (Винничек, Сафронов, 2014, табл. 2: 5).

Лепная посуда по формам подразделяется на горшки, банки, миски и сковороды. Сосудов баночной формы

крайне мало, а фрагментов сковород обнаружено всего три экземпляра (рис. 6: 17, рис. 7: 13, 14). Среди посуды горшковидной формы имеются как слабопрофилированные (рис. 5: 3, 6; 6: 4–7, 10, 13–15; 7: 2), так и с сильным изгибом боковины (рис. 5: 4, 5, 7, 8; 6: 8, 12; 7: 1, 3–10, 12, 15), вплоть до острореберной керамики. Встречаются горшки с раструбовидной горловиной и выраженными плечиками в верхней части тулова.

Наряду с крупными горшковидными сосудами (корчагами) найдена посуда малых размеров. Интерес представляют фрагменты двух керамических днищ, в которых имеются сквозные отверстия (рис. 5: 1, 2). Такая посуда находит аналогии в материалах Старобадиковского поселения и, по мнению И.М. Петербургского, она использовалась в качестве цедилок (Петербургский, 1988, с. 4).

Среди всех обнаруженных на поселении фрагментов керамики один венчик украшен по внешнему краю насечками (рис. 7: 12). Такая посуда встречается в материалах мордовских средневековых памятников (Петербургский, 1988, с. 14, табл. IV, с. 16–17, табл. VI, VII).

Два фрагмента венчиков украшены овальными вдавлениями (рис. 4: 12, 13). Подобное оформление края венчиков довольно часто встречается на сосудах VIII–IX вв. населения Самарской Луки (Матвеева, 2003, с. 105), имеется оно также на посуде среднецнинской мордвы VIII–XI вв. (Гришаков, 1993, с. 38–45).

Кроме того, встречены фрагменты венчиков со сквозными отверстиями (рис. 5: 3; 7: 2, 4, 11). Ранее такая посуда была обнаружена на расположен-

ном поблизости Зареченском селище (Белорыбкин, 2001, с. 64, рис. 13: 5).

В целом лепная посуда Зареченского I селища находит аналогии среди материалов памятников мордвы VIII–XI вв. (Гришаков, 1990).

Фрагменты круговой посуды имеют красный, серо-бурый и темно-серый цвета. Некоторые фрагменты стенок красноглиняной керамики украшены рифлением (рис. 4: 1, 3, 5, 6, 9, 11).

Серо-бурая и темно-серая гончарная посуда представлена фрагментами стенок и венчиков с линейным орнаментом, иногда в сочетании с волнистым (рис. 4: 2, 4, 7, 8, 10). В качестве примесей наряду с песком, как в красной гончарной посуде, использован мелкий шамот.

По классификации Т.А. Хлебниковой, посуда с рифлением, а также с линейным орнаментом и «размашистой волной» относится к группе III, имеет истоки в салтово-маяцкой культуре и датируется X–XI вв. (Хлебникова, 1988, с. 17–21, рис. 4).

Следует отметить, что сосуд с рифлением был чрезвычайно больших размеров. На одном из его фрагментов сохранился след от массивной ручки (рис. 4: 5). К сожалению, реконструировать форму этого изделия не представляется возможным. Вероятно, оно аналогично сосуду, обнаруженному на Старобадиковском поселении (Петербургский, 1988, с. 4–5, с. 18, табл. VIII, 1).

Кроме посуды, на Зареченском I селище были обнаружены такие предметы из глины, как пряслица, льячки и фрагмент тигля.

Пряслица представлены в основном овальной и усеченнобиконической формами (рис. 1: 13, 15, 19, 20,

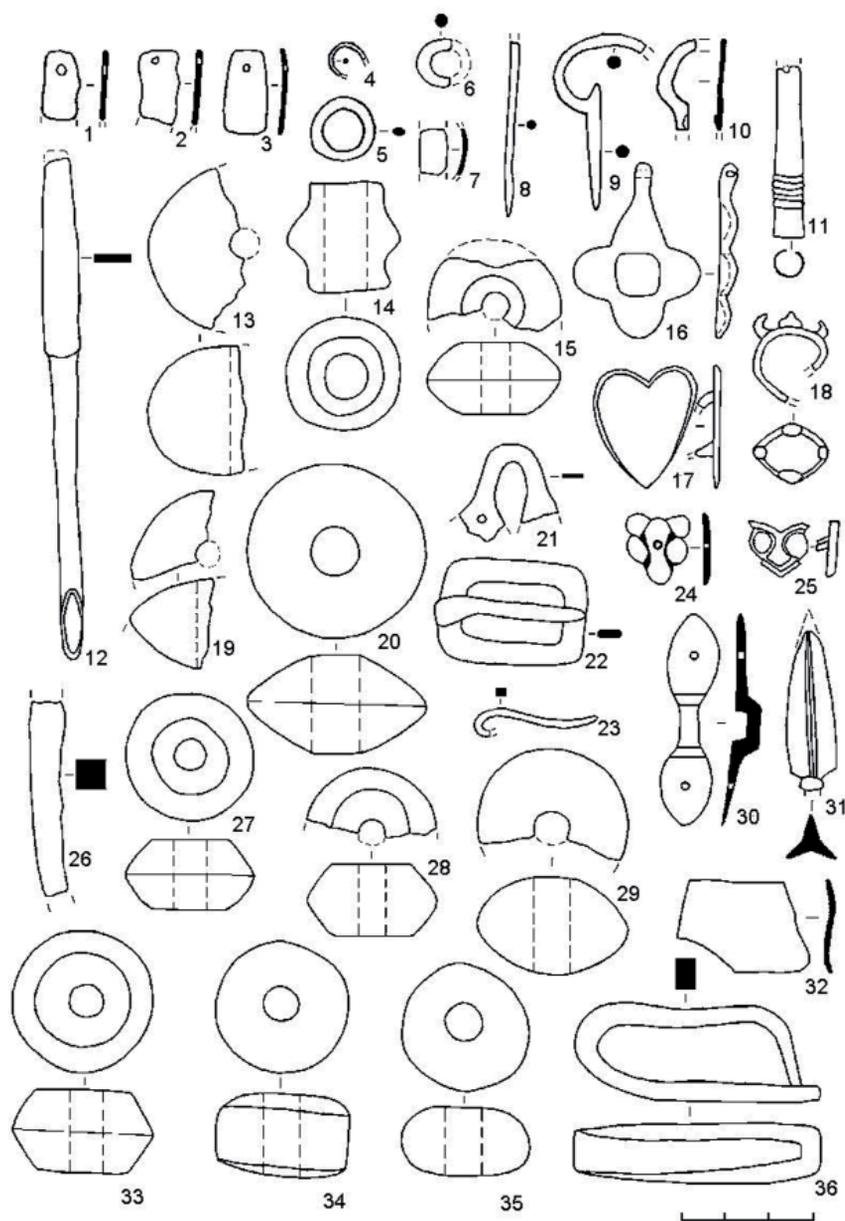

Рис. 1. Зареченское 1 селище. 1-3, 7-11, 16-18, 24-26, 32 – бронза; 4-6, 12, 21-23, 30-31, 36 – железо; 13-15, 19, 20, 27-29, 33-35 – глина.

Fig. 1. Zarechenskoe 1 settlement site. 1-3, 7-11, 16-18, 24-26, 32 – bronze; 4-6, 12, 21-23, 30-31, 36 – iron; 13-15, 19, 20, 27-29, 33-35 – clay.

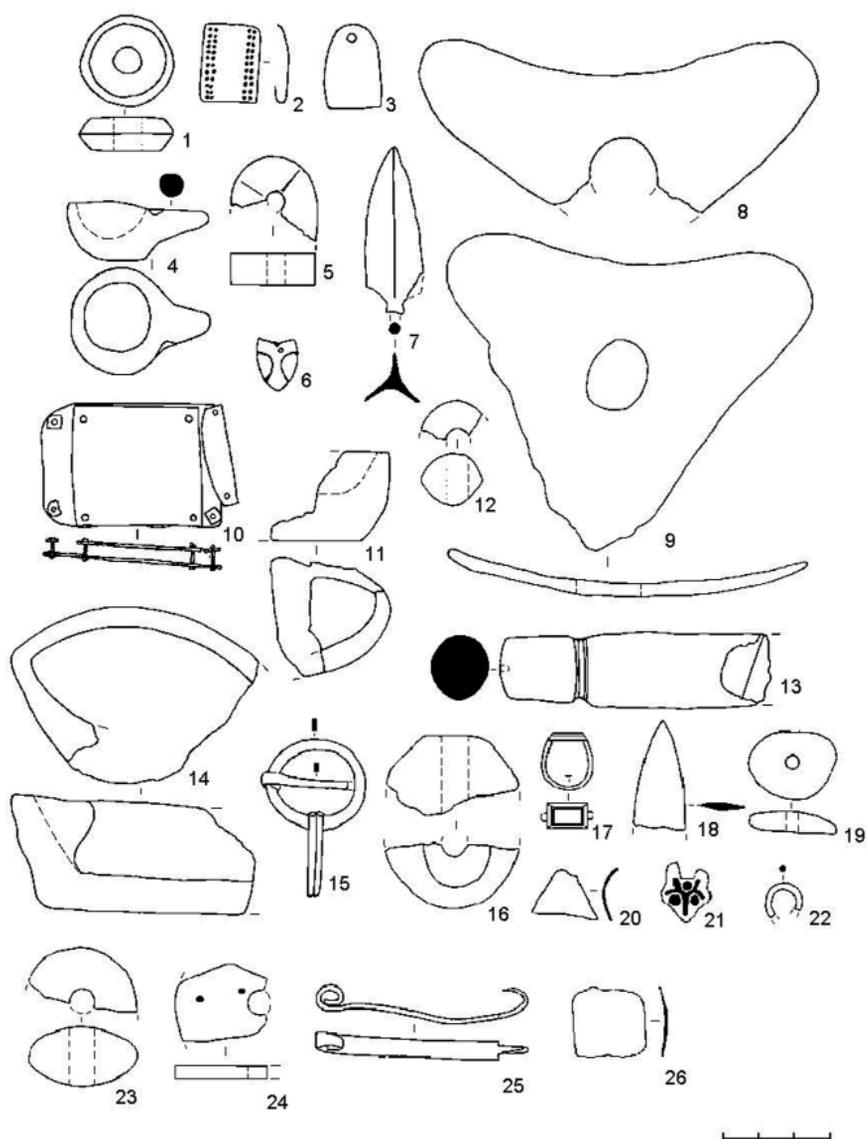

Рис. 3. Зареченское 1 селище. 1, 4, 5, 11, 12, 14, 16, 23, 24 – глина; 2, 3, 6, 10, 15, 17, 20, 21, 26 – бронза; 7, 18, 22, 25 – железо; 8, 9, 13 – рог; 19 – свинцово-оловянный сплав.

Fig. 3. Zarechenskoe 1 settlement site 1, 4, 5, 11, 12, 14, 16, 23, 24 – clay; 2, 3, 6, 10, 15, 17, 20, 21, 26 – bronze; 7, 18, 22, 25 – iron; 8, 9, 13 – horn; 19 – lead and tin alloy.

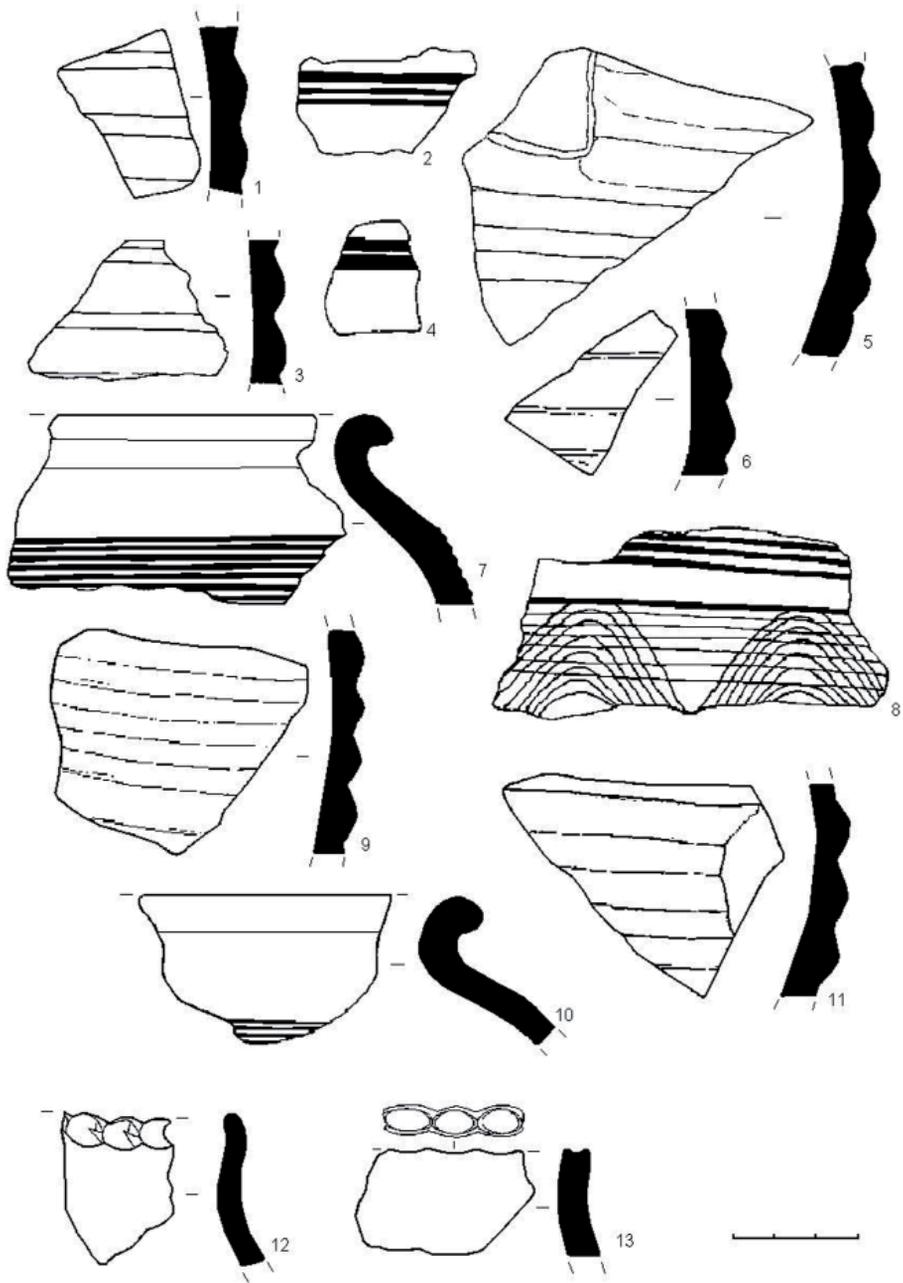

Рис. 4. Зареченское 1 селище. Все – глина.
 Fig. 4. Zarechenskoe 1 settlement site. Clay only.

27–29, 33–35; 2: 3, 4, 17, 21–23; 3: 1, 12, 16, 23). Однако среди них выделяется изделие с высоким туловом и выраженным ребром в средней части (рис. 1: 14), которое находит аналогии в материалах памятников латгалов (Финно-угры и балты, 1987, с. 429, табл. СХ, 21, 22). Кроме того, на поселении обнаружен фрагмент пряслица, изготовленной из стенки сосуда, орнаментированной круглыми выемками (рис. 3: 24).

Тигель (рис. 2: 19) и льячки (рис. 2: 20, 28; 3: 4, 11, 14) близки по формам изделиям из памятников средневековой мордвы (Петербургский, 1988, с. 5). В непосредственной близости от места обнаружения льячек и фрагмента тигля были найдены куски медных шлаков, застывшие выплески меди, обрезки медных пластин (рис. 1: 7, 32; 2: 6), что свидетельствует о занятии местного населения меднолитейным производством.

Интерес представляет также фрагмент изделия из глины с отверстием, восстановить форму которого не представляется возможным. На поверхности этого изделия имеются прямолинейные лучи, исходящие от центра к краю поделки (рис. 3: 5).

Наряду с глиняными изделиями на поселении были найдены предметы из металлов и кости. Среди металлических находок выделяются бытовые предметы, орудия труда, украшения и элементы одежды, предметы вооружения и элементы доспеха. К бытовым предметам относятся ножи, кресало, петля от котла.

Ножи (рис. 2: 1, 13, 16, 29, 31) имеют широкие хронологические и территориальные границы бытования.

Кресало с рамчатой рукоятью (рис. 1: 36) находит аналогии в по-

гребении 43 могильника Стексово II (мордва) (Мартьянов, 2001, с. 106, табл. 62, Б-4) и в материалах Чулковского могильника (мурома) и датируется второй половиной IX – началом XI в. (Гришаков, 1988, с. 75, с. 92, табл. VI, 7).

Петля от котла изготовлена из железа (рис. 1: 21). Котелки с подобными петлями в Поволжье появились в середине VIII в. и бытовали на протяжении всего средневековья (Руденко, 2000, с. 41–43).

Из орудий труда на поселении обнаружено перовое сверло (рис. 1: 12). Оно обладает уплощенным черешком, который перпендикулярно вставлялся в прорезь деревянной или костяной ручки. Такие сверла появились на Руси в X в., имеются в материалах Волжской Булгарии предмонгольского времени (Колчин, 1959, с. 38; Казаков, 1991, с. 49).

Украшения и элементы одежды представлены трубчатыми и трапециевидными привесками, крестовидной и треугольной подвесками, перстнями, сюлгами, одежными крючками, ременными накладками, обоймами и пряжками.

Крестовидная подвеска (рис. 1: 16), трубчатая (рис. 1: 11) и трапециевидные (рис. 1: 1–3; 2: 24; 3: 3) привески находят аналогии в материалах мордовских могильников VIII–XI вв. на Средней Цне (Материальная культура, 1969, с. 100, табл. 12: 7; с. 101, табл. 13: 4; с. 105, табл. 15: 4; с. 107, табл. 16: 2; с. 125, табл. 26: 14, 15; с. 165, табл. 46: 7; с. 95, табл. 10: 4; с. 99, табл. 12: 10; с. 131, табл. 29: 2). В Верхнем Посурье подобные украшения были обнаружены ранее на Васильевском селище VIII – начала XI в. (Винничек, Сафронов, 2004,

с. 79, рис. 2: 1–5, 7–9, 33) и Чемадановском селище VIII – начала XIII в. (Винничек, 2001, с. 116, рис. 3: 14–19, 23, 24). Следует отметить, что трапециевидные шумящие привески были распространены очень широко не только у финно-угров, но и у славян (Гавритухин, 1997, с. 53, рис. 1).

Треугольная подвеска (рис. 2: 14) является частью шумящего украшения обуви. Аналогии таким предметам известны из погребальных памятников мордвы VIII–XI вв. (Материальная культура, 1969, с. 103, табл. 14: 14; с. 161, табл. 44: 4).

Перстни (3 экз.) изготовлены из бронзы. Один из них имеет прямоугольный щиток со стеклянной вставкой (рис. 3: 17). Подобный перстень ранее был обнаружен в Верхнем Посурье на Васильевском селище VIII – начала XI в. (Винничек, Сафронов, 2004, с. 78, рис. 1: 40). Другой перстень литой с ромбовидным щитком, по углам которого имеются выступы для фиксации вставки (рис. 1: 18), имеет широкие аналогии в Восточной Европе. Подобные украшения известны из материалов таких могильников, как Мандровский (Белгородская область, IX в., см.: Винников, Сарапулкин, 2001, рис. 6: 18), Рождественский (Прикамье, вторая половина X – первая треть XI в., см.: Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997, рис. 8: 11), Больше-Тиганский (Волго-Камье, IX–X вв., см.: Валиулина, Храмченкова, 2001, рис. I, 43). Аналогичный перстень зафиксирован в погребении 13 Пановского могильника мордвы VIII–XI вв. (Материальная культура, 1969, с. 80, табл. 3: 6).

Фрагмент литого бронзового перстня с овальным щитком (рис. 2: 27) имеет аналогии в материалах сред-

нецнинской мордвы VIII–XI вв. (Материалы по истории мордвы VIII–XI вв., 1952, с. 206, табл. XXII, 4) и Древней Руси (Равдина, 1988, с. 17, табл. X, 22). Подобный перстень ранее был найден на Васильевском селище VIII – начала XI в. (Винничек, Сафронов, 2004, с. 43, рис. 1: 36).

«Усатые» литые сюлгамы (рис. 1: 9; 2: 18) по материалам мордовских могильников датируются второй половиной VIII–IX в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 59, рис. 80: 5). Кроме того, был найден «ус» от подобной литой сюлгамы (рис. 1: 8).

Бронзовая кованная сюлгама с завернутыми в трубочку концами (рис. 1: 10; 3: 15) имеет аналогии в мордовских памятниках и датируется X–XI вв. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, рис. 78: 5).

Зооморфные ременные накладки (рис. 1: 24, 25; 2: 11; 3: 6, 21) имеют аналогии в Волжской Булгарии X–XI вв. (Казаков, 1991, рис. 44: 61–72; Казаков, 2001, рис. 7: 12–15, 19; Руденко, 2000 а, рис. 9: 21; 18: 21–23).

Одна из найденных ременных накладок имеет сердцевидную форму, без орнамента (рис. 1: 17). Такие изделия появились в Поволжье и Прикамье в VIII в. и были широко распространены благодаря контактам местного финно-угорского населения с тюрками (Ковалевская, 2000, с. 149). Бытовали такие бляшки до XI в. Они имеются в материалах Больше-Тиганского могильника (IX–X вв., Валиулина, Храмченкова, 2001, с. 277, рис. 1: 22), Рождественского могильника (X–XI вв., Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997, с. 111, с. 120, рис. 9: 1), Измерского I селища (Казаков, 2000, с. 92, рис. 3: 31, 33).

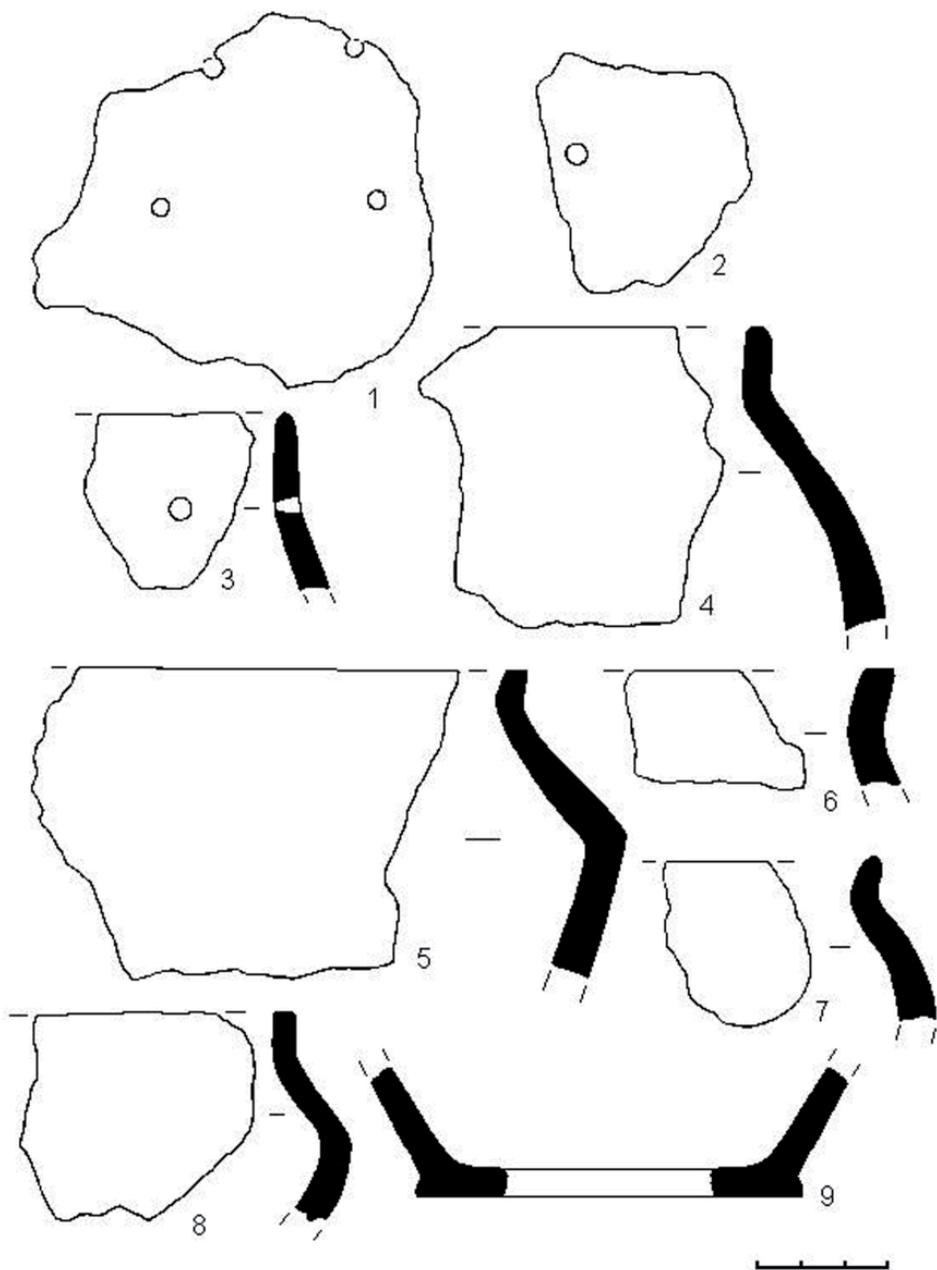

Рис. 5. Зареченское 1 селище. Все – глина.
Fig. 5. Zarechenskoe 1 settlement site. Clay only.

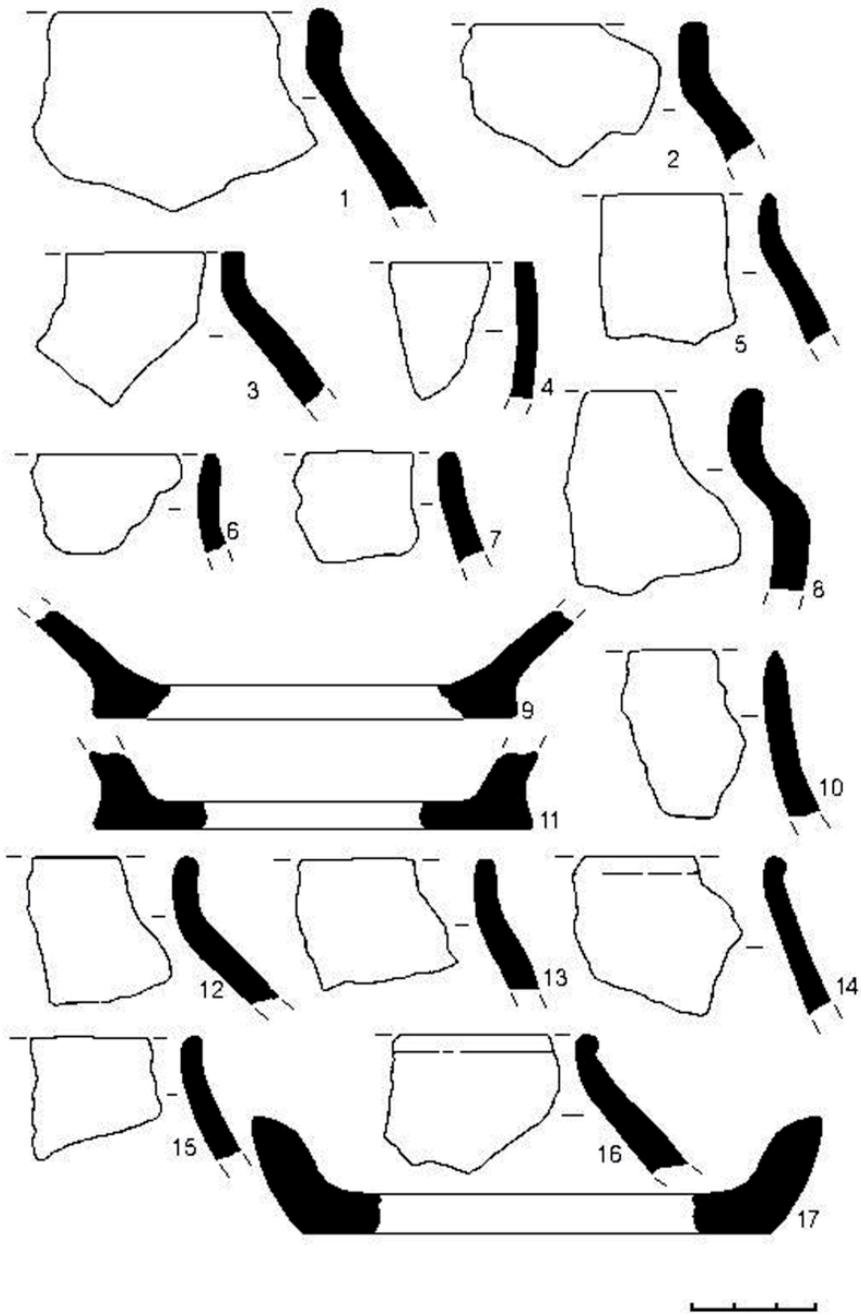

Рис. 6. Зареченское 1 селище. Все – глина.
Fig. 6. Zarechenskoe 1 settlement site. Clay only.

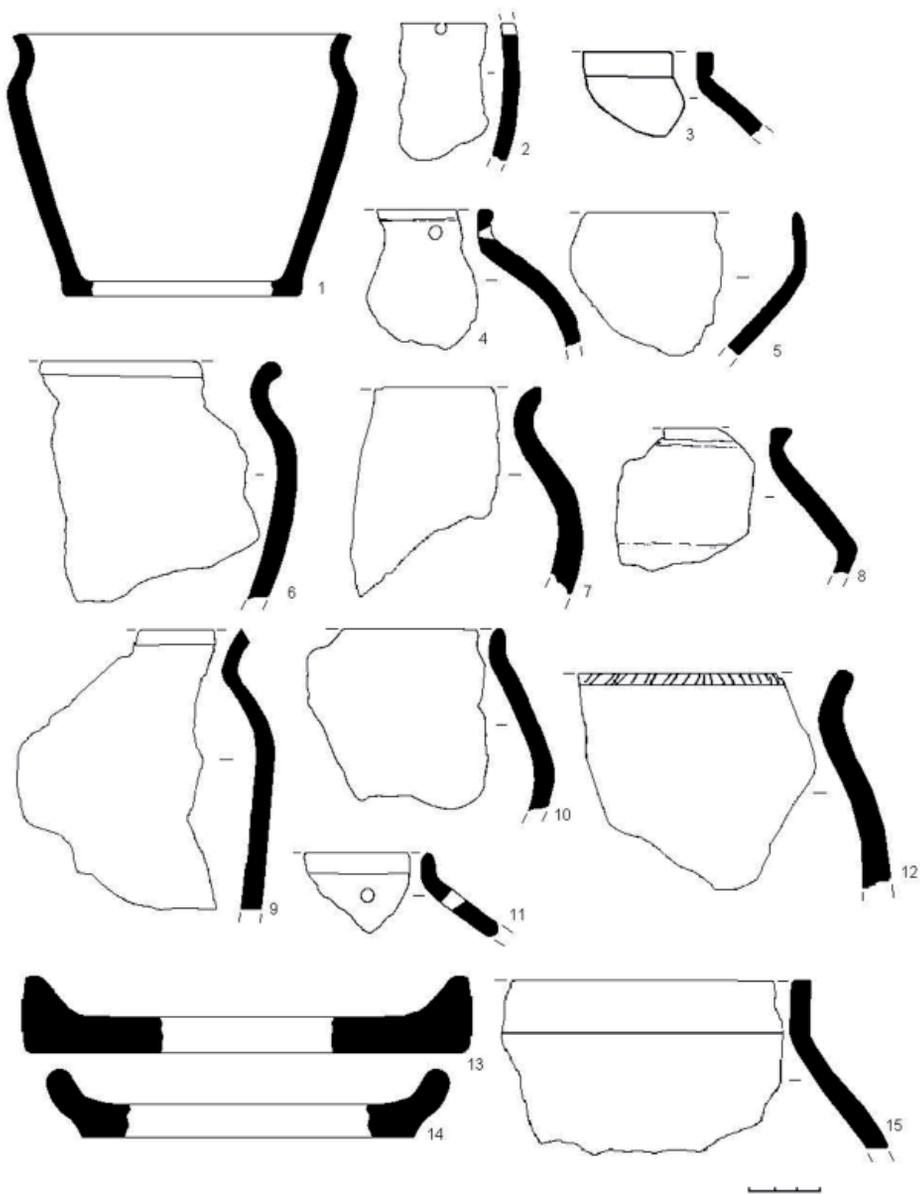

Рис. 7. Зареченское 1 селище. Все – глина.
Fig. 7. Zarechenskoe 1 settlement site. Clay only.

Ременная накладка квадратной формы с прямоугольной прорезью (рис. 2: 12) имеет аналогии, но с пятиугольным вырезом, в материалах Мурзихинского селища XI–XIV вв. (Казаков, Руденко, Беговатов, 1993, с. 57, рис. 8: 48), хотя такие изделия отмечены в среднеазиатских древностях второй половины VIII в. (Овчинникова, 2000, с. 21, рис. 5, Б-2). Квадратные накладки с прорезью известны и с Золотаревского поселения (Винничек, 2003, с. 368).

Бронзовая ременная накладка арочной формы с петлей (рис. 2: 26), судя по орнаменту (трилистники), имеет истоки в салтово-маяцкой культуре и датируется VIII–IX вв. (Ковалевская, 2000, с. 172, рис. XXI, 15, 28, 29; с. 352–353). Подобная накладка ранее была обнаружена в Верхнем Посурье на Ахунском селище VIII – начала XI в. (Винничек, 2003, с. 368, 370, рис. 1: 113).

Ременные обоймы из тонкой бронзовой пластины, орнаментированные сведенными рядами выпуклин по краям (рис. 2: 7; 3: 2), находят аналогии среди материалов мордовских могильников VIII–XI вв. (Материальная культура, 1969, с. 105, табл. 15: 3). Известны они и из поселенческих памятников VIII – начала XI в. Верхнего Посурья (Винничек, Сафронов, 2004, с. 81, рис. 4: 18; Винничек, Яньков, 2001, с. 30, рис. 1: 6).

Ременные пряжки представлены тремя экземплярами. Одна из них имеет прямоугольную форму и выполнена из железа (рис. 1: 22). Вторая – бронзовая, полукруглая, с двумя треугольными выемками на язычке (рис. 2: 15). Третья пряжка изготовлена из железа и, судя по фрагменту рамки, имела округлую форму (рис. 2:

30). Кроме того, на поселении найдены язычки от пряжек (рис. 1: 23; 2: 5). Такие предметы были широко распространены по всей Восточной Европе в эпоху средневековья.

Одежные крючки изготовлены как из железа, так и из бронзы (рис. 2: 2, 8, 10, 25; 3: 25). Бронзовый крючок орнаментирован с внешней стороны по краям насечками (рис. 2: 25). Такие предметы известны из материалов мордовских памятников VIII – первой половины X в. (Петербургский, 1979, с. 91, рис. 16: 18).

Интерес представляет находка свинцово-оловянной слитка лепешковидной формы со сквозным отверстием в центре, которое, по видимому, пробито для ношения его на шнуре или нити (рис. 3: 19). Подобные слитки с отверстиями ранее были обнаружены в Верхнем Посурье на Чемодановском селище VIII – начала XIII в., Канаевском селище XI – начала XIII в., Васильевском селище VIII – начала XI в., на селищах Васьянсад (VIII – начало XI в.) и Круталатка I (VIII – начало XIII в.) (Винничек, Киреева, 2012, с. 23–24, рис. 4: 6, 9–11, 16, 44, 46).

Предметы вооружения и элементы доспеха представлены фрагментированными наконечниками стрел, кольчужными кольцами и колчанной петлей.

Трехлопастные наконечники стрел (рис. 1: 31; 3: 7) были распространены по всей Восточной Европе, вышли из употребления в X в. (Медведев, 1966, с. 59; Культура Биляра, 1985, с. 145). Кроме того, на поселении был обнаружен фрагмент наконечника стрелы, восстановить форму которого не представляется возможным (рис. 3: 18).

Кольчужные кольца представлены как целыми (рис. 1: 5), так и фрагментированными изделиями (рис. 1: 4, 6; 3: 22). Колчанная петля выполнена из железа (рис. 1: 30) и находит аналогии в материалах Волжской Булгарии X–XIII вв. (Казаков, 1991, с. 94, рис. 34: 46–48). Среди материалов селища имеется железный гвоздь от подковы (рис. 2: 32).

Изделия из кости с Зареченского I селища представлены заготовкой ручки (рис. 3: 13), плоскими предметами подтреугольной формы с вогнутыми сторонами, скругленными углами и округлым сквозным отверстием в центре (рис. 3: 8, 9). Функциональное назначение их не известно. На площадке поселения был обнаружен лосиный рог со следами обработки (Винничек, Сафронов, 2014, илл. 66: 1). Все это указывает на занятие местного населения косторезным делом.

Кроме того, на поселении были обнаружены две бронзовые пластины, соединенные заклепками (рис. 3: 10). Возможно, они использовались для скрепления кожаных элементов, например, для ремонта сумки.

Таким образом, материалы Зареченского I селища позволяют его отнести к памятникам, оставленным мордвой, и датировать VIII – началом XI в. Круговая посуда, обнаруженная на селище, является привозной и ее, по-видимому, следует относить к производству болгарских гончаров. Ее появление на памятнике необходимо связывать с первыми торговыми контактами местной мордвы с болгарскими торговцами.

В начале XI в., по нашему мнению, часть местного населения вынуждена была уйти от болгарской военной экспансии в Верхнее Примокшанье (Винничек, Киреева, 2012, с. 41). Такая же судьба постигла и близлежащие поселения – селища Овраг Чемодан, Зареченское и Ахунское.

Оставшаяся в Верхнем Посурье мордва участвовала в строительстве болгарских крепостей и замков, занималась ремеслом и земледелием под началом болгарских наместников вплоть до монгольского нашествия в начале XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорыбкин Г.Н. Археологические исследования на территории города Заречный в 1999 году // Археология Поволжья. – Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. – С. 46–66.
2. Валиулина С.И., Храмченкова Р.Х. Химический состав изделий из цветного металла Больше-Тиганского могильника // Древние ремесленники Приуралья. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – С. 264–279.
3. Винников А.З., Сарпулкин З.А. Раннесредневековый грунтовый могильник у с. Мандрово // Средневековые древности евразийских степей. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2001. – С. 55–65.
4. Винничек В.А. Материалы средневековых памятников Верхнего Посурья и Примокшанья // Археология Поволжья. – Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. – С. 97–128.

5. *Винничек В.А.* Ременные накладки из цветных металлов с верхнесурских средневековых поселений // Археология восточноевропейской лесостепи. – Пенза: Изд-во ПГПУ, 2003. – С. 352–375.

6. *Винничек В.А.* Отчет об археологических разведках в 2013 г. на территории г. Заречного Пензенской области. – Заречный, 2013 / Архив Института археологии РАН.

7. *Винничек В.А., Киреева К.М.* Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI – XIV вв. – Пенза: Изд-во ПИРО, 2012. – 149 с.

8. *Винничек В.А., Сафронов П.И.* Васильевское селище // Записки краеведов. – Пенза: Изд-во МВЦ, 2004. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 39–87.

9. *Винничек В.А., Сафронов П.И.* Отчет об охранных археологических исследованиях на Зареченском 1 селище в г. Заречный Пензенской области в 2014 году. – Заречный, 2014 / Архив Института археологии РАН.

10. *Винничек В.А., Яньков В.В.* Ахунское селище // Археология Поволжья. – Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. – С. 24–33.

11. *Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. – Саранск: Изд-во МорГУ им. Н.П. Огарева, 2008. – 352 с.

12. *Гавритухин И.О.* Маленькие трапецевидные подвески с полоской из пресованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск: Изд-во НАНБ ИГ, 1997. – № 12. – С. 43–58.

13. *Гришаков В.В.* К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1988. – С. 71–103.

14. *Гришаков В.В.* Керамика среднецентинской мордвы // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1990. – С. 32–46.

15. *Гришаков В.В.* Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1993. – 196 с.

16. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань: Татарское книжное издательство, 1991. – 176 с.

17. *Казаков Е.П.* Измери – главный торговый пункт Волжской Булгарии (конец X – XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного научного симпозиума. – СПб: ИПК «Вести», 2000. – С. 87–99.

18. *Казаков Е.П.* Работы раннеболгарской экспедиции в 2000 году // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – С. 61–63.

19. *Казаков Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А.* Мурзихинское селище // Древние памятники приустьевоего Закамья. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1993. – С. 42–66.

20. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. – М.: АН СССР, 1959. – № 65. – Т.2. – С. 7–120.

21. *Крыласова Н.Б., Бочаров И.В., Бочарова Е.О.* Некрополь Рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. – Вып. 1. – С. 101–124.

22. Культура Биляра. – М.: Наука, 1985. – 216 с.

23. *Мартьянов В.Н.* Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. – Арзамас: АГПИ, 2001. – 322 с.

24. *Матвеева Г.И.* Поселения VIII – IX вв. в Среднем Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань: РИЦ «Школа», 2003. – С. 107–117.

25. Материалы по истории мордвы VIII – XI вв. – Моршанск: Моршанский краеведческий музей, 1952. – 232 с.

26. Материальная культура среднецнинской мордвы VIII — XI вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы) // Археологический сборник. – Т. III. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969. – 176 с.

27. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел // САИ. – М.: Наука, 1966. – Вып. Е1-36. – 184 с.

28. *Овчинникова Б.Б.* Культурные трансляции в центрально-азиатском регионе расселения древних тюрков в I тысячелетии нашей эры // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. – Казань: ГОМ РТ, 2000. – С. 7–29.

29. *Петербургский И.М.* Второй Журавкинский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1979. – С. 57–102.

30. *Петербургский И.М.* Старобадиковское поселение // Материалы по археологии Мордовии. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1988. – С. 3–22.

31. *Равдина Т.В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. – М.: Наука, 1988. – 152 с.

32. *Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. – Казань: Репер, 2000. – 154 с.

33. *Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // ТА. – 2000а. – №1–2 (6–7). – С. 42–102.

34. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья // Археология СССР. – М.: Наука, 1987. – 512 с.

35. *Хлебникова Т.А.* Неполивленная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 103–150.

Информация об авторах:

Винничек Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, научный консультант, Музейно-выставочный центр (г. Заречный, Пензенская область, Российская Федерация); vinnichekvladimir@mail.ru

Киреева Карина Михайловна, кандидат исторических наук, главный хранитель, Музейно-выставочный центр (г. Заречный, Пензенская область, Российская Федерация); kire-karina@yandex.ru

RESULTS OF THE ARCHEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF SETTLEMENT ZARECHENSKOE 1 IN 2013–2014

V.A. Vinnichek, K.M. Kireeva

The results of the archeological investigations of the Zarechenskoe 1 settlement site (territory of Zarechnyi town, Penza oblast, Russian Federation) in 2013 and 2014 are represented in the article. Household items, subjects of craft, weapons, jewelry and clothing elements were discovered at the site. The authors date the resource by the 8th – early 11th centuries and conclude that the settlement was abandoned by the Mordva people. The finds

directly associated with the first trading contacts of the native population and the Volga Bulgars at the turn of the 10th–11th centuries are of considerable interest. These contacts are dating back to. As a result of Bulgar expansion in the early 11th century, a part of the native Mordva population was forced to leave the Upper Sura area and settle the Moksha River area. The rest of the Mordva population took part in the construction of the Bulgar fortresses and castles, and were engaged in crafts and agriculture under the governance of Bulgar landchiefs.

Keywords: archaeology, Upper Sura region, Zarechenskoe 1 unfortified settlement site, the Mordva, the Volga Bulgars, trade contacts.

REFERENCES

1. Belorybkin, G. N. 2001. In *Arkheologiya Povolzh'ia (Archaeology of the Volga Region)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 46–66 (in Russian).
2. Valiulina, S. I., Khramchenkova, R. Kh. 2001. In *Drevnie remeslenniki Priural'ia (Ancient Craftsmen of the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 264–279 (in Russian).
3. Vinnikov, A. Z., Sarapulkin, Z. A. 2001. In *Srednevekovye drevnosti evraziiskikh stepei (Medieval Antiquities from the Eurasian Steppes)*. Voronezh: Voronezh State University, 55–65 (in Russian).
4. Vinnichek, V. A. 2001. In *Arkheologiya Povolzh'ia (Archaeology of the Volga Region)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 97–128 (in Russian).
5. Vinnichek, V. A. 2003. In *Arkheologiya vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 352–375 (in Russian).
6. Vinnichek, V. A. 2013. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v 2013 g. na territorii g. Zarechnogo Penzenskoi oblasti (Report on Archaeological Investigations on the Territory of the Zarechny Town in the Penza Region in 2013)*. Zarechny: Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
7. Vinnichek, V. A., Kireeva, K. M. 2012. *Torgovlia v Verkhnem Posur'e i Primokshan'e v XI – XIV vv. (Trade in the Upper Sura and Moksha Region in the 11th – 14th Centuries)*. Penza: Penza Institute of the Development of Education (in Russian).
8. Vinnichek, V. A., Safronov, P. I. 2004. In *Zapiski kraevedov (Notes of the Local Historians)* 2 (1). Penza: Museum-Exhibition Centre Publ., 39–87 (in Russian).
9. Vinnichek, V. A., Safronov, P. I. 2014. *Otchet ob ohrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh na Zarechenskom 1 selishche v g. Zarechnyi Penzenskoi oblasti v 2014 godu (Report on Protective Archeological Investigations at the Zarechenskoe 1 Settlement in the Zarechny Town in the Penza Region in 2014)*. Zarechny: Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
10. Vinnichek, V. A., Ian'kov, V. V. 2001. In *Arkheologiya Povolzh'ia (Archaeology of the Volga Region)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 24–33 (in Russian).

11. Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiia mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia* (Chronology of the Burial Grounds of 1st — 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region). Saransk: N. P. Ogarev Mordovian State University (in Russian).
12. Gavritukhin, I. O. 1997. In *Historychna-arkhealahichny zbornik* (Historical-Archaeological Collected Works) 12. Minsk: National Academy of sciences of Belarus, History Institute, 43–58 (in Russian).
13. Grishakov, V. V. 1988. In *Materialy po arkheologii Mordovii* (Materials for the Archaeology of Mordovia). Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 71–103 (in Russian).
14. Grishakov, V. V. 1990. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ia* (Medieval Sites of the Oka and Sura Interfluve Area). Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 32–46 (in Russian).
15. Grishakov, V. V. 1993. *Keramika finno-ugorskikh plemen pravoberezh'ia Volgi v epokhu rannego srednevekov'ia* (Ceramics of the Finno-Ugric Tribes on the Volga Right Bank in the Early Middle Ages). Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
16. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy* (Bulgarian Village of the 10th–13th Centuries in the Lower Kama Region). Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
17. Kazakov, E. P. 2000. In Kirpichnikov, A. N., Nosov, E. N., Saksa, A. I. (eds.). *Slaviane, finno-ugry, skandinavyy, volzhskie bulgary* (The Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bulgars). Saint Petersburg: “Vesti” Publ., 87–99 (in Russian).
18. Kazakov, E. P. 2001. In *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2000 god* (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2000). Kazan: “Master-Line” Publ., 61–63 (in Russian).
19. Kazakov, E. P., Rudenko, K. A., Begovatov, E. A. 1993. In Valeev, R. M. (ed.). *Drevnie pamiatniki priust'evogo Zakam'ia* (Ancient Sites in the Estuary Area of the Trans-Kama Region). Kazan: Kazan State University, 42–66 (in Russian).
20. Kolchin, B. A. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Proceedings and Research in Archaeology) 65 (2). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–120 (in Russian).
21. Krylasova, N. B., Bocharov, I. V., Bocharova, E. O. 1997. In *Okhrannyye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale* (Rescue Archaeological Investigations in Middle Ural Region) 1. Yekaterinburg: Yekaterinburg” Publ., 101–124 (in Russian).
22. Khalikov A. Kh. (red.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X — XIII vv.* (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
23. Mart'ianov, V. N. 2001. *Arzamasskaia mordva v I — nachale II tysiacheletiia* (Arzamas Mordvinians in the I — Beginning of the II Millenium AD). Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute (in Russian).

24. Matveeva, G. I. 2003. In *Iz arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (Archaeology of the Volga and Ural Region)*. Kazan: "Shkola" Publ., 107–117 (in Russian).
25. Smirnov A.P. (red.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. (Dnevnik arkheologicheskikh raskopok P. P. Ivanova) (Materials on the History of Mordva People in 8th–11th Centuries (Field Notebook by P. P. Ivanov))*. Morshansk: Morshansk Museum of Local History (in Russian).
26. Alikhova, A. E. (obrab., vved.). 1969. *Material'naia kul'tura srednetsninskoi mordvy VIII — XI vv. (po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927–1928 gody) (Material Culture of the Mordva People of the Middle Tsna Area: Based on the Materials from P. P. Ivanov's Excavations in 1927-1928)*. Arkheologicheskii sbornik (Archeological Collection) III. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
27. Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
28. Ovchinnikova, B. B. 2000. In *Askizskie drevnosti v srednevekovoi istorii Evrazii (Antiquities of the Askiz in the Medieval History of Eurasia)*. Kazan: State United Museum of Tatarstan Republic, 7–29 (in Russian).
29. Peterburgskii, I. M. 1979. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki mordvy pervogo tysiacheletii nashei ery (Archaeological Sites of the Mordva in I Millennium AD)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 57–102 (in Russian).
30. Peterburgskii, I. M. 1988. In *Materialy po arkheologii Mordovii (Materials for the Archaeology of Mordovia)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 3–22 (in Russian).
31. Ravdina, T. V. 1988. *Pogrebeniia X—XI vv. s monetami na territorii Drevnei Rusi. Katalog (Burials from 10th—11th Centuries with Coins on the Territory of Ancient Rus'. Catalogue)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII—XIV vv. (Metal Vessels of the Volga Kama Region during the 8th — 14th Centuries)*. Kazan: "Reper" Publ. (in Russian).
33. Rudenko, K. A. 2000. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 1–2 (6–7), 42–102 (in Russian).
34. Sedov, V. V. (ed.). 1987. *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 17. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
35. Khlebnikova, T. A. 1988. In *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103–150 (in Russian).

About the Authors:

Vinnichek Vladimir A. Candidate of Historical Sciences. Municipal Cultural “Museum and Exhibition Centre” of Zarechny Penza Region. Sport St., 4, Zarechny Penza region, 442960, Russian Federation; vinnichekvladimir@mail.ru

Kireeva Karina M. Candidate of Historical Sciences. Municipal Cultural “Museum and Exhibition Centre” of Zarechny Penza region. Sport St., 4, Zarechny Penza region, 442960, Russian Federation; kire-karina@yandex.ru

УДК 902

**ЛЕТОПИСНЫЙ КОЗЕЛЬСК:
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДА**

© 2015 г. Г.А. Массалитина, И.В. Болдин

Статья посвящена истории археологических исследований древнерусского города Козельска, уничтоженного ханом Батыем в 1238 году. Проблема локализации летописного города возникла после проведения первых крупномасштабных раскопок в 1992 году в современном Козельске – районном центре Калужской области. Она связана во многом с недоступностью или плохой сохранностью культурного слоя XI–XIII вв. из-за современных построек. Представлены итоги новых исследований, которые ежегодно проводятся здесь с 2010 года. На сегодняшний день культурный слой эпохи Древней Руси выявлен на значительной площади в историческом районе современного Козельска. Полученные данные в общих чертах позволяют говорить о структуре и топографии древнерусского города. В раскопах последних лет (2013–2014 гг.), по предварительному заключению, зафиксированы остатки оборонительных сооружений детинца Козельска XI–XIII вв. Выводы о датировке выявленных сгоревших деревянных конструкций, полученные археологическими методами, подтверждаются радиоуглеродными датами.

Ключевые слова: Древняя Русь, летописный город Козельск, локализация, топография, детинец, оборонительные сооружения.

Козельск (Козелеск, Козлеск) – один из древнерусских городов в землях Черниговской волости «Вятичи» – впервые упоминается в летописи в связи с ожесточенным междоусобным конфликтом 1146–1147 гг. двух княжеских коалиций: Юрия Долгорукого и его союзника новгород-северского Святослава Ольговича, с одной стороны, и черниговских Давыдовичей и киевского Изяслава Мстиславича – с другой. Основные события разворачиваются на северо-востоке Черниговского княжества. Козельск оказался вторым после Карачева городом, куда бежал преследуемый Давыдовичами Святослав Ольгович. Сначала летописец сообщает, что из Карачева он «бежа за лес у Вятиче», затем узнаем, что Святослав Всеволодович «по-

сла Козельску ко Святославу стръеви своему». Последующие упоминания зафиксированы под 1154, 1223 и 1238 годом (ПСРЛ, 1962, т. I, стб. 341; 1962, т. II, стб. 332, 338, 468). В источнике рубежа XIV–XV вв. «Список городов русских дальних и ближних» Козельск помещен одновременно в двух разделах «А се Литовский» и «А се Смоленский».

Название этого небольшого городка хорошо известно благодаря событиям первой половины XIII в., связанным с походом на Русь войск хана Батыя: в 1238 г. Козельск держал семинедельную оборону, смешав планы монгольского завоевателя и лишив его значительного числа воинов, в том числе сыновей трех темников, за что хан назвал его «злым городом». По

данным летописных сводов, город, тем не менее, был захвачен и стерт с лица земли, а все его жители, включая грудных младенцев, перебиты.

Героизм козельчан принес городу всемирную известность, но, несмотря на это, вплоть до недавнего времени историки и археологи обходили Козельск своим вниманием. Не обсуждался и вопрос о его местонахождении: традиционно он локализовался в исторической части современного г. Козельска – районного центра Калужской области. Это логично следовало из контекста летописных сообщений об этом древнейшем русском городе, а документально – из более детализированной последующей его истории, начиная с XIV в.

Современный Козельск расположен на левом берегу р. Жиздры (крупный левый приток р. Оки). Небольшая речка Другусна, текущая по городу, перед впадением в Жиздру образует обширную и очень крутую петлю. Именно здесь – почти на острове – находится его исторический центр (рис. 1).

Первые археологические раскопки в Козельске были проведены лишь в 1992 г. (рис. 2). Их основное назначение заключалось в выявлении и изучении остатков Козельска древнерусского времени. Выбор конкретного места для исследования определялся традицией, прочно укоренившейся в краеведческой литературе еще с прошлого века. Согласно этой традиции, Козельск эпохи Древней Руси находился в той части города, где впоследствии была поставлена средневековая крепость-острог (Кавелин, 1847, с. 144–145; Четыркин, 1900). Ее местоположение хорошо известно, оно, в частности, показано в Атласе Калуж-

ского наместничества 1782 г. (рис. 1) и на предшествующем его созданию плане г. Козельска. Один из меандров р. Другусны очень близко подходит к Жиздре, образуя узкий перешеек между руслами двух этих рек, своеобразные «ворота» в город. Здесь, на кольцевом земляном валу и стояла Козельская крепость. Очень незначительные остатки вала на некоторых участках сохранились до наших дней. Указанное выше мнение разделялось археологами А.А. Медынцевой и Т.Н. Никольской, обследовавшими центральную часть города: они собирали подъемный материал, закладывали шурфы, предпринимали попытки реконструкции структуры и укреплений древнерусского Козельска (Медынцева, 1960, с. 1–16; Никольская, 1975, с. 22–24). Местоположением его детинца ими признавалась наиболее возвышенная часть берега р. Жиздры (внутри средневековой крепости), там, где ныне располагается городской сад и район Белевской Горки. В то же время А.А. Медынцева отмечала как особенность тот факт, что место для детинца выбрано не на мысу, а на участке берегового плато, подчеркивая, что такое местоположение характерно для более поздних русских городов.

Крупномасштабные исследования 1992 г., организованные Деснинской экспедицией Института археологии РАН, носили комплексный характер: в работах принимали участие геофизики, геоморфологи, почвоведы. Опираясь на вышеуказанную традицию, два раскопа были заложены на территории предполагаемого детинца, еще один – за оборонительным валом, вблизи от него. Общая площадь раскопов составила 164 кв. м. Кроме

Рис. 1. План г. Козельска в Атласе Калужского наместничества 1782 г.

Fig. 1. Plan of the town of Kozelsk in the 1782 Atlas of Kaluga gubernia.

того, траншеей был прорезан один из сохранившихся участков вала. Результат оказался неожиданным: на исследованных участках отсутствовал не только слой, но и отдельные находки XI–XIII вв.; весь полученный обширный археологический материал характеризовал средневековый (XIV–XVI вв.) и последующие этапы существования города. Таким образом, итогом работ 1992 г. стало возникновение проблемы местонахождения летописного Козельска (Массалитина, Нигматуллин, 2002, с. 65–67).

Следует отметить, что исследовательский коллектив, приступая к работам, имел определенные сомнения в справедливости упомянутой выше традиции локализации древнерусского Козельска в пределах средневековой крепости-ostroga. Обследование топографии современного города в середине 1980-х годов, наблюдение за строительными земляными работами и сбор подъемного материала (данные работы, к сожалению, не были документированы) позволили выявить участок в пределах все того же исторического центра города, гораздо бо-

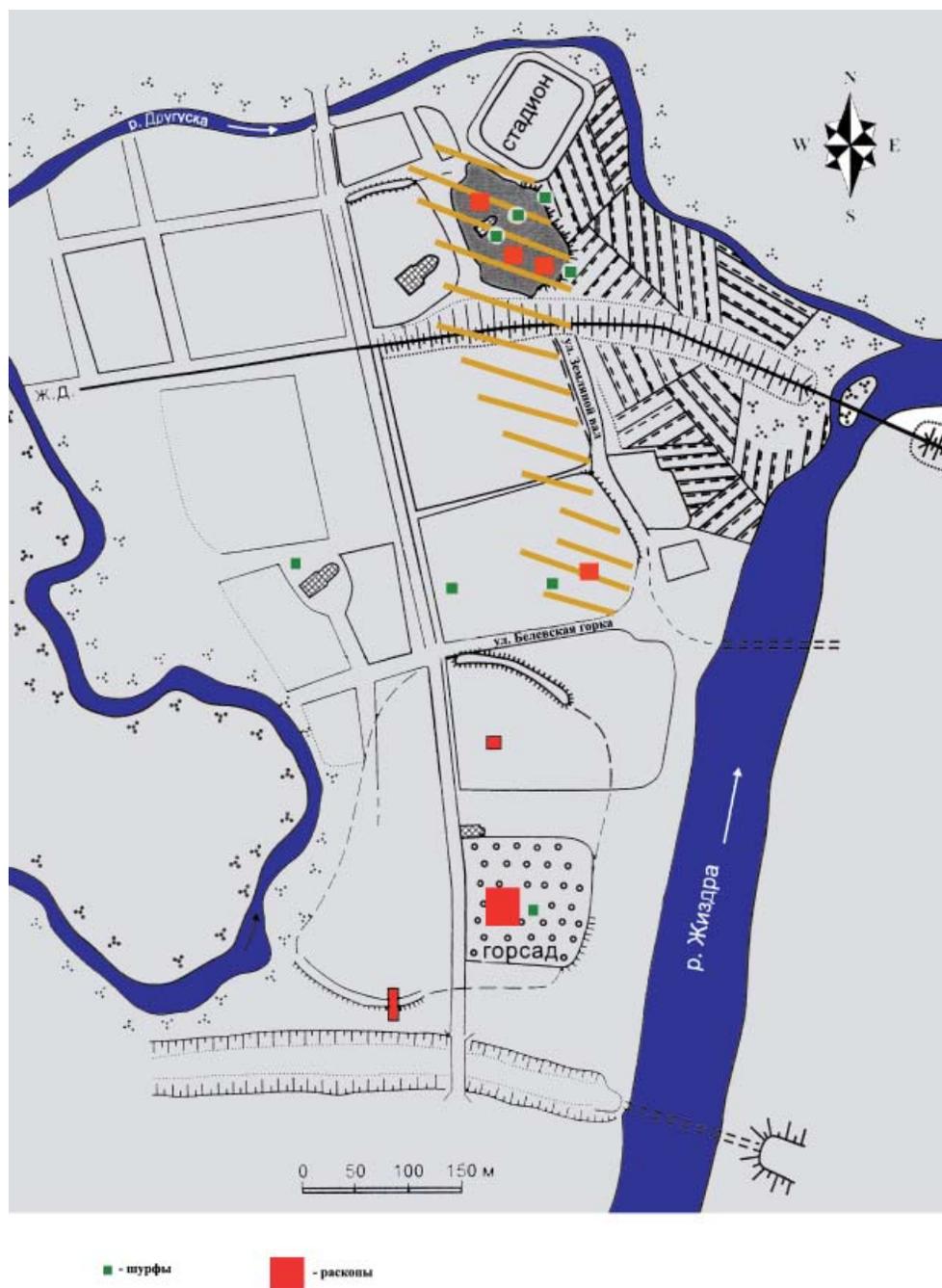

Рис. 2. Схема расположения шурфов, раскопов и распространения древнерусского культурного слоя (штриховка) в исторической части г. Козельска.

Fig. 2. Scheme: trenches, digs and Ancient Russian cultural layer (shading) location in Kozelsk historical zone.

Рис. 3. Козельск. Холм в устье р. Другусны.
Fig. 3. Kozelsk. A hill in the mouth of Drugusna river.

Рис. 4. Варианты стеклянных браслетов. Козельск, шурфа 2, 2010 г.
Fig. 4. Varieties of glass bracelets. Kozelsk, trench No. 2, 2010.

лее подходящий для поисков следов городского поселения эпохи Древней Руси. Это небольшой холм между оврагами на высоком мысу близ устья р. Другусны (рис. 3). В упомянутом выше Атласе Калужского наместничества холм также обозначен; на нем можно видеть и древнее, природное (рис. 1), а не современное, искусственное, устье реки, которое было отведено в связи со строительством железной дороги (рис. 2). К пойме мыс резко обрывается и имеет очень крутой склон. Наряду с традиционной для древнерусских поселений топографией, этот участок показателен еще и характером подъемного материала, происходящего с огородов местных жителей: фрагменты керамики XI–XIII вв., стеклянные браслеты, шиферные пряслица. Городская улица, огибающая холм, имеет весьма характерное название – Земляной Вал.

В настоящее время мыс очень плотно застроен жилыми, хозяйственно-производственными и культовыми (две церкви) зданиями. Большая часть его площадки была занята хлебопекарней, устроенной в одной из церквей (ц. Вознесения постройки первой четверти XVII в.). Свободного места для закладки хоть сколько-нибудь приличного по площади раскопа на мысу нет. Тем не менее перспективность поисков следов древнего города именно здесь настолько очевидна, что еще в ходе работ 1992 г., когда они уже близились к концу, было решено заложить разведывательный шурф в пойме, у самого подножия мыса. Расчет строился на вероятности фиксации переотложенного культурного слоя, перемещенного в результате склоновых процессов, смыва и осыпей с

площадки мыса к его подножию. Внезапное прекращение финансирования работ в целом (экономические трудности 1992 г.) помешало тогда осуществить эту идею.

Стремление продолжить археологический поиск следов летописного Козельска теперь уже на совершенно конкретном, но, по объективным причинам, труднодоступном для работ участке в 1997 г. привело все-таки к получению разрешения от властей города и администрации хлебопекарни на закладку раскопа непосредственно на территории последней. Для исследований был отведен единственный свободный от асфальтового покрытия и построек крошечный участок, где и были заложены маленький раскоп (24 кв. м) у южного фасада церкви и шурф (16 кв. м.) у ее апсиды. В связи с обилием подземных коммуникаций их площадь в ходе работ была сокращена соответственно до 16 и 4 кв. м.

Под мощными напластованиями строительного балласта и церковного некрополя XVII–XVIII вв. на глубине 3,5–4,2 м от современной поверхности был выявлен культурный слой средневекового города мощностью около 1 м. Материалы самой нижней, придонной, части обследуемых участков суммарно датировались XIII–XIV вв. Древнерусский слой стратиграфически не выделялся. В то же время в культурном слое, разрушенном перекопами разного времени, по всей толще и на разных уровнях зафиксировано небольшое количество находок, которые могут быть отнесены к эпохе Древней Руси в целом: фрагменты верхних частей круговых сосудов, стеклянных браслетов, каменный крест-«корсунчик». Детальный технологический и морфологи-

ческий анализ собранной керамики позволил выделить лишь единичные фрагменты глиняной посуды XI–XII вв. К сожалению, совокупность археологических фактов на 1997 г. не позволяла сделать определенного заключения о существовании в пределах современного Козельска *города* домонгольского периода. Можно было говорить лишь о наличии на холме в устье Другусны какого-то поселения в предшествующий нашествию Батыя период. Неопределенность результатов работ 1997 г. оставляла проблему локализации летописного Козельска не решенной. Главным итогом этого этапа исследований стало выявление в пределах исторической части города участка, где следовало вести целенаправленный поиск его остатков.

Особую актуальность эта проблема приобрела в связи с выходом в 2005 г. монографии, подводившей итоги работ Деснинской экспедиции ИА РАН в Калужской области (Нигматуллин и др., 2004). В ней детально рассматривались и материалы раскопок 1992 и 1997 г. Какая-либо координация действий авторского коллектива в работе над этим изданием отсутствовала (не было даже принятой для коллективных монографий обсуждения общей концепции), каждый исследователь работал над своим разделом автономно. В итоге автор главы о раскопках Козельска сделал вывод о том, что, поскольку остатки древнерусского города в ходе работ не найдены, искать их следует не в современном районном центре Калужской области с одноименным названием, и даже не в его ближайшей округе, а где-то на Оке (без каких-либо пояснений) (Нигматуллин и др., 2005, с.142). Про-

блема местоположения летописного Козельска приобрела, таким образом, совсем неожиданный оборот.

Вывод об отсутствии древнерусского города в мысовой части Козельска, сделанный на основании материалов всего двух небольших шурфов, культурный слой в которых к тому же почти полностью переработан в последующее время, представлялся более чем преждевременным и странным. Удивительно, что он появился после того, как в ходе раскопок были получены веские свидетельства существования на холме в устье Другусны некоего поселения древнерусского времени. Вместо попыток найти возможности обстоятельного исследования этого участка, автор предложил вести поиск в более отдаленных местах. Почему именно на Оке?

Авторы настоящей статьи (одновременно – авторы указанной монографии и приложения к ней) продолжали утверждать, что возможности поиска летописного Козельска на Жиздре не исчерпаны и искали пути для этого (Массалитина, Болдин, 2008, с. 13–16).

В силу ряда причин к решению этой задачи удалось вернуться лишь в 2010 г. При планировании работ предполагалось получить согласие владельцев частных хозяйств, расположенных на мысу, на проведение раскопок на их участках. Но, несмотря на всемерную поддержку и заинтересованность в этих работах городской администрации, серьезное финансирование экспедиции 2010 г., понимания хозяев добиться не удалось. Поэтому исследования проводились у подножия мыса, обращенного в сторону бывшего русла р. Другусны. Это были работы, которым не сужде-

но было состояться в 1992 г. На выбранных участках были заложены два шурфа. Все слои шурфа 1 содержали в основном современный материал, связанный с деятельностью хлебокомбината и строительством стадиона, близ которых он располагался.

Материал же шурфа 2 с точки зрения проблемы поиска местонахождения летописного Козельска дал интересный результат. Он был заложен на том участке подножия холма, выше которого расположен возделанный частный сектор. В нем также найдены разновременные изделия и их фрагменты (по XX в. включительно), залегающие в переотложенном состоянии. Но среди них выделялась весьма представительная и выразительная группа находок XI–XIII вв.: фрагменты круговой керамики, стеклянных браслетов (рис. 4), шиферное пряслице. Особенно интересными оказались результаты анализа керамического материала. Значительная часть фрагментов – более 400 среди почти 3 тысяч единиц – была датирована XII–XIII вв. (Болдин, Массалитина, 2012, с. 55–58). В целом, несмотря на неудавшуюся попытку провести исследования на самом холме в устье р. Другусны, результаты работ у его подножия в 2010 г. дали убедительное подтверждение существования в центре современного Козельска остатков древнерусского поселения.

В 2011 г. в связи с планами нового владельца хлебокомбината восстановить церковь Вознесения удалось получить его согласие на археологическое обследование прилегающей к зданию храма территории.

Раскоп площадью 32 кв. м был заложен близ его северного фасада. Опасения столкнуться с сильно на-

рушенным культурным слоем или вообще с его отсутствием (на территории действовавшего хлебокомбината располагалось множество строений, включая котельную), к счастью, не подтвердились. Никаких серьезных его нарушений на площади раскопа не зафиксировано (отсутствовали даже следы кладбища), максимальная мощность слоя достигала 3,2 м. Еще одной большой удачей была его повышенная увлажненность, что способствовало хорошей сохранности изделий и объектов из органических материалов (рис. 5). Слой был стратифицирован, имел довольно сложный характер напластований. Многочисленные находки древнерусского времени встречены в 5 нижних пластах раскопа (1 м культурного слоя) (рис. 6), включающих разные стратиграфические составляющие. Особенно показателен полученный набор круговой посуды: к XII–XIII вв. отнесено около 2,5 тысяч фрагментов. Периодом XI в. датировано около 60 фрагментов; среди них выделяется архаичная часть образцов, отнесенная к этапу освоения гончарного круга (рубеж X–XI вв.).

Результаты исследований 2011 г., проводившихся в центральной части холма в устье р. Другусны, со всей очевидностью свидетельствовали о наличии здесь остатков города XI–XIII вв. Топографическая ситуация не позволяла сомневаться в том, что речь идет о его детинце. Поскольку имеется в виду город, стертый с лица земли разгневанными монголо-татарами, следовало бы рассчитывать на археологические свидетельства его гибели. Явных следов погрома не обнаружено, но необходимо отметить один важный момент. В толще напластований древнерусского времени

Рис. 5. Остатки бревенчатого сооружения и долбленной колоды. Козельск, раскоп 2011 г.

Fig. 5. Remains of a log construction and a mortised chunk. Kozelsk, 2011 excavation.

выявлен горизонт, содержащий большое число стеклянных браслетов. В нижележащем слое, отделенном от указанного горизонта тонкой стерильной прослойкой песка, они отсутствовали, так же как и щепка с древесной трухой, которыми был обильно насыщен «браслетоносный» горизонт. Зафиксированная граница, связанная с резкой сменой характера культурного слоя, дает основание для самых разных предположений о причинах последней.

Место для раскопа в 2012 г. нашлось в связи с событием, радостным для жителей Козельска, но печальным для археологии города. В связи с присвоением Козельску звания «Город воинской славы» в сентябре 2011 г. его посетил президент России Д.А. Медведев. В общении с ним местные жители указали на отсут-

ствии в городе действующей бани. Сетования козельчан президентом были услышаны, и в предельно короткие сроки (в мае 2012 г. баня уже действовала) объект был построен – средствами и силами не местных властей и без всякого участия археологов. Авторам настоящей статьи об этом стало известно на этапе, когда фундамент будущего строения был уже поставлен. При осмотре стенок котлована в феврале 2012 г. отчетливо читался культурный слой со следами объектов. Фрагменты керамики и отдельные находки свидетельствовали, что слой содержит материалы эпохи Древней Руси.

Долгожданную баню возвели в пределах исторической части города, на той же улице Земляной Вал, к югу от холма, где велись работы прежних лет, за окружавшим его

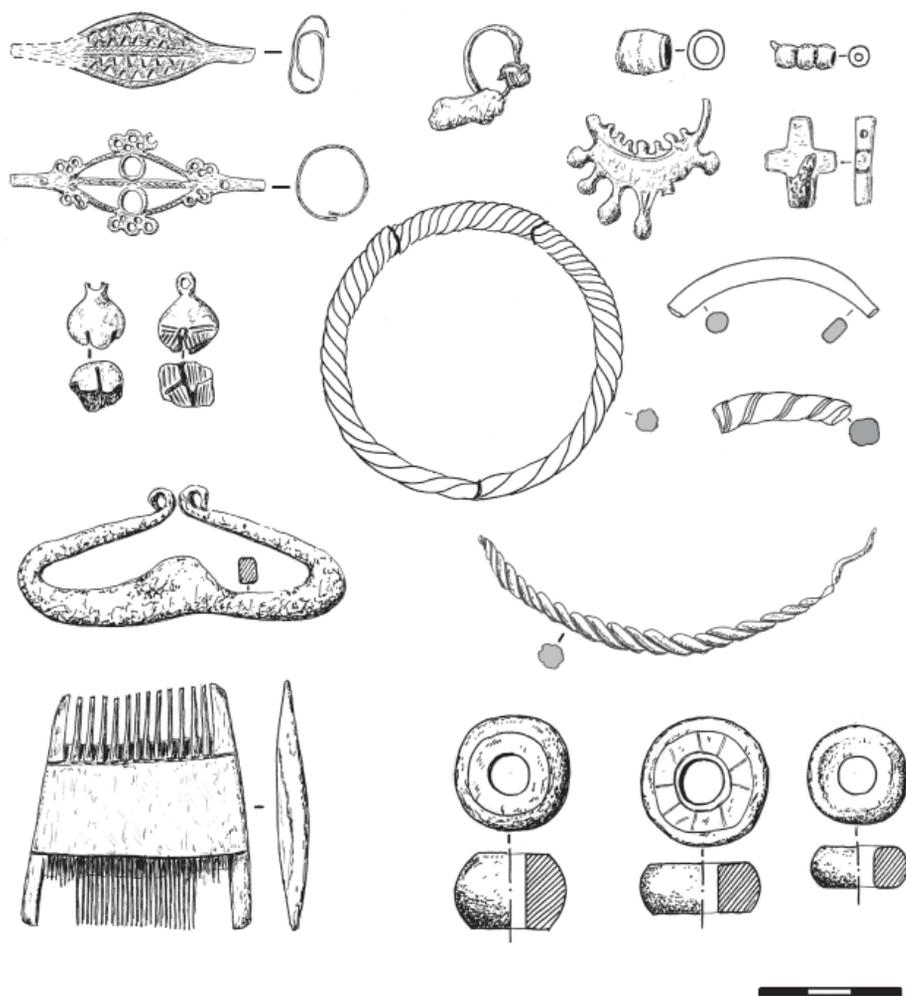

Рис. 6. Набор изделий эпохи Древней Руси. Козельск, раскопы 2011, 2012 гг.
 Fig. 6. A set of wares of the Ancient Russia period. Kozelsk, 2011, 2012 excavation.

некогда оврагом. Вблизи нее при осмотре обнаружился участок с хорошо спланированной строителями поверхностью (площадка бывшего детского сада), где еще продолжались работы по благоустройству банной территории. Мощность сохранившейся части культурного слоя, наблюдаемого в стенках котлована, достигала более 1 м.

Раскоп площадью 24 кв. м на этой площадке был заложен близ

ул. Белевская Горка. Название дано по старой дороге Козельск – Белев, начинавшейся здесь. Сама же улица, круто спускающаяся к р. Жиздре, проложена по древнему оврагу, ограничивающему с севера средневековую крепость Козельска. Один из сохранившихся участков оборонительного вала находится именно здесь, его подножие граничит с проезжей частью улицы (отсюда – «Горка»). Заложенный раскоп находился

в 35–40 м от подножия вала. Основную часть полученного в ходе раскопок материала составили находки эпохи Древней Руси (значительная часть средневекового слоя уничтожена при строительстве банного комплекса).

Результаты работ 2012 г. имеют весьма важное значение для изучения древнерусского Козельска. Раскоп располагался к югу от оврага, окружавшего холм в устье р. Другусны – место детинца. Нет сомнения, что он пришелся на территорию городского посада. С другой стороны, он находился близ вала средневековой крепости, к северу от его подножия. Напомним, что работами 1992 г. было установлено полное отсутствие древнерусских материалов на территории крепости, окруженной этим валом. Можно утверждать, что нам удалось зафиксировать южную границу древнерусского города – его посада. Граница имела естественный характер – древний овраг. На рисунке 2 приводится археологически зафиксированный участок распространения культурного слоя древнерусского времени в пределах исторического центра современного Козельска. Таким образом, итоги работ 2012 г. положили начало принципиально новому этапу исследований: выявлению и изучению городской структуры и топографии древнерусского Козельска.

Интересный результат в этом отношении дали работы двух последних лет – 2013 и 2014 года. Уже с 2012 г. территория бывшего хлебокомбината стала восстанавливаться как Воскресенский монастырь, и одно из частных домовладений, граничащих с нею и выставленное

на продажу, было приобретено церковью. Новые хозяева земли оказались сговорчивее, чем старожилы, не пустившие нас на свои огороды в 2010 г., и наконец-то представилась возможность исследовать недоступный ранее участок холма.

Раскоп 2013 г., площадью 32 кв. м, располагался близ южного фасада церкви Вознесения, совсем рядом с местом закладки одного из шурфов 1997 г. Мощность культурного слоя в нем составила немногим более 3 м и практически вся эта толща представляла собой слой пожарища. Верхняя его часть предположительно связывается нами с трагедией 1777 г., когда выгорела вся историческая часть Козельска, а нижние горизонты, по вмещающему материалу и данным радиоуглеродного анализа – с трагедией гибели города в 1238 г. На всех уровнях культурного слоя встречались многочисленные остатки металлических изделий, но, к сожалению, в силу физико-химических особенностей грунта (пожар?) в подавляющем большинстве случаев они извлекались из слоя в виде бесформенных коррозированных комков, не имеющих тела. Множественные фрагменты стеклянных браслетов и бус также были покрыты толстым слоем патины, чаще всего не позволяющей определить цвет стекла – не в пример экземплярам из раскопа 2011 г., имевшим прекрасную сохранность.

В отношении топографии древнерусского Козельска особенно интересными оказались итоги работ 2014 г. Раскоп площадью 32 кв. м закладывался в пределах того же домовладения, на периферийной части холма в устье р. Другусны.

Рис. 7. Рабочий момент. Козельск, раскоп 2014 г.
Fig. 7. On-the-job situation. Kozelsk, 2014 excavation.

Рис. 8. Козельск. Следы пожара в профилях стенок раскопа 2014 г.
Fig. 8. Kozelsk. Traces of fire in the pit walls cross-sections. 2014 excavation.

Южная его стенка граничила с началом достаточно крутого склона. В Атласе Калужского наместничества с этой стороны холма показан овраг. Ныне он засыпан, хотя визуально все еще просматривается. Мощность культурного слоя здесь была такой же, как и во всех других раскопах на холме – чуть более 3 м (рис. 7). Отличие состояло в очень малом количестве находок, среди которых, помимо керамики и стеклянных браслетов, присутствовали малочисленные фрагменты неопределимых предметов плохой сохранности; стеклянные браслеты были сильно патинированы.

В 2014 г. также были выявлены следы пожара, в котором сгорели некие деревянные конструкции (рис. 8). Его остатки фиксировались при разборке нескольких пластов в южной части раскопа (начало склона холма) в виде мощных обугленных бревен, залегающих в толстом углисто-золистом слое. Грунт на прилегающих к пепелищу участках был сильно прокален докрасна – свидетельство того, что горело на месте.

Весьма примечательным оказался характер стратиграфии. Раскоп граничил, как сказано выше, с началом склона холма, и слои раскопа, как ожидалось, должны были бы «стекать» в этом направлении. Но на профилях его стенок слои залежали с довольно резким подъемом в сторону склона и при выходе на дневную поверхность оказывались срезанными. В тех же квадратах раскопа, где были выявлены следы пожара со сгоревшими бревнами, в самой нижней части слоя, на горизонте, содержащем как древнерусский

материал, так и находки VIII–X вв. (роменская культура), зафиксирован участок первоначальной насыпи, послужившей основанием для всей вышележащей пачки слоев. По нашему предварительному заключению, данная насыпь, состоящая из однородного желто-коричневого суглинка в смеси с мелкодисперсными угольками, может представлять собой остатки оборонительного вала детинца древнего Козельска. Раскоп располагался в 10 м от полотна улицы Земляной Вал, плавно огибающей в этом месте холм. Есть все основания предполагать, что она проложена на месте бывшего оборонительного рва, смыкающегося с засыпанным ныне природным оврагом, о котором шла речь выше.

В качестве археологических аргументов (других не было) в пользу местонахождения летописного Козельска «где-то в другом месте» назывались отсутствие слоя пожара и не городской статус выявленного древнерусского поселения. Что имелось в виду под последним утверждением – понять сложно, оно приводится в указанном выше издании без всяких пояснений. Со своей стороны отметим, что ярких находок, которые принято называть «статусными» городскими, в древнерусской части слоя Козельска действительно не найдено. Но при этом стоит напомнить, что слой в раскопе 2012 г. был в значительной степени срезан при планировке поверхности под строительство бани; раскоп 2013 г. изобилует находками из железа и цветных металлов, но все они представляли собой бесформенные окислы; в раскопе 2014 г. находок было значительно меньше, но со-

стояние изделий из металла было таким же. Зато весьма показателен в данном отношении анализ технологии изготовления древнерусской глиняной посуды, свидетельствующий о высоком уровне и именно городском характере ее производства (Болдин, Массалитина, 2012, с. 55–58). Добавим, что речь идет уже не о нескольких десятках фрагментов, выделенных из общей массы керамического материала в 1992 и 1997 г., а о почти шеститысячной коллекции, полученной на небольшой площади (136 кв. м).

Что касается слоя пожарища, то ни в одном из известных нам источников, как оказалось, не говорится о сожжении Козельска. На возникновение устойчивого представления о городе, гибнущем в огне, видимо, повлияло изображение объятий пламенем Козельской крепости на монументальном полотне-диораме калужского художника Н.А. Ращектаева «Оборона Козельска 1238 г.». Авторы данной статьи тоже не устояли перед «волшебной силой искусства»: образ пылающего города давно и прочно укоренился в сознании и попал на страницы ряда их статей.

Тем не менее следы мощнейшего пожара в древнерусской части напластований, как сказано выше, обнаружены в раскопах 2013–2014 гг. Локальные же следы горения – сгоревшее дерево, зола, пепел, углестые линзы и прослойки – обычное дело для всех участков культурного слоя города.

Не является ли семинедельная оборона Козельска мифом? как могли защитники городка продержаться так долго без посторонней помощи? тот ли это Козельск? – такие и тому подобные вопросы возникали и будут еще возникать. Не имея на сегодняшний день веских, не вызывающих сомнений доводов в пользу локализации летописных событий 1238 г. где-то на Оке (Десне, Угре, Волге и т.д.), мы продолжаем придерживаться традиционной точки зрения, считая, что происходили они в Козельске на Жиздре. Убедившись в результате археологических работ последних лет в существовании здесь остатков древнерусского города с классической для Черниговского княжества топографией и структурой, свою дальнейшую задачу мы видим в их детальном изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдин И.В., Массалитина Г.А. Археологические работы на территории г. Козельска в 2010 г. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Материалы XIV Всероссийской научной конференции. – Калуга: Полиграф-Информ, 2012. – С. 55–58.
2. Кавелин Л. Историческое описание Введенской Оптиной пустыни. – М. 1876. – 259 с.
3. Массалитина Г.А., Нигматуллин Р.А. Поиски местонахождения летописного Козельска // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья». – Вып. 2. – Брянск: Брянская областная типография, 2002. – С. 165–167.
4. Массалитина Г.А., Болдин И.В. Еще раз к вопросу о местонахождении летописного Козельска // Проблемы археологии, истории, культуры и природы Козельского края. – Козельск: Полиграф-Информ, 2008. – С. 13–16.

5. *Медынцева А.А.* Отчет об археологической разведке в г. Козельске, произведенной весной 1960 г. – М., 1960 / Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 2148.
6. *Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М.* Древний Козельск и его округа. – Т. 4 – М.: ИА РАН, 2005. – 188 с.
7. *Никольская Т.Н.* Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в Калужской области. – М., 1975 / Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 5661.
8. Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 151.
9. Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. – Т. 2. – С. 87.
10. *Четыркин И.Д.* Археологические находки на южной стороне древнего городища в г. Козельске // Известия Калужской ученой архивной комиссии. – Калуга: Типо-Литография Губернского Правления. Вып. 1900 г. – С. 7–8.

Информация об авторах:

Массалитина Галина Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный парк «Угра» (г. Калуга, Российская Федерация); massalitina60@bk.ru

Болдин Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Калужский областной краеведческий музей (г. Калуга, Российская Федерация); boldin67@bk.ru

CHRONICLE KOZELSK. ISSUES AND STAGES OF ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATION

G.A. Massalitina, I.V. Boldin

The article is devoted to the history of archaeological investigations of the ancient Russian town of Kozelsk, destroyed by Batu Khan in 1238. The problem of the annalistic town localization arose in 1992, following the first large-scale excavations in present-day Kozelsk – a regional center of Kaluga oblast. It is basically connected with inaccessibility or poor preservation level of the 11–13th-century cultural layer due to present-day building activities. The results of the works annually held here since 2010 are presented. Nowadays, the cultural layer of the Ancient Rus' period has been revealed on a large area in modern Kozelsk historical zone. The data obtained make it possible to reveal the general features of the ancient Russian town structure and topography. According to a preliminary conclusion, in the course of most recent excavations (2013–2014), the remains of 11–13th-century Kozelsk citadel fortifications have been revealed. Conclusions about the dating of burnt wooden structures obtained by means of archaeological methods are confirmed by radiocarbon dates.

Key words: Ancient Rus', annalistic town of Kozelsk, localization, topography, citadel, fortifications.

REFERENCES

1. Boldin, I. V., Massalitina, G. A. 2012. In *Voprosy arkheologii, istorii i kul'tury Verkhnego Pooch'ia (Issues of Archaeology, History and Culture of the Upper Oka River Region)*. Kaluga: "Poligraf-Inform" Publ., 55–58 (in Russian).

2. Kavelin, L. 1876. *Istoricheskoe opisanie Vvedenskoj Optinoj pustyni (Historical Description of the Vvedenskaya Optina Pustyn)*. Moscow (in Russian).
3. Massalitina, G. A., Nigmatullin, R. A. 2002. In *Desninskie drevnosti (Desna Antiquities)* 2. Bryansk: “Bryanskaia oblastnaia tipografia” Publ., 165–167 (in Russian).
4. Massalitina, G. A., Boldin, I. V. 2008. In *Problemy arkheologii, istorii, kul'tury i prirody Kozel'skogo kraia (Issues of Archaeology, History and Culture of the Kozelsk Region)*. Kozel'sk: “Poligraf-Inform” Publ., 13–16 (in Russian).
5. Medyntseva, A. A. 1960. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v g. Kozel'ske, proizvedennoi vesnoi 1960 g. (Report on the Archaeological Exploration in Kozelsk Town Carried Out in Spring of 1960)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 2148 (in Russian).
6. Nigmatullin, R. A., Proshkin, O. L., Massalitina, G. A., Khokhlova, T. M. 2005. *Drevnii Kozel'sk i ego okruga (Old Kozel'sk and Its Environs)* 4. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology (in Russian).
7. Nikol'skaia, T. N. 1975. *Otchet o rabote Verkhneokskoi ekspeditsii v Kaluzhskoi oblasti (Progress Report of the Upper Oka Expedition in the Kaluga Region)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 5661 (in Russian).
8. Lavrent'evskaia letopis' (*Laurentian Codex*). 1926. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 1 (1). Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
9. *Ipat'evskaia letopis' (Hypatian Codex)*. 1908. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 2. Saint Petersburg: “Tipografia M. A. Aleksandrova” Publ. (in Russian).
10. Chetyrkin, I. D. 1900. In *Izvestiia Kaluzhskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Kaluga Academic Archival Commission)*. Kaluga: “Tipo-Litografiia Gubernskogo Pravleniia” Publ., 7–8 (in Russian).

About the Authors

Massalitina Galina A. Candidate of Historical Sciences. Ugra National Park. Lesnichestvo, pos. Prigorodnoye, Kaluga, 248007, Russian Federation; massalitina60@bk.ru

Boldin Igor V. Candidate of Historical Sciences. Kaluga Regional Museum of Local Lore. Tulskaia 2nd Per., 1, Kaluga, 248003, Russian Federation; boldin67@bk.ru

УДК 902

**АРХЕОЛОГИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ**

© 2015 г. С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов

Статья посвящена малоизвестным страницам истории Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани. На основе архивных документов воссоздана предыстория образования СВАЭИ, характеризуется его становление и деятельность. Институт был учрежден в феврале 1917 г., в конце 1920 г. преобразован в Восточную академию, а осенью 1922 г. произошло ее слияние с факультетом общественных наук Казанского университета и учительским институтом в единый Восточный педагогический институт. Особое внимание уделено преподаванию в нем археологии. С самого начала институт столкнулся со сложностью организации учебного процесса на археологическом отделении. Общие и специальные курсы вели Н.Ф. Высоцкий, Б.Ф. Адлер, С.П. Шестаков, М.Г. Худяков. Но система преподавания археологии в СВАЭИ так и не была создана. У руководства института отсутствовало представление о структуре и методике преподавания археологических дисциплин, постоянно менялся и дополнялся их перечень. Археология не была приоритетом в деятельности СВАЭИ, хотя слушатели археологического отделения составляли большую часть учащихся.

Ключевые слова: Северо-Восточный археологический и этнографический институт, Казанский университет, история археологической науки, С.П. Покровский, М.В. Бречкевич, В.А. Городцов, Н.Ф. Высоцкий, Б.Ф. Адлер, М.Г. Худяков..

До 1917 г. в России существовало два высших учебных заведения археологического профиля – Петербургский и Московский археологические институты. Два частных учебных заведения в столицах империи не могли удовлетворить всех желающих изучать древнейшую историю, несмотря даже на наличие филиалов Московского археологического института в ряде губернских городов Европейской России.

Казань – город с давними университетскими традициями и многочисленной профессорской корпорацией, «Афины Поволжья», по словам Г.Р. Державина, город, в котором со времен Петра I уделялось внимание древним памятникам, не могла сми-

ряться с отсутствием специального археологического учебного и научного заведения.

Первые шаги в этом направлении были предприняты в начале 1916 г. Они связаны с именем выпускника и преподавателя Демидовского юридического лицея Сергея Петровича Покровского (см. о нем: Гущина, 2012, с. V–XVI). В мае 1915 г. он занял должность экстраординарного профессора Казанского университета по кафедре истории русского права. Интерес С.П. Покровского к истории, помимо профессиональных занятий, проявился в его участии в организации в 1916 г. Казанской губернской архивной комиссии, в которой он занял должность товарища председателя. Ее

председателем стал Леонид Михайлович Савелов, намеревавшийся читать в Северо-Восточном институте курс генеалогии (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 4, л. 25), но не осуществивший этого намерения.

С.П. Покровский был убежденным сторонником подготовки региональных кадров в области изучения местной истории непосредственно в провинции. Он утверждал, «что провинциальные ученые силы должны направляться на изучение своих областей... , но в то же время исследование той или иной области в некотором, как-то – историко-археологическом отношении, вызывает еще и потребность в подготовке соответствующих исследователей и на местах, вызывает потребность в школах, которая давала бы кадры таких исследователей, подготовленных провинциальными научными силами в центре данной области». Подобные убеждения привели его к выводу о «необходимости учреждения в центре северо-восточной России, в г. Казани, Археологического института, который мог бы подготовить археологов – специалистов, знающих местный край и посвящающих свои силы на историко-археологическое исследование северо-востока. Такое учреждение вытекает из местных потребностей. Оно должно, сообразно с характером местных древностей, готовить специалистов, способных в них разобраться, без чего немислимо указанное нами исследование северо-восточной России» (Покровский, 1916, с. 3, 4).

Пойти по пути организации в городе очередного отделения Московского археологического института казанской интеллигенции и университетским преподавателям казалось

недостойным. «В последние годы открылись филиальные отделения Московского института во многих провинциальных городах, которые, по своему культурному уровню, во много раз ниже, чем Казань, причем эти провинциальные города и не имеют такого археологического интереса, как Казань с примыкающим к нему краем... Казань, как университетский и академический центр, достаточно, к тому же, представлен и учеными силами, могущими обслуживать такое учреждение» (Покровский, 1916, с. 37, 38, 40).

Эти взгляды объясняют, почему деятельность по созданию института изначально поддерживалась губернской земской управой (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 8, л. 1), местными национальными объединениями (Там же, д. 4, л. 4, 5), городскими меценатами (Там же, д. 3, л. 3). Казанцы справедливо считали, что способны создать самостоятельный археологический институт. Тем более что его учредитель С.П. Покровский считал, что «Казань нуждается в археологическом институте несколько иного направления, чем Петроградский и Московский со своими филиальными отделениями... В нем, наряду с предметами русской археологии, должно быть отведено место изучению финских, болгарских и монгольских древностей с их языками» (Покровский, 1916, с. 34).

С другой стороны, принимая во внимание авторитет Московского археологического института, в деятельности которого казанские профессора принимали активное участие, С.П. Покровский постарался заранее согласовать вопрос о создании Северо-Восточного археологического и этнографического института с

директором МАИ А.И. Успенским. В июле 1916 г. он, будучи в первопрестольной, посетил Московский археологический институт и «сообщил об ожидаемом открытии института в Казани» (ДФ СГМЗ 35835/158). В результате визита ему удалось получить уверение в «благожелательном отношении Александра Ивановича [Успенского] к назревающему новому учреждению» (Там же). В конце того же года, 30 ноября, С.П. Покровский подписал у товарища министра народного просвещения В.Т. Шевякова Устав Археологического института (НАРТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 3, л. 1).

В начале 1917 г., 16 февраля, С.П. Покровский провел собрание «по вопросу открытия в Казани Северо-Восточного этнографического и археологического института» (Там же), на котором присутствовали «учредитель института С.П. Покровский, Н.Ф. Высоцкий, Н.М. Петровский, А.М. Миронов, К.В. Харлампович, Б.Ф. Адлер, М.В. Бречкевич, П.П. Миндалев, В.П. Доманжо, Г.Ю. Манс, Б.П. Денике, М.М. Огарков, П.К. Жузе, Н.И. Ашмарин, С.Н. Лаптев» (Там же).

Как видно из этого списка, практически все участники организационного собрания являлись профессорами и преподавателями Казанского университета, за исключением Н.И. Ашмарина, читавшего географию в Казанской инородческой учительской семинарии. Присутствовавшие не имели формального отношения к археологии, да нередко и к истории. Это были востоковеды, филологи, юристы, географы, астрономы и даже медики. Среди них лишь Н.Ф. Высоцкий являлся автором известных трудов по археологии и ан-

тропологии Волжско-Камского края¹. Б.Ф. Адлер имел представление об археологических исследованиях в крае – к этому его обязывала работа в Обществе археологии, истории и этнографии, музейная и преподавательская деятельность в Казанском университете, но все же он оставался прежде всего географом и этнографом². Б.П. Денике проявит себя на археологическом поприще лишь спустя десятилетие, возглавив экспедицию Музея восточных культур в Термезе³.

Многие из участников организационного собрания вскоре покинули Казань и с 1918 г. обосновались в Иркутске. Это первый директор института С.П. Покровский, В.П. Доманжо, Г.Ю. Манс, М.М. Огарков, С.Н. Лаптев, П.П. Миндалев. Уехал из Казани и Н.И. Ашмарин, обосновавшись с 1920 г. в Симбирске. Так что проблемы становления Северо-Восточного института вынесли на своих плечах иные люди.

Массовый исход из города в сентябре 1918 г. университетской профессуры и многих жителей объяснялся желанием избежать кары за поддержку белочехов и властей Комуча со стороны наступавших большевиков (Малышева, 2003, с. 87–92). Эти опасения были не беспочвенны. Осенью 1918 г. чекистами был арестован

¹ См. об археологической деятельности Н.Ф. Высоцкого: Александров, 1906; Худяков, 1935; Руденко, 2014, с. 293, 338, 603.

² См. о научной, музейной и педагогической деятельности Б.Ф. Адлера: Решетов, 1994, с. 202–206; Зорин, 2001; Тункина, 2008, с. 478, 479.

³ См. о Б.П. Денике как археологе: Лунин, 1977, с. 374–378; Войтов, 2003, с. 430.

профессор университета и преподаватель СВАЭИ К.В. Харлампович. Хочется думать, что в решении освободить арестованного сыграло роль ходатайство нового директора института М.В. Бречкевича и секретаря А.М. Миронова (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 3, л. 68 об.). Помимо политических репрессий жизнь ученых усугублялась тяжелейшими бытовыми условиями (Валеев, 2011, с. 44–47).

Следует обратить внимание на последовательность действий С.П. Покровского. Обычно при организации какого-либо общества или частного учебного заведения первоначально происходило собрание членов-учредителей, совместно создававших текст Устава или Положения о предполагавшемся объединении, который и передавался на утверждение в Министерство народного просвещения. В нашем случае С.П. Покровский первоначально самостоятельно утвердил устав института в министерстве и лишь спустя два с половиной месяца провел первое собрание будущих членов института. Это в очередной раз свидетельствовало о том, что Сергей Петрович был главным, а первоначально единственным функционером в деле создания археологического института в Казани.

События начала 1917 г. внесли коррективы в планы строителей. После прихода к власти Временного правительства С.П. Покровский был вынужден повторно войти с ходатайством в Министерство народного просвещения об учреждении археологического института в Казани, которое рассматривалось в Комиссии по реформе высших учебных заведений (РГИА. Ф. 1037, оп. 1, д. 18, л. 3). Неудивительно, что именно он

был избран директором института, оставаясь в этой должности до конца 1918 г. Официальное торжественное открытие СВАЭИ состоялось 4 октября 1917 г. в актовом зале университета (Бречкевич, 1919, с. 83).

Создавая новый институт, С.П. Покровский во многом брал пример с Московского археологического института МАИ, с деятельностью которого он ознакомился в 1916 г. На втором собрании Совета СВАЭИ, прошедшего 26 сентября 1917 г., Сергей Петрович сообщил, что «у нас дело научное может быть поставлено даже шире, чем в Москве» (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 3, л. 3 об.). Затем он ознакомил присутствовавших «с уставом и программой Московского института, а равно и с административным устройством Московского археологического института» (Там же). Секретарь СВАЭИ А.М. Миронов через месяц, на заседании 26 октября 1917 г., также предлагал взять за образец систему МАИ (ОР НБЛ. Д. 2.488, л. 36). Плата за слушание лекций была утверждена такая же, как и в Москве, – 40 руб. за полугодие (Бречкевич, 1919, с. 85)⁴.

Внимание членов Совета СВАЭИ к опыту московских коллег понятно. Казанская профессура имела давние связи с Московским археологическим институтом. Многолетним соратником и другом директора МАИ А.И. Успенского был казанский профессор Н.Н. Фирсов, взявший на себя преподавание в Северо-Восточном институте русской истории и истории Поволжья (ОР РГБ. Ф. 434, оп. 1,

⁴ С конца 1917 г. институт стал получать государственные субсидии, хотя они часто задерживались и нередко сокращались.

карт. 7, д. 19, л. 1–104). Б.Ф. Адлер с 1913 г. читал в МАИ и его губернских отделениях лекции по этнографии (Там же, карт. 1, д. 38, л. 1–9; ЦИАМ. Ф. 376, оп. 3, д. 67, л. 17). Б.П. Денике, утвержденный в СВАЭИ преподавателем античного искусства, бывал в стенах МАИ, по крайней мере, с 1913 года. А.М. Миронов, читавший во вновь образованном институте античное искусство, многие годы переписывался с директором МАИ А.И. Успенским. Соратником последнего был и С.П. Шестаков (Там же, карт. 5, д. 25, л. 1–2), возглавивший в СВАЭИ кафедру палеографии. Председатель Казанской ГУАК Л.М. Савелов был одним из членов-учредителей МАИ и его почетным членом, а также читал лекции по нумизматике как в самом институте, так и в его филиалах (РГИА. Ф. 733, оп. 145, д. 91, л. 6; ЦИАМ. Ф. 376, оп. 2, д. 206; оп. 3, д. 49, л. 93).

В состав созданного в Казани института входило три отделения – археологическое, археографическое и этнографическое. Деканами отделений были избраны соответственно Н.Ф. Катанов, М.В. Бречкевич и Б.Ф. Адлер (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 3, л. 8). На археологическом и археографическом отделениях срок обучения предполагался три года, на этнографическом – четыре. Последнее отделение было создано с учетом специфической этнокультурной ситуации в Поволжье: здесь существовали народы с различными религиозными и историческими традициями. «История Поволжья, обзор источников местного края, турецко-татарские древности, финские древности, мусульмановедение, мусульманское искусство, география Поволжья,

история просвещения народностей Поволжья и Приуралья, казанско-татарское наречие, черемисский язык и т.д. – все эти и другие подобные науки имеют целью всесторонне ознакомить слушателей с прошлым и настоящим родного края и всего его населения, со всеми его особенностями – национальными, культурными, бытовыми и т.д.» (Бречкевич, 1920, с. 4). Внимание устроителей института к обычаям народов Поволжья отразилось и в названии учреждения, где появилось слово «этнографический». В протоколе организационного заседания Совета институт даже именовался «Северо-Восточной этнографический и археологический институт»⁵.

Начиная с весны 1919 г. в институте предпринимались действия по учреждению четвертого отделения – восточного (ОР НБЛ. Д. 2.488, л. 150), которое начало действовать с 26 мая 1919 г. В нем были сконцентрированы преподававшиеся на различных отделениях востоковедческие дисциплины (Бречкевич, 1920, с. 7). Ориенталистика стала одним из главных направлений деятельности СВАЭИ. В 1922 г. при Восточной академии, в которую в декабре 1920 г. при непосредственном участии Б.Н. Вишневого, Г.Ш. Шарафа, А. Максудова, М.В. Бречкевича и М.Г. Худякова был преобразован институт, по инициативе Н.Н. Фирсова было организовано Общество востоковедения (ОР НБЛ. Д. 7.385/2, л. 2), ставшее предшественником получившего широкую известность Научного общества татароведения (Валеев, 1998, с. 248–253).

⁵ Деятельности этнографического отделения посвящена статья А.М. Леонтьевой (1978, с. 53–62).

С преподаванием археологии в Северо-Восточном институте дело не заладилась с самого начала. Устроители института предполагали, что преподаватели Московского археологического института согласятся читать лекции в Казани⁶. Первоначально предполагалось, что В.А. Городцов, читавший курс первобытной археологии в МАИ, будет вести этот курс в СВАЭИ два раза в неделю по два часа (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 3, л. 1 об.; д. 16, л. 2–3). Василий Алексеевич воспринял это предложение положительно и даже прислал в конце 1917 г. письмо, в котором высказывал свое мнение «о программе преподавания первобытной археологии в С.В. археологическом институте применительно к его особенностям» (Там же, д. 3, л. 10). Эта программа была заслушана на Совете института «и передана Адлеру для приведения в соответствие с общим планом преподавания» (Там же). Однако приезд В.А. Городцова в Казань постоянно откладывался, что вызывало беспокойство руководителей института. На заседании Совета 27 ноября 1918 г. «Б.Ф. Адлер прежде всего сообщил о болезни Городцова, вследствие которой он не может приехать в Казань раньше чем после Рождества для чтения лекций по первой части археологии» (Там же, л. 68).

М.В. Бречкевич с тревогой писал в Москву: «ход преподавания наук в

⁶ Хотя надежды на постоянное сотрудничество не оправдались, отдельные общедоступные лекции в городе профессора МАИ все же прочли. Приехавший из Москвы В.И. Троицкий в апреле 1920 г. на собрании СВАЭИ два дня читал лекцию «Золотое и серебряное дело в Москве в XVII веке»; см.: Знамя революции. 21 апреля 1920 г. № 86 (641). С. 4.

институте повелительно требует теперь чтения лекций по указанному предмету, мы все надеемся, что в интересах любимой Вашей науки (которая должна распространяться по мере среди юношества), в интересах далее студенчества и, наконец, для поддержания нашего молодого Археологического института, Вы приедете к нам в самом ближайшем будущем» (Там же, д. 36, л. 1). Но В.А. Городцов в Казани так и не появился.

Б.Ф. Адлер на заседании Совета института 29 декабря 1918 г. сделал специальное заявление «о необходимости преподавания первобытной археологии обязательно в весеннем семестре 1919 г.» (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 3, л. 72). Совет постановил «предложить В.А. Городцову обязательно в начале весеннего полугодия приехать в Казань для чтения лекций» (Там же). Но надежды окончательно рухнули в начале 1919 г., когда Городцов отписал в Казань: «будучи физически крайне истощенным голодовками и холодом, прибыть в институт для чтения лекций не могу. С глубоким прискорбием сообщая о сем, я прошу Совет и представителей студенчества извинить меня и считать себя совершенно свободными для замещения меня другим лектором» (Там же, д. 36, л. 2)⁷. Так же безуспешными оказались попытки пригласить в Казань Д.Н. Анучина (Там же, д. 3, л. 68 об.), В.К. Трутовского (Там же,

⁷ Со стороны В.А. Городцова это не было отговоркой или отпиской. Записи в его личном дневнике (Городцов, 2014) свидетельствуют о том, что ученый и его семья были в это время на грани выживания. Ситуация несколько поправилась, когда он стал получать так называемый «академический паек», фактически спасший их от голода.

л. 1 об.), П.П. Ефименко (Там же, л. 43 об.) и А.М. Тальгрена (Там же, л. 10)⁸. Все это привело к тому, что археология в Казанском институте в первые годы его существования не преподавалась вовсе.

Пришлось рассчитывать на свои силы. На заседании Совета 16 февраля 1919 г. по предложению Н.Н. Кравченко, «вследствие отказа приехать в Казань В.А. Городцова и безнадёжности его приезда», было принято решение «разделить этот курс между несколькими преподавателями по родственным кафедрам» (Там же, л. 81). Б.Ф. Адлер посчитал правильным «предложить этот курс проф. Н.Ф. Высоцкому, как знатоку каменного века, а также почетному члену Казанского общества археологии и истории П.А. Пономареву для практических занятий, как лучшему в Казани практическому знатоку археологии» (Там же). Члены Совета понимали паллиативность принятого ими решения и не оставляли надежды заполучить В.А. Городцова в Казань для чтения лекций. На том же заседании 16 февраля 1919 г. они постановили «принять меру к тому, чтобы преподавал первобытную археологию и сам Городцов, как выдающийся спе-

циалист по этому предмету» (Там же). Но эти надежды не оправдались.

Постоянное упоминание имени В.А. Городцова в документах СВАЭИ за 1917–1919 гг. сформировало у некоторых историков мнение, что Василий Алексеевич преподавал в Казани (Тутаев, 1970, с. 347; Руденко, 2014, с. 360). Но это ошибка.

Н.Ф. Высоцкий и П.А. Пономарев охотно откликнулись на предложение Совета института. Первый сообщил, что «принимает на себя чтение краткого демонстративного курса по доисторической археологии (каменный век)», а второй – «что хотя он теперь не здоров, но надеется в весеннем семестре вести курс (по 2 ч. в неделю) под названием: “Доисторические финские памятники Камско-Волжского края (могильники и городища)”, а в летнем: “Камско-Волжская Болгария и ее древние памятники”» (Там же. Л. 84, 84об). Но Петр Алексеевич так и не смог приступить к лекциям. Он скоропостижно скончался 14 марта 1919 г. от воспаления легких (Худяков, 1920 а, с. 247).

Н.Ф. Высоцкий не был профессиональным историком. Николай Федорович занимал должность профессора хирургической патологии, преподавал в Казанском университете и Женском медицинском институте. Но проявлял интерес к антрополого-этнографическим и археологическим исследованиям, напечатал ряд работ на эти темы (Высоцкий, 1879/1880; 1880; 1908 а; 1908 б; 1908 в; 1909; Штукенберг, Высоцкий, 1885), был членом Обществ археологии, истории и этнографии и естествоиспытателей при Казанском университете, неоднократно производил археологические обследования на территории Казанской

⁸ Это было уже второе предложение А.М. Тальгрена о преподавательской работе в Казани. Первое было сделано через А.А. Спицына в феврале 1916 г. с приглашением на восстанавливаемую в университете кафедру финских языков. Спицын писал, что «Казанский Университет не будет требовать непременно только филолога» (Цит. по: Кузьминых, 2011, с. 13). Тальгрэн не откликнулся согласием на это предложение в силу своей большой занятости подготовкой к изданию больших археологических собраний В.И. Заусайлова и И.П. Товостина.

губернии, уделяя особое внимание памятникам каменного и бронзового веков (Высоцкий, 1908 а). Из собранных и купленных артефактов ему удалось составить личную историко-археологическую коллекцию, насчитывающую несколько тысяч экспонатов (Александров, 1903–1908). Но назвать его глубоким специалистом в области археологии трудно.

Неудивительно, что представленная им программа лекций по доисторической археологии была более чем лаконична: «I. Общие сведения о каменном веке в Западной Европе; II. Краткий очерк истории исследований о каменном веке в России; III. Каменный век в Казанской губернии. Стоянки и поселения каменного века. Типы каменных орудий и орудий, способы их выделки. Костяные орудия. Глиняная посуда и способы выделки ея. Остатки животных в поселениях каменного века. Человеческие остатки» (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 2, л. 28). Действительно, эту программу можно воспринимать только как программу «демонстрационного курса». Н.Ф. Высоцкий начал свои лекции с летнего триместра⁹ 1919 г. (Там же, д. 16, л. 13).

⁹ Наркомпрос РСФСР в феврале 1919 г. разослал высшим учебным заведениям постановление народного комиссара по просвещению следующего содержания: «В целях возможно более рационального использования учебного времени в высшей школе, впредь до введения триместральной системы взамен существующей семестральной, в наступившем 1919 году устанавливается во всех высших учебных заведениях РСФСР летний семестр с 21-го апреля по 20-е июля» (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 2, л. 30).

Судя по всему, качество преподавания археологии профессором медицины не удовлетворяло руководство института. Директор М.В. Бречкевич, выступая на заседании Совета 28 ноября 1919 г., вынужден был признать, «что в течение всего существования института, несмотря на приглашение В.А. Городцова, Ефименко и объявления конкурса, преподавание археологии, одного из важнейших предметов преподавания, никогда не было достаточно полным вследствие отсутствия археологов-специалистов в г. Казани» (Там же, д. 3, л. 116). Для решения этой проблемы он предложил «поручить преподавание первобытной археологии проф. Адлеру и специального курса по археологии – хранителю местного музея М.Г. Худякову» (Там же). Это предложение было принято с пониманием. «Совет постановил: просить проф. Адлера немедленно открыть чтение курса по первобытной археологии, определив на него 4 недельных часа» (Там же).

Относительно кандидатуры М.Г. Худякова в протоколе заседания Совета записано: «При решении вопроса о поручении курса археологии бронзового века Волжско-Камского края был заслушан: 1) отзыв о нем проф. Адлера, который характеризовал его как талантливого ученого работника, давно интересующегося археологией, прошедшего начальную школу этой науки у известного знатока старины Казанского края, покойного ныне П.А. Пономарева, указывал далее, что Худяков раскопчное дело изучил практически, производя эти работы в Болгарах совместно и под руководством С. Покровского, что ему принадлежит целый ряд печатных отчетов по разным вопросам ар-

хеологии¹⁰, что он специально много работал и продолжает работать по исследованию бронзового века в нашем крае¹¹, что он знаком с составом археологических коллекций в университете и заведует археологическим отделением в городском музее, во 2) заслушана была представленная Худяковым программа по вышеназванному курсу.

Постановили: пригласить Худякова для прочтения курса “Бронзовый век в Волжско-Камском крае” в размере 4 недельных часов, представляя ему право, в случае надобности, сократить это число» (Там же).

М.Г. Худяков к тому времени успел зарекомендовать себя как способный молодой ученый: его студенческие занятия в археологическом музее и кабинете географии университета протекали под патронажем Адлера. Кроме того, на истфилфаке Михаил Худяков был одним из учеников Бречкевича, который и в дальнейшем оказывал ему всяческое содействие, в том числе ходатайствовал об увеличении оплаты труда в СВАЭИ (Корнилов, 1997, с. 23).

¹⁰ Речь шла о следующей работе: Худяков, 1916; 1917; 1919 а; 1919 б.

¹¹ Б.Ф. Адлер имел в виду интерес М.Г. Худякова к материалам поселений и могильников бронзового века Волжско-Камского края, раскопанных П.А. Пономаревым, А.Ф. Лихачевым, Н.Ф. Высоцким, А.А. Штукенбергом и др., которые в начале 1920-х гг. стали рассматриваться Михаилом Георгиевичем в рамках маклашевской культуры (см. подробнее: Кузьминых, 2004 б, с. 35). Кроме того, Адлер знал, что для юбилейного сборника статей в честь 25-летия Казанского губернского музея молодой ученый подготовил обширную работу об ананьинской культуре (Худяков, 1923).

В отличие от программы Н.Ф. Высоцкого лекции М.Г. Худякова были гораздо более продуманными и профессиональными. В силу важности программы его курса для истории археологического образования в России в первые послереволюционные годы важно привести ее полностью.

«Программа по археологии бронзового века Волжско-Камского края.

I. Волжско-Камский район распространения медного и бронзового периодов. Географические пределы рассматриваемой культуры. Особенности естественных условий, оказывавших влияние на развитие медной и бронзовой культуры в пределах Волжско-Камского края. Распространение городищ и могильников в данном районе. Распространение отдельных находок. Местоположение Айшинского могильника и следствия, вытекающие из его местоположения.

II. Обзор археологических исследований в пределах Волжско-Камского края. Общие условия развития русской археологии. IV Археологический съезд в Казани в 1877 году, возникновение Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и влияние его на развитие археологии Волжско-Камского края. Труды П.А. Пономарева по изучению Ананьинского могильника и костеносных городищ. Труды А.А. Спицына по изучению костеносных городищ. VII Археологический съезд в Ярославле в 1887 г. Труды Археологической комиссии и Московского археологического общества по изучению Прикамских могильников в 1890-х годах. Коллекция В.И. Заусайлова и приобретение ее Финляндским национальным музеем. Новейшие работы финляндских ученых по изуче-

нию археологии Волжско-Камского края и применение ими новых методов. Труды А.М. Тальгрена по бронзовому веку Волжско-Камского края.

III. Связь некоторых ранних металлических культур с предшествовавшей культурой неолита. Очаги металлической культуры вне пределов Волжско-Камского края. Древнейшие центры бронзовой культуры на востоке и западе. Посредствующие звенья культуры бронзового века. Ранние культуры металлического периода в пределах Европейской России. Фатьяновская культура, культура донецких катакомбных могильников и Кобанская культура северных предгорий Кавказа. Гипотеза “урало-алтайского” бронзового века и предположение о сибирском происхождении Волжско-Камской культуры медного и бронзового периодов. Различия между культурами Волжско-Камского края и Алтайско-Минусинской культурой. Возникновение нового центра металлической культуры на севере Западной Европы. Распространение скандинавских форм на востоке и восточных форм в Скандинавии. Эллино-скифская культура на юге России и влияние ее на Волжско-Камский район. Следы постоянных сношений Черноморского побережья и Волжско-Камского края. Возрождение “скифской” гипотезы в трудах Миннза и Тальгрена.

IV. Классификация периодов бронзового века по Тальгрону и ее основания. Хронологические пределы отдельных периодов. Хронология, предложенная А.А. Спицыным, и расхождение ее с хронологией Тальгрена. Классификация поздних культур бронзового века, предложенная

П.А. Пономаревым, и возможные поправки к этой классификации.

V. Невозможность систематического обзора медного века Волжско-Камского края. Район распространения главнейших типов орудий медного века в Волжско-Камском крае. Классификация медных топоров, предложенная А.М. Тальгреном в 1911 году, и позднейшее дополнение к ней.

VI. Культура Ананьинского могильника. Первое упоминание о могильниках. История исследования могильника. Раскопки Алабина, Лерха и Невоструева. Раскопки П.А. Пономарева. Дальнейшая судьба могильника и раскопки Ф.Д. Нефедова. Различия между древностями песчаной дюны и самого могильника. Системы погребений в Ананьинском могильнике. Главнейшие типы предметов, встречающиеся в могильнике, и их происхождение. Представление о культуре и быте народности, представители которой погребались в могильнике. Другие могильники в Прикамье, аналогичные Ананьинскому: Котловский могильник и раскопки его Ф.Д. Нефедовым, Зуевский могильник.

VII. Культура Пьяноборского могильника. Открытие могильника и история ее исследования. Бронзовые нагрудные фибулы “пьяноборского типа”. Гипотезы их назначения и происхождения. Миниатюрные фибулы из Нырғындынских могильников. Классификация фибул пьяноборского типа.

Могильники Атамановский, Казанский и Айшинский. Прочие места распространения культуры Казанского могильника. Особенности казанских нагрудных фибул по сравнению с Пьяноборскими. Сходство пьяно-

борской и казанской культуры с культурами Кошибеевского могильника в Средней России и отчасти с кавказскими древностями.

VIII. Культура костеносных городищ. Район их распространения. Назначение городищ костеносного типа. Особенности устройства костеносных городищ. Группа городищ близ с. Шурана Лаишевского уезда. Пижемское и Аргыжское городища. Сходство некоторых предметов, находимых на костеносных городищах, с культурой Ананьинского могильника. Особенности звериного стиля изделий, находимых на городищах. Аналогичные предметы с Воткинского городища и из Двинского края.

IX. Ранние культуры железного века в Волжско-Камском крае: чудская культура на севере и биллярская культура на юге. Наследие бронзового века в культуре позднейших периодов. Гипотезы о судьбе поселений бронзового века.

Основной недостаток в исследованиях древностей Волжско-Камского края и необходимость дальнейшего изучения бронзового века в пределах этого края» (Там же, д. 2, л. 43–44).

Программа и, вероятно, лекции М.Г. Худякова опирались на труды русских и европейских археологов, опубликованные к рубежу 1910–1920-х годов. Судя по содержанию программы, базовыми для него, помимо работ казанских ученых А.Ф. Лихачева, А.А. Штукенберга, П.А. Пономарева, Н.Ф. Высоцкого, И.Н. Смирнова и др.¹², являлись труды А.А. Спицына (1893; 1901 а; 1901 б; 1901 в; 1902; 1903; 1906) и А.М. Тальгрена (Tallgren, 1911; 1916).

¹² См. обзор их работ: (Худяков, 1923; Чижевский, 2013 а; 2013 б).

Как ни странно, но в программе не чувствуется явного влияния идей “Бытовой археологии” – концептуального для русской археологии тех лет труда В.А. Городцова (1910). И что совсем удивительно, Худякову остался неизвестным или – в силу ряда причин¹³ – недоступным труд “Культуры бронзовой эпохи в Средней России” (Городцов, 1915). Иначе бы в программе отразилось сравнение периодизации и хронологии бронзового века Тальгрена и Городцова (а не Спицына, разработки которого отражали уровень науки еще начала XX в.), вместо термина «культура донецких катакомбных могильников» использовался бы городцовский – «донецкая катакомбная культура», и тем более Михаил Худяков не мог бы пройти мимо его очерка «сейминская культура», как это произойдет буквально через год после личного знакомства с Василием Алексеевичем в Казани (Худяков, 1920 б). В программе отсутствует и само упоминание имени и трудов ученого, которого Совет СВАЭИ столь настойчиво приглашал для чтения курса «Первобытная археология».

М.Г. Худяков, судя по всему, сознавал, что программе его курса «Бронзовый век Волжско-Камского края» недостает городцовской глубины и четкости. В середине июня

¹³ В 1916–1917 гг. М.Г. Худяков с 3 курса был призван в армию и находился в учебных подразделениях, а затем до осени 1917 г. на Румынском фронте (Кузьминых, 2004 б, с. 30). “Отчет” РИМ с работой В.А. Городцова (1915) был к тому же задержан в печатании и в реальности вышел в свет в 1916 году. Возможно, он и не поступил вовремя в библиотеку Казанского университета из-за лихолетья и смуты, вызванных революциями и гражданской войной.

1920 г. начинающий преподаватель по собственной инициативе написал В.А. Городцову, чтобы завязать знакомство, но прежде всего с целью прояснить многие вопросы, на которые в его лекциях не было ответа (ОПИ ГИМ. Ф. 431, д. 449, л. 68). Худяков надеется на давно ожидаемый визит Городцова в Казань и сам планирует в июле-августе побывать в Москве и поработать при содействии Василия Алексеевича в Историческом музее. Поездка Городцова в Казань оказалась не за горами. В начале сентября он прибыл сюда с инспекцией по линии Музейного отдела НКП РСФСР¹⁴. Помимо служебных дел Василий Алексеевич близко познакомился с казанскими археологическими собраниями, высказал свое мнение о них, много общался с Худяковым. Знакомство и тесное общение с Городцовым придали импульс не только научным занятиям Михаила Худякова (подвигнув его на изучение Полянковских древностей и каменных сверленных топоров), но и сказались на его практических занятиях со студентами Восточной академии. Об этом он подробно напишет Городцову в марте 1922 года (Там же, л. 70 об., 71).

Возвращаясь к программе М.Г. Худякова, отметим, что, несмотря на некоторые упущения, она была нацелена на ознакомление слушателей СВАЭИ с современными результатами и достижениями русской и зарубежной науки в изучении бронзового и раннего железного веков Волго-Камья. В завершающих лекциях М.Г. Худяков перебрасывал «мостик» к следующему циклу лекций – о «чудской»

культуре на севере края (который ему предстояло читать в дальнейшем) и «билярской» – на юге, от ананьинско-пьяноборских древностей к средневековым. В них затрагивалась и популярная в казанской археологии конца XIX – начала XX в., особенно в трудах А.Ф. Лихачева (1884; 1886), тема о наследии бронзового и раннего железного веков в культурах позднейших периодов. В программе нашли отражение и собственные научные разыскания М.Г. Худякова еще студенческих лет. В частности, он выделил из пьяноборской культуры могильники Атамановский, Казанский (у Старого стекольного завода – *авт.*) и Айшинский, объединив их в рамках «казанской культуры» или «культуры Казанского могильника»¹⁵. Но повторим – в своей базовой части программа М.Г. Худякова отражала результаты научных исследований А.А. Спицына и А.М. Тальгрена, а с 1920 г. и В.А. Городцова. Во всяком случае, в письмах В.А. Городцову (15.06.1920; ОПИ ГИМ. Ф. 431, д. 449, л. 68) и А.М. Тальгрена (8.03.1923; РОНБФ. Coll. 230.5) М.Г. Худяков сообщал, что лекции по археологии бронзового века основаны им преимущественно на трудах этих ученых.

Лекции М.Г. Худякова пользовались большим успехом у слушателей,

¹⁵ В настоящее время данные могильники рассматриваются как памятники азелинской культуры, которая была выделена В.Ф. Генингом в 1950-е годы. Но впервые на своеобразие этих древностей, в частности, эполетообразных застежек с овальным диском (а не с круглым, как в собственно пьяноборских могильниках), М.Г. Худяков обратил внимание еще в студенческой работе 1916 года (Кузьминых, 2004 б, с. 28, 29), а затем в ряде публикаций (Худяков, 1917; 1923; 1929).

¹⁴ См. подробнее о поездке В.А. Городцова в Казань в сентябре 1920 г.: (Кузьминых, Белозерова, 2014).

что позволило М.В. Бречкевичу на заседании Совета 1 мая 1920 г. доложить, «что М.Г. Худяков, приглашенный для прочтения в предыдущем триместре курса по бронзовому веку в России, с успехом выполнил это поручение, что подтверждается, между прочим, аккуратным посещением его лекций студентами, и что он для предстоящего триместра предлагает прочесть введение в археологию, где будет обращено внимание на приучение студентов к оперированию с научными материалами» (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 3, л. 120).

Помимо этого, в начале 1919 г. профессор С.П. Шестаков предложил свои услуги как лектора по курсу «доисторической культуры Эгеиды (берегов и о-вов восточного бассейна Средиземного моря)» (Там же, д. 3, л. 94–95)¹⁶, который он и начал читать с лета того года.

В результате принятых решений весной 1920 г. в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте преподавались следующие дисциплины, связанные с археологией. Н.Ф. Высоцкий читал курс «Русская доисторическая археология» и «Западноевропейская доисторическая археология», а М.Г. Худяков – «Введение в археологию» (Там же, л. 117). Из жизнеописаний и переписки с В.А. Городцовым и А.М. Тальгреном известно, что Худяков вел в СВАЭИ, а затем в Восточной академии также специальный курс «История археологии» (Кузьминых, 2004 б, с. 36). К сожалению, из сохранившихся документов невозможно определить, как в его лекциях отразилась предложенная

им программа преподавания бронзового века Волго-Камья. Кроме того, Б.Н. Вишневецкий читал лекции по палеонтологии человека и вел курс практических занятий по этому предмету. Тогда же по настоянию Б.Ф. Адлера, М.В. Бречкевича и Б.Н. Вишневецкого в список учебных предметов была добавлена четвертичная геология, которую стал читать профессор Казанского университета М.Э. Ноинский. Помимо этого, члены Совета решили ввести специальный курс «археологической съемки... в виду важности ее для будущих археологов» (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 3, л. 117, 117 об.). Читать этот курс поручили главе Энгельгардтовской обсерватории Казанского университета профессору М.А. Грачеву, «заявившим себя прекрасным специалистом в этой области» (Там же). Кроме того, в программу занятий были включены дисциплины «Научная фотография в применении к этнографии и раскопкам», которую вел З.З. Виноградов, и «Экскурсионная практика (технология, определение животных находок и проч.)» под руководством Грачева (Там же, д. 8, л. 3 об.; д. 40, л. 13 об.).

Осенью того же года программа археологических курсов была значительно изменена. Согласно протоколу заседания Совета от 4 октября 1920 г., в институте преподавались следующие предметы, связанные с археологией. Б.Ф. Адлер читал первобытную археологию и антропологию, П.Г. Архангельский – «древности русской археологии» и вел практические занятия по этому предмету, Б.Н. Вишневецкий – антропологию и палеонтологию человека и соответствующие практические занятия, М.Г. Худяков вел практические занятия по курсу

¹⁶ Впоследствии курс получил название «греко-римская археология» (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 39, л. 58).

первобытной культуры и читал курс лекций «Чудская культура» (Там же, д. 3., л. 131, 131 об.). Н.Ф. Высоцкий прекратил чтение своих лекций в связи с отъездом в длительную командировку, предложив вместо себя «в качестве профессорского стипендиата... студента Спиридонова, в высшей степени трудолюбивого, способного, и исполнившего целый ряд рефератов и составившего краткий курс прочитанных профессором лекций по первобытной археологии» (Там же, л. 134, 134 об.). Положительно об этой кандидатуре отозвался и Б.Ф. Адлер. По сему поводу Совет решил «иметь в виду эти отзывы при окончании Спиридоновым института» (Там же).

Помимо теоретических курсов руководство института пыталось организовать практические занятия по археологии как в камеральных условиях, так и в рамках «научных экскурсий». Первоначально этим должен был заниматься П.А. Пономарев (Там же, л. 81). После его смерти эту обязанность возложили на П.Г. Архангельского и М.Г. Худякова (Там же, л. 131, 131 об.)¹⁷. На основании сохранившихся документов трудно представить программу практических занятий по археологии в стенах

¹⁷ У М.Г. Худякова был к тому времени опыт экскурсионной, кружковой и краеведческой работы с учащимися казанской школы II ступени № 4, где он с 1918 г. преподавал историю и русский язык. В дальнейшем исторические и археологические экскурсии проводились им при содействии постоянной Казанской экскурсионной базы (Кузьминых, 2014 б, с. 32). Опыт этой экскурсионной деятельности – редкий для этого времени – заслужил поддержку казанской педагогической и научной общественности (Воробьев, 1922, с. 53).

института, но из более поздних писем Михаила Худякова к В.А. Городцову (11.03.1922; ОПИ ГИМ. Ф. 431, д. 449, л. 70–71) явствует, что он, в частности, занимался со студентами изучением каменных сверленных топоров из собрания ЦМТР и археологического музея ОАИЭ¹⁸. Причем Худяков отмечал усердную работу своих студентов: «Вместо 2 часов в неделю (по расписанию) по желанию студентов мы работаем над топорами по 6–8 часов в неделю» (Цит. по: Кузьминых, 2014 б, с. 36).

Археологические экскурсии в поле проводить удавалось, но они были спорадическими и не давали слушателям возможности получить реальные навыки полевой работы.

Первая экскурсия на археологические памятники, в которой приняло участие 18 «слушателей и слушательниц» института, была проведена 8 июня 1919 г. под руководством Н.Ф. Высоцкого и при участии М.В. Бречкевича. Были осмотре-

¹⁸ Итогом этой работы стала подготовленная М.Г. Худяковым рукопись статьи или брошюры о каменных сверленных топорах из археологического музея университета и ЦМТР. Казанский ученый отправил рукопись А.М. Тальгрёну. В случае положительного отклика М.Г. Худяков надеялся на публикацию работы в каком-либо из финских изданий. Но судя по контексту его писем А.М. Тальгрёну, последний забраковал рукопись. Другой причиной отклонения текста М.Г. Худякова могло быть то, что в это время тему о каменных сверленных топорах Восточной Европы активно разрабатывал А. Еуропеус, в сводку которого вошли и топоры из казанских музеев (Åugärää, 1933). В итоге М.Г. Худяков не затребовал рукопись обратно, и она «осела» в рабочем архиве А.М. Тальгрёна в Музейном ведомстве Финляндии.

ны «поселения каменного века» на Большом и Малом Буграх близ д. Отары» (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 34, л. 3). Эти памятники были открыты Н.Ф. Высоцким в 1881 г. и исследованы им в 1881–1885 гг. (Штукенберг, Высоцкий, 1885)¹⁹.

Весьма интересной была реакция слушателей института на предъявленные Н.Ф. Высоцким кремневые изделия и отщепы, которые он при них собрал на поверхности памятника. «Кремневые осколки, очевидно, не были для них убедительны, как этого и следовало ожидать от людей, никогда не видевших их и не знакомых с теми нередко малозаметными признаками, по которым опытный глаз определяет способ их происхождения». Несколько более впечатлили экскурсантов «черепки глиняной посуды». Но лишь находки «ряда предметов» убедили слушателей, «что они действительно находятся на древнем поселении неолитического периода» (Высоцкий, 1920, с. 27, 28). Подобная реакция студентов СВАЭИ, уже прослушавших ряд археологических курсов, но не воспринимавших кремневые артефакты как археологические предметы, весьма ярко показывает общий образовательный уровень слушателей института и полученные ими профессиональные знания.

Спустя несколько дней, 29 июня 1919 г., Н.Ф. Высоцкий предпринял вторую экскурсию в окрестности д. Малые Отары²⁰, в которой, помимо слушателей института, приняли

участие преподаватели С.П. Шестаков, К.В. Харлампович, С.Е. Малов, А.И. Емельянов. Результаты обеих экскурсий были опубликованы в первом выпуске «Известий» СВАЭИ (Высоцкий, 1920, с. 25–36).

Летом следующего, 1920 года, Б.Ф. Адлер организовал «2-дневную экскурсию 30 чел. (25 студентов и 5 профессоров) в дер. Займище к месту стоянки человека каменного века»²¹, на которую было ассигновано 25 тыс. руб. (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 40, л. 37 об.). Ранее, в 1917 г., Адлер вместе с ассистентом С.Н. Лаптевым и студентами кафедры географии, этнографии и антропологии уже осматривал памятник и провел небольшие раскопки. Результаты этих экскурсий нашли отражение в студенческой печати (Шнеерсон, 1921).

Понятно, что организаторы экскурсий не могли обойти вниманием такой уникальный археологический памятник, как Болгарское городище. Впервые вопрос о проведении туда экскурсии под руководством Н.Ф. Катанова был поднят на заседании Совета 22 июня 1919 г. (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 3, л. 97 об.). Но осуществить ее удалось только летом 1920 г. Экскурсия под руководством Б.Ф. Адлера, С.Е. Малова и Н.Ф. Катанова продолжалась целую неделю, с 1 по 7 июня. На нее было израсходовано 75 тыс. руб., «включая сюда и расходы по покупке альбомов видов с. Болгар и древних в нем зданий Эрдмана, Кашинцева и Ахмарова» (Там же, д. 40, л. 36 об.). Для слушателей также проводились и единичные геологические экскурсии (Там же, д. 34, л. 5).

¹⁹ См. подробнее об этих памятниках и их исследовании: Халиков, 1981, №№ 227, 228.

²⁰ Речь идет, скорее всего, о Большеотарских стоянках I и IV (Халиков, 1981, №№ 240, 241).

²¹ Речь идет, вероятно, о Займищенской II или III стоянке (Халиков, 1981, №№ 52, 54).

Но эти отдельные выезды, справедливо именуемые «экскурсиями», никак нельзя считать реальной археологической практикой, позволявшей слушателям института овладеть навыками полевых исследований и методикой научных раскопок различных археологических памятников.

Осенью 1920 г. М.В. Бречкевич, Б.Н. Вишневский, Г.Ш. Шараф, А. Максудов и М.Г. Худяков выступили с инициативой о преобразовании Северо-Восточного археологического и этнографического института под эгидой НКП ТССР в Восточную академию. Эта инициатива преследовала цель «избавиться от тех преподавателей, чья предшествующая деятельность и взгляды не соответствовали современному политическому курсу, или, как тогда говорили, от реакционных и миссионерских элементов» и получила поддержку Совнаркома республики (Сидорова, 2003, с. 69).

В конце 1920 г. решение о преобразовании было принято (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 2, л. 18). Народный комиссар просвещения республики 11 июня 1921 г. потребовал в два дня «оставшимся в г. Казани членам президиума Северо-Восточного археологического и этнографического института... сдать все делопроизводство и имущество института представителям назначенной Народным комиссариатом просвещения организационной тройки по созданию в Татарской Республике Восточной Академии» (Там же, д. 3, л. 153). Исполняющим обязанности ректора академии назначили Н.Н. Фирсова (Ермолаев, Литвин, 1976, с. 70).

С изменением названия изменилась и структура учреждения. В составе Восточной академии учреждалось

4 отдела: историко-археологический, этнографический, словесный и социально-экономический (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 2, л. 18). Все эти преобразования происходили на фоне не прекращавшейся с 1919 г. борьбы сотрудников института, а затем академии с многочисленными попытками вовсе упразднить это учреждение, что также не способствовало стабильности учебного процесса.

В конце 1921 г. на должность профессора по кафедре археологии по представлению Н.Ф. Катанова и С.П. Шестакова был избран В.Ф. Смолин. Ранее он не участвовал в деятельности СВАЭИ, так как с 1918 г. находился в Томске (Кузьминых, 2004 а. С. 6, 7). Осенью 1922 г. после слияния Восточной академии с факультетом общественных наук университета и учительским институтом в единый Восточный педагогический институт кафедру археологии на отделении востоковедения в последнем занял В.Ф. Смолин, а не М.Г. Худяков. В.Ф. Смолин – ученик профессоров Э. фон Штерна и М.М. Хвостова – имел по сравнению с М.Г. Худяковым более высокий профессиональный ранг. В университетской научной среде Виктор Федорович пользовался заметно бóльшим авторитетом. После возвращения осенью 1920 г. из Томска он по праву стал лидером среди археологов Казани, и в новом институте курсы, читавшиеся до мая 1922 г. (т.е. до конца учебного года) М.Г. Худяковым, перешли к нему (Кузьминых, 2004 б). После закрытия Восточной академии многие ее бывшие преподаватели стали читать лекции в Восточном педагогическом институте. Среди них Е.Ф. Будде, Н.В. Никольский, Н.Н. Фирсов. В ведение пе-

дагогического института перешла и библиотека СВАЭИ (Новый педагог, 1927, с. 65, 66, 72, 73).

Как можно понять, система преподавания археологических дисциплин в Северо-Восточном институте так и не была окончательно создана. Перечень предметов археологического профиля постоянно менялся и дополнялся. Нередко курсы, читаемые одними и теми же преподавателями, в различных семестрах именовались по-разному, что также свидетельствовало об отсутствии у руководства института сформировавшегося представления о структуре и методике преподавания археологических дисциплин. Как уже говорилось, археология не была приоритетом в деятельности СВАЭИ, хотя слушатели археологического отделения составляли большую часть учащихся²². Гораздо большее внимание дирекция института уделяла вопросам этнографии, востоковедения и архивоведения. Заслуги СВАЭИ и его сотрудников в деле спасения региональных архивов и развития ориенталистики отмечались неоднократно (Бречкевич, 1919, с. 86, 87; 1920 б, с. 9–24; Тутаев, 1970, с. 349; Бобков, 1989, с. 44–48; Шамсутдинова, 1999, с. 283–292; Валеев, 1998, с. 242–247). А реальных археологических исследований не проводилось вовсе. В подобном контексте неудивительно, что в составе «Известий» (1920; 1921) института, решение об издании которых было принято в июле 1918 г. (НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 3, л. 51 об.), практически не было статей по археологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александров А.И.* Историко-археологический музей заслуженного ординарного профессора Императорского Казанского университета Н.Ф. Высоцкого. – Вып. 1–4. – Казань, 1903–1908.
2. *Александров А.И.* О трудах и занятиях по археологии, истории и этнографии заслуженного ординарного профессора Императорского Казанского университета Н.Ф. Высоцкого. – Казань, 1906. – 6 с.
3. *Бобков В.Н.* Ученые Казанского университета и архивы в первые годы Советской власти // Советские архивы. – 1989. – № 5. – С. 44–48.
4. *Бречкевич М.В.* Северо-Восточный археологический и этнографический институт // ИОАИЭ. – Т. XXX, вып. 1. – Казань, 1919. – С. 81–87.
5. *Бречкевич М.В.* Северо-Восточный археологический и этнографический институт в г. Казани // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в гор. Казани. – Т. I. – Казань: 5-я Государственная типография, 1920а. – С. 1–9.
6. *Бречкевич М.В.* Краткие сведения о деятельности Северо-Восточного Археологического и Этнографического Института по отношению к архивам гор. Казани // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в гор. Казани. – Т. I. – Казань: 5-я Государственная типография, 1920б. – С. 9–24.

---

²² В 1919/20 учебном году из 90 слушателей института на археологическом отделении числилось 52 человека, на этнографическом – 16, на восточном – 22 (см.: НА РТ. Ф. Р-1339, оп. 1, д. 4, л. 11).

7. *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. – 380 с.
8. *Валеев Р.М.* О кончине Н.Ф. Катанова. Письмо Б.В. Миллера С.Ф. Ольденбургу // Восточный архив. – 2011. – № 2 (24). – С. 44–47.
9. *Войтов В.Е.* Материалы по истории Государственного музея Востока (1918–1950): Люди. Вещи. Дела. – М.: СканРус, 2003. – 495 с.
10. *Воробьев Н.И.* Окрестности г. Казани как материал для географических и естественно-исторических экскурсий // Вестник просвещения ТССР. – 1922. – № 1–2. – С. 53–62.
11. *Высоцкий Н.Ф.* Современное состояние вопроса о существовании человека в третичную эпоху // ПЗОЕ. – 1879/1880. Засед. 129. – С. 1–15.
12. *Высоцкий Н.Ф.* Очерки Московской антропологической выставки // ТОЕ. – Т. IX, вып. 1. – Казань, 1880. – 49 с.
13. *Высоцкий Н.Ф.* Каменный век в Казанской губернии. – Казань, 1908а. – 12 с., 7 илл.
14. *Высоцкий Н.Ф.* Несколько слов о погребальных обычаях вогул // ИОАИЭ. – Т. XXIV, вып. 3. – Казань, 1908б. – С. 254–257.
15. *Высоцкий Н.Ф.* Несколько слов о древностях Волжской Болгарии // ИОАИЭ. – Т. XXIV, вып. 4. – Казань, 1908в. – С. 340–351.
16. *Высоцкий Н.Ф.* О некоторых типах русских оберегов и об одном татарском амулете // ИОАИЭ. – Т. XXV, вып. 6. – Казань, 1909. – С. 159–166.
17. *Высоцкий Н.Ф.* Следы каменного века в Казанской губернии. Очерк по до-исторической археологии и антропологии Северо-Восточной России // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в гор. Казани. – Т. I. – Казань: 5-я Государственная типография, 1920. – С. 25–36.
18. *Высоцкий Н.Ф.* Село Карташиха в археологическом освещении // Казанский Губернский Музей за 25 лет: Юбилейный сборник статей. – Казань: Типография комбината издательства и печати «Восток», 1923. – С. 32–37.
19. *Городцов В.А.* Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1910. – 474 с.
20. *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОИРИМ за 1914 год. – М.: Синодальная Типография, 1915. – С. 121–226.
21. *Городцов В.А.* Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1. 1928–1935 / Сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. – М.: ИД Триумф принт, 2014. – 687 с.
22. *Гущина Е.В.* Сергей Петрович Покровский. Биографический очерк // С.П. Покровский. Демидовский лицей в г. Ярославле в его прошлом и настоящем. Репринтное воспроизведение издания 1914 года. – Ярославль, Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2012. – С. V–XVI.
23. *Ермолаев И.П., Литвин А.Л.* Профессор Николай Николаевич Фирсов. Очерк жизни и деятельности. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976.
24. *Зорин Н.В.* Бруно Фридрихович Адлер (1874 – не ранее 1932) / Серия «Выдающиеся ученые Казанского университета» – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 36 с.
25. Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в гор. Казани. – Т. I. – Казань: 5-я Государственная типография, 1920, 240 с.

26. Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в гор. Казани. – Том. II. – Казань: 5-я Государственная типография, 1921.
27. *Корнилов И.* На пути к истине: о М.Г. Худякове // Казань. – 1997. – № 8–9.
28. *Кузьминых С.В.* Виктор Федорович Смолин (1890–1932) / Серия «Выдающиеся ученые Казанского университета». – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004а. – 32 с.
29. *Кузьминых С.В.* Казанские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. – Казань: Школа, 2004б. – С. 25–46.
30. *Кузьминых С.В.* А.А. Спицын и А.М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века // ТАС. – Вып. 8, т. II. – Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 2011. – С. 5–27.
31. *Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.* В.А. Городцов и Казань: поездка 1920 года // Поволжская археология. – 2014. – № 4 (10). – С. 186–202.
32. *Леонтьева А.П.* К истокам высшего специального образования // СЭ. – 1978. – № 2. – С. 53–62.
33. *Лихачев А.Ф.* Скифский след на Билярской почве // ИОАИЭ. – Т. V. – Казань: Типогр. Имп. Ун-та, 1884. – С. 1–33.
34. *Лихачев А.Ф.* Скифские элементы в чудских древностях // Труды VI Археологического съезда. – Т. I. – Одесса, 1886. –
35. *Лунин Б.В.* Борис Петрович Денике // Биографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. В 2-х т. – Т. II. – Ташкент: ФАН, 1977. – С. 374–378.
36. *Мальшева С.Ю.* «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы. Эхо веков. – 2003. – № 1–2. – С. 87–92.
37. Новый педагог. Организация и работа Восточного педагогического института в Казани. Итоги пяти лет. 1922–27. Казань: Красный печатник, 1927. 116 с.
38. *Покровский С.П.* Северо-Восточная Россия в историко-археологическом отношении. – Казань: Лито-типография Умид., 1916. – 40 с.
39. *Решетов А.М.* Репрессивная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. – Вып. 4. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1994. – С. 185–221.
40. *Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). – Казань: РИЦ «Школа», 2014. – 768 с.
41. *Сидорова И.Б.* Поступают “сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...” (ОАИЭ в первые годы Советской власти. 1917–1924 гг.) // Гасырлар авазы. Эхо веков. – 2003. – № 3–4 (32–33). – С. 65–81.
42. *Спицын А.А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. – Вып. 1. – М., 1893. – 198 с.
43. *Спицын А.А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. – Вып. 1 / Материалы по археологии России. – № 25. – СПб.: Тип. худож. печати, 1901а. – 120 с., 30 л. ил.
44. *Спицын А.А.* Раскопки А.А. Спицына в Вятской губернии // ОАК за 1898 год. – СПб., 1901б. – С. 41–46.
45. *Спицын А.А.* Гляденовское костыще // ЗРАО. – Т. XII, вып. 12. – СПб.-Пг., 1901в.

46. Спицын А.А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. – № 26. – СПб., 1902. – 150 с.
47. Спицын А.А. Медный век в Верхнем Поволжье // ЗОРСА. – 1903. – Т. V, вып. 1. – С. 77–93.
48. Спицын А.А. Шаманские изображения // ЗОРСА. – Т. VIII, вып. 1. – СПб–Пг., 1906. – С. 29–145.
49. Тутаев М.З. Октябрь и просвещение (Очерки истории просвещения в Татарии накануне Октябрьской революции и в первые годы Советской власти). – Казань: КГПИ, 1970. – 444 с.
50. Халиков А.Х. (ред.). Археологическая карта Татарской АССР: Предкамье. – М.: Наука, 1981. – 212 с.
51. Худяков М.Г. Отчет о раскопках в Болгарах летом 1914 г.: (IV) // Отдел. оттиск из: Отчет о раскопках в Болгарах в июле 1914 года / ИОАИЭ. – Т. XXIX, вып. 5–6. – Казань: Типогр. Имперю ун-та, 1916. – С. 12–24.
52. Худяков М.Г. Древности Малмыжского уезда // ТВУАК. – – Вып. 1–2, отд. 3. – Вятка, 1917. – С. 1–59.
53. Худяков М.Г. Разведки в Билярске летом 1915 года // ИОАИЭ. – Т. XXX, вып. 1. – Казань: Типогр. Импер. Ун-та, 1919а. – С. 59–66.
54. Худяков М.Г. Китайский фарфор из раскопок 1914 г. в Болгарах // ИОАИЭ. – Т. XXX, вып. 1. – Казань: Типогр. Импер. Ун-та, 1919б. – С. 117–120.
55. Худяков М.Г. Петр Алексеевич Пономарев (1847–1919) // ИОАИЭ. – Т. XXX, вып. 3. – Казань, 1920а. – С. 245–260.
56. Худяков М.Г. К посещению Казани В.А. Городцовым в 1920 г. // Казанский музейный вестник. – № 7–8. – Казань: Первая Государственная типография, 1920б. – С. 117–118.
57. Худяков М.Г. Ананьинская культура // Казанский Губернский Музей за 25 лет: Юбилейный сборник статей. – Казань: Типография комбината издательства и печати «Восток», 1923. – С. 72–126.
58. Худяков М.Г. “Эполетообразные” застёжки Прикамья: (Материалы для изучения элементов культуры камских финнов) // Сборник аспирантов ГАИМК. – Вып. I. – Л.: ГАИМК, 1929. – С. 41–50.
59. Худяков М.Г. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области: (Введение в историю народа мари) / ИГАИМК – Вып. 141. – Л.: ГАИМК, 1935. – 132 с.
60. Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. – 2013а. – № 2 (4). – С. 40–63.
61. Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Кабинетно-аналитические исследования // Поволжская археология. – 2013а. – № 2 (4). – С. 64–103.
62. Шамсутдинова Р. Архивное строительство в Татарстане 1917–1920 гг. // Гасырлар авазы. Эхо веков. – 1999. – № 1–2. – С. 283–292.
63. Шнеерсон Л.Б. Дюнная стоянка каменного века у оз. Глубокого близ ст. М.-К. ж.д. Займище // Тр. Студенческого кружка любителей природы при Казанском государственном университете. – Вып. 1. – Казань, 1921. – С. 82–91.
64. Штукенберг А.А., Высоцкий Н.Ф. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии // ТОЕ. – Т. XIV. – Вып. 5. – Казань, 1885. – 88 с.

65. *Äyräpää A.* Über die Streitaxtkulturen in Russland. In: *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, 1933, vol. VIII, pp. 1–160.

66. *Tallgren A.M.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. In: *SMYA*. Helsinki, 1911, vol. XXV: 1, 229 p.

67. *Tallgren A.M.* Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916. 47 p.+XVI pl.

68. *Tallgren A.M.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. In: *SMYA*. Helsinki, 1919, vol. XXXI: 1, 203 p.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); kuzminykhsv@yandex.ru

Смирнов Александр Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация)

ARCHAEOLOGY IN THE NORTH-EASTERN ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC INSTITUTE

S.V. Kuz'minykh, A.S. Smirnov

The article is devoted to the less-known pages of the history of the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute in Kazan. On the basis of archival documents, the history of NEAEI formation is recreated, its formation and activities are analyzed. The Institute was established in February, 1917, transformed under the name of Oriental Academy at the end of 1920, and in the autumn of 1922, it merged with the Kazan University Humanities Department and the local teacher training institute to form the unified Oriental Pedagogical Institute. Particular attention is paid to teaching Archeology in the latter. From the very beginning the Institute faced with the complexity of educational process organization at the Archaeology Department. General and special courses were conducted by N.F. Vysotsky, B.F. Adler, S.P. Shestakov, M.G. Khudyakov. But the system of teaching Archaeology in the NEAEI was not established. The institute administration lacked the vision of the structure and methods of teaching archaeological disciplines, the list of them being constantly modified and complemented. Archaeology had not been a priority in the NEAEI, although the majority of the students had been enrolled with the Archaeology Department.

Keywords: North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute, Kazan University, history of archaeological science, S.P. Pokrovsky, M.V. Brechkevich, V.A. Gorodtsov, N.F. Vysotsky, B.F. Adler, M.G. Khudyakov.

REFERENCES

1. [Aleksandrov, A. I.] 1903–1908. *Istoriko-arkheologicheskii muzei zaslužennogo ordinarnogo professora Imperatorskogo Kazanskogo universiteta N. F.*

Vysotskogo (Historical and Archaeological Museum of Merited Ordinary Professor of Kazan Imperial University N.F. Vysotskiy) 1–4. Kazan (in Russian).

2. Aleksandrov, A.I. 1906. *O trudakh i zaniatiiakh po arkheologii, istorii i etnografii zasluzhennogo ordinarnogo professora Imperatorskogo Kazanskogo universiteta N. F. Vysotskogo (About the Works and Lessons of Archaeology, History and Ethnography of Merited Ordinary Professor of Kazan Imperial University N.F. Vysotskiy)*. Kazan (in Russian).

3. Aleksandrov, A.I. 1907. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University) XXIII (1)* (in Russian).

4. Bobkov, V. N. 1989. In *Sovetskie arkhivy (Soviet Archives) (5)*, 44–48 (in Russian).

5. Brechkevich, M. V. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University) XXX (1)*, 81–87 (in Russian).

6. Brechkevich, M. V. 1920. In *Izvestiia Severo-Vostochnogo arkheologicheskogo i etnograficheskogo instituta v gor. Kazani (News of the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute in Kazan City) I. Kazan: “5-ia Gosudarstvennaia tipografiia” Publ.*, 1–9 (in Russian).

7. Brechkevich, M. V. 1920. In *Izvestiia Severo-Vostochnogo arkheologicheskogo i etnograficheskogo instituta v gor. Kazani (News of the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute in Kazan City) I. Kazan: “5-ia Gosudarstvennaia tipografiia” Publ.*, 9–24 (in Russian).

8. Valeev, R. M. 1998. *Kazanskoe vostokovedenie: istoki i razvitie (XIX v. – 20-e gg. XX v.) (Kazan Oriental Study: Origins and Development (19th Century – 1920s))*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

9. Valeev, R. M. 2011. In *Vostochnyi arkhiv (Oriental Archive) 24 (2)*, 44–47 (in Russian).

10. Voitov, V. E. 2003. *Materialy po istorii Gosudarstvennogo muzeia Vostoka (1918–1950): Liudi. Veshchi. Dela (Materials for the History of the State Museum of Orient (1918–1950): People. Things. Actions)*. Moscow: “SkanRus” Publ. (in Russian).

11. Vorob’ev, N. I. 1922. In *Vestnik prosveshcheniia TSSR (The Bulletin of Enlightenment of Tatar Soviet Socialist Republic) 1–2*, 53–62 (in Russian).

12. Vysotskii, N. F. 1879/1880. In *Protokoly zasedanii obshchestva estestvoispytatelei (Naturalists Society Sessions Minutes)*. Meeting 129, 1–15 (8th pagination) (in Russian).

13. Vysotskii, N. F. 1880. In *Trudy obshchestva estestvoispytatelei (Naturalists Society Proceedings) IX (1)* (in Russian).

14. Vysotskii, N. F. 1908. *Kamennyi vek v Kazanskoi gubernii (The Stone Age in Kazan Province)*. Kazan (in Russian).

15. Vysotskii, N. F. 1908. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* XXIV (3), 254–257 (in Russian).

16. Vysotskii, N. F. 1908. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* XXIV (4), 340–351 (in Russian).

17. Vysotskii, N. F. 1909. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* XXV (6), 159–166 (in Russian).

18. Vysotskii, N. F. 1920. In *Izvestiia Severo-Vostochnogo arkheologicheskogo i etnograficheskogo instituta v gor. Kazani (News of the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute in Kazan City)* I. Kazan: “5-ia Gosudarstvennaia tipografiia” Publ. 25–36 (in Russian).

19. Vysotskii, N. F. 1923. In *Kazanskii Gubernskii Muzei za 25 let (25 Years of Kazan Provincial Museum)*. Kazan: “Vostok” Publ., 32–37 (in Russian).

20. Gorodtsov, V. A. 1910. *Bytovaia arkheologiia: Kurs leksii, chitannykh v Moskovskom Arkheologicheskome Institute (Everyday Archaeology. Lectures for Moscow Archaeological Institute)*. Moscow: “A. I. Snegireva” Publ. (in Russian).

21. Gorodtsov, V. A. 1915. In *Otchety Imperatorskogo Rossiiskogo istoricheskogo muzeia za 1914 god (Reports of the Imperial Russian Historical Museum for 1914)*. Moscow: “Sinodal’naia Tipografiia” Publ., 121–226 (in Russian).

22. Gorodtsov, V. A. 2014. *Dnevnik (1928—1944) (Diaries (1928—1944))*. In 2 books. Book 1. 1928–1935. Moscow: “ID Triumf print” Publ. (in Russian).

23. Gushchina, E. V. 2012. In Pokrovskii, S. P. *Demidovskii litsei v g. Iaroslavle v ego proshlom i nastoiashchem (Demidov Lyceum in Yaroslavl in Its Past and Present. Reprinted from 1914 Edition)*. Yaroslavl; Rybinsk: “Rybinskii Dom pechati” Publ., V–XVI (in Russian).

24. Ermolaev, I. P., Litvin, A. L. 1976. *Professor Nikolai Nikolaevich Firsov. Ocherk zhizni i deiatel’nosti (Professor Nikolaj Nikolaevich Firsov. Essay about his Life and Professional Activity)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

25. Zorin, N. V. 2001. *Bruno Fridrikhovich Adler (1874 – ne ranee 1932) (Bruno Fridrikhovich Adler (1874 – 1932 earliest))*. Series: Vydaiushchiesia uchenye Kazanskogo universiteta (Outstanding Scientists of Kazan University). Kazan: Kazan State University (in Russian).

26. *Izvestiia Severo-Vostochnogo arkheologicheskogo i etnograficheskogo instituta v gor. Kazani (News of the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute in Kazan City)* I. 1920. Kazan: “5-ia Gosudarstvennaia tipografiia” Publ. (in Russian).

27. *Izvestiia Severo-Vostochnogo arkheologicheskogo i etnograficheskogo instituta v gor. Kazani (News of the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute in Kazan City)* II. 1921. Kazan: “5-ia Gosudarstvennaia tipografiia” Publ. (in Russian).
28. Kornilov I. 1997. In *Kazan* 8–9 (in Russian).
29. Kuz'minykh, S. V. 2004. *Viktor Fedorovich Smolin (1890–1932) (Viktor Fedorovich Smolin (1890–1932))*. Series: *Vydaiushchiesia uchenye Kazanskogo universiteta (Outstanding Scientists of Kazan University)*. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta (in Russian).
30. Kuz'minykh, S. V. 2004. In *Materialy kraevedcheskikh chtenii, posviashchenykh 135 letiiu Obshchestva estestvoispytatelei pri KGU, 110 letiiu so dnia rozhdeniia M. G. Khudiakova, 2—25 marta 2004 g. (Proceedings of Regional History Readings on the Occasion of 135th Anniversary of the Natural Society of the Kazan State University and 110th Anniversary since M.G. Khudyakov's Birth, 2—25 March 2004)*. Kazan: “Shkola” Publ., 25–46 (in Russian).
31. Kuz'minykh, S. V. 2011. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* II (8), 5–27 (in Russian).
32. Kuz'minykh, S. V., Belozeroва, I. V. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (10), 186–202 (in Russian).
33. Leont'eva, A. P. 1978. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (2), 53–62 (in Russian).
34. Likhachev, A. F. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* V (in Russian).
35. Likhachev, A. F. 1886. In *Trudy VI arkheologicheskogo s"ezda v Odesse v 1884 g. (Proceedings of the 6th Archaeological Convention in Odesa in 1884)* I. Odessa: “Tipografiia A. Schulze” Publ. (in Russian).
36. Lunin, B. V. 1977. In *Biograficheskie ocherki o deiateliakh obshchestvennykh nauk Uzbekistana (Short Biographies of Social Sciences Figures of Uzbekistan)* II. Tashkent: “Fan” Publ., 374–378 (in Russian).
37. Malysheva, S. Yu. 2003. In *Gasirlar avazi = Ekho vekov (Echo of Centuries)* (1–2), 87–92 (in Russian).
38. *Novyi pedagog. Organizatsiia i rabota Vostochnogo pedagogicheskogo instituta v Kazani. Itogi piati let. 1922–27 (New Pedagogist. Organization and Work of the Eastern Pedagogical Institute in Kazan. Outcomes of 5 Years. 1922-27)*. 1927. Kazan: “Krasnyi pechatnik” Publ. (in Russian).
39. Pokrovskii, S. P. 1916. *Severo-Vostochnaia Rossiia v istoriko-arkheologicheskoi otnoshenii (North-Eastern Russia in Historical and Archaeological Perspective)*. Kazan: “Lito-tipografiia Umid” Publ. (in Russian).

40. Reshetov, A. M. 1994. In *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi (Kunstkamera. Ethnographical Notebooks)* 4. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 185–221 (in Russian).
41. Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkhelogicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th – the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).
42. Sidorova, I. B. 2003. In *Gasırlar avazı = Ekho vekov (Echo of Centuries)* (3–4 (32–33)), 65–81 (in Russian).
43. Spitsyn, A. A. 1893. *Priural’skii krai. Arkheologicheskie rozyskaniia o drevneishikh obitateliakh Viatskoi gubernii (The Cis-Urals Region. Archaeological Investigation of the Ancient Inhabitants of the Vyatka Province)*. Series: Materials on the Archaeology of Eastern Provinces of Russia 1 (in Russian).
44. Spitsyn, A. A. 1901. *Drevnosti basseinov rek Oki i Kamy (Antiquities from the Oka and Kama Rivers Bassins)* 1. Series: Materialy po arkhologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 25. Saint Petersburg: “Tipografiia khudozhestvennoi pechati” Publ. (in Russian).
45. [Spitsyn, A. A.] 1901. In *Otchety Imperatorskoi arkhelogicheskoi komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission) za 1898 god*. Saint Petersburg, 41–46 (in Russian).
46. Spitsyn, A. A. 1901. *Gliadenovskoe kostishche (Gliadenovskoe Kostishche (concentration of bones))*. Series: Zapiski Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society) XII (1-2) (in Russian).
47. Spitsyn, A. A. 1902. *Drevnosti Kamskoi Chudi po kolleksii Teploukhovykh. Atlas risunkov s predisloviem A. A. Spitsyna (Kama Chud’ Antiquities in Teploukhovs’ Collection. An Album of Drawings with a Foreword by A.A. Spitsyn)*. Materialy po arkhologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 26 (in Russian).
48. Spitsyn, A. A. 1903. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkhologii Imperatorskogo Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* V (1), 77–93 (in Russian).
49. Spitsyn, A. A. 1906. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkhologii Imperatorskogo Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* VIII (1), 29–145 (in Russian).
50. Tutaev, M. Z. 1970. *Oktiabr’ i prosveshchenie (Ocherki istorii prosveshcheniia v Tatarii nakanune Oktiabr’skoi revoliutsii i v pervye gody Sovetskoi vlasti) (October and Enlightenment (Essays on History of Enlightenment in Tataria on the Eve of October Revolution and in the First Years of Soviet Government))*. Kazan: Kazan State Pedagogical Institute (in Russian).

51. Khalikov, A. Kh. (red.). 1981. *Arkheologicheskaiia karta Tatarskoi ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Cis-Kama Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
52. Khudiakov, M. G. 1916. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* XXIX (5–6), 12–24 (in Russian).
53. Khudiakov, M. G. 1917. In *Trudy Viatskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of Vyatka Academic Archival Commission)* (1–2), otd. 3, 1–59 (in Russian).
54. Khudiakov, M. G. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* XXX (1), 59–66 (in Russian).
55. Khudiakov, M. G. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* XXX (1), 117–120 (in Russian).
56. Khudiakov, M. G. 1920. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* XXX (3), 245–260 (in Russian).
57. Khudiakov, M. G. 1920. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* 7–8. Kazan: "Pervaia Gosudarstvennaia tipografiia" Publ., 117–118 (in Russian).
58. Khudiakov, M. G. 1923. In *Kazanskii Gubernskii Muzei za 25 let (25 Years of Kazan Provincial Museum)*. Kazan: "Vostok" Publ., 72–126 (in Russian).
59. Khudiakov, M. G. 1929. In *Sbornik [aspirantov Gosudarstvennoi Akademii material'noi kul'tury] (Collection of Works by Candidates of the State Academy of History of Material Culture)* 1. Leningrad: State Academy for the History of Material Culture, 41–50 (in Russian).
60. Khudiakov, M. G. 1935. *Ocherk istorii pervobytnogo obshchestva na territorii Mariiskoi oblasti: (Vvedenie v istoriiu naroda mari) (Essay on the History of Pre-Historic Society on the Territory of Mari Region (Introduction for the Mari People History))*. Series: *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 141. Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).
61. Chizhevskii, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2 (4)), 40–63 (in Russian).
62. Chizhevskii, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2 (4)), 64–103 (in Russian).

63. Shamsutdinova, R. 1999. In *Gasırlar avazı = Ekho vekov (Echo of Centuries)* (1–2), 283–292 (in Russian).
64. Shneerson, L. B. 1921. In *Trudy Studencheskogo kruzha liubitelei prirody pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Proceedings of Kazan State University Student Naturalists Society)* 1. Kazan, 82–91 (in Russian).
65. Shtukenberg, A. A., Vysotskii, N. F. 1885. In *Trudy obshchestva estestvoispytatelei (Proceedings of the Naturalists Society)* XIV (5) (in Russian).
66. Äyräpää, A. 1933. Über die Streitaxtkulturen in Rußland. *ESA* VIII, 1–160.
67. Tallgren, A. M. 1911. *Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrußland I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland.* SMYA XXV (1). Helsinki.
68. Tallgren, A. M. 1916. *Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze.* Helsingfors.
69. Tallgren, A. M. 1919. *Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrußland II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale.* SMYA XXXI (1). Helsinki.

About the Authors:

Kuzminykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Smirnov Alexander S. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation

Хроника

УДК 902: 904

ОБ ОСНОВНЫХ ИТОГАХ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА В 2014 ГОДУ

© 2015 г. А.Г. Ситдигов, З.Г. Шакиров, И.Р. Каримов

Научно-исследовательская деятельность Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2014 г. охватывала широкий спектр фундаментальных исследований и прикладных работ, связанных с реализацией разнообразных программ и проектов по изучению и сохранению историко-культурного наследия народов Татарстана, России и Евразии в целом. Приоритетными направлениями научных исследований определены: «Археология древнего населения Волго-Камья: формирование и взаимодействие культур» для Отдела первобытной археологии и «Средневековая тюрко-татарская цивилизация: возникновение, развитие, взаимодействие с народами Евразии» для Отдела средневековой археологии. В их основе лежат современные принципы междисциплинарных исследований, проводимых в тесном сотрудничестве с ведущими научными центрами, вузами, государственными и корпоративными структурами Республики Татарстан, Российской Федерации и зарубежных стран.

Ключевые слова: археология, Республика Татарстан, Институт археологии, Волго-Камский регион, фундаментальные и прикладные исследования, межрегиональное и международное сотрудничество.

2014 год в истории археологии, древней и средневековой истории Татарстана стал, без преувеличения, знаковым. То, к чему стремилось в течение многих десятилетий не одно поколение археологов республики, получило свое реальное воплощение в создании и юридическом оформлении самостоятельного Института археологии в системе Академии наук Татарстана. Организация самостоятельного института является не только признанием высокого авторитета казанской школы археологии в стране и за рубежом, но и открывает новые возможности для активного расширения научно-исследовательской и орга-

низационной деятельности в области историко-археологических исследований, для создания современных перспективных программ и проектов.

В отчетном году исследовательская работа проводилась в следующих подразделениях института: Отдел первобытной археологии (зав. М.Ш. Галимова), Отдел средневековой археологии (зав. Ф.Ш. Хузин), Музей археологии РТ (зав. А.С. Мухаметшина), Реставрационно-аналитический отдел (зав. Р.Х. Храмченкова), Информационно-аналитический и проектный отдел (зав. К.Э. Истомин), Центр нумизматики и эпиграфики (зав. И.М. Миргали-

Рис. 1. Сотрудники отдела первобытной археологии.

Fig. 1. Staff members, Department of prehistoric archaeology.

ев), Археобиологическая лаборатория (зав. И.Р. Газимзянов). В институте на бюджетных ставках работают 4 доктора исторических наук (в т.ч. 1 чл.-кор. АН РТ), 13 кандидатов исторических наук, 1 кандидат ветеринарных наук, 1 кандидат физико-математических наук и 8 сотрудников без степени. Для исследовательских программ по договорам привлекались дополнительные научные силы: 2 д.и.н., 9 к.и.н., 1 к.т.н., 1 к.б.н.

Развивая традиционные направления исследований Казанской археологической школы, Институт археологии АН РТ расширяет спектр фундаментальных, фундаментально-прикладных и прикладных изысканий.

А. Фундаментальные исследования:

1. Научное направление «Археология древнего населения Волго-

Камья: формирование и взаимодействие культур» является основным в исследованиях сотрудников Отдела первобытной археологии. Исполнители: М.Ш. Галимова, А.А. Чижевский, Д.Г. Бугров, Л.А. Вязов, А.В. Лыганов, А.А. Хисьяметдинова, Р.В. Матвеев, В.С. Патрушев, М.А. Очир-Горяева. В рамках проблемы разрабатываются следующие темы:

– *Первобытный человек и природная среда в Волго-Камье* (рук. М.Ш. Галимова), тема предполагает реконструкцию хозяйственной деятельности, поселенческой и сырьевой стратегии населения Волго-Камья в эпоху камня – раннего металла (по данным функционального и технологического анализа каменного инвентаря), а также реконструкцию природного окружения первобытных памятников Волго-Камья по данным

геологии и геоморфологии. Междисциплинарные исследования значительно расширили возможности анализа археологических материалов Волго-Камского региона, позволили объективно реконструировать систему природопользования и жизнеобеспечения первобытных сообществ Среднего Поволжья и Предуралья на протяжении 10–12 тысяч лет;

– *Памятники позднего каменного века – энеолита – Волго-Камья: проблемы культурно-хронологического статуса* (рук. М.Ш. Галимова);

– *Население Волго-Камья в позднем бронзовом – раннем железном веках* (рук. А.А. Чижевский). Данная тема предполагает, в том числе, реконструкцию хозяйственной деятельности населения Волго-Камья в позд-

нем бронзовом веке, ввод в научный оборот новых источников по истории финноязычного населения Среднего Поволжья II–I тыс. до н.э., изучение погребальных памятников степной зоны Евразии в скифо-сарматскую эпоху;

– *Памятники Волго-Камья конца I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э.: проблемы хронологии и культурно-исторической интерпретации* (рук. Д.Г. Бугров). В рамках темы изучаются отдельные аспекты материальной культуры населения пьяноборской эпохи и именьковского времени, археологические памятники первой половины I тыс. н.э. Сурско-Свияжского междуречья.

2. Научное направление «Средневековая тюрко-татарская цивили-

Рис. 2. Сотрудники отдела первобытной археологии.
Fig. 2. Staff members, Department of prehistoric archaeology.

Рис. 3. Сотрудники отдела средневековой археологии.
Fig. 3. Staff members, Department of medieval archaeology.

Рис. 4. Сотрудники отдела средневековой археологии.
Fig. 4. Staff members, Department of medieval archaeology.

зация: возникновение, развитие, взаимодействие с народами Евразии» выступает в качестве приоритетного в исследованиях Отдела средневековой археологии. Исполнители: А.Г. Ситдииков, Е.П. Казаков, Ф.Ш. Хузин, И.Л. Измайлов, А.М. Губайдуллин, Н.Г. Набиуллин, З.Г. Шакиров, Р.Р. Валиев, Р.Ф. Шарифуллин, И.Ю. Мирсияпов, А.В. Беляев, М.В. Сивицкий, Т.Р. Губайдуллин, А.В. Худяков, Э.И. Карпов, Р.Н. Хамзин, М.Б. Шигапов. По направлению разрабатывались следующие темы:

– *Идель-Алтай: формирование культуры народов степной и лесостепной Евразии* (рук. Е.П. Казаков). По теме рассматривается проблематика Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов и Тюркских каганатов, а также культура ранних болгар и финно-угорских народов Волго-Камья;

– *Городская культура Восточной Европы эпохи средневековья* (рук. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков). Тема разрабатывается преимущественно на материалах археологии Биляра, Болгара, Джукетау с их округами; изучаются проблемы средневековой Казани и поселений Казанского ханства, археологические памятники Нижнего Поволжья в связи со спецификой формирования городской культуры Золотой Орды;

– *Археологические памятники позднего средневековья и раннего нового времени* (рук. А.Г. Ситдииков). В рамках темы изучаются материалы исторического развития острова-града Свяжск в середине XVI–XVIII вв. и позднесредневековой Казани. Значительным итогом этих исследований стало появление проекта

Музея археологического дерева «Татарская слободка»;

– *Этнополитическая история тюрко-татарских государств* (рук. И.Л. Измайлов). Новым научным результатом стала разработка методики изучения археологической культуры и ее анализа в качестве материала для этносоциальных и этнополитических реконструкций. В результате была сформулирована модель становления и развития болгарской средневековой этнополитической общности и механизмы ее трансформации в новых условиях Золотой Орды. Получены и обобщены новые историко-археологические данные по различным вопросам истории и культуры Волжской Булгарии и Улуса Джучи, а также городской цивилизации этих государств.

Б. Фундаментально-прикладные исследования:

1. *«Исследования памятников археологии, разрушающихся в зоне воздействия Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ»* (рук. А.Г. Ситдииков). Исполнители: М.Ш. Галимова, А.А. Чижевский, Д.Г. Бугров, Л.А. Вязов, А.В. Лыганов, А.А. Хисьяметдинова, Р.Р. Валиев. Исследования проводились с целью получения полной и достоверной информации о гибнущих в результате техногенных процессов древних памятниках Волго-Камья. В ходе проведенных масштабных работ получены представительные коллекции артефактов, а также остеологические и антропологические материалы, которые позволяют расширить представления о хозяйственной направленности поселений и стоянок, оставленных разновозрастными культурными образо-

ваниями региона. Проведены разведки ряда разновозрастных первобытных памятников, расположенных в зоне Нижнекамского и Куйбышевского водохранилищ, в результате чего были уточнены границы памятников, определено их современное состояние, получены коллекции артефактов, подтверждающих известную ранее культурную принадлежность большинства осмотренных памятников.

2. *«Антропология и генетика древнего населения Среднего Поволжья»* (рук. И.Р. Газимзянов). Исполнители: Р.И. Тухбатова, Е.М. Макарова, Е.В. Волкова. Изучались антропологические материалы из археологических раскопок на территории Болгарского городища, исторических некрополей Астраханской обл., Казани, Свияжска и Йошкар-Олы. По одонтологической программе проведено более 150 описаний, которые выявили антропологический характер населения средневековых городов Поволжья. Впервые был проведен отбор антропологических, генетических и биохимических образцов в полевых условиях при раскопках мусульманских некрополей и мавзолея на территории Болгарского городища. Было проанализировано более 100 образцов древних ДНК.

В рамках данной проблемы разрабатывались темы: «Население средневековых городов Среднего Поволжья по данным антропологии и генетики»; «Определение болезней по генетическим маркерам и патологических изменений по анализу минеральной плотности и микроэлементного состава костных останков из древних захоронений».

3. *«Реконструкция структуры популяций домашних и диких жи-*

вотных» (Г.Ш. Асылгараева). Проводились археозоологические исследования материалов из раскопок в Болгаре, Свияжске, Казани, Нижнего Новгорода и др.

В. П р и к л а д н ы е и с с л е д о в а н и я:

1. *«Депозитарий фонда археологических коллекций Музея археологии»* являлся основным направлением деятельности Музея археологии РТ. Исполнители: А.С. Мухаметшина, А.В. Шиполов, А.А. Хамзина, А.С. Губин, Н.Р. Садриев, А.И. Хазиев, О.О. Паракина, А.Р. Ханбекова, Н.Н. Идиатуллина, Е.В. Пашина. В 2014 г. сотрудниками Музея археологии активно проводилась работа по созданию фонда археологических коллекций и всесторонней подготовке экспозиционного материала для стационарной выставки в Музее Археологии Республики Татарстан. По данному направлению (рук. А.С. Мухаметшина) проведены следующие изыскания:

– Инвентаризация и сверка по полевой документации 114 археологических коллекций;

– Организация системы учета и хранения археологических коллекций;

– Подготовка экспозиционного материала для стационарной выставки в Музее Археологии Республики Татарстан (по темам «Эпоха камня», «Эпоха раннего металла», «Ранние болгары в Поволжье», «Волжская Булгария домонгольского периода», «Волжская Булгария в составе Улуса Джучи», «Археология позднего средневековья: Казань»);

– Камеральная и научно техническая обработка археологических коллекций из 31 раскопа и наблюдений на территории г. Казани и Татарстана.

Рис. 5. Городище Красный Яр, Астраханская область.

Fig. 5. Krasnyi Yar hill fort site? Astrakhan oblast.

2. По направлению «*Научный фонд и библиотеки Института археологии АН РТ*» Х.М. Абдуллин, Г.И. Дроздовой, Е.А. Сафиуллиной, Д.Р. Хасановым была продолжена систематизация и каталогизация научного фонда и библиотеки Института археологии и Музея археологии, которые являются основой научно-информационной базы для изучения, сохранения и пропаганды научного наследия татарстанской археологии.

– Комплектование научно-документального фонда Музея археологии – к Путеводителю по научному фонду Музея археологии РТ систематизированы новые документы описи фондов № 3, 4 – 41 ед. хр., собраны архивные и картографические данные XVIII–XIX вв. по Казанской губернии – 97 ед. хр. В ходе работы по оцифровке отчетов,

хранящихся в Научном фонде, было оцифровано свыше 700 отчетов;

– Научно-техническая обработка архивного материала личных фондов ученых П.Н. Старостина, Л.С. Шавохина, Т.А. Хлебниковой, Е.П. Казакова.

3. По общей проблеме «Сохранение археологических источников РТ» вел работы реставрационно-аналитический отдел. Исполнители: Р.Х. Храмченкова, О.Р. Гасимов, Ю.В. Федотова, Е.Ф. Шайхутдинова, Л.Ф. Богатова, П.Ю. Каплан. Была проведена работа по систематизации предметов археологии, направленная прежде всего на находки из органических материалов. Применение современных естественнонаучных методов в археологии позволили получить качественно новые данные при кон-

сервации артефактов. Проведенные реставрационно-аналитические работы по изучению микроэлементного состава изучаемого археологического материала позволили вывести татарстанских ученых на мировой уровень исследований. Также был разработан современный и эффективный метод автоматического создания сопроводительной документации и проведено тестирование базы данных для удобного пользовательского интерфейса.

В рамках проблемы разрабатывались:

– Консервация и систематизация предметов археологии, направленные прежде всего на находки из органических материалов;

– Естественнонаучные методы исследований в археологии по образцам поливной и неполивной керамики, стекла и металла с городищ из раскопов Болгара, Селитренного городища, Джукетау, а также из фондов Музея археологии РТ.

4. Общим направлением деятельности информационно-аналитического и проектного отдела являлось «Создание баз данных для Археологической карты РТ. Поволжье и Татарстан в исторических картах». Исполнители: К.Э. Истомин, И.Р. Каримов, С.В. Чуvara, И.И. Гайнуллин, А.В. Касимов, Б.М. Усманов, А.И. Никитан. Большое внимание уделялось в 2014 г. совершенствованию методики изучения разрушающихся под воздействием негативных экзогенных процессов памятников археологии с применением передовых геоинформационных систем. Это позволило более точно прогнозировать экзогенные процессы, а также выявить приоритетные участки для более детального изучения и прове-

дения срочных охранно-спасательных археологических работ. Созданные методом фотограмметрии 3D модели раскопов в Болгаре и Свияжске существенно расширили возможности камеральной обработки данных полевых исследований. Здесь же начаты работы по лазерному сканированию исторических зданий для архивации архитектурного наследия. Тематика направления (рук. А.Г. Ситдииков):

– Разработка, создание, верификация и заполнение базы данных историко-культурного наследия РТ. Анализ данных дистанционного зондирования и формирование археологической ГИС;

– Интердисциплинарные обследования разрушающихся памятников археологии, расположенных на берегах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ на территории Татарстана;

– Формирование и заполнение базы данных «Остров-град Свияжск» «Древний Болгар» и 3D моделирование раскопов;

– Пространственный анализ распространения средневековых поселений.

НИР Института археологии проводилась в соответствии с планом приоритетных фундаментальных и прикладных исследований АН РТ, этап 2014 года. Исследовательская деятельность также проводилась в рамках программ «Идель-Алтай», «Возрождение острова-града Свияжск и Древнего Болгара». Источники финансирования НИР: бюджет АН РТ, МК РФ, гранты (РФФИ, РГНФ), фонд «Возрождение», заказчики строительства.

В рамках Государственной программы Республики Татарстан

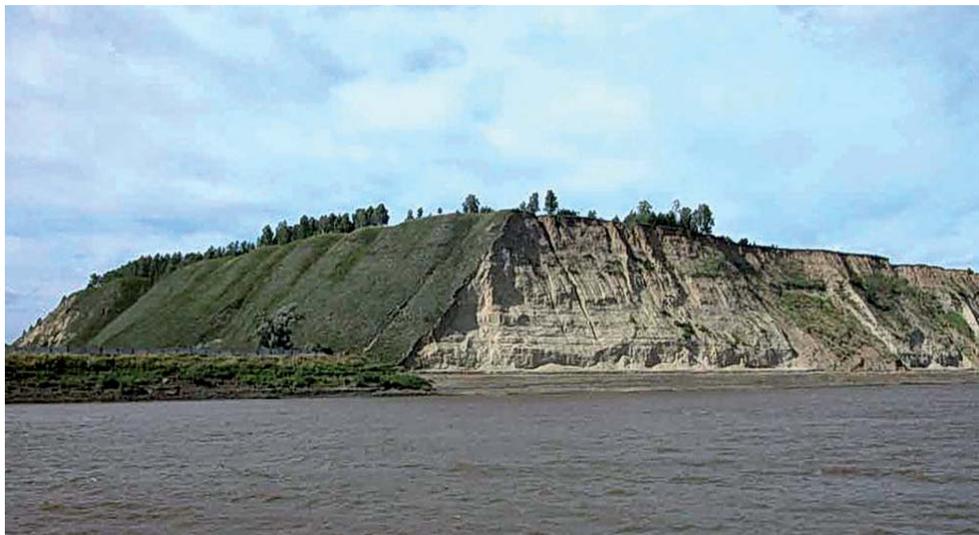

Рис. 6. Городище Искер, Тюменская область.
Fig. 6. Isker Hill fort site, Tyumen oblast.

Рис. 7. Город Касимов, Рязанская область.
Fig. 7. City of Kasimov, Ryazan oblast.

«Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)» впервые были начаты масштабные историко-археологические исследования тюрко-татарских средневековых городов за пределами Республики Татарстан. Археологические работы проведены на 6 слабо изученных объектах историко-культурного наследия. Так, в Астраханской области исследована Нижневолжская столица Золотой Орды городище Красный Яр; в Тюменской области – столица Сибирского ханства городище Искер; в Рязанской области – столица Касимовского ханства город Касимов; в Нижегородской области – ставка хана Олуг-Мухамеда городище Курмыш; в Саратовской области – ставка Золотоордынских ханов городище Укек; в Ульяновской области – один из древнейших городов болгар на Волге Красносундюковское городище. Проведенные исследования дали возможность получить новую ценную научную информацию об уникальных градостроительных традициях татарского народа на территории РФ и явились подготовительным этапом предстоящих более планомерных археологических изысканий. Сегодня, очевидно, что все исследованные объекты имеют огромный научный и историко-культурный потенциал, а полученный опыт следует активно использовать на самой широкой географии Евразийского пространства.

Большую научную, культурную и общественную важность несут археологические изыскания в рамках государственной программы «Возрождение острова-града Свияжск и Великого Болгара». В 2014 г. исполнилось пять лет с начала реализации этого уникального проекта, начато-

го при поддержке руководства Российской Федерации по инициативе М.Ш. Шаймиева, в осуществлении которого с первых лет активное участие принимают сотрудники Института археологии АН РТ. Благодаря археологическим исследованиям был получен значительный объем новых знаний об этапах развития этих городов, а их междисциплинарная направленность значительно обогатила наши представления о социально-экономической, культурно-духовной жизни поселений и быте их жителей. Археологические исследования сопровождались масштабными архивными изысканиями, что позволило выявить новый источниковый корпус материалов по истории Болгарского городища – ранее неизвестные описания, картографический материал, обмерные чертежи архитектурных памятников, фотоматериалы. Такая всесторонняя работа позволила значительно продвинуться не только в изучении этих выдающихся исторических памятников, но, и, что особенно важно, привлечь внимание научных, образовательных, государственных, общественных и корпоративных структур республики, России и зарубежных стран к проблемам сохранения и развития этого бесценного наследия прошлого. Кроме научной значимости, проведенные работы представляют большую практическую ценность для создания целостной системы сохранения историко-культурного наследия и его надлежащего использования, в том числе в деле организации заповедных территорий, включения наиболее представительных памятников в программы российского и международного туризма. И, конечно, событием огромной научной и общественной

важности стало включение Болгарского историко-археологического комплекса в число объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

В 2014 г. сотрудники Института приняли участие в работе 24 конференций, симпозиумов и съездов, 11 из которых международного уровня. В числе зарубежных научных конференций «Conference Changing Patterns of Power in Historical and Modern Central and Inner Asia» (Улан-Батор, Монголия); «International multidisciplinary scientific conferences on social sciences and arts» (Албена, Болгария); «International Union for Prehistoric and Protohistoric Sciences» (Бургос, Испания); «Древние и средневековые государства на территории Казахстана» (Алматы, Казахстан).

Большой научный и общественный резонанс получили научные форумы, организатором или соорганизатором которых был Инсти-

тут археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Среди них: VI Международный Болгарский Форум; конференция, посвященная 135-летию ОАИЭ при Императорском Казанском университете; международная научно-практическая конференция «Историко-культурное и духовное наследие Свяжска»; международная археологическая полевая школа в г. Болгар.

Отдельно необходимо отметить успешное проведение в Казани в октябре 2014 г. IV (XX) Всероссийского археологического съезда. (см. более подробно: ПА. – 2014. – № 4. – С. 217–234).

Практическим воплощением и апробацией комплекса научных направлений Института археологии стала организация и проведение полевой Международной археологической школы в г. Болгар (см. более подробно: ПА. – 2014. – № 4. – С. 294–303).

Рис. 8. Городище Укек, Саратовская область.

Fig. 8. Ukek hill fort site, Saratov oblast.

Результативно в 2014 г. продолжались полевые археологические исследования, которые осуществлялись в рамках Болгарской, Казанской, Свияжской, Нижневолжской (рук. А.Г.Ситдиков), Раннеболгарской (рук. Е.П.Казаков), Первобытной (рук. М.Ш.Галимова), Охранно-спасательной (рук. А.Г. Ситдиков и М.Ш. Галимова), Билярской (рук. Ф.Ш.Хузин) экспедиций.

Большинство исследований, которые проводятся в Институте археологии АН РТ, осуществляются на основе широкого межрегионального и международного научного сотрудничества. Это принципиальная позиция в научной политике института, которая, несомненно, придает археологическим изысканиям в Татарстане новое качество и способствует расширению тематики исследований. В 2014 г. совместные работы проводились с ИИМК РАН, Гос. Эрмитажем (Санкт-Петербург), ИА РАН, Институтом географии РАН, Геологическим Институтом РАН, ИЭиА РАН, МГУ (Москва), ИАиЭ Сибирского отделения РАН (Новосибирск), Институтом проблем экологии и недропользования АН РТ (Казань), Чувашским гос. институтом гуманитарных наук (г. Чебоксары), СамГУ, СОИКМ им. П.В. Алабина, Самарским Институтом истории и археологии Поволжья (Самара), Алтайским госуниверситетом (Барнаул), УлГПУ (Ульяновск), Калмыцким институтом гуманитарных исследований (Элиста), Археологическим центром Земли Шлезвиг-Гольштайн, Евразийским Отделением Германского Археологического института (Германия), Университетом Хельсинки, Финским археологическим обществом, Обществом древностей Финляндии, Като-

лическим университетом (Бельгия) и др. В дальнейшем стоит серьезная задача углубления всестороннего научного и научно-организационного взаимодействия с крупными и авторитетными историко-археологическими центрами страны и зарубежных стран через разработку совместных долгосрочных программ и проектов, а также заключения прямых договоров о научном сотрудничестве.

Традиционно большое внимание в Институте уделяется и подготовке кадров. В настоящее время в аспирантуре Института археологии им. А.Х.Халикова АН РТ проходят обучение 14 человек. Темы их диссертационных работ посвящены наиболее актуальным проблемам истории и археологии Волго-Камья и соответствуют общим направлениям научно-исследовательской деятельности института.

Важным направлением в научно-организационной деятельности института является работа по созданию всесторонних условий для профессионального роста и повышения квалификации его сотрудников. Эта целенаправленная деятельность уже дает неплохие результаты. Так, в 2014 г. успешно защитила докторскую диссертацию М.А. Очир-Горяева, Н.С. Мясников – кандидатскую. А.В. Беляев, Е.Ф. Шайхутдинова, П.Ю. Каплан прошли стажировку по программе «Естественнонаучные методы в исследовании происхождения археологических материалов» в Бельгии. Л.А. Вязов, Д.Г. Бугров, А.В. Лыганов, Р.В. Матвеев обучались на курсах ArcGIS Desktop в учебном центре ESRI «Казань-GIS-Студия» КФУ. Е.М. Макарова прошла стажировку в ИА РАН по осво-

Рис. 9. Красносюндюковское городище, руины бани XI–XII вв., Ульяновская область.
Fig. 9. Krasnyi Syundyuk hill fort site, ruins of the 11–12-century bath, Ul'yанovsk oblast.

ению методики обработки и анализа кремнированных и кальцинированных человеческих останков. З.Г. Шакиров прошел обучение по программе сохранения Всемирного культурного наследия «General Introduction to the UNESCO World Heritage Convention» и «Strategic Planning for Cultural Heritage and Management Plans» и получил Сертификат Бранденбургского технического университета.

В отчетном году сотрудники Института активно продолжали работу в редакционных советах журналов «Поволжская Археология» (Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдинов, М.Ш. Галимова, Е.П. Казаков, И.Л. Измайлов, Г.Ш. Асылгараева), «Филология и культура», «Tatarica»,

«Научный Татарстан»/«Фэнни Татарстан», «Гасырлар авазы. Эхо веков» (Ф.Ш. Хузин), альманаха «Вопросы истории фортификации» (А.М. Губайдуллин), многотомной «Татарской Энциклопедии» (Ф.Ш. Хузин, Е.П. Казаков).

Необходимо отметить, как важную составляющую деятельности института, издание журнала «Поволжская археология». В 2014 г., благодаря слаженной творческой работе его редакционного совета и редакционной коллегии он еще больше укрепил свои позиции как авторитетное научное издание, на страницах которого оперативно, информативно, высокопрофессионально рассматриваются многочисленные актуальные пробле-

мы историко-археологических исследований в Волго-Камском регионе. Значительно расширился и круг авторов журнала. Сегодня на его страницах активно публикуют материалы не только наши многочисленные коллеги из научных центров Поволжья и Урала, но и исследователи из других регионов России и зарубежных стран, изучающие евразийские древности. Несомненно, у журнала «Поволжская археология» есть большой потенциал для развития. Постепенно будет расширяться тематика издания, и на его страницах найдут отражение публикации, посвященные анализу современных тенденций развития археологической науки и передовых практик, которые применяются исследователями в нашем регионе, в России в целом и за рубежом.

Говоря о периодических научных изданиях, выходящих под эгидой Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, следует отметить выпуск ежегодника «Нумизматика Золотой Орды». Этот сборник, на страницах которого рассматриваются многочисленные вопросы зарождения и развития товарно-денежных отношений в Улусе Джучи, исследуются этапы развития средневековых поселений, спады и подъемы торговой активности, анализируются нумизматические комплексы с конкретных археологических памятников Золотой Орды, значительно дополняют надежной и уникальной информацией теорети-

ко-практическую базу средневековой археологии Волго-Камья. Несомненно, ежегодник «Нумизматика Золотой Орды» состоялся, его материалы активно используются археологами, историками, источниковедами, нумизматами. Думается, что в дальнейшем сборник будет расширять тематику своих публикаций. Одним из актуальных направлений в его редакционной политике могут стать исследования по сравнительному анализу товарно-денежных отношений кочевых культур средневековой Евразии.

О высоком уровне изысканий сотрудников института свидетельствует высокая оценка ряда исследователей республиканскими наградами: Указом президента Республики Татарстан А.Г. Ситдикову присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Татарстан»; коллектив сотрудников института, включая И.Р. Газимзянова, А.Г. Ситдикова, В.С. Баранова, стал Лауреатом республиканской премии «Врач года – Ак чэчэкляр» в номинации «Уникальный случай».

В целом Институт археологии завершил 2014 год с хорошими результатами. В отчетном году исследования проводились более чем на 40 памятниках археологии. Материалы и результаты исследований представлены в виде отчетов (170 а.л.), монографий, научных публикаций и научно-популярных статей (97,3 а.л.). Перечислим наиболее важные из публикаций:

МОНОГРАФИИ, КНИГИ:

1. Безлюдовский клад X в.: Материалы и исследования. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 18 / отв. ред. П.Н. Петров. – Казань: Отечество, 2014. – 288 с.
2. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ). Сер. «Археология евразийских степей».

Вып. 19 / отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. – Казань: Отечество, 2014. – 300 с.

3. Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Сер. «Археология евразийских степей». Вып. 20 / отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. – Казань: Отечество, 2014. – 524 с.

4. *Ногманов А.И., Салихов Р.Р., Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г.* Историко-культурный атлас Лаишевского района Республики Татарстан. – Казань: Фолиант, 2014. – 100 с.

5. *Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). – Казань; РИЦ «Школа», 2014. – 768 с.

6. *Серых Д.В.* Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной науки во второй половине XIX – начале XX вв. – Казань, 2014. – 188 с.

7. Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. – Казань, 2014. – 30 с.

СТАТЬИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИЗДАНИЯХ И РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ ЖУРНАЛАХ ВАК:

1. *Бахматова В.Н., Набиуллин Н.Г.* Источниковые возможности неполивной глиняной «традиционной» посуды (на примере керамического комплекса города Джукетау X–XIV вв. // Филология и культура. – 2013. – № 3 (33). – С. 232–235.

2. *Газимзянов И.Р., Спиридонов В.А., Ситдииков А.Г., Жолобов А.И., Рахматуллин Н.Р., Баранов В.С.* Судебно-медицинская экспертиза костных археологических останков: междисциплинарное взаимодействие // Медицинская экспертиза и право. – 2014. – №5. – С. 44–48.

3. *Губайдуллин А.М.* Булгарские крепостные сооружения: к истории изучения // Казанская наука. – 2013. – № 12. – С. 28–32.

4. *Губайдуллин А.М.* К истории изучения городищ Казанского ханства // Казанская наука. – 2013. – № 12. – С. 33–38.

5. *Губайдуллин А.М.* Некоторые итоги исследования фортификации городищ XII–XIII вв. // Казанская наука. – 2014. – № 4. – С. 33–38.

6. *Губайдуллин А.М.* Фортификация городищ XIII–XIV вв. правобережья Волги // Казанская наука. – 2014. – № 4. – С. 36–38.

7. *Губайдуллин А.М.* Краткий анализ фортификации X–XVI вв. на территории Среднего Поволжья // Филология и культура. – 2014. – № 2. – С. 236–239.

8. *Очир-Горяева М.А.* О двух ареалах пазырыкской культуры Горного Алтая // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Институт проблем освоения Севера СО РАН. – Тюмень, 2014. – Вып. 3 (26). – С. 46–54.

9. *Очир-Горяева М.А.* Полные и парциальные захоронения коней в курганах скифской эпохи Южного Приуралья // Казанская наука. – 2014. – № 4. – С. 45–48.

10. *Очир-Горяева М.А.* Роль коня в погребальном обряде евразийских кочевников скифской эпохи // Филология и культура. – Казань, 2014. – Вып. 2 (36). – С. 245–249.

11. *Хисяметдинова А.А.* Палеоозёра в голоценовом долинном расширении реки Мёша в районе стоянки Пестречинская IV (эпоха раннего металла) в Предкамье // Уч. зап. Казан. ун-та. Естественные науки. – 2013. – Т. 155, кн. 4. – С. 2–12.

12. *Храмченкова Р.Х., Набиуллин Н.Г.* Стекланные украшения Джукетау: морфология и химический состав // *Филология и культура*. – 2013. – № 3 (33). – С. 240–244.

13. *Храмченкова Р.Х., Храмченков Э.М.* Автоматизированная обработка эмиссионных спектрограмм образцов сложного состава специализированным программно-аппаратным комплексом // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Естественные науки*. – 2013. – Т. 155, кн. 4. – С. 82–93.

14. *Хузин Ф.Ш., Мухамадиев А.Р.* Арабо-персидские источники по истории общественно-правовых взаимоотношений в Волжской Булгарии домонгольского периода // *Филология и культура*. – 2014. – № 1 (35). – С. 242–246.

15. *Хузин Ф.Ш., Мухамадиев А.Р.* Роль строительных повинностей в развитии городской культуры в Волжской Булгарии // *Вестник Казан. гос. ун-та культуры и искусств*. – 2014. – № 3. – С. 46–48.

16. *Чижевский А.А.* Игральная (гадальная) кость из Гулюковской III стоянки в Нижнем Прикамье // *РА*. – 2014. – № 1. – С. 133–136.

17. *Sergei Bocharov, Airat Sitdikov.* The Solkhat's war and its reflection in the fortification of Caffa. *Classica et Christina Periodico del Centro di Studi Classici e Cristiani Fondatore: Nedu ZUGRAVU* 9/2, 2014. – P. 413–426.

18. *Gaynullin Iskander, Sitdikov Ayrat, Usmanov Bulat.* Destructive abrasion processes study in archaeological sites placement (Kuibyshev and Nizhnekamsk reservoirs, Russia) // *International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2014. Conf.Proceedings, Vol. 1: Anthropology, archaeology, history and philosophy. 2–7 september 2014, Bulgaria.* pp 339 – 346.

19. *Gaynullin, I.I., Sitdikov, A.G., Usmanov, B.M.* Abrasion processes of Kuibyshev Reservoir as a factor of destruction of archaeological site Ostolopovo (Tatarstan, Russia). // *Advances in Environmental Biology*. 8 (4), pp. 1027–1030 Abrasion.processes. Scopus.pdf.

20. *Gaynullin I., Usmanov B.* Exogenous processes study in the coastal zone of the large reservoirs in the archaeological monuments placement (Volga-Kama region) / *Geophysical Research Abstracts Vol. 16, id.5129. 2014EGU General Assembly, held 27 April – 2 May, 2014 in Vienna, Austria, Published in May 2014 EGU2014 5129.pdf.*

21. *Galimova, M.Sh., Sitdikov A.G.* Prehistoric flint scrapers or the gun-lock flints? Experimental and use-wear criteria (according to archaeology of Kazan, Tatarstan) // *XVII World UISPP Congress, Burgos 1–7 sept. 2014. Abstracts. Burgos, 2014*, p. 442.

22. *Chicgerova L., Kalachev A.* Studying of the fidelity of quantum memory based on control-field angular scanning. *Journal of Physics. Conf. Ser.* 012025, 2013.– p.478.

23. *Hucin F.* Bulgar medeniyeti. Bulgarian civilization // *Perspektif (Istanbul, Türkiye)*. – 2014. – № 4. – S. 84–87 (на турец. и англ. яз.).

24. *Izmailov I.* The Problems of Research of Clan Structure of the Golden Horde / *Iskhakov D.M., Izmailov I.L., Ablyazov K.* // *Conference Changing Patterns of Power in Historical and Modern Central and Inner Asia. 7–9 August 2014. Programme & Book of Abstracts.* – Ulaanbaatar: Ulaanbaatar Univ., 2014. – pp. 37–38.

25. *Khuzin F., Sitdikov A.* Medieval Kazan in the view of new archaeological research. *Средневековая Казань в свете новых археологических исследований // Tatarica*. – 2014. – № 1 (2). – С. 114–124 (текст на англ. яз.); с. 125–137 (текст на рус. яз.).

26. *Chizhevskii A., Shatalov V.* A bit the lugovskoi cemetery // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2012. Т. 51. №1. С. 43–61.

27. *Khramchenkova R., Sitdikov A.* Interdisciplinary research of spherical cones from Volga Bulgaria. Conference proceeding SGEM 2014. – pp.371–380.

28. *Khramchenkova R., Sitdikov A.* Origin of glazed ceramics Kazan Kremlin: Cremia – Bulgaria – Kazan. Conference proceeding SGEM 2014. – pp.391–398.

29. *Khramchenkova R., Sitdikov A., Valiev R.* The Production of Glazed Ceramics in Medieval Bolgar. 20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists/ 10–14 September 2014, Istanbul, Turkey. Abstracts – p.300.

30. *Khramchenkova R., Sitdikov A.* Chemical Composition of beads from building of XVIII c. of Kazan Kremlin. Proceedings of the 39th International Symposium on Archeometry. ISA2012. Leuven, Belgium. 2014. – pp. 232–237.

31. *Fatma S.Mdkour, Rezida Khramchenkova.* Analytical Study of Archaeological Ceramic and Glass from Different Excavated at Egypt. 40th International Symposium on Archaeometry ISA 2014 May 19–23, 2014, Los Angeles, California. Program and Abstract Book. – p.193.

32. *Khramchenkova R., Roumiantseva O.* Glass beads from the Middle Danube basin: chemical composition and production. 40th International Symposium on Archaeometry ISA 2014 May 19–23, 2014, Los Angeles, California. Program and Abstract Book. – p.190.

СТАТЬИ В ДРУГИХ ИЗДАНИЯХ:

1. *Бахматова В.Н.* О сырьевых источниках керамики Джукетау // Материалы IV Всероссийского археологического съезда. Т. IV. – Казань, 2014. – С. 116–118.

2. *Измайлов И.Л.* Роль ислама в становлении Булгарского государства (VIII–X вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. – М.: Изд-во ИВИ РАН, 2014. – С. 103–108.

3. *Измайлов И.Л.* Принятие ислама в Улусе Джучи: причины и этапы исламизации // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма. Материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 700-летию мечети Хана Узбека. – Симферополь: ДУМ Крыма, 2014. – С. 16–26.

4. *Лыганов А.В.* К проблеме выделения займищенского культурного типа начала позднего бронзового века в Среднем Поволжье // Актуальные вопросы российской археологии: сб.ст. / под ред. В.А. Шаталова – Казань: ЦИАИ, 2014. – С. 8–16.

5. *Макарова Е.М.* Население Йошкар-Олы конца XVIII – начала XX в. по данным антропологии. Предварительные итоги // V Всерос. науч.-практич. конф. «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России». – Петрозаводск, 2014. – С. 501–505.

6. *Патрушев В.С.* Северокавказские бляхи с соляными символами в Марийском Поволжье // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Междунар. науч. конф. – М., 2014. – С. 189–192.

7. *Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г.* Изучение археологического наследия города Болгар. Соборная мечеть (XIV в.) // Восхождение к вершинам археологии: Сб. материалов междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию К.А. Акишева. – Алматы, 2014. – С. 532–547.

8. *Чижевский А.А., Лыганов А.В., Шипилов А.В.* Рысовский археологический комплекс // Актуальные вопросы Российской археологии. Вып. 1. – Казань, 2014. – С. 23–53.

9. *Шакиров З.Г.* Материалы о Биляре и его округе в «Известиях ОАИЭ» (краткий обзор) // Роль Общества археологии, истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия Волго-Уралья. – Казань, 2014. – С. 148–155.

10. *Шакиров З.Г., Мирсияпов И.Ю., Ахметгалин Ф.А.* Захоронения на территории Свяжского Успенского монастыря // Актуальные вопросы российской археологии. Вып. 1. – Казань, 2014. – С. 54–62.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ситдиков А.Г., Шакиров З.Г.* Научная деятельность Национального центра археологических исследований Института истории АН РТ в 2013 году // ПА. – 2014. – № 1. – С. 275–284.

2. *Ситдиков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М.* О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18–31 августа 2014 г.) // ПА. – 2014. – № 3. – С. 294–303.

3. *Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г.* Казанская археологическая школа: итоги и перспективы развития // ПА. – 2014. – № 3. – С. 6–40.

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); sitdikov_a@mail.ru

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); zufar_alchi@mail.ru

Каримов Ильдар Римович, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ildar.karimov@list.ru

ON THE MAIN RESULTS OF SCIENTIFIC ACTIVITIES IN 2014 BY THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A.KH. KHALIKOV OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

A.G. Sitdikov, Z.G. Shakirov, I.R. Karimov

The scientific research activities performed in 2014 by the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, covered a wide range of fundamental and applied research related to the implementation of various programs and projects in the field of research and preservation of the historical and cultural heritage of the peoples of Tatarstan, Russia, and Eurasia as a whole. The following priority research directions have been formulated as follows: “Archaeology of ancient Volga-Kama region population: formation and interaction of cultures” for the Department of prehistoric archaeology, and “Medieval Turkic-Tatar civilization: its emergence, development, and interaction with the peoples of Eurasia” for the Department of medieval archaeology. These are based upon up-to-date principles of interdisciplinary research conducted in close cooperation with leading research centers, institutions of higher education, state and corporate entities of the Republic of Tatarstan, the Russian Federation and foreign countries.

Keywords: archaeology, Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology, Volga-Kama region, fundamental and applied research, interregional and international cooperation

REFERENCES

1. Sitdikov, A. G., Shakirov, Z. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 275–284 (in Russian).
2. Sitdikov, A. G., Viazov, L. A., Makarova, E. M. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 294–303 (in Russian).
3. Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 6–40 (in Russian).

About the Authors:

Sitdikov Airat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Shakirov Zufar G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

Karimov Ildar R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ildar.karimov@list.ru

УДК 929:902

ВАЛЕРИЮ ВАЛЕНТИНОВИЧУ НИКИТИНУ – 75 ЛЕТ

© 2015 г. Б.С. Соловьев

17 февраля отметил 75-летний юбилей известный российский археолог, исследователь древнейшей истории Волго-Камья, доктор исторических наук Валерий Валентинович Никитин. В статье освещаются основные направления и этапы его многолетней научной деятельности. Ее начало было связано с Марийским научно-краеведческим музеем (1968–1971 гг.). В 1971 г. В.В. Никитин начал работу в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ), где трудится уже более сорока лет. Его труды посвящены разнообразным проблемам археологии эпохи камня и раннего металла, от верхнего палеолита до энеолита. С 1993 г. В.В. Никитин возглавил Марийскую археологическую экспедицию, исследовал десятки древних поселений, открыл более 500 памятников, составил археологическую карту Республики Марий Эл (2009). Многогранная научная деятельность В.В. Никитина отмечена многими наградами и званием Заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл.

Ключевые слова: археология, В.В. Никитин, Волго-Камский регион, Республика Марий Эл, юбилей, археологические исследования, верхний палеолит, мезолит, неолит, энеолит.

В.В. Никитин родился 17 февраля 1940 года в селе Плужное Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области Украинской ССР. Окончив среднюю школу и училище механизаторов, трудился на целине, служил

в Советской армии. Затем стал студентом историко-филологического факультета Марийского государственного педагогического института (г. Йошкар-Ола). Первые представления об археологической науке были получены благодаря лекциям преподавателя института В.И. Цехмистренко и участию в раскопках городища Беляус под руководством известного специалиста по древней истории Крыма О.Д. Дашевской. После учебы В.В. Никитин получил направление в г. Урай Тюменской области, где некоторое время работал школьным учителем, воспитателем, бурильщиком нефтеразведки.

Начало научной деятельности Валерия Валентиновича связано с Марийским научно-краеведческим музеем (1968–1971 гг.). Будучи сотрудником, затем заведующим до-революционным отделом, он много

сделал для улучшения хранения и систематизации археологических фондов, одновременно являлся постоянным участником работ Марийского отряда новострочной Чебоксарской экспедиции.

Более сорока лет (с 1971 г.) В.В. Никитин трудится в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ) младшим и старшим научным сотрудником, заведующим отделом археологии и этнографии и отделом археологии, главным научным сотрудником, став одним из общепризнанных ведущих специалистов по эпохе камня и раннего металла Волго-Камья.

Первая тема юбиляра связана с изучением средневожских волосовских древностей. Благодаря его активной полевой деятельности значительно расширилась источниковая база. Раскопки многочисленных поселений (Уржумкинского, Ахмыловского II, Мазарского I, Баркужерского III, Майданских и др.) существенно дополнили представления о материальной и духовной культуре волосовского населения. Были разработаны новая хронология и периодизация, выделены протоволосовские памятники «красномостовского» типа. Успеху исследования способствовали стажировка (Институт археологии АН СССР, руководитель Д.А. Крайнов) и заочная аспирантура (Институт истории КФАН СССР, руководитель А.Х. Халиков).

В 1983 г. В.В. Никитиным защищена кандидатская диссертация «Энеолит Волго-Камского междуречья» (Ленинградское отделение Института археологии АН СССР). Позднее (1991 г.) она была опубликована в виде мо-

нографии «Медно-каменный век Марийского края (середина III – II тысячелетие до н. э.)».

Дальнейшая научная деятельность Валерия Валентиновича была посвящена решению проблем эпохи камня. Вновь настойчивость и целеустремленность позволили ему решить насущную проблему пополнения источников. Прежде всего отметим верхнепалеолитический комплекс Юльяльской стоянки, материалы Удельно-Шумецких X, XII, Ясачных, Дубовских XI, XIII, XVIII и других поселений эпохи мезолита. Дана подробная характеристика среднекаменного века, отмечена неоднородность населения, сосуществование уральских и волго-окских культурных традиций. Большой прорыв осуществлен в изучении неолитических культур Среднего Поволжья: доказаны связь появления производящего хозяйства на юге лесной зоны с пришлой культурой накольчатой керамики, наличие сложных процессов взаимодействия мигрантов с местным охотничье-рыболовческим населением – носителями камской и ямочно-гребенчатой керамики. Результаты длительного изучения древнейших периодов истории Ветлужско-Вятского междуречья отражают книги «Каменный век Марийского края», «Ранний неолит Марийского Поволжья», подготовленная к изданию монография «Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье». Ведется работа над книгой «Мезолит Марийского края». О высокой оценке специалистами исследований В.В. Никитина свидетельствует степень доктора исторических наук, присужденная по совокупности опубликованных работ на тему «Ме-

золит и неолит Среднего Поволжья» (Институт археологии Российской Академии наук, 1998 г.).

Возглавляя с 1993 г. Марийскую археологическую экспедицию, Валерий Валентинович внес неоценимый вклад в археологическое изучение Марийского Поволжья, раскопав десятки древних поселений, лично открыв свыше 500 археологических объектов. Он – один из инициаторов возрождения созданной А.Х. Халиковым серии «Труды Марийской археологической экспедиции», насчитывающей девять томов. Написанная им «Археологическая карта Республики Марий Эл» содержат полный реестр памятников археологии региона.

В.В. Никитин – постоянный участник научных конференций и симпозиумов, является аппонентом при защите диссертаций, занимается редакторской деятельностью. Преподавал в Марийском государственном педагогическом институте, был членом Диссертационного совета по защите докторских диссертаций при Удмуртском государственном университете. Является автором и соавтором более 200 печатных работ, в том числе 9 книг. Основные труды посвящены материальной и духовной культуре, хозяйственно-экономической деятельности населения Волго-Камья эпохи камня и раннего металла. Рассматри-

вались различные аспекты палеогеографии, палеоастрономии, древней мифологии, первобытного искусства, этногенеза, неолитизации лесного Волго-Камья, периодизации и радиоуглеродного датирования нео-энеолитических культур региона. Большое внимание уделялось публикациям результатов многолетних раскопок.

Многогранная научная деятельность В.В. Никитина отмечена многими наградами: ему присуждено звание Заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл, Почетной грамотой Правительства Республики Марий Эл, Благодарностью Государственного собрания Республики Марий Эл за личный вклад в развитие науки, медалью ордена «За заслуги перед Марий Эл». Высокую оценку получили монография «Археологическая карта Республики Марий Эл» (Государственная премия Республики Марий Эл в области научной публикации: естественных и гуманитарных наук имени М.Н. Янтемира) и издание «К истории марийского искусства» (Диплом Республиканского конкурса «Книга года Марий Эл»).

Уважаемый Валерий Валентинович, друзья и коллеги от всей души желают Вам крепкого здоровья, творческого долголетия, семейного благополучия!

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ В.В. НИКИТИНА

1. Материалы к археологической карте Марийской АССР. – Вып. II. – Йошкар-Ола, 1978. – 103 с. (соавт.: П.Н. Старостин).
2. Материалы к археологической карте Марийской АССР. (Каталог памятников). Вып. III. – Йошкар-Ола: ВООПИК, Марийское отд-е, 1982. – 110 с. (соавт.: В.С. Патрушев).
3. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Эпоха камня и раннего металла. Вып. 1. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990. – 244 с. (соавт.: Б.С. Соловьев).

4. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н.э.). – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1991. – 152 с.
5. Каменный век Марийского края / Тр. МАЭ. – Т. IV. – Йошкар-Ола, 1996. – 179 с.
6. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / Тр. МАЭ. – Т. VII. – Йошкар-Ола, 2002. – 162 с. (соавт.: Б.С. Соловьев).
7. К истокам марийского искусства. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – 152 с. (соавт.: Т.Б. Никитина).
8. Археологическая карта Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. – 416 с.
9. Ранний неолит Марийского Поволжья / Тр. МАЭ. – Т. IX. – Йошкар-Ола, 2011. – 470 с.

Информация об авторе:

Соловьев Борис Степанович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский НИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация); srb@inbox.ru

TO VALERY VALENTINOVICH NIKITIN'S 75TH ANNIVERSARY

B.S. Soloviev

Valery Valentinovich Nikitin, a renowned Russian archaeologist and prominent researcher of ancient history of the Volga-Kama region, Doctor of Historical Sciences, celebrated his 75th anniversary on the 17 of February. Basic trends and stages of his long-standing scientific activity are reflected in the article. He started his career at the Mari Scientific Local Lore Museum (1968-1971). In 1971, V.V. Nikitin joined the Mari Institute of Linguistic, Literary and Historical Studies named after V.M. Vasilyev, where he has been working for over 40 years. His publications are devoted to varied problems of archaeology of the Stone and Early Metal Age, ranging from Upper Paleolithic to Eneolithic. Starting 1993, V.V. Nikitin has headed Mari Archaeological Expedition, studied tens of ancient settlements, discovered over 500 monuments, and authored the archaeological map of the Republic of Marii El (2009). His versatile scientific activity has been marked by a number of distinctions and the title of Honored Scientist of the Republic of Mari El.

Keywords: archaeology, Valery V. Nikitin, Volga-Kama region, Republic of Marii El, birth anniversary, archaeological research, Upper Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic

About the author:

Soloviev Boris S. Candidate of Historical Sciences. V. M. Vasilyev Scientific Research Institute of Language, Literature and History in Mari. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; srb@inbox.ru

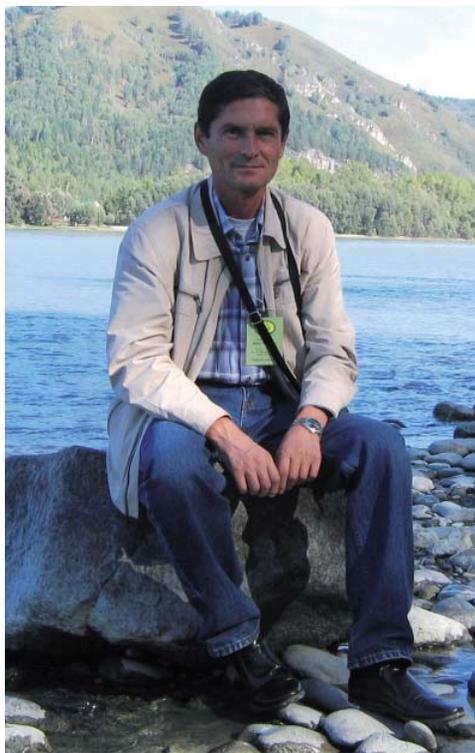
УДК 930 (091)

К ЮБИЛЕЮ А.М. ГУБАЙДУЛЛИНА

© 2015 г. И.Р. Каримов

Исполнилось 50 лет кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан Айрату Маратовичу Губайдуллину – известному специалисту в области древней и средневековой фортификации. Основная сфера его научных исследований – городища Урало-Поволжья раннего железного века и средневековья, поселения городского типа Волжской Булгарии, Булгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства. А.М. Губайдуллин руководил археологическими раскопками ряда крупных городищ на территории Республики Татарстан. Результаты его многолетних исследований были обобщены в монографии «Фортификация городищ Волжской Булгарии».

Ключевые слова: археология, А.М. Губайдуллин, Урало-Поволжье, Татарстан, Волжская Булгария, древняя и средневековая фортификация, юбилей.

Исполнилось 50 лет кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ Айрату Маратовичу Губайдуллину.

Он родился 4 января 1965 г. в г. Казани в семье военного инженера. Учился в средней школе г. Йошкар-Олы и г. Наумбург (ГДР) – по месту службы своего отца. Айрат Маратович с детства увлекался историей древнего мира и средних веков, интересовался археологией и для него не стоял вопрос о своем дальнейшем образовании. После окончания школы ему не удалось с первого раза поступить на исторический факультет КГУ. Дальше была работа в Марийском краеведческом музее в отделе фондов и служба в Вооруженных силах СССР в качестве радиотелеграфиста и телефониста в Группе советских войск в Германской Демократической Республике. После демобилизации в 1985 г. А.М. Губайдуллин осуществил свою мечту и стал студентом прославленного Казанского университета. С первых лет учебы в вузе он активно включился в научную работу, специализировался на кафедре этнографии и археологии. Все годы учебы в университете А.М. Губайдуллин был посто-

янным участником различных археологических экспедиций, разведок на территории Татарстана, Ульяновской и Пензенской областей, где получил огромный опыт как археолог-исследователь, которым сполна делились его коллеги и старшие товарищи – Е.П. Казаков, В.Н. Марков, М.М. Кавеев, И.Л. Измайлов, М.Ш. Галимова. Талант исследователя, хорошие организаторские качества, присущая ему ответственность фактически сразу были отмечены его научными руководителями и уже, будучи студентом 3 курса, с 1988 г. он стал держателем Открытых листов.

После окончания учебы в университете в 1990 г. А.М. Губайдуллин поступил в очную аспирантуру Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского научного центра РАН (затем ИЯЛИ АН РТ) в отдел археологии, которую окончил в 1993 г. с предоставлением рукописи варианта диссертации.

В 1993 г. Айрат Маратович был приглашен на работу в Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, где до 1994 г. был заведующим Отделом археологии и реставрации. Самостоятельная работа в заповеднике, на территории одного из самых ярких средневековых историко-археологических памятников Волго-Камья, несомненно, сыграла большую роль в его профессиональном росте, оказала большое влияние на его научные интересы. В 1994 г., перейдя на работу в Отдел археологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ научным сотрудником, он сосредоточился на подготовке своей кандидатской диссертации, которую успешно защитил под руководством доктора исторических наук, члена-

корреспондента Академии наук Татарстана А.Х. Халикова в 1996 г. в г. Уфе по теме «Фортификация городищ Волжской Булгарии».

С 1995 по 2013 гг. А.М. Губайдуллин работал в Национальном центре археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, а после создания в 2014 г. самостоятельного Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ является старшим научным сотрудником Отдела средневековой археологии.

Основные научные интересы А.М. Губайдуллина – древняя и средневековая фортификация народов Урало-Поволжья, поселения городского типа Волжской Булгарии, Булгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства, в изучение которых он внес значительный вклад, расширил знания о многих выдающихся памятниках средневекового Волго-Камья. Он активно и результативно проводит археологические исследования на территории Елабужского, Черемшанского, Нурлатского, Лаишевского, Рыбно-Слободского, Зеленодольского, Апастовского, Тетюшского и др. районов Республики Татарстан. В последние годы свои изыскания Айрат Маратович сосредоточил в Спасском районе РТ – на территории Болгарского, Кураловского, Коминтерновского II городищ.

В настоящее время А.Г. Губайдуллин активно работает над подготовкой докторской диссертации. Он автор более 80 научных статей, одной монографии и трех книг.

Уважаемый Айрат Маратович, Ваши многочисленные коллеги и друзья из многих научных центров Республики Татарстан и России поздравляют Вас с замечательным юбилеем!

От всей души желаем Вам здоровья, счастья, благополучия и многих творческих успехов!

ОСНОВНЫЕ МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ А.М. ГУБАЙДУЛЛИНА

1. Фортификация городищ Волжской Булгарии / Отв. ред. П.Н. Старостин. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. – 232 с.
2. Города Волжской Булгарии. Серия «История татар». – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 48 с. (совм. с И.Р. Каримовым).
3. Фортификационный словарь. 2-ое издание, дополненное и переработанное. – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – 144 с.
4. Об истоках болгарской фортификации // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции. – М.: «Инсан», 1997. – Т. III. – С. 110–112.
5. К реконструкции оборонительных сооружений Билярского городища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений / Отв. ред. П.Н. Старостин. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. – С. 174–177.
6. Некоторые заметки о фортификации Казанского ханства // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. – Казань: «Мастер Лайн», 2002. – С. 138–141.
7. О фортификации городищ раннего железного века Поволжья // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы международной конференции / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 2003. – С. 111–112.
8. Крепостные сооружения средневековых городищ Пензенского края (к вопросу о реконструкции) // Археология восточноевропейской лесостепи. Всероссийская научная конференция, посвященная 100-летию А.Е. Алиховой. – Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т, 2003. – С. 488–494.
9. О возникновении ранней фортификации Урало-Поволжья // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.Я. Труфанов. – Екатеринбург-Сургут: «Магеллан», 2007. – С. 84–85.
10. Фортификация на Средней Волге в предмонгольское и золотоордынское время // Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 76–78.
11. Военное зодчество // История татар с древнейших времен. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 405–408 (совм. с И.Л. Измайловым).
12. Конфигурация оборонительных линий городищ Волжской Булгарии // Вопросы истории фортификации. – СПб: Изд-во «Гангут», 2010. – № 1. – С. 53–55.
13. О некоторых параллелях в военно-инженерном деле Волжской Булгарии и Древней Руси // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль; Институт археологии РАН. – М.: Наука, 2010. – С. 176–182.
14. О некоторых проблемах реконструкции средневековых оборонительных сооружений // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студен-

ческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. Д.А. Сташенков. – Казань: «Яз», 2012. – С. 98–101.

15. О фортификации Волжской Булгарии в золотоордынский период // Вопросы истории фортификации. – СПб-М.: ИТД «Остров», 2012. – № 3. – С. 63–65.

16. Краткий анализ фортификации X-XVI веков на территории Среднего Поволжья // Филология и культура. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2014. – №2 (36). – С. 236–239.

Информация об авторе:

Каримов Ильдар Римович, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ildar.karimov@list.ru

TO A.M. GUBAYDULLIN'S JUBILEE

I.R. Karimov

Ayrat Maratovich Gubaydullin, Ph. D. (History), senior researcher, Institute of Archeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, has celebrated his 50th anniversary. Ayrat Maratovich is a renowned expert in the field of ancient and medieval fortification. The principal sphere of his research is related to the Ural-Volga region hill forts in the early Iron Age and the Middle Ages, urban settlements of Volga Bulgaria, Bulgar ulus of the Golden Horde, and Kazan Khanate. A.M. Gubaidullin has headed excavations on a number of major hill forts in the territory of the Republic of Tatarstan. The results of the many years of his research were summarized in the monograph on “Fortification of Volga Bulgaria hill forts” authored by him.

Key words: archeology, A.M. Gubaidullin, Ural-Volga region, Tatarstan, Volga Bulgaria, ancient and medieval fortification, anniversary.

About the author:

Karimov Ildar R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ildar.karimov@list.ru

УДК 929:902

ПАМЯТИ МИХАИЛА ВИКТОРОВИЧА ГОРЕЛИКА (1946–2015)

© 2015 г. И.Л. Измайлов

Некролог посвящается памяти Михаила Викторовича Горелика – сотрудника Института востоковедения РАН, археолога, искусствоведа и востоковеда, уникального специалиста, круг интересов которого был чрезвычайно широк – от истории оружия до монгольского костюма, от Древнего Востока до позднего средневековья. Он являлся признанным знатоком истории вооружения различных эпох, стран и народов – от Месопотамии и Китая до скифов и монголов. М.В. Горелик – автор многих трудов по истории оружия народов Востока и военной организации монголо-татар. Он создал большое количество графических реконструкций костюма и вооружения древних воинов и реальных изделий для экспозиций музеев Москвы, Казани, Киева, Лидса и других городов. Под его редакцией издавался журнал по военной истории народов Евразии «Батыр», ставший одним из лучших на стыке археологии, искусствоведения и истории.

Ключевые слова: археология, М.В. Горелик, Древний Восток, Золотая Орда, история оружия, реконструкция костюма.

12 января 2015 г. из Москвы пришла трагическая весть о безвременной кончине Михаила Викторовича Горелика – археолога, искусствоведа и востоковеда. Отечественная наука понесла невосполнимую утрату, потеряв уникального специалиста, круг интересов которого был чрезвычайно ши-

рок – от истории оружия до монгольского костюма, от Древнего Востока до позднего средневековья. Он являлся признанным знатоком истории вооружения различных эпох от Месопотамии и Китая до скифов и монголов, а также одним из первых, кто начал создавать не только графические ре-

конструкции костюма и вооружения древних воинов, но и воплощать их в реальные изделия для музейных экспозиций. Он был не молод, но очень активен, полон творческих планов и проектов. К сожалению, судьба распорядилась иначе...

Михаил Викторович родился 2 октября 1946 г. в г. Нарва. В 1947 г. его семья переезжает на работу в Москву, где протекала с тех пор вся его жизнь. Осенью 1953 г. он пошел в школу с художественным уклоном, открывая новый мир познания и творчества. Постепенно «юные забавы» сменяются новыми серьезными увлечениями. Два из них – любовь к истории и искусству – стали его судьбой. Будучи семиклассником, в 1960 г. он самостоятельно приходит в археологический кружок при Государственном историческом музее. Сама обстановка этого старинного здания: полумрак хранилищ и огромное количество древностей – создавала неповторимый аромат прошлого, который не мог не увлечь юношу. Уже в 1961 г. он вместе с музейным кружком в первый раз выезжает на раскопки дьяковских и древнерусских городищ в Подмосковье. Эта была первая его экспедиция, всего которых в его жизни было более полутора десятков. Одновременно в старших классах он начинает посещать районную художественную школу, где, несомненно, начинает вырабатываться тот оригинальный стиль рисования, который невозможно спутать. Все мальчики в детстве рисуют воинов, но не каждому удается сделать из этого профессию и большую науку. В юношеских увлечениях историей и художественным творчеством можно заметить еще и другую грань, которая стала визитной карточкой

Михаила Горелика – его желание и стремление изображать историю не только так, как это было в жизни, но и так, чтобы это было понятно и интересно детям и взрослым.

В 1964 г. он поступил на вечернее отделение кафедры истории и теории искусства исторического факультета Московского университета. Тогда же он начал свою творческую и рабочую биографию, поступив на работу в любимый им Исторический музей. Старание и успешная учеба студента-вечерника позволили ему в 1965 г. перевестись на дневное отделение. Здесь он избрал темы, поглотившие его навсегда – искусство Востока, история костюма и военная археология. Им он оставался верен всю свою творческую жизнь. В 1969 г. Михаил Викторович окончил университет по специальности «История зарубежного искусства», защитив дипломную работу на тему «Творчество Бехзада» и в том же году поступил в аспирантуру при кафедре истории и теории искусства исторического факультета МГУ. Но стоит пояснить, что для того, чтобы поступить в аспирантуру по искусству Востока в те далекие «застойные» годы, когда самой престижной специальностью было изучение «соцреализма», было далеко не простым делом и требовало от аспиранта невероятных усилий и несомненного таланта. Все эти качества в избытке присутствовали у молодого востоковеда.

Годы учебы в аспирантуре были посвящены изучению сложнейшей и мало разработанной проблеме месопотамской школы миниатюры и особенностей творческого «почерка» их представителей. Она требовала разнообразной подготовки. Его автор дол-

жен был прекрасного знать искусство Востока, разбираться в творческой лаборатории миниатюристов и видеть детали отличий различных школ. Тем не менее в 1973 г. М.В. Горелик успешно защитил диссертацию на тему «Месопотамские школы миниатюры второй половины XII – первой половины XIII в.», получив ученую степень кандидата искусствоведения. Возможно, он стал бы одним из ведущих искусствоведов-ориенталистов, но его интересовали новые горизонты науки.

Следуя своему призванию, Михаил Викторович в 1973 г. поступил в Институт востоковедения (ИВ АН СССР), где работал вплоть до последнего дня. Объектом его интересов стала весьма сложная тема – вооружение народов Востока с древнейших времен до первых веков до н.э. Сама постановка проблемы – изучить и представить развитие вооружения, воинского снаряжения и военного дела всего Старого Света от Малой Азии и Северного Причерноморья до берегов Тихого океана на широком хронологическом фоне от IV тыс. до IV в. до н.э. – беспрецедентна. Сложно даже себе представить, что на это мог решиться один человек, да еще работающий в Советском Союзе времен «железного занавеса». Это не говоря уже о чисто научных проблемах, учитывая калейдоскоп стран и народов. Еще большей проблемой должна была стать проблема источников. С одной стороны, их слишком мало (особенно письменных), а с другой – они чрезвычайно разнообразны и отрывочны, здесь и археологические предметы, и граффити, и рисунки, и терракотовые статуэтки и еще многое, многое другое. Михаил Викторович

начал постепенно расширять круг источников и охват стран и народов, разрабатывать эту тему. Здесь кстати пришлись его навыки художника и специалиста по миниатюрам. Он изучает и реконструирует находки из археологических раскопок, для чего продолжает выезжать в экспедиции (за пятнадцать лет он объездил с ними Подмосковье, Крым, Хакасию, Таджикистан и Поднепровье), разыскивает и зарисовывает сотни видов и форм предметов вооружения. Результатом промежуточных работ становятся прекрасные статьи о скифском оружии и снаряжении, мидийском, персидском, сакском и кушанском доспехах, боевых колесницах Переднего Востока и десятки прекрасных иллюстраций в самых различных изданиях.

Как бы то ни было, но за двадцать лет неустанной работы М.В. Горелик подготовил к печати и опубликовал более 100 научных работ. Но самое главное – ему удалось создать обобщающий труд по истории оружия народов Востока от Китая до Палестины, охватив период почти четырех тысячелетий. Этот фундаментальный труд – «Оружие древнего Востока (IV тыс. – IV в. до н.э.)» – вышел первым изданием в издательстве «Наука» в 1993 г., а спустя десять лет в дополненном виде – вторым изданием (2003), но при этом он был и остается библиографической редкостью. В этом классическом оружейведческом труде представлены возникновение и эволюция вооружения на протяжении самых «темных веков» – древности и ранней античности. Кроме детальных и подробных описаний предметов оружия, особенностей развития их форм и боевого применения, в работе даны 65 таблиц – сво-

его рода резюме из сотен собранных рисунков и предметов вооружения. Учитывая же, что в работу не удалось включить, из-за ограничений объема, большие разделы по фортификации, истории боевых колесниц и военного искусства народов Востока – «война и армия», становится ясно, что результатом трудов М.В. Горелика является великое открытие – открытие неизвестных страниц истории Востока, начальных страниц истории оружия и военного дела.

Одновременно он продолжал разрабатывать целый ряд тем, связанных с созданием в институте обобщающих работ по истории Востока – костюму народов Передней Азии и Ближнего Востока, часть из которых увидела в свет в томах «Истории Древнего Востока», подготовленных Институтом востоковедения. Активно изучает он также тему истории оружия и военного снаряжения народов Восточного Туркестана в древности и раннем средневековье, завершившуюся прекрасной обобщающей статьей. Если бы Михаил Викторович ограничился только этими темами и их разработкой, то и тогда он заслужил бы уважение коллег, обеспечив себе серьезный авторитет в мировой науке. Но и этой славы ему было мало. Его знания и неумная энергия требовали иного выхода – еще в самом начале своего пути в науку он начал и неизменно возвращался к проблеме истории оружия и защитного вооружения степных народов Евразии в эпоху средневековья.

Наряду и параллельно с огромными трудами в области изучения оружия народов Востока Михаил Викторович активно и целеустремленно разрабатывал тему вооружения евразийских кочевников и в первую очередь монголов времен Чингиз-хана и татар Золотой Орды. Уже в одной из первых своих статей, вышедшей в 1974 г. под броским заголовком «Загадка завоевателей», он представлял аргументы, развенчивающие мифы о войске Чингиз-хана как дикой ватаге одетых в баряни тулупы конных лучников, побеждавших своих врагов не умением, а исключительно числом. В качестве позитива он предлагал обратиться к археологическим данным и изобразительным материалам (вот когда пригодилось знание персидской миниатюры!), которые изображали монголо-татар в виде тяжеловооруженных конных копейщиков с разнообразным оружием. Популярная журнальная статья не позволяла развернуть аргументацию, но логика была ясна, а материалы убедительны.

Михаил Викторович продолжал доказывать, что не только чингизиды, но и татары Золотой Орды, а до них и другие тюркские народы Евразии имели прекрасную латную конницу и изощренную тактику полевого боя. Подобные аргументы и логика подрывали многие мифы отечественной науки, в том числе и оружиеведения. В печати стали появляться весьма критические статьи, упрекавшие автора в незнании источников, прежде всего, археологических, бессистемности их анализа и хронологических неувязках. Как ни сурова и несправедлива была порой критика, но Михаил Викторович всегда сохранял спокойствие и старался отвечать новыми статьями, где приводил все более свежие данные, в том числе и археологические, а также изобразительные. Постепенно количество стало переходить в качество. Логика и его аргументы

заставляли историков и археологов соглашаться с ним, и тогда стали открываться один за другим все новые и новые материалы, подтверждающие его правоту. Очень трудно спорить, когда выстраивается в единую цепочку история оружия и доспеха народов Центральной Азии, а в Восточной Европе находится все больше комплексов, имеющих четкую дату, середину – вторую половину XIII в., насыщенных дорогим оружием и доспехами. Постепенно его аргументы стали находить все больше и больше сторонников и сейчас вряд ли кто-то будет спорить с тем, что монголо-татары имели латную кавалерию, а их победы основывались на совершенной тактике полевого боя и технике осад. Закономерным, хотя и во многом предварительным итогом исследований М.В. Горелика в этой области, стала книга «Армии монголо-татар X–XIV вв.», логично построенная и прекрасно иллюстрированная. Можно сказать, что в определенной степени «загадка завоевателей» была решена и, как и в далеком XIII в., в пользу монголо-татар.

Вместе с тем автор продолжал разрабатывать все новые и новые темы. В поле его зрения – вооружение хазар и кабаров, алан и адыгов, венгров и болгар. Вокруг них разгораются новые споры и скрещиваются аргументы, привлекается интерес к старым вопросам и артефактам. Новые загадки кочевников Евразии ждали решений...

Следует особо отметить, что прекрасным дополнением, выросшим в самостоятельный жанр исследования, стали его реконструкции как графические, так и натурные. И в этом он опередил многих, задав направление

и высокий стандарт качества. Еще в студенческие годы Михаил Викторович стал заниматься графическими реконструкциями вооружения и костюма. Во многом это, видимо, объяснялось стремлением «увидеть» людей прошлого в их собственных костюмах. Но если людей из античной Греции и Рима или западноевропейского средневековья, еще можно было увидеть на страницах учебников, то народы Востока туда никак не попадали. Пришлось все делать ему самому. М.В. Горелик стал изучать возможности графической реконструкции и пробовать свои силы в ней. Сначала это были черно-белые реконструкции к своим статьям, потом реконструкции костюма из различных комплексов, например, скифских погребений и, наконец, для целого ряда изданий – научных, научно-популярных и детских – потребовались цветные иллюстрации – реконструкции костюма и вооружения. В настоящее время это уже настоящий рынок, где трудится довольно большое число интересных и профессиональных художников, не все из которых, к сожалению, знают и понимают историю костюма и предметный мир прежних эпох. Рисовальщиков на темы истории довольно много, но пока никто не превзошел М.В. Горелика в научности подобных реконструкций.

Графическая реконструкция имела еще один важнейший практический выход. В 1979 г. в связи с подготовкой празднования 600-летия Куликовской битвы Михаил Викторович предложил, разработал и осуществил на базе Исторического музея реконструкции не просто в графике, но и в материале, серии комплектов вооружения древнерусских и золотоордынских

воинов XIV в. для Музея на Куликовом поле и экспозиции самого Исторического музея. Реконструкции были настолько хороши и достоверны, что открыли эпоху, когда многие музеи решили пополнить свои экспозиции подобными костюмными реконструкциями. В последующие годы он разработал и вместе с группой мастеров, работавших под его руководством, изготовил натурные реконструкции костюмов воинов и их вооружения для экспозиций в Музее истории донского казачества (ст. Старочеркасская), во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике, Музее «Слова о полку Игореве» (Ярославль), Музее на о. Хортица, Музее истории украинской литературы (г. Киев), Краеведческом музее г. Аркалык (Казахстан), Краеведческом музее в г. Новгород-Северский, Объединенном музее-заповеднике им. Пяве (г. Ставрополь), в Национальном музее Республики Татарстан и т.д. Научная достоверность и качество подобных изделий была настолько высока, что ряд реконструкций были заказаны у него для Королевского Арсенала (Royal Armouries) в г. Лидс (Великобритания) и для некоторых частных коллекций как за рубежом, так и в России.

Но и это было только началом для более грандиозного проекта, который он разрабатывал в последнее время. Им должен был стать «Парк истории» – туристическо-образовательный и развлекательный центр с максимальным погружением посетителей в мир

прошлого Евразии. К сожалению, он так и не дождал до воплощения этих планов в жизнь.

В последние годы он много занимался издательской деятельностью, создав на базе «Фонда Марджани» уникальный научный иллюстрированный журнал «Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии». В нем он выразил свои представления об идеальном научном и художественном воплощении исследований в области воинского костюма и военной культуры евразийских народов от древности до позднего средневековья. Вышло под его редакцией только три тома, ставших настоящей сенсацией в среде специалистов и любителей военной старины. Михаил Викторович умел удивлять широтой размаха и отточенностью воплощения проекта в реальность. Остается только пожелать, чтобы этот проект получил развитие, став достойным продолжением его начинания и лучшей памятью о нем.

Ушел из жизни открытый и честный человек, большой ученый и талантливый художник, всю свою жизнь открывавший для нас «окна» в мир прошлого. Понимание завершения некоего этапа, внезапной остановки его творчества на самом пике усиливает горечь осознания прекращения общения с этим неунывающим, добрым и талантливым человеком. Нам остаются только память о нем, его рисунки, книги...

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

1. Армии монголо-татар X–XIV вв. М., 2002. – 84 с.
2. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М.: Наука, 1993. – 349 с.

3. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). Изд. 2-е, доп. СПб: Атлант, 2003. – 336 с.
4. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства – золотой пластинке из Геремесова кургана // СА. – № 3. – 1971. – С. 236–245.
5. Рецензия на: E.B. Thomas. Helme, Schilde, Dolche. Studien uber romisch-rannonische Waffenfunde. Budapest, 1971 // СА, 1975. – №2. – С. 292–296.
6. Реконструкция доспехов скифского воина из кургана у г. Орджоникидзе // Скифы и сарматы. Киев: Наукова Думка, 1977. – С. 146–151.
7. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour. London, 1979. – С. 30–63.
8. Оружие и доспех русских и монголо-татарских воинов конца XIV в. // Вестник Академии наук СССР. – 1980. – № 8.– С. 102–103.
9. Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М.: Наука, 1982. – С. 82–112.
10. Монголы и огузы в Тебризской миниатюре XIV–XV веков // Mittelalterliche Malerei im Orient. Halle (Saale), 1982. – С. 91–98.
11. Защитное вооружение персов и мидян Ахеменидского времени // ВДИ. – 1982. – № 3. – С. 90–105.
12. Про «фракійські» шоломи // Археологія. – 1983. – № 44. – С. 14–29.
13. Шлем из станицы Даховской // ВДИ. – 1985. – № 2. – С. 94–96.
14. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнографии и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. – С. 163–208.
15. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. – С. 149–179.
16. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Наука, 1995. – С. 359 – 430.
17. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Половецко-золотоордынское время. – Донецк, 2003. – С. 231–244.
18. Халха – калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Культурные традиции Евразии. – Вып. 4. – Казань, 2004. – С. 182–195.
19. Введение в историю раннего монгольского костюма X–XIV века (по изобразительным источникам) // Батыр. Традиционная военная культура Евразии. 2010. – № 1. – С. 16–79.
20. Костюм золотоордынца из погребения у хутора Тормосин (проблема монгольской нераспашной одежды и других элементов костюма) // Батыр. Традиционная военная культура Евразии. – 2011. – № 2. – С. 59–91.
21. Монгольская латная конница и ее судьба в исторической перспективе // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. – Казань: Институт истории АН РТ, 2011. – С. 47–58.

LIST OF PRIMARY PUBLICATIONS

1. Armii mongolo-tatar X–XIV vv. [Mongol-Tatar armies of the X–XIV cc.]. Moscow, 2002, 84 p.
2. Oruzhie drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – IV v. do n.e.) [Weapon of the Ancient East (IV millennium – IV c. B.C.)]. Moscow: Nauka Publ., 1993, 349 p.
3. Oruzhie drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – V v. do n.e.) [Weapon of Ancient East (IV millennium – IV c. B.C.)]. St. Petersburg: Atlant Publ., 2003, 336 p., 2nd edition, revised and enlarged.
4. Opyt rekonstruktsii skifskikh dospekhov po pamyatniku skifskogo izobrazitelnogo iskusstva – zolotoi plastinke iz Geremesova kurgana [Scythian armour reconstruction experience on the basis of an artifact of Scythian art – a golden plate from Geremesov barrow]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*]. 1971, no. 3, pp. 236–245.
5. Retsenziya na: E.B. Thomas. Helme, Schilde, Dolche. Studien uber romisch-pannonische Waffenfunde. Budapest, 1971 [Review on: E.B. Thomas. Helmets, shields, daggers. Studies of Roman weapons from Pannonia. Budapest, 1971]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*]. 1975, no. 2, pp. 292–296.
6. Rekonstruktsiya dospekhov skifskogo voina iz kurgana u g. Ordzhonikidze [Reconstruction of a Scythian warrior's armour from a barrow near Ordzhonikidze]. In: *Skify i sarmaty* [*The Scythians and Sarmatians*]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1977, pp. 146–151.
7. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art. In: *Islamic Arms and Armour*. London, 1979, pp. 30–63.
8. Oruzhie i dospekh russkikh i mongolo-tatarskikh voinov kontsa XIV v. [Arms and armour of Russian and Mongol-Tatar warriors of the late 14th c.]. In: *Vestnik Akademii Nauk SSSR* [*Bulletin of Academy of Sciences of the USSR*]. 1980, no. 8, pp. 102–103.
9. Kushanskiy dospekh [Kushan armour]. In: *Drevnyaya Indiya Istoriko-kul'turnye sv'yazi* [*Ancient India. Historical and cultural relations*]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 82–12.
10. Mongoly i oгуzy v Tebrizskoi miniatyure XIV–XV vekov [Mongols and Oghuz in Tabriz miniature painting of the 14th–15th centuries]. In: *Mittelalterliche Malerei im Orient* [*Medieval fine arts at the East*]. Halle (Saale), 1982, pp. 91–98.
11. Zashitnoe vooruzhenie persov i midyan Akhemenidskogo vremeni [Armature of Persians and Medians of the Achaemenid period]. In: *Vestnik drevnei istorii* [*Bulletin of ancient history*]. 1982, no. 3, pp. 90–105.
12. Pro “frakiiski” sholomi [On “Thracian” helmets]. In: *Arkheologiya* [*Archaeology*]. 1983, no. 44, pp. 14–29.
13. Shlem iz stanitsy Dakhovskoy [Helmet from Dakhovskaya village]. In: *Vestnik drevnei istorii* [*Bulletin of ancient history*]. 1985, no. 2, pp. 94–96.
14. Ranniyy mongolskiy dospekh (IX – pervaya polovina XIV v.) [Early Mongol armour (IX – the first half of XIV cc.)]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [*Archaeology, Ethnology and Anthropology of Mongolia*]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, pp. 163–208.
15. Zashitnoe vooruzhenie stepnoy zony Evrazii i primykayuschikh k ney territoriy v I tys. n.e. [Armature of the steppe zone of Eurasia and bordering territories in the 1st

millennium A.D.]. In: *Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dalnego Vostoka* [Military art of the population of Southern Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1993, pp. 149–179.

16. Vooruzhenie narodov Vostochnogo Turkestana [Armament of East Turkestan peoples]. In: *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e* [East Turkestan in ancient times and the Early Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1995, pp. 359–430.

17. Schlemy i falshiony: dva aspekta vzaimovliyaniya mongolskogo i evropeiskogo oruzheinogo dela [Helmets and falchions: two aspects of interconnection between Mongol and European armory craft]. In: *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [European Steppes during the Middle Ages]. Polovetsko-zolotoordynskoe vremya [The Cumans and Golden Horde period], Donetsk, 2003, vol. 3. pp. 231–244.

18. Khalkha – kalkan (mongol'skiy schit i ego derivaty) [Khalkha – kalkan (Mongol shield and its derivatives)]. In: *Vostok-Zapad: dialog kul'tur Evrazii. Kul'turnye traditsii Evrazii* [West-East: the dialogue of Eurasian cultures. Cultural traditions of Eurasia]. Kazan, 2004, issue 4, pp. 182–195.

19. Vvedeniye v istoriyu rannego mongol'skogo kostyuma X–XIV veka (po izobrazitel'nym istochnikam) [Introduction to the history of early Mongol outfit of the X–XIV centuries (on the basis of graphical sources)]. In: *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura Evrazii* [Batyr. Traditional military culture of Eurasia]. 2010, no 1, pp. 16–79.

20. Kostyum zolotoordyntsa iz pogrebeniya u khutora Tormosin (problema mongol'skoy neraspashnoy odezhdy i drugikh elementov kostyuma) [Outfit of a Golden Horde citizen from a burial near the Tormosin village (the issue of Mongol closed outfit and other clothing elements)]. In: *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura Evrazii* [Batyr. Traditional military culture of Eurasia]. 2011, no. 2, pp. 59–91.

21. Mongol'skaya latnaya konnitsa i ee sud'ba v istoricheskoy perspektive [Mongol plated cavalry and its fortune in the historical perspective]. In: *Voennoe delo Zolotoi Ordyy: problemy i perspektivy izucheniya* [Military art of the Golden Horde: Issues and research perspectives]. Kazan: Institute of History Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 47–58.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лирунович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

TO THE MEMORY OF MIKHAIL VIKTOROVICH GORELIK (1946-2015)

I.L. Izmailov

The obituary is dedicated to the memory of Mikhail Viktorovich Gorelik (researcher, RAS Institute of Oriental Studies) – archaeologist, art historian and orientalist, a unique specialist with the widest range of interests: from the history of arms to the Mongol outfit and from the Ancient East to the late Middle Ages. He was a recognized expert in the history of arms belonging to various epochs, countries and peoples: from Mesopotamia and China to the Scythians and Mongols. M.V. Gorelik is the author of multiple works on the history of arms of Oriental peoples and on the Mongol-Tatar military organization. He created of many graphical reconstructions of the outfit and arms of ancient warriors, as well as real items for museum exhibitions displayed in various museum expositions of Moscow, Kazan, Kiev, Leeds, and other cities. He was the editor of “Batyr” magazine on the military history

of Eurasian peoples, which has become one of the finest periodicals at the intersection of historical science, archaeology and art history.

Keywords: M.V. Gorelik, Ancient East, the Golden Horde, history of arms, outfit reconstruction.

About the author

Izmailov Iskander L. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединённый историко-архитектурный музей-заповедник

АГУ – Астраханский государственный университет

АГПИ – Астраханский государственный педагогический институт

АГПУ – Астраханский государственный педагогический университет

АЛ АГУ – Археологическая лаборатория Астраханского государственного университета

АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АНО – автономная некоммерческая организация

а.о. – археологическая общность

БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет

БЖ – Ботанический журнал.

ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина

ВДИ – Вестник древней истории

ВолГУ – Волгоградский государственный университет

ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры

ГОМ РТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан

ГОСТ – Государственный стандарт Союза ССР или Российской Федерации

ГУАК – Губернская ученая архивная комиссия

ДФ СГМЗ – Документальный фонд Смоленского государственного музея-заповедника

ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества

ЗРАО – Записки Русского археологического общества

ИА – Институт археологии

ИАИ – Известия на археологический институт

ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону

ИБ – Институт востоковедения

ИГ – Институт географии

ИГАИМК – Известия ГАИМК

ИИАЭ ДНЦ – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ИНМВ – Известия на народный музей в Варна

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете

- ИПОС – Институт проблем освоения Севера
КГПИ – Казанский государственный педагогический институт
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАНГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МАИ – Московский археологический институт
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР – Материалы по археологии России
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Правительстве республики Марий Эл
МВЦ – Музейно-выставочный центр г. Заречного Пензенской области
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МНП – Министерство народного просвещения
МОИП – Московское общество испытателей природы
МорГУ – Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
МПК – Музеи и памятники на культурата
НАНБ ИГ - Нацыянальная акадэмія навук Беларусі Інстытут гісторыі
НА ИА НАН Украины – Национальный архив Института археологии национальной Академии наук Украины
НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии
ОИРИМ – Отчет Императорского Российского Исторического музея
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
ОР НБЛ – Отдел рукописей и древних книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского
ПЗОЕ – Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете
ПИРО – Пензенский институт развития образования
ППИК – Проблемы на прабългарската история и култура
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
РГИА – Российский государственный исторический архив
РСТ – Республиканский стандарт РСФСР
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет

СВАЭИ – Северо-Восточный археологический и этнографический институт
 СНЦ – Самарский научный центр
 СО – Сибирское отделение
 СЭ – Советская этнография
 ТА – Татарская археология
 ТАС – Тверской археологический сборник
 ТВУАК – Труды Вятской ученой архивной комиссии
 ТОЕ – Труды Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете
 Тр. МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции
 ТССР – Татарская Советская Социалистическая Республика
 УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук
 УРСР – Украинская советская социалистическая республика
 ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы
 ЦМТР – Центральный музей Татарской республики
 ЧелГУ – Челябинский государственный университет

LIST OF ABBREVIATIONS

AN SSSR – the USSR Academy of Sciences
 ASU – Astrakhan State University
 ASPI – Astrakhan State Pedagogical Institute
 ASPU – Astrakhan State Pedagogical University
 BAR – British Archaeological Reports (International Series)
 BSPU – Bashkir State Pedagogical University
 CABI – Commonwealth Agricultural Bureaux International
 CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique, Paris
 DonNU – Donetsk National University
 ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua
 SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki
 IA – Institute of Archaeology
 IH TAS – Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences
 ИМК РАН – Institute for History of material culture of Russian Academy of Sciences
 RAS – Russian Academy of Sciences
 SAHE – Society of Archaeology, History and Ethnography attached to Kazan University
 SOIKM – Samara regional historical Museum named after P.V. Alabin
 UK – United Kingdom
 URSR – Ukrainian Soviet Socialist Republic

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, палеозоология, эпиграфика, нумизматика и др.). Материалы распределяются по разделам: «Статьи», «Публикации», «Заметки», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS (Издательская компания Elsevier, Нидерланды) основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.). При выборе статей редакцией журнала предпочтение будет отдано проблемным статьям и публикациям новых данных. **Предлагаемые статьи нигде ранее не должны быть опубликованы.**

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Авторы гарантируют отсутствие автоплагиата и других форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Редакция журнала отдает предпочтение публикациям, имеющим ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающие материалы должен быть заверен подписью рецензента и печатью организации и его необходимо отправить по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят внутреннее рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Требования по оформлению статей

Статья принимается в электронном варианте. Шрифт – Times New Roman, размер кегля 14, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

Необходимо предоставить:

- УДК статьи;
- Название статьи на русском и английском языках;
- Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке и транслитерация на латинице (<http://www.translit.ru> с вариантом BGN);
- Аннотация (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;
- Аннотация (Originality/value) (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.
- Текст статьи – общий объем статьи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации-резюме) не должен превышать 1 а.л. (16 стр. через 1 интервал или 40 тыс. знаков с пробелами) и содержать не более

8–10 иллюстраций); представленный материал необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;

– Пристатейный список литературы – в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место и год издания, страницы) – на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.);

– Список литературы на английском языке (**References**);

– Иллюстрации в виде отдельных файлов в формате TIF, JPG с разрешением не меньше 300 dpi;

– Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы;

– Сведения об авторе или авторах (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Примечания: Аннотация должна быть:

1) информативной (не содержать общих слов);

2) содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования);

Аннотация и ключевые слова на английском языке должны:

1) быть написанными качественным английским языком;

2) максимально точно передавать смысл русскоязычных аннотации и ключевых слов (с учетом различий в синтаксисе и стилистике научного изложения в русской и английской грамматике), вместе с тем не быть калькой – дословным переводом русскоязычной версии.

В целом, аннотация составляется для компетентной аудитории, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины.

Для раздела «**Заметки**» допустимый объем присланной работы не должен превышать 15 тыс. знаков.

Некрологи, материалы о конференциях и юбилеях, публикующиеся в разделе «**Хроника**», не должны превышать 10 тыс. знаков; в конце текста следует давать список лишь наиболее значимых трудов ученого.

Библиографические ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

При оформлении **пристатейного списка литературы** сначала приводятся работы на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), а затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

Список литературы на английском языке (References) – это комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок (для транслитерации использовать <http://www.translit.ru> с вариантом BGN).

Например:

Описание монографии (книги):

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

1. Petrenko A.G. *Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ya i Predural'ya* [Ancient and medieval cattle breeding in the Middle Volga region and the ForeUrals]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 174 p.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. – № 142. – М.: Наука, 1967. – 198 с.

2. Pletneva S.A. *Ot kocheviy k gorodam* [From nomadic migrations towards the towns] *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [The USSR Archaeology Proceedings and Researches]. Moscow: Nauka Publ., 1967, no 142, 198 p.

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов):

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 1. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2003. – С.63–133.

1. Asylgaraeva G.Sh. *Morfologicheskie issledovaniya srednevekovykh arkheozoologicheskikh materialov iz arkheologicheskikh raskopok Kazanskogo kremlya* [Morphological researches of medieval archaeozoological materials from archaeological excavations of the Kazan kremlin]. In: A.G. Petrenko, ed. *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana* [Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan]. Kazan: Kazan University Publ., 2003, book 1, pp. 63–133.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования артефактов эпохи камня Волго-Камья // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 227. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 174–181.

2. Galimova M.Sh., Churbanov A.A. *Arkheomineralogicheskie issledovaniya artefaktov epokhi kamnya Volgo-Kamya* [Archaeomineralogical investigations of the Stone Age in the Volga-Kama region]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications by Institute of Archaeology]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2012, issue 227, pp. 171–181.

Описание материалов конференций:

1. *Динамика современных экосистем в голоцене:* Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием). – Казань: Отечество, 2013. – 364 с.

1. *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene.* Materialy Tret'ey Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) [The Dynamics of Modern Ecosystems in the Holocene: Proceedings Third Russian Scientific Conference (with International Participation) / I.V. Askeev, D.V. Ivanov, ed.]. Kazan: Otechestvo Publ., 2013, 364 p.

2. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале. – М.: Ин-т археологии РАН, 2008. – С.191–193.

2. Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V. O korrektyrovke absol'yutnoy khronologii neolita i eneolita Severnogo Prikaspiya [Concerning correction of absolute chronology of the Neolithic and Eneolithic Ages of the Northern Caspian Sea region]. In: *Trudy II (XVIII) VAS v Suzdale [Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress at Suzdal]*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2008, pp. 191–193.

Описание статьи из журнала:

1. Яворская Л.В. Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. – 2012. – № 1. – С. 216–237.

1. Yavorskaya L.V. Kostnye ostanki zhyvotnykh iz raskopa CLXII goroda Bolgara: nekotorye novye metody obrabotki i otsenki arkheozoologicheskikh materialov [Animal bone remains from excavations CLXII trench of town Bolgar: some new methods of archaeologicalzoological materials processing and appraisal]. In: *Povolzhskaya arkheologiya [Volga river region Archaeology]*, 2012, no. 1, pp. 216–237.

Описание статьи из электронного журнала:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание переводной книги:

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

Описание полевых отчетов:

1. Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. – Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 966.

1. Gening V.F. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Fedotovskogo gorodishcha 1954 g. [Report on archaeological excavations of the Fedotovo hill-fort in 1954. Izhevsk, 1955]. Arkhiv IA RAN [Archives of Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences], f. R-1, d. 966.

2. Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках Нырғындынского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. – Т. II – Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. – Ф. II. – Д. 756.

2. Gening V.F., Odintsov V.V. Otchet o raskopkakh Nyrgyndinskogo II mogil'nika [Report on the excavations of the Nyrgynda II cemetery]. In: *Otchet ob issledovaniyakh Udmurtskogo otryada Nizhnekamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1969 g. T.II*. [Report on researches of the Udmurt group of the Lower Kama Archaeological

expedition in 1969, vol. II]. Sverdlovsk, 1969. / Arkhiv Arkheologicheskogo muzeya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Archives of Archaeological museum of the Ural State University], f. II, d. 75 b.

Образец оформления статьи

УДК 903.02

НОВЫЕ НАХОДКИ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ ЭПОХИ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА

© 2012 г. Е.А. Армарчук

Аннотация на русском языке.

Ключевые слова: на русском языке.

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

1. Армарчук Е.А. Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков / Труды Государственного Эрмитажа (Тр. ГЭ). – Т. LIII. – СПб., 2010. – С. 180–195.

Информация об авторе:

Армарчук Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); earmarchuk@yandex.ru

Список сокращений

Список иллюстраций

NEW FINDINGS OF PAINTED GLAZED CERAMICS OF THE ABKHAZIAN KINGDOM EPOCH

E.A. Armarchuk

Summary (на английском языке).

Keywords: (на английском языке).

REFERENCES

1. Armarchuk E.A. Khristianskiy khram na gore Sakharnaya Golovka pod Adlerom: planirovka i stroitelnye osobennosti [Christian church on the mountain Sakharnaya Golovka near Adler: layout and construction features]. In: *Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX–XII vv. / Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Tr. GE) [Byzantine architecture and ancient Rus IX–XII centuries. Proceedings of the State Hermitage]*. St. Petersburg, 2010, vol. LIII, pp. 180–195.

Information about the author:

Armarchuk Ekaterina A., Ph.D. (History), senior research scientist, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); earmarchuk@yandex.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, возвращаются авторам на доработку!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.03.2015 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 18 Тираж 1000
Отпечатано в ЗАО «ИД Казанская недвижимость»